

ГЕРМЕТИКОН

КАК УКРОТИТЬ МЫРОВ?

Планету Эрхана открыла Третья Астрономическая экспедиция примерно двадцать лет назад. Она находится на задворках Южного Бисера и в настоящий момент является свободной, колонизировать ее никто не планирует. В том числе потому, что на планете обитают мыры. Помимо зубов и когтей, мыры обладают развитыми гипнотическими способностями. И если бы их кровожадность не уравновешивалась ленью, они давным-давно съели бы всю эрханскую фауну. Примерно семь лет назад Палата Даров санкционировала проведение исследований этих... гм... редких животных. Тайное исследование, как вы понимаете. Мы хотели отыскать способ их... гм... приручения. Идеальные убийцы с гипнотическими способностями... Такие зверюги пригодятся и армии, и жан-дармерии.

ЗАЧЕМ СПОРКИ ПРЯЧУТ КРАСНЫЕ КАМНИ?

Спросите любого жителя Герметикона, что страшнее всего на свете? И услышите: Белый Мор. Шестьсот с лишним лет прошло с той страшной Эпохи, но память о ней не потускнела...

Спасение от Белого Мора не было тогда, нет и сейчас, он просто ушел, уничтожив больше половины человечества. Белый Мор ушел, но оставил детей. Спорки — так называли этих порченных болезнью людей. Спорки верят, что Белый Мор ушел в Красные камни. Спрятался в них и ждет подходящего случая, чтобы вырваться на волю.

КУДА ПОДЕВАЛСЯ ПОМПИЛИО?

Это Пустота? Это и есть та самая Пустота? Великое Ничто без воздуха и света? Без жизни и без надежды? Манюшня. Таинственная. Пугающая одним лишь именем... Так вот какая ты, Пустота. Здравствуй, Пустота. Здравствуй, Пустота.

которая таит в себе все. Здравствуй, загадка. Здравствуй ты, чего нет, и то, что будет всегда. Последнее мое пристанище, последний мой сферопорт. Здравствуй, моя смерть. Здравствуй. Почему все они тебя боятся? Почему холодеют, попадая в твои объятия? Почему боятся и? Раньше боялся... И почему не испытываю страха сейчас? Я стал сильнее или смирился? Появил смысл несотвратимости или призвал поражение? Я еще я?

КАК НАЙТИ АХАДИР?

Ахадир — легенда. И лет этой легенде очень много. Судя по всему, никто из вас не связан с межзвездными полетами, иначе бы вы обязательно слышали о планете, на которой прикован Энаки. О планете, у дну которой есть собственный спутник. О планете, которая пришвартована к Пустоте. Таинственная и легендарная планета хорошо посещать на соответствующем образном сварженном цителе, а еще лучше — на нескольких цителках. А еще лучше — на цителках класса АЭ: надежных, живучих, хорошо защищенных и вооруженных. С командой из матерых волков Астрономического флота.

ГЕРМЕТИКОН

КАК УКРОТИТЬ МЫРОВ?

Планету Эрхана открыла Третья Астрологическая экспедиция примерно двадцать лет назад. Она находится на задворках Южного Бисера и в настоящий момент является свободной, колонизировать ее никто не планирует. В том числе потому, что на планете обитают мыры.

Помимо зубов и когтей, мыры обладают развитыми гипнотическими способностями. И если бы их кровожадность не уравновешивалась ленью, они давным-давно съели бы всю эрханскую фауну. Примерно семь лет назад Палата Даров санкционировала проведение исследований этих... гм... редких животных. Тайное исследование, как вы понимаете. Мы хотели отыскать способ их... гм... приручения. Идеальные убийцы с гипнотическими способностями... Такие зверюги пригодятся и армии, и жандармерии.

ЗАЧЕМ СПОРКИ ПРЯЧУТ КРАСНЫЕ КАМНИ?

Спросите любого жителя Герметикона, что страшнее всего на свете? И услышите: Белый Мор. Шестьсот с лишним лет прошло с той страшной Эпохи, но память о ней не потускнела.

Спасения от Белого Мора не было тогда, нет и сейчас, он просто ушел, уничтожив больше половины человечества. Белый Мор ушел, но оставил детей.

Спорки - так называли этих порченных болезнью людей.

Спорки верят, что Белый Мор ушел в Красные камни. Спрятался в них и ждет подходящего случая, чтобы вырваться на волю.

КУДА подевался Помпилио?

Это Пустота?

Это и есть та самая Пустота?

Великое Ничто без воздуха и света? Без жизни и без надежды? Манящая. Таинственная. Пугающая одним лишь именем...

Так вот какая ты, Пустота.

Здравствуй.

Здравствуй, Пустота, которая таит в себе все. Здравствуй, загадка. Здравствуй то, чего нет, и то, что будет всегда. Последнее мое пристанище, последний мой сферопорт. Здравствуй, моя смерть. Здравствуй. Почему все они тебя боятся? Почему холодеют, попадая в твои объятия? Почему боялся я? Раньше боялся... И почему не испытываю страха сейчас? Я стал сильным или смирился? Понял смысл неотвратимости или признал поражение? Я еще я?

КАК НАЙТИ АХАДИР?

Ахадир - легенда. И лет этой легенде очень много. Судя по всему, никто из вас не связан с межзвездными полетами, иначе бы вы обязательно слышали о планете, на которой приходят Знаки. О планете, у луны которой есть собственный спутник. О планете, которая пришвартована к Пустоте. Таинственные и легендарные планеты хорошо посещать на соответствующим образом снаряженном цеппеле, а еще лучше - на нескольких цеппелях. А еще лучше - на цеппелях класса АЭ: надежных, живучих, хорошо защищенных и вооруженных. С командой из матерых волков Астрологического флота.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Елена БОСОВСКАЯ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга», тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск)

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 2060.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных
объявлений.

©«ЕСЛИ», 2011

41 Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

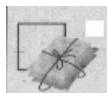
ПЕРЕВОДЧИК СО ВСЕХ ЯЗЫКОВ

«Великим и могучим» он тоже владеет. Да только в Латтонии этот язык под запретом.

201 Анна КАНЬТОХ

МИРЫ ДАНТЕ

Члены экипажа станции ведут постоянную борьбу - с дьяволами, друг с другом, с самими собой. Но к чему приведет это противостояние?

3 Сергей БУЛЫГА

Я МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

...хрупкая и невинная. Почему же меня все так ненавидят?

Святослав ЛОГИНОВ

ЗОЛУШКА-NEWS

Эта служба и опасна, и трудна - ловить разного рода оборотней без знаков различия.

91 Джеймс СТОДДАРД

ЗАКОУЛКИ ВРЕМЕНИ

Герои произведения живы, пока звучат их сказки, и тянутся эти истории гораздо дольше, чем 1001 ночь.

127 Дарья ЗАРУБИНА

СНЫ О БУДУЩЕМ

...посещают бедного пациента скорбного дома, приводя в смятение его и без того трепетную натуру.

163 Альберт КОУДРИ

СМЕРТИ - СМЕРТЬ!

Призракам свойственна некоторая назойливость, но этот своими гнусными выходками попрал все законы корпоративной этики.

185 Кэли УОЛЛЕС

БОТАНИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

Здесь утром приходит весна, а зима начинается к чаю.

247 Евгений ЛУКИН

ЗДРАВСТВУЙ, БЕССМЕРТИЕ!

Очередной изящный парадокс от любимого автора.

108 Евгений ГАРКУШЕВ

ДА ЧТО ТАМ, РАЗБЕРЕМСЯ!

Почему Советский Союз так и не выполнил лунную программу? Отчего взорвался Чернобыль? Оказывается, виноваты в этом... трансформеры!

110 Аркадий ШУШПАНОВ

МАЛЬЧИК И ТЬМА

Эта эпопея открыла новые пути в литературе и кинематографе! Закончилась ли она?

119 Вл. ГАКОВ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР «ЭНТЕРПРАЙЗА»

Корабль, запущенный в полувековой полет, был сконструирован до тех пор никому не известным сценаристом.

116 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

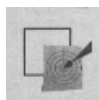
Уже и великие режиссеры-реалисты никак не могут обойтись без фантастики!

251 Валерий ОКУЛОВ

ТАЙНЫ «БЕЛОГО ПЯТНА»

Этот писатель не стал классиком жанра, но положил начало целой школе.

256 Глеб ЕЛИСЕЕВ

ФИНИШ? НЕТ, СТАРТ!

В предыдущем номере мы поздравили писателя с юбилеем, а в этом поговорим о его новой книге.

263 Дмитрий ВОЛОДИХИН

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗАКОНА

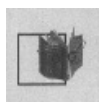
Московского писателя и критика не оставил равнодушным недавний интернет-опрос, организованный коллегой и нашим журналом...

258 РЕЦЕНЗИИ

Благодаря нашим рецензентам в книжные магазины не зарастет народная тропа, как бы ни старались продавцы электронных книг.

268 КУРСОР

В реальном мире не осталось неангажированных новостных агентств. В фантастике они еще сохранились.

270 ПЕРСОНАЛИИ

В номере немало новых имен, но и к биографии мэтров мы тоже можем кое-что добавить.

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

Я МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

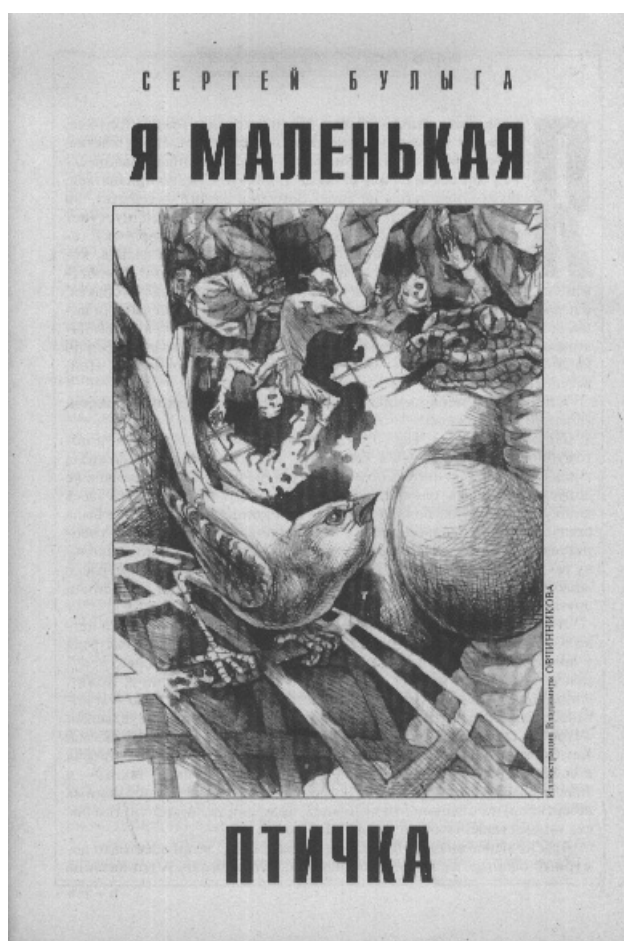

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Я маленькая птичка. Перья у меня желтые, глазки голубые, а ножки бледно-розовые. У меня есть собственная клетка. Забот у меня почитай никаких - по целым дням прыгаю себе с жердочки на жердочку да чирикаю. Стыдно признаться, но красиво петь я не умею. Зато мой хозяин - генерал. Он меня очень любит и ценит. Бывает, он откроет клетку, сунет в дверцу палец, я сажусь на этот палец, как на жердочку, генерал смеется, вынимает меня из клетки - на пальце, конечно, - подносит к лицу и дает мне пить прямо из собственных губ. Если генерал перед этим курил, то слюна у него горькая, я начинаю чихать, и генерал опять смеется. А если он пил чай или вино, то слюна у него сладкая, я с удовольствием глотаю ее, а потом начинаю чирикать. Тогда генерал начинает носить меня взад-вперед по кабинету и приговаривать: «Вот так-то вот, чижик, вот так-то! Пой, веселись!».

Он называет меня чижиком, хотя я, конечно, никакой не чижик, моя порода поважнее.

Но об этом потом! Так вот, я маленькая слабенькая птичка, и потому обитай я где-нибудь в захолустье, меня бы уже давно сожрала кошка или еще кто-нибудь похуже. А в генеральский дворец кошек не допускают. Правда, однажды, наверное, лет пять назад, я видел здесь кошку. Какой тогда поднялся шум! Но в конце концов кошка была схвачена и выброшена в окно, а вся дворцовая прислуга была, говорят, арестована, их долго и с пристрастием допрашивали, но поскольку так и не удалось узнать, по чьей именно нерадивости это мерзкое животное смогло пробраться сюда, их всех тогда уволили и заменили другими. Что дальше было с уволенными, я не знаю.

А когда здесь появилась собака, охрана действовала быстро и четко. Собаку сразу прикончил дежурный офицер - с первого выстрела и прямо в голову. Зрелище было ужасное. Я тогда очень сильно испугался, четыре дня молчал, и дежурного офицера уволили. А может, с ним обошлись и построже - не знаю. Но зато я точно знаю - и помню, очень хорошо я это помню! - что тогда-то я впервые и услышал: «Чтоб ты сдох, красноногий!». Это он, дежурный, мне тогда сказал. Как будто это я во всем виноват, как будто я просил, чтобы он стрелял в собаку. Собака, конечно, была очень страшного вида, таких - я знаю, генерал рассказывал, - обычно натравливают на пойманных дезертиров, но птицами эти чудовища, конечно, не питаются, тем более такими маленькими и тщедушными, как я.

Тем не менее вначале была застрелена собака, затем арестован дежурный офицер, не знаю, как его зовут, точнее звали. А вот хозяина той злополучной собаки они так и не нашли! И снова заменили всю прислугу, а ко мне впервые был приставлен караул. Вот до чего, тогда подумал я, меня любит мой хозяин. И именно тогда же я впервые пожалел о том, что не умею красиво петь, а еще лучше, если бы я мог

выражать свои мысли при помощи связной человеческой речи. Тогда бы я сказал генералу...

Нет, тогда бы я еще ничего толком не сказал, я тогда был еще слишком глуп. Но, честно признаюсь, лучше бы я и по сей день оставался таким же глупым, как тогда. Глупость - великий дар! Так, кстати, думает и генерал. «Да, чижик, черт возьми, хорошо быть дураком!» - порой говорит он мне. А после отнесет меня к клетке, резко стряхнет с пальца в дверцу, потом закроет дверцу на секретный замочек, спрячет ключик в пистолетную кобуру, сядет к окну и курит сигару.

Сигары он курит дрянные, дешевые. Это, говорят, у него такая привычка, он, говорят, вырос в бедной семье и до сих пор этим гордится. Повар, который пытался его отравить, уверял, что генерал сумасшедший, я слышал это собственными ушами, но так это на самом деле или нет, не мне судить. Повара присудили к повешению, доктор после говорил, что у генерала лошадиное здоровье, потому что он съел чудовищную дозу яда и даже не икнул. Доктор очень этому удивлялся, а потом вдруг исчез. А еще доктор говорил...

Но это было так давно, что я не помню тех странных и непонятных слов доктора, да и самого доктора я уже почти не помню. Почти не помню я и повара, потому что все это было очень давно, лет, может, двадцать или даже тридцать назад, я тогда был молод и глуп.

Я глуп и сейчас. Но по-другому глуп, хотя от этой разницы, честно признаться, не легче.

Но я отвлекаюсь! Итак, я маленькая, глупая, тщедушная, щепетильная птичка, и потому живи я где-нибудь вне генеральского дворца, меня бы уже давным-давно сожрала кошка, собака или еще кто-нибудь похуже. Под словом «кто-нибудь» я - не будем вилять - предполагаю человека. Ведь нельзя же быть настолько слепым и глухим, чтобы не замечать того, что хуже всего ко мне относятся не птицы и даже не звери, а именно люди, и особенно люди военные. Военные, те меня просто люто ненавидят!

Но к генералу это, конечно, не относится, генерал меня очень любит, можно даже сказать: он души во мне не чаёт. Я ем кашу с генеральского стола, пью прямо из генеральских губ, живу в его, генеральском, кабинете, и он же, генерал, меня лично охраняет.

А раньше, когда я жил в Главном государственном зале, прямо под личным генеральским штандартом, то при мне, как я уже говорил, денно и ночью стоял караул - четверо грозных гвардейцев с начищенными до блеска карабинами. Тогда, кстати, и клетка у меня была другая - золотая. Но после того как полковник Варакса ударил по ней саблей, разрубил непрочные золотые прутья и едва не зацепил меня самого, генерал приказал пересадить меня в стальную клетку. Стальная, конечно, не такая красивая, зато надежная. Но, как вы и без

меня прекрасно знаете, на этом свете все весьма и весьма относительно. Так, например, и полковник Варакса тоже долгое время считался самым надежным офицером в армии, генерал ему очень доверял, а вот как оно обернулось! Когда полковника схватили и начали бить, он и не думал защищаться, а только злобно смотрел на меня и приговаривал: «Чтоб ты сдох, красноногий, чтоб ты сдох!». Но, во-первых, ноги у меня не красные, а бледно-розовые, это цвет мечты и нежности, а красный цвет - это цвет крови и насилия. Именно такого цвета и было лицо полковника Вараксы, когда его поволокли прочь из Главного государственного зала, он, полковник, был тогда весь в крови - и лицо, и мундир, - но всё продолжал злобно выкрикивать: «Чтоб ты сдох, красноногий, чтоб ты сдох!». Вот до чего, оказывается, ненавидел меня полковник Варакса, которому я ровным счетом ничего не сделал.

И не только ему, но и всем другим людям - как военным, так и штатским - я никогда ничего плохого не делал. Да и как я мог сделать? Кому, скажите на милость, я мешал или вредил? Я ведь по целым дням беспечно прыгал с жердочки на жердочку, чирикал свои незамысловатые, прямо скажем, дурацкие песенки - вот и все. Какой кому от этого может быть вред? Или я их объедаю, обпиваю? Так ведь нет - я кормлюсь одними объедками с генеральского стола и пью только его слюну, которую если бы не пил, генерал выплевывал бы на пол, и оттого была бы лишняя работа горничной.

Хотя какая горничная? Ее давно здесь и в помине нет. После того как горничная исчезла, у нас в кабинете прибирал сержант Небарашка - это был очень преданный генералу человек, они с ним из одной деревни. Он, этот Небарашка, и ко мне неплохо относился. Правда, подходить к моей клетке генерал ему в первый же день строго-настрого запретил. Сколько я себя помню, генерал всегда лично чистит мою клетку. В любые, даже самые трудные для Государства часы генерал находит для этого время. И делает он это очень тщательно. Так ведь это я, ничтожная птичка, чего, казалось бы, обо мне заботиться? А сержант Небарашка, тот ведь и за генералом вскоре стал не очень-то тщательно ухаживать. Так, например, уже на третий месяц службы он посчитал ненужным подметать под диваном, а прочий сор не выносил, как то было положено, за дверь, а выбрасывал прямо в окно. Вот каким он стал ленивым и нерадивым!

А потом Небарашка исчез. И после него в наш кабинет уже никто не заходит - генерал запретил.

Да, кстати, совсем забыл сказать! После того как лейтенант Задроба, сменяя караул, вырвал у одного из солдат карабин и попытался прямо через прутья клетки проткнуть меня штыком, генерал распорядился, чтобы меня немедленно перевели из Главного государственного зала («Слишком много там дерьма, мой милый чижик!») прямо к нему в

кабинет. Здесь, в кабинете, я с тех пор и живу. И генерал здесь живет и работает. После сержанта Небарашки ни одна живая душа не имеет права сюда заходить. Генерал их всех терпеть не может. По утрам, покидая меня, он недовольно ворчит. Но зато вечером, вы бы только видели, с какой радостью он возвращается ко мне, кормит, поит меня, носит по кабинету и иногда даже подносит к окну, конечно, делает это с величайшей осторожностью. Однако беспокоится он не о себе, а обо мне. «С этими скотами, чижик, нужно всегда быть начеку!» - объясняет он мне. И целует. Он ведь с каждым годом, с каждым днем любит меня все крепче и крепче. Он вообще единственный из всех, кто любит меня. Остальные, как я уже неоднократно упоминал, меня просто ненавидят!

Вот, правда, еще сержант Небарашка неплохо ко мне относился, но потом, улучив, по его мнению, удобный момент, быстро подскочил к клетке, попытался разогнуть прутья - и разогнул! - потянулся ко мне и кричал, что задушит меня, красноногого, а генерал стрелял в него, сержанта Небарашку, своего земляка, и он, сержант, был уже мертв, когда схватил меня и крепко сжал в кулаке, а генерал стрелял в него, стрелял, стрелял, Небарашка был мертв, пальцы его скрючились и так крепко сдавили меня, что мне стало просто нечем дышать, у меня помутилось в глазах, я ослеп от боли и подумал: «Сейчас умру»...

А потом, когда я очнулся и понемногу пришел в себя, то увидел, что генерал держит меня на ладони, ладонь сильно дрожит и генерал дрожит, и вообще, в тот раз он был необыкновенно бледен. Я испугался за него, подпрыгнул, зачирикал - и генерал сразу же повеселел, порозовел и с явным облегчением сказал: «Врешь, не возьмешь, дерьмо они, друг мой, им нас не одолеть!». Так он впервые назвал меня другом. А убитого сержанта Небарашку, которому он раньше слишком много, как оказалось, доверял, генерал лично выволок за порог и передал охране.

Две недели после этого я очень плохо спал, то и дело просыпался посреди ночи и все прислушивался, не крадется ли ко мне покойный сержант. Но слышал я всегда одно и то же - размеренный храп генерала. Он, в отличие от меня, спал спокойно и ни о чем не беспокоился.

И вообще, за многие годы нашей с ним дружбы я могу вспомнить только один случай, когда генерал до того разволновался, что лишился сна. Это случилось после исчезновения горничной. Горничная, кстати, как и Небарашка, довольно-таки неплохо относилась ко мне. Но, в отличие от подлого сержанта, она и на прощание не попыталась меня задушить. И красноногой тварью она меня не обзывала. Она мне говорила: «Пташка». Но так она говорила только в последний день, а до того никак ко мне не обращалась. Наверное, делала вид, будто совсем не замечает меня. Однако это не так! Она всегда очень

нервничала, когда видела, как ласков со мной генерал. А с нею он был строг. Нет, не буду возводить на генерала напраслину, он никогда не то что не бил ее, но даже голос на нее не повышал. Зато уж как-то само собой получалось, что она была с ним робка и послушна. Генерала это порой очень раздражало, и тогда он говорил: «Ну что ты как рыба?! Ну скажи, что я подонок! Ну дай мне в морду! Дай, говорю!». Однако это было единственное из его желаний, которое она никогда не выполняла. Теперь, по прошествии многих лет, я думаю, что генерал ее любил. Почти как меня. А может, даже больше.

Нет, все-таки меня он любил больше. Потому что даже ей он не разрешал приближаться к моей клетке. Да она этого совсем и не желала. Как будто! А на самом деле она все время на меня поглядывала, но делала это так, чтобы ни я, ни генерал этого не замечали. Генерал и не замечал. А я замечал, но молчал и терпеливо ждал, чем же все это кончится. А вот беспокойства по этому поводу я почему-то совсем не испытывал.

И вот однажды я таки дождался. Это было ранним утром, на рассвете, генерал еще спал, а горничная, поспешно набросив халат, крадучись подошла к моей клетке... и вот тогда-то она впервые и назвала меня пташкой. Она тогда еще много чего говорила, но я до того разволновался, что теперь совершенно не помню, о чем именно она мне говорила, одно помню - и очень хорошо! - голос у нее был тихий, ласковый. Потом она открыла клетку... Да-да, вот именно, она открыла мою клетку тем самым ключиком, который генерал неизменно хранил в пистолетной кобуре, и никогда никому не позволял не то что дотрагиваться до него, даже пристально рассматривать. А эта рыба... Извините, а эта пришедшая горничная, пусть даже и весьма привлекательная на вид, взяла без спросу этот самый ключик, открыла дверцу...

Я, конечно, мог зачирикать, зацвыркать, заверещать во все горло, генерал тотчас проснулся бы, увидел, что здесь творится, и уж тогда бы горничной...

Но я молчал! Уж и не знаю, что это такое на меня нашло, но я молчал. А она, эта горничная, просунула в клетку палец - точь-в-точь как это обычно делал генерал - и тихо сказала: «Не бойся, пташка, я хочу тебе добра, не бойся!».

И я сделал вид, что не боюсь! Сел ей на палец, крепко вцепился в него коготками, а она вытащила палец из клетки и поднесла его к своему лицу...

Но поить меня она не стала, а просто долго и очень внимательно рассматривала, а потом улыбнулась и поднесла меня к окну. Окно было раскрыто. Мы остановились совсем близко от окна, я при желании мог заглянуть во двор, на плац... Но я зажмурился и еще сильнее впился в ее палец. Она печально улыбнулась и тихо сказала:

«Пташка, пташечка, не бойся, пташка на то и создана, чтобы летать, а в клетках сидят только люди да звери, лети, пташка, не бойся!».

И так, и несколько иначе, она довольно долго меня уговаривала. Но я, конечно, никуда не полетел. И зря вы улыбаетесь, я умею летать, если надо, я легко перелетаю с сейфа на глобус и обратно, я могу и на шкаф залететь. Однако вылетать в окно, туда, где люди, - нет! И я сидел, все крепче и крепче впивался когтями в ее тонкий нежный палец. Наконец она устала меня уговаривать, поднесла меня обратно к клетке, я поспешно вскочил в дверцу, забрался на жердочку, взъерошил перышки, перевел дыхание - и только после этого вновь посмотрел на горничную.

Она была очень печальна. Заметив, что я пристально смотрю на нее, она мне улыбнулась, покачала головой, потом сказала: «Ну что ж, не хочешь улетать, не надо. Тогда улечу я. Ведь птице, пташечка, нужна свобода!». А потом...

А потом, если бы я даже и умел разговаривать на человеческом языке, то все равно не успел бы ей возразить, что птица - это я, а она всего лишь...

Да! Не успел бы я! Она стремительно отвернулась от меня, подошла к окну и прыгнула в него. И исчезла! И было это так страшно, что вы даже представить себе не можете! Я зачирикал, я заверещал что было сил! Генерал мгновенно проснулся, вскочил, увидел открытую дверцу клетки и кинулся ко мне, потом, сообразив, осмотрелся, бросился к окну, глянул вниз...

И замер.

И вот именно после этого случая генерал долго, может быть, до самой зимы, страдал бессонницей. Да и я, честно признаюсь, в то время тоже очень плохо спал.

А может быть, зря я так убивался? Может быть, она и действительно тогда улетела? Ведь до сих пор если генерал и вспоминает о ней, то всегда как о живой. Это хороший знак. Ни о Вараксе, ни о Задробе, ни тем более о Небарашке он так не говорит. Мало того, о нынешнем начальнике Главного штаба генерал вот уже третью неделю подряд говорит как о покойнике, и, полагаю, со дня на день предчувствие генерала сбудется. Так уже не однажды бывало.

Но какое мне дело до начальника Главного штаба? Я никогда его прежде не видел и, скорее всего, никогда не увижу, и поэтому он мне совершенно безразличен. И вообще, обстоятельства нынче сложились столь неблагоприятным образом, что мне сейчас безразличны абсолютно все! Кроме самого меня, конечно. Ну, разве еще только генерал не безразличен. А как, честно скажу, мне хотелось бы, чтобы и до генерала мне не было никакого дела! А ему до меня. Но генерал - это в некоторой степени мой отец, а я для него....

Вздор, скажете? Что ж, и мне тоже очень хотелось бы, чтобы это

оказалось вздором. Но, увы и еще раз увы, все именно так, как оно есть, и ничего тут не изменишь. Досадно. Нет, просто ужасно! Кто я такой? Тщедушный, глупый попрыгунчик, которого можно убить щелбаном. Но меня, уж если они когда-нибудь до меня доберутся, не просто убьют, а как было мне не раз говорено, раздерут в клочья, разотрут каблуком, размажут...

Тьфу! Ну и мысли лезут! Надо успокоиться. И попытаться убедить себя в том, что все это самая бесстыдная ложь, наглый навет или - да, именно так! - обыкновеннейшее глупое суеверие. Ведь люди в подавляющем большинстве очень глупы, пугающе тупы, это давно известно, генерал мне часто об этом говорит, да я и сам в этом неоднократно - нет, постоянно! - убеждался еще в те времена, когда бывал среди людей. А за те последние годы, в течение которых я, к великому моему удовольствию, избавлен от их шумного и назойливого общества, не думаю, чтобы они, люди, поумнели. Ведь и действительно, стань они хоть на немного сообразительнее, так разве бы они до сих пор терпели бы...

Ха-ха! Генерал частенько об этом говорит, смеется над ними и приговаривает: «Да я бы на их месте живо с этим справился! А начинал бы так...».

Но - молчу! Ибо он это говорил не для посторонних ушей. А моих ушей он не боится, потому что, во-первых, я в некотором роде его верный союзник, а во-вторых, хоть у меня и есть уши, но нет языка, умеющего изъясняться по-человечески, и, значит, я не проболтаюсь. А грамоте я не обучен, так что и здесь нет никакой от меня опасности, и вот и получается, что я нем как могила.

Могила! Опять это страшное слово! Залетный тоже болтал о могиле. «Ты, - он сказал, - родился на могиле, красноногий, вот почему твои ноги такие красные - они в крови». И вообще, он много лишнего болтал, слишком много. И все невпопад. Вот даже про могилу. Это ложь. Я родился совсем не на могиле, меня генерал носил у себя за пазухой, и там же, у него за пазухой, я и родился, то есть вылупился, и первые три дня я там безвылазно и просидел, ждал, пока будет готова клетка. Я всего этого, конечно, не помню, это генерал мне так рассказывал. И нечего болтать о какой-то могиле. Я так и сказал залетному. А залетный замахал крыльями, нахохлился - и снова повторил, что на могиле. Там, на могиле, он сказал, яйцо, из которого я после вылупился, пролежало целый год, и дождь на него лил, и снег на него сыпался, и жарило его, и парило, и всякое другое яйцо от всего этого обязательно бы протухло, а мое - нет, потому что в могиле был похоронен какой-то колдун, да и мой хозяин, генерал, он тоже колдун, потому что как тогда иначе объяснить то, что из змеинового яйца вдруг вылупилась птица?!

Ну, тут я совсем уже не выдержал и потребовал, чтобы залетный

немедленно замолчал и улетал восвояси, иначе если генерал застанет его здесь, то ему не поздоровится. Но залетный и не думал улетать, а продолжал болтать всякую наглую чушь, обзывать меня последними словами и утверждать, что если бы не я, то моего хозяина давно бы уже убили, ведь желающих расправиться с ним полным-полно, все его ненавидят, и всякий уважающий себя гражданин посчитает за великую честь выпустить моему хозяину кишки, размозжить голову или хотя бы...

Ф-фу! Мерзко, гадко повторять! А он, этот злобный залетный, с явным удовольствием все перечислял и перечислял самые немыслимые кары, которые соотечественники моего хозяина денно и нощно призывают на его голову, потому что он, мой хозяин, якобы виновен в огромном числе самых постыдных, самых страшных преступлений. Ложь, тысячу раз ложь!

А если даже и не ложь, то при чем здесь я? Я так напрямую и спросил. И вот тогда залетный сказал, что генерал заколдован, и поэтому его никак, никаким, даже самым хитроумным способом не умертвить до тех пор, пока жив я, красноногий. Вот, оказывается, до какого глупейшего суеверия додумались люди, с ужасом подумал я и громко, горько засмеялся. А залетный на это сказал, что ничего смешного тут нет, что я и сам, если хорошенько раскину своими тощими мозгами (это он так сказал), то пойму, что ведь не зря же генерал так тщательно меня охраняет. Еще бы ему, генералу, меня не охранять, сказал залетный, ведь я - это его, генерала, судьба!

Вот такой вот был сегодня утром разговор. А потом залетный улетел. После случая с горничной генерал повелел забрать окно частой решеткой, но залетный, конечно, легко через нее пробрался. Такая серая, худая, дрянная, прямо скажем, птица - вот он каков, этот залетный. И еще мстительный - о, да! Уже стоя на подоконнике, он небрежно повернулся ко мне и сказал, что, как я вижу, решетка ему не помеха, поэтому, если я не сделаю из этого никакого вывода, то через три дня он опять вернется ко мне, но уже не один, и они тогда перекусят, перегрызут, передолбят прутья моей клетки, а потом...

Не буду повторять его грязных угроз. Скажу другое: он заявил, что если я каким-то образом все же смогу предупредить генерала и тот наглухо замурует окно, то тогда для расправы со мной найдутся и другие существа, которым достаточно щели в полу, или даже легкого дуновения сквозняка, или даже... Но тут он, залетный, прервал свои зловещие откровения и прочирикал: «Так что лучше всего, красноногий, тебе самому все решить и, смотри, не тяни с этим делом, я тебе настоятельно это советую». И улетел. А я остался. И вот теперь сижу в своей проклятой бесполезной клетке и думаю...

Хотя чего тут думать! И так все понятно. Я маленькая слабенькая птичка, я за всю свою жизнь никому не сделал зла, да я этого никогда и

не желал. Так почему же я теперь должен пожелать себе даже не то что просто зла, но самой смерти?! Почему я должен сам себя убивать? Я, что ли, выбирал свою судьбу? Я разве виноват, что мой хозяин, генерал, такой подлец? Это во-первых. И во-вторых: а если все это ложь? Почему я должен верить залетному? Мало ли что он может наболтать! А вот лично я ничего подобного не видел и не слышал. Да-да! Я и понятия не имею о том, что натворил - и натворил ли! - генерал, мой хозяин, который единственный не только изо всех людей, но и вообще из всех живых существ, любит и холит меня. И поэтому еще раз говорю: ну почему это я должен умирать? Ради какого еще такого всеобщего счастья? Что я им сделал? И как только придет генерал...

Ну и придет, а дальше что? Как быть?

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЗОЛУШКА-NEWS

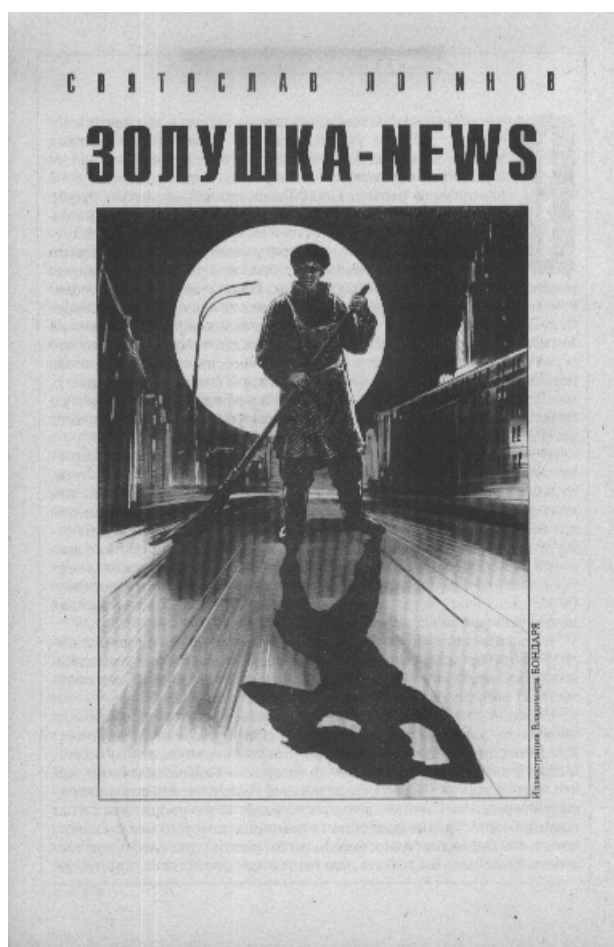

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

В представлении рядового обывателя колье - это нечто ювелирное, должное украшать шейки прелестниц и знатных дам. Колье множеством висюлек спускается на грудь и слепит взоры, поражая присутствующих видом роскоши. А на самом деле первые колье были принадлежностью сугубо мужской, а украшением стали какую-то тысячу лет назад. Le cou по-французски всего-навсего - шея, и, соответственно, колье - это то, что прикрывает горло от вражеского кинжала, этакая маленькая кольчужка, охватывающая шею рядами искусно переплетенных цепочек. Прошло не так много столетий, и мужское колье выродилось до орденой ленты, а то, что сохранило вид металлической цепочки, досталось женщинам. И только Михальчук и его коллеги продолжали носить те самые колье, что и столетия назад. Для людей опасной профессии смысл этого слова оставался изначально чист, колье - это то, что спасает шею бойца в ту минуту, когда по каким-то причинам невозможно носить полную кольчугу. Например, во сне: спать в кольчуге очень неудобно, хотя иной раз приходится.

Проснувшись, Михальчук протянул руку, взял со столика портативный детектор, глянул на экранчик. Гипертоники вот так, с утра, первым делом проверяют давление. И неважно, что гипертонический криз ощущается безо всякого тонометра, по самочувствию. Михальчук тоже больше доверял собственным предчувствиям, чем показаниям прибора, но кто надеется только на что-нибудь одно, тот уже давно не живет. Не только служба здоровья охотится за опасной нежитью, нежить тоже охотится за инспекторами службы здоровья. Особенно сейчас, когда Луна вошла во вторую четверть, и с каждой ночью становится все ярче и круглее.

Экран детектора безмятежно зеленел, но это ничуть не успокаивало. Чувство безопасности, нюх на радиацию, как говорят атомщики, не утихло ни на мгновение, подсказывая, что вражина где-то поблизости. И это продолжалось уже не первый месяц.

С одной стороны, если верить сводкам, нежить никак себя не проявляла, даже мелкими полтергейстами. Люди не исчезали, неожиданных приступов и припадков у особо нервных не случалось, и даже в лифтах народу застревало ничуть не больше обычного, так что и на гремлину грешить было негоже. А если верить возбуждениям inferнальных полей, в округе каждый вечер творились самые опасные чары. Трудно представить гремлину, который мог бы действовать с такой интенсивностью. Было бы рядом серьезное производство, можно было бы решить, что готовится техногенная катастрофа. Но взрываться в центре города было нечему, в этом Михальчук был уверен на все сто.

Оставались три варианта: вампир, оборотень и черный маг. Последнее - хуже всего. Вампира или оборотня можно выследить по

серии убийств, а мага, пока он не обрушит смертельную волшбу на всех людей разом, выявить практически невозможно.

Лишь бы не маг - с этим не знаешь, как и бороться. Впрочем, судя по периодичности, с которой происходили возмущения ментальных полей, в районе действовал не маг, а оборотень или очень голодный вампир. Но где в таком случае трупы? Ментал бушует, а ментовка молчит. И осведомители из числа бомжей тоже не бьют тревогу. Прежде, бывало, осторожный вампир мог годами кормиться среди бомжей, но теперь этого нет, работа с бездомными поставлена основательно.

Утро у инспекторов - время свободное: нежить в это время нежится, а нечисть - чистится. Поутру отличить оборотня от простого гражданина - дело почти невозможное. Но Михальчук решил зайти с утра в Службу, проглядеть статистику и вообще заняться бумагами. Если ограничить работу беготней с серебряным штыком наперевес, то можно смело утверждать, что беготня будет долгой и безрезультатной. Нежить, она, конечно, не живая, но инстинкты у нее работают будь здоров.

Михальчук снял кольцо, сделанное на заказ из тонкой серебряной цепочки, принял душ и тут же снова нацепил кольцо. Мало ли, что он дома, рассказы, будто бы нечисть не может без разрешения войти в дом, относятся к области досужей болтовни. Захочет - вопрется в лучшем виде. Так что шею стоит поберечь.

Завтракать Михальчук не стал: вредно есть с утра. Нечисть в этом плане толк понимает и, нажравшись, немедля заваливается спать. Потому и существует долго. Иные даже верят, будто вампиры и оборотни бессмертны. В некотором роде так оно и есть: как может умереть тот, кто не живет? Опять же, что понимать под словом жизнь? Сколько есть исследователей, столько и точек зрения на этот вопрос. Михальчук высокими материями не заморачивался и, будучи натурой приземленной, считал нежить просто опасным зверьем, от которого следует оберегать обычных людей. А что зверье это живет в городе, так бродячие собаки - тоже зверье, а в городе живут и процветают.

Лестничная площадка мокро блестела чистотой - Мариам успела вымыть лестницу. Снизу доносились гроыхание ведра и шорканье швабры. Михальчук, пренебрегая лифтом, побежал вниз со своего восьмого этажа. Гремлинов в доме нет, но береженого Бог бережет. Толковый некромант, охотясь за инспектором, запросто может посадить в лифт гремлина. Вчера все было чисто, а сегодня засядешь между этажами и отбивайся от магической атаки в тесной кабинке.

Мариам намывала площадку четвертого этажа. Прежде, когда дворничихами служили отечественные алкоголички, такого благолепия не бывало. Грязь, мусор, а как следствие - крысы и тараканы. А где крысы, там и нечисть заводится. Таджикские гастарбайтерки за должность свою держатся, и на лестнице всегда порядок. Интересно,

куда делись дворничихи старой формации? Неужто все перемерли? Например, были съедены оборотнями, чтобы освободить места таджикам. Надо будет озадачить аналитический отдел этим вопросом.

Вообще, бывают ли оборотни среди таджиков? В Китае и Японии популярны оборотни-лисы. А в Средней Азии? Волки там вроде бы мелкие, шакалы - и вовсе не серьезно. Хотя почему бы и нет? Человека такому оборотню в одиночку не завалить, вот и перебивается кошками и бродячими собаками. А потом приезжие собьются в стаю и начнут творить разбой. Это будет пострашнее наших одиночек.

Мариам отступила в сторону, пропуская жильца.

- Доброе утро, - вежливо произнес Михальчук.

- Здравствуйте, - чуть слышно ответила Мариам.

Вообще-то Михальчук не знал, как зовут таджичку, но называл ее про себя Мариам. Всегда хорошо, если новое явление имеет имя.

Неделю назад на всех лестничных площадках Михальчук прикрепил к перилам пустые консервные банки для окурков. Там, где лестница была помыта, Мариам вытряхнула из банок пепел и мелкий сор, но на нижних этажах порядок еще не был наведен. Проходя мимо, Михальчук как бы случайно проводил рукой над самодельными пепельницами и бросал беглый взгляд на детектор. Все было чисто. То есть, конечно, было грязно, но только в обыденном значении слова. Ни порчи, ни иных следов магического вмешательства на жестяных баночках не было. Хотя на что он рассчитывал? Ни оборотни, ни вампиры никогда не курят, это противно их естеству, если можно назвать естеством природу сверхъестественного существа. Злой чародей курить может, но не станет бросать на лестнице окурки, при помощи которых его можно не только вычислить, но и быстро ликвидировать. Из нежити курят только демоны. Эти смолят непрерывно, а изжеванные хабарики рассеивают, где попало. Но демоны встречаются редко, и бояться, что столкнешься с ним в подъезде собственного дома, вряд ли стоит. Но ведь кто-то проводит трансформации совсем близко отсюда! Значит, надо быть готовым ко всему, и к появлению демона в том числе. И каждого встречного - на улице, в трамвае, где угодно - подозревать в принадлежности к нечистой силе, не дающей жить нормальным людям.

У дверей парадной Михальчуку встретился второй дворник. Долгое время Михальчук считал, что это муж Мариам, пока в правлении его не поправили, объяснив, что старый таджик не имеет к Мариам никакого отношения. Просто взяли на работу двоих, не подумав, что восточных людей так вот сводить в коммунальную квартиру не следует. Однако те не возражали, и тетки из правления тоже успокоились. А остальные жильцы, как и Михальчук, считали дворников супружеской парой.

Михальчук поздоровался и получил в ответ тихое «Здравствуйте».

Здороваться с дворниками Михальчук был приучен с детства. Мать,

бывало, одергивала его: «Человек за тобой убирает, а ты будешь, словно барин какой, нос воротить?». Хотя от старого таджика так несло кислятиной и помойкой, что и впрямь хотелось отворотить нос. Но работал таджик исправно: зимами сгребал снег, колупал лед, сшибал сосульки с козырьков у подъездов, за малую мзду выносил на помойку всякое старье, выставленное жильцами на лестничные площадки. Мусор в доме всегда был вывезен, и крысы в камерах мусоропровода перевелись. Единственное существо, от которого воняло, был сам дворник.

Может ли он быть оборотнем? Вряд ли... Чем он в таком случае питается? Скорее уж он сам годится в пищу оборотню или вампиру, если таковой действительно бродит по округе.

Отойдя на десяток шагов от дома, Михальчук бросил взгляд на окна пятого этажа. Вообще-то, не стоило открыто глазеть, но расчет был на то, что многие, выходя из дома, машут рукой домашним, проводившим кормильца на службу. И Михальчук тоже помахал прощально окнам своей пустой квартиры, а заодно увидел, что занавесок на пятом так и не появилось.

Квартира на пятом этаже была невезучая. Владелец ее жил где-то на северах, а квартиру сдавал, причем каждый раз неудачно. Вселялись туда неведомые люди, а месяца через три, смотришь, вновь стоит у подъезда фургон, и вещи, что недавно затаскивали на пятый этаж, теперь грузят в него. Дня два назад въехала в проклятую квартиру очередная семья. И за два дня новоселы не удосужились занавесить окна. Опытному взгляду это говорило о многом, и в любом случае присмотреться к подозрительному жилищу следовало.

Не слишком приятно, когда объектом твоего профессионального интереса становится дом, в котором самому приходится жить. Гораздо комфортнее, если ты живешь тихо-мирно, а оборотни, упыри, черти и прочие баньши корчатся где-то в стороне. Но судьба о таких вещах не спрашивает, а инспектор Службы психического здоровья - это не врач, которому запрещено лечить себя и своих близких. Завелась зараза в собственном доме - вычищай собственный дом.

Позаниматься с утра бумагами не удалось. В Службе царила беготня, дежурная группа получила тревожный сигнал и собиралась на выезд. И Михальчук, поспешно нацепив серебряную кольчугу, отправился вместе со всеми. Мало ли что не его дежурство, ведь волколака в пригородном лесопарке загоняют не каждый день.

Чем вервольф отличается от волколака? Вроде бы ничем. Одно и то же понятие, но первое слово пришло из соседнего языка. Однако просто так слова в языке не удваиваются, и раз явление названо, значит, тому была причина. Оборотень, человек-волк... а попробуйте сказать: волк-человек - язык не повернется. А между тем есть и такие. Вервольф родился в человеческой семье, а потом начал

перекидываться волком и жрать людей, что дали ему жизнь. Волколак родился в волчьем логове, а потом стал оборачиваться человеком. И людей он грызет постольку-поскольку на зуб попадают, предпочитая убивать своих.

Прежде волколаки встречались куда чаще. Были они ловкими конокрадами, воровали и овец, и коров. А потом скрывались волчьими тропами, унося добычу. Промышляли разбоем, а когда удавалось разбогатеть, жили краше панов, предаваясь охоте главным образом на волков. Иной раз мужики знали, чем занимается ночами ясновельможный пан, но роптать не смели. Хотя если попадал пан под заговоренную пулю, то стрелку такое за грех человекоубийства не засчитывали. Волка убил, не человека.

В наше время жизнь в человеческой стае усложнилась. Звериных инстинктов стало не хватать для социальной мимикрии, и волколаки перевелись. А ученым очень, хотелось бы знать, насколько волколак способен к общению, откуда он берет свою первую одежду, куда и как прячет ее, возвращаясь в истинный вид. Опять же интересно: насколько разумен волколак? Вервольф разумом обладает, хотя и извращенным. Он сродни маньяку, серийному убийце. Волколак - совсем иное дело. Он изначально являлся животным, обладающим речью. Но насколько осмысленна эта речь?

Короче, выявленного и обложенного волколака нужно взять живьем, что не так-то просто сделать в городе, пусть даже и на самой окраине.

Пригородный лесопарк - по сути тот же лес, но затоптанный и загаженный до крайности. Иногда здесь появляются защитники природы, торжественно собирают и вывозят самосвал мусора, но отдыхающие восполняют этот недостаток, набрасывая новые залежи пластиковых бутылок, пивных пробок и пакетиков из-под мелкой полусъедобной снэди, без которых современные граждане разучились отдыхать. Единственными серьезными уборщиками в этих местах были старушки, ежедневно обходившие свои охотничьи угодья в поисках стеклотары и пивных банок. А негнотимый пластик, которым все пренебрегали, неуклонно накапливался, создавая особый, антикультурный слой.

Аналитический отдел Службы уже предсказывал появление пластомонстров, порожденных избытком в природе небывалых в прежние времена материалов. У них и лозунг на стене висел: «Новые времена - новые монстры». Над высоколобыми посмеивались, но приходилось признать, что нечисть мутирует быстрее биологических объектов, и гремлины, прежде ломавшие моторы, теперь прекрасно чувствуют себя в информационных сетях, действуя аналогично компьютерным вирусам.

Но куда пластомонстров в пригородном лесопарке не водилось, а вот волколак забежал.

Охотничья бригада и наряд полиции ожидали группу захвата.

- Стреляем только сонными ампулами, - предупредил руководитель группы Масин. Был Масин в звании полковника МВД, и хотя никаких знаков различия на плечах не наблюдалось, это отчего-то знали все, и никто не оспаривал право Масина распоряжаться не только рядовым, но и командным составом. А еще была у Масина способность чувствовать помимо присутствия нежити и настроение окружающих. Вот и сейчас он обвел взглядом присутствующих и не терпящим возражений голосом добавил: - Пистолеты разрядить, ружейные патроны убрать.

- У меня всегда во втором стволе жакан, - упрямо произнес один из охотников.

- Он что, серебряный? - невинно поинтересовался Масин. - На простой жакан волколаку начхать с присвистом. А вот разозлить его - лучше способа нет. Порвет на куски и уйдет.

Охотник с крайне недовольным видом переломил ружье и вытащил запретный патрон.

- Полиция - в оцепление. Ваше дело не оборотень, а чтобы никто из гуляющих туда не попал. Не так страшно, если под выстрел сунется, как если оборотню на зубы попадет. От ампулы - проспится и будет цел, а оборотень цапнет - мало не покажется. Он нас уже почуял и будет драться. Всем все ясно? Тогда - вперед!

Группа захвата шла впереди... у нее свои методы и свое оружие. Затем цепью двигались охотники. Полицаяи остались перекрывать дорожки от воскресных спортсменов и упорных старушек, которые, несмотря на все запреты, продолжают собирать в городских лесопарках свинушки. Медики врут, будто свинушки вызывают глухоту. Потому, должно быть, бабушки и не слышат призывов медицинской общественности.

Если спортсмены шустрят по дорожкам, то сборщики канцерогенных грибов шастают по кустам, что особенно неприятно для охотников. Вся надежда на относительно ранний час.

Закончить дело втихую не удалось. Из самой ивовой густотени, куда и грибки нечасто заползают, ударил отчаянный женский крик:

- Спасите!..

Негромко бахнул выстрел.

«Ампулой стреляют», - на слух определил Михальчук.

У самого Михальчука ружья не было, у него имелось кое-что получше.

Короткими перебежками Михальчук двинулся на крик. Бежать стремглав было нельзя; никто не мог сейчас ответить, чей это крик - человека или оборотня. Вполне возможно, что кричал, вернее, кричала оборотень. Такое тоже встречается, хотя, если верить сказкам, женщины перекидываются только в лис и кошек.

Кусты впереди раздвинулись, на крошечную прогалину, вытопанную

любителями пикников, выскочил матерый волчище. Даже дамочки, гуляющие на пустырях со своими собачонками, не перепутали бы этого зверя с бродячей собакой. Каждое движение поджарого тела изобличало дикого хищника. И даже убегая от охотников, зверь не бросил добычу.

Зарезав овцу, волк не волочит ее по земле, а перекидывает за спину и так бежит, словно и не тормозит его ноша. А по деревням говорят, что самое слово «волк» происходит от «волочить». Этот волчара тащил, закинув за спину, не то девчонку, не то молодую женщину. Никаких признаков жизни не было заметно в безвольном теле, опущенная рука билась о землю, мертво подскакивая от каждого прыжка зверя.

В два щелчка сработала двустволка охотника, бежавшего следом за Михальчуком. Невнятно матерясь, егерь рвал из кармана покорно вынутый патрон с жаканом. Михальчук взмахнул рукой, из цилиндра, зажатого в кулаке, вылетела, разворачиваясь, тончайшая сетка из серебряных нитей. Волк с ходу прорвал ее, но непослушные задние лапы споткнулись, пасть открылась, желтые глаза остекленели.

- Не стрелять! - крикнул Михальчук, мгновенно настиг упавшего зверя и накинул на оскаленную морду уцелевший край сетки.

Лишь после этого он повернулся к девушке. Та была жива, хотя и в глубоком обмороке.

Подбежали остальные загонщики. Волку стянули лапы, вместо порванной сеточки, завернули тушу в сеть из витого, посеребренного капрона. Кто-то вызывал врача, кто-то сразу старался помочь пострадавшей девушке.

Карета «скорой помощи», заранее вызванная, ожидала на центральной дорожке, так что врач появился уже через минуту. Девушка к тому времени пришла в сознание, хотя ничего членораздельного произнести не могла. Ее били дрожь, по щекам текли неосознанные слезы. Впрочем, серьезных травм тоже не оказалось: плотная ветровка спасла от клыков зверя.

Врач сделал пострадавшей укол, девушку уложили на носилки и увезли в больницу. Спеленатого оборотня загрузили в милицейский газик и повезли в управление. Зверь спал, не ведая, как решительно переменялась его жизнь.

До статистики руки у Михальчука в этот день так и не дошли. Его вместе со всеми, кто участвовал в ловле, вызвали в кабинет Масина.

- Ну что, орлы, - приветствовал собравшихся полковник. - Не орлы вы, а вороны. Упустили зверя!

- Как? - от неожиданности вырвалось у Михальчука.

- Вот так и упустили! Волк - самый обычный, никаких паранормальных особенностей, можно в зоопарк передавать. А вот девка из больницы исчезла. Сбежала прямо с каталки. Значит, она и была оборотнем.

Старший инспектор Мохов, на котором формально лежала

ответственность за операцию, шумно выдохнул и, не дожидаясь приглашения, уселся, уперев лоб в сжатые кулаки.

- Будем искать. Далеко не уйдет. Раз уж ее городом приманило, так и станет сшиваться по лесопаркам.

- Это понятно... - согласился Масин. - Другое хуже. Как же она нас всех так обдурила? И меня первого, я ведь там тоже был.

- Что за ней числится? - спросил из-за спин Михальчуковский приятель инспектор Кугель.

- Ничего не числится. По бродячим собакам работала. А вычислили ее при плановом сканировании лесопарка. Ну и кто-то из гуляющих сообщил, что видел в парке волка. Волков, как сами понимаете, было два. Самец пожертвовал собой, вытаскивая подругу. Знал, кто она такая, а все равно спасал.

- Любовь... - вздохнул Мохов, не поднимая головы.

- Ему любовь, а она? Ей-то что делать в городе?

- Общение, - подал голос Кугель. - Волколак - натура сложная, ему в лесу скучно, его к людям тянет. Иначе зачем перекидываться?

- Слышал я твои теории, - отмахнулся Масин. - Только работе нашей от них не холодно и не жарко. В общем так, думайте, как будем девку ловить. Фотографии ее есть?

- Есть. Только она там в шоке. Так перекосило, что и не узнать.

- Кому надо - узнают. Распечатать, разослать по отделениям. Пусть участковые приглядываются.

- Вспугнут.

- Предупредим, чтобы не пытались задерживать. Просто пусть сообщают, где видели. Она не для того превращается, чтобы по подворотням сидеть. Появится на людях, будьте спокойны. А как охотничьи угоды обозначатся, тут и брать будем.

«Один раз уже брали», - подумал Михальчук, но вслух ничего не сказал.

Расходились, как обычно бывает после планерок, с ощущением облегчения и недовольства - словно после обильной клизмы. Но делать нечего, волчица-оборотень в самом деле обдурила весь отдел Службы психического здоровья. Так что не начальство вкатило клизму, а сами себя наказали.

Когда Михальчук, недовольный бездарно прошедшим днем, уже собирался уходить, в кармане зазвонил мобильник. Во время серьезной работы мобильник не только выключался, но и попросту оставлялся дома, поскольку гремлины или даже простой прилипала разговоры по мобильнику прослушивает на раз, и последствия это может иметь самые непредсказуемые. Но домашний отдых и толчея в Службе к серьезной работе отнесены быть не могут.

Звонил Борис Княжнин, старый приятель и дилетанствующий исследователь потустороннего. С тех пор как он узнал, что Михальчук

работает в Службе психического здоровья, от него отбоя не было.

- Слушай, ты когда сегодня заканчиваешь работу?

- У меня вообще-то ненормированный день. Так что сегодня я заканчиваю в двадцать четыре ноль-ноль. А завтра начинаю работу в ноль часов, ноль минут. А что?

- Я встретиться хотел, поговорить кое о чем...

- Тогда я сейчас обедать пойду, а то мне вечером на дежурство, уже не до еды будет. Вот в кафешке, если хочешь, можно будет встретиться.

На встречу Княжнин примчался загодя, но к делу своему долго не мог перейти, мешала проклятая интеллигентность. Наконец начал издали:

- Ты как-то говорил, что нежить очень быстро мутирует...

- Нежить не может мутировать. Мутируют только живые организмы, а нежить потому и нежить, что она не живая.

- Неважно, не будем спорить о терминах. Но все твои подопечные быстро изменяются, приспособляясь к новым условиям. Ведь так?

- В первом приближении так.

- А теперь посмотри... Из живых существ быстрее всего изменяются микроорганизмы, которые так же, как и твоя нежить, паразитируют на людях.

- Не только на людях. Просто, если нежить паразитирует на болотных лягушках, как небезызвестная царевна, то людей это мало волнует.

- Ладно, не юмори. Я, собственно, вот к чему клоню... Болезнетворные микроорганизмы по мере накопления мутаций теряют вирулентность. Вспомни, в пятнадцатом веке легочная чума была практически смертельной, смертность почти сто процентов. А сегодня и сорока процентов не будет.

- Медицина на месте не стоит. Антибиотики, то да се...

- Безо всяких антибиотиков смертность упала вдвое. А с антибиотиками она еще меньше. Опять же грипп... Испанка сколько жизней унесла? А нынешние формы - так, легкое недомогание.

- Как раз испанка и была новым штаммом.

- Ничего подобного! В конце шестнадцатого века была описана английская потовая горячка - тоже, судя по всему, разновидность гриппа. Смертность была необычайно высока. А вот выписка из «Всероссийского словаря-толкователя» издания Каспари, начало семидесятых годов девятнадцатого века. Ни о какой испанке еще речи нет, а в статье «грипп» написано, - Княжнин выхватил из пухлой записной книжки листок с текстом и прочел: - «Грипп, катар дыхательных ветвей, появляющийся эпидемически и сопровождаемый сильной лихорадкой и быстрым упадком сил. Иногда ошибочно называют гриппом и неэпидемические катары. Настоящий грипп часто смертелен».

- Ну, хорошо, уболтал. И что следует из твоих медицинских выкладок?

- Понимаешь, мы повсюду подходим со своей антропоцентрической меркой. Молчаливо подразумевается, что чума или грипп пылают злыми чувствами и хотят убить как можно больше народу. А они ничего не хотят. Просто-напросто те штаммы, которые оказываются смертельными для организма хозяина, погибают вместе с этим организмом. А если человек отлежался и пошел на поправку, то он и в следующий раз может заболеть, и еще. Готовая, можно сказать, кормовая база для возбудителя болезни.

- Иммунитет вырабатывается, - напомнил Михальчук.

- В том и беда. Поэтому у микроорганизмов порой появляются новые сильно вирулентные штаммы. Но в целом болезни протекают все спокойнее и без летального исхода. Спид на наших глазах из всемирного пугала превратился чуть ли не в рядовую болезнь. Наиболее опасные формы сифилиса попросту исчезли.

- И что дальше?

- А то, что формы нежити должны подчиняться тем же закономерностям, которые наблюдаются для прочих паразитарных форм. Я думаю, задача оборотня вовсе не в том, чтобы убить как можно больше людей, а чтобы... ну, вот зачем, собственно, оборотень людей убивает?

- А в самом деле, зачем? - насмешливо переспросил Михальчук. - Ты, братец, задаешь вопросы, над которыми люди поумнее нас с тобой не одно столетие бились. Пока народ верил в потустороннее, в силы зла и прочую чепуху, можно было верить и в то, что оборотень дерет людей из любви к искусству и чистому злу. А если, как ты утверждаешь, он просто паразит на здоровом теле человечества, то надо знать, что он со своего паразитарного образа жизни имеет. А этого пока не знает никто.

- Вот я и хочу узнать. Поглядеть, пощупать, так сказать, своими руками.

- Кого пощупать, оборотня или вампира? Не боишься, что он тебя пощупает?

- Не буду я его руками хапать. Мне бы только поглядеть, как он себя в обыденной обстановке ведет.

- Раскрой глаза да смотри. Я потому и работаю день и ночь, что просто так оборотня в латентной фазе от рядового гражданина не отличить. А попадешь под трансформацию - не обессудь.

- Но ты же сам рассказывал... ну, про эту старуху! Мне ее история покоя не дает.

Михальчук криво усмехнулся. История старой вампирши давно стала в Службе притчей во языцех. Полусумасшедшая старуха жила в доме дореволюционной еще постройки, где ветхие коммуналки десятилетиями ждали расселения. Старуху не любили за неопрятность и вздорный характер, но особого вреда за ней никто не замечал. А вот

клопы замучили весь дом, и сладу с ними не было. В конце концов кто-то из жильцов сменил недейственные хлорофос и дезинсекталь на карбофос, который клопа убивает не сразу, давая ему уползти. Тогда и выяснилось, что паразитов насылала вампирша, а потом щелкала насосавшихся крови клопов наподобие семечек. Карбофоса старуха не вынесла, с тяжелым отравлением ее привезли в госпиталь, а затем в Службу психического здоровья. Были ли в ее жизни нападения на людей, выяснить не удалось, но и отпустить вампиршу домой никто не решился. В старые времена расправа над попавшейся нечистью была бы короткой, но в новой реальности возобладал гуманизм, и старуха мирно окончила свои дни на больничной койке.

- И что тебе в этой истории? Думаешь, мы бабку не изучали? Клиника трансформации в общем-то ясна, а с психикой нежити все неясно. Говорить с ней, все равно что с шизофреником: слова произносятся, а смысл ускользает. Хочешь, выбери бомжа погрязнее или алкоголика в последней стадии опухлости и поговори с ними. Немедленно начнут клянчить, и больше ты ничего от них не добьешься. Нелепый охотничий инстинкт - и никакой высшей нервной деятельности за ним.

- Ты хочешь сказать, что алкоголик или бомж - не человек?

- Формально - человек, хотя грань человекоподобия им уже перейдена. Так и вампир - формально человек. Две руки, две ноги, слова произносит. Что еще?

- Еще то, что я уверен: они стали менее опасны, чем триста лет назад.

- Триста лет назад их не так хорошо выявляли, а с теми, кого выявили, поступали решительнее. Вот и вся разница.

- И все же мне бы хотелось поглядеть.

- В виварии у нас никого нет, так что глядеть не на кого.

- Вы что, их содержите в виварии?

- Мы называем виварием то место, где их содержим. А официально оно называется Лаборатория персонифицированных паранормальных явлений. Только это место очень закрытое, тебя туда не пустят просто из соображений безопасности.

- Туда я не претендовал. Любопытно, конечно, но я-то хочу поглядеть на них в естественных условиях.

- Естественные условия - это среда большого города. Так что смотри, никто тебе не запрещает.

- Но ведь есть места, где они встречаются чаще. Вот ты говорил, что сегодня идешь на дежурство. Значит, где-то ваши сотрудники дежурят постоянно. Вот в такой заповедничек нежити я и хотел бы попасть.

- Ты что, думаешь, я дежурю в каком-то тайном притоне, куда нежить и нечисть сползаются на шабаш? Нет уж, дежурство мое самое обычное, ничего сверхъестественного в нем ты не обнаружишь. Просто есть места, где наша клиентура появляется с большей вероятностью, нежели в других. За такими местами мы и приглядываем.

- Ну вот ты, - Княжнин не отступал, твердо намереваясь добиться своего, - где конкретно дежуришь?

- Клуб «Саламандра».

- Говорят, злачное местечко.

- Не злачнее других. Молодежный клуб, относительно недорогой. Постоянных посетителей немного, новым лицам никто не удивляется. В целом, словно специально придумано, чтобы нежити было где толочься. Знаешь, какой там фон? Детектор можно не доставать, зашкаливает от простых граждан.

- Ты кем в клубе представляешься? Под молодого тусовщика тебе косить не по годам.

- Охранником. Так что мне ни под кого косить не надо. Камуфло, бейджик, и никому дела нет, что я зал взглядом окидываю. Приятное, так сказать, с полезным.

- Ты еще скажи, что тебе администрация оклад платит.

- Попробовали бы не платить. Они знают, что я через МВД устраивался, так и что из того? Бывший мент, в полиции места не нашлось, пошел в частные структуры. Обычное дело.

- Хорошо устроился, - протянул Княжнин. - А твой полковник знает про две зарплаты?

- Начальство знает все. Но место такое, что нужно постоянно держать под контролем.

- Понятно... - протянул Княжнин. - Понимаешь, что хочу спросить, ты не мог бы меня сводить в этот клуб? А то я не знаю, как подступиться...

- А чего подступаться? Это же публичная оферта.

- Что?

- Эх ты, а еще умный! Публичная оферта - значит, общедоступное заведение. Покупай билет и заходи. Нет, если тебе четырехсот рублей жалко, я могу тебя провести. Только тогда все будут знать, что ты не просто посетитель, а приятель или сослуживец охранника.

- Да я все равно буду в глаза бросаться. А так, будто бы к тебе зашел. Понимаешь, мне туда неловко соваться, а посмотреть нужно.

- Правильно, что неловко. Съедят там тебя вместе с умными мыслями, потому что выслеживать нечисть ты не сможешь. Она тебя почует раньше, чем ты ее, и никакой детектор, казенный или твой самодельный, не поможет.

- Все равно мне надо.

- Если так надо, что невтерпеж, то сходи в туалет. Это от века заведено, что бодливой корове Бог рог не дает. Идеи твои хороши, но что-то мне подсказывает: с тобой огребешь неприятностей. Потопчешь ты всю малину своими наблюдениями. Там прорва всякой мелочевки: пиявиц, латентных ведьм и прочей шушеры. Шугануть их - пара пустых, но тогда они расползутся по углам, и никто не скажет, что из них вырастет.

- Не буду я ни во что вмешиваться, ты же знаешь.
- Ладно, подходи часикам к десяти. Я вообще-то обычно бываю при входе, но если что, спросишь Мишу-охранника, меня позовут.
- Пстой, ты же не Миша...
- Там я Миша. А девки-тусовщицы еще и кликуху пытаются наклеить: Мешок. Очень удобная роль.

В «Саламандре» Княжнин появился ровно в десять часов, минута в минуту. Михальчук был уверен, что приятель на самом деле приехал за полчаса и бродил кругами по улице, распугивая всех и вся своим решительным настроем, густо замешанным на комплексе неполноценности.

У охранника, чтобы не торчать при входе наподобие швейцара, имелся маленький столик, даже, скорее, конторка красного дерева. Таких теперь не делают; эта мебелинка была приобретена по случаю дизайнером, оформлявшим клуб, и поставлена у самых дверей, чтобы резко дисгармонировать со всем остальным современным оформлением.

В клубе были столики, словно в ординарном кафе, но не было официантов, стоял шест для стриптиза, но не имелось стриптизерш, разве какая из посетительниц, войдя в раж, демонстрировала прелести своего тела с разной степенью таланта и до разных степеней обнаженности. Здесь играла живая музыка, и работал Паша, которого Михальчук про себя называл массовиком-затейником. Толпу Паша зажигал умеючи, не допуская превращения разнузданного веселья в вульгарную вакханалию. Музыкальные коллективы в «Саламандре» менялись часто и давали не просто концерты. Пашиной заслугой было то, что в музыкальное действие вовлекалось немалое число посетителей. Все это называлось «музыкальным шоу» и выгодно отличало «Саламандру» от привычных дискотек и кафе. Пашиным девизом было: «Каждый день нова шова».

Наркотики в «Саламандре» в почете не были, распространителей, которых бы все знали, здесь не приветствовали. Короче, это была, выражаясь Пашиным сленгом, «пристойная дыра на грани фола».

С восьми часов в клубе принимались разогревать публику, а часиков в десять, на которые был приглашен Княжнин, начинался самый разгар. Освещение в зале было хорошо продумано: разбросанные тут и там светодиоды давали только необходимый минимум, а светодиодные панно над стойкой бара вспыхивали и гасли, не позволяя ни ослепнуть, ни толком разглядеть что-либо. Блестящий дракон под потолком вспыхивал неоном в клубах табачного дыма, и не каждый замечал, что дракон не выдыхает дым, а втягивает. Прикормленные девушки, которых пускали в клуб бесплатно, уже разогрели народ, любители танцев отрывались на полную катушку, Пашин голос гремел в микрофон что-то торжествующее.

- У вас тут не скучно... - пробормотал ошеломленный Княжнин, которому прежде не доводилось видеть, как развлекается молодежь.

- Хотел полюбоваться - любуйся, - великодушно ответил Михальчук.

- И среди этих шлюшек прячется нежить? - шепотом спросил Княжнин.

- Прежде всего, - прикрыв рот рукой, ответил Михальчук, - профессиональных шлюх здесь почти нет. А эти девочки - и вовсе малолетки. Путяжницы, потому и выглядят вульгарно. Им только-только по шестнадцати исполнилось, вот они и оттягиваются, потому как право заполучили. Их тут, конечно, очень быстро уестествят, а многих уже уестествили, после чего часть этих девочек станет законченными шлюхами. Но некоторые удачно выйдут замуж, родят детишек и успокоятся. В старости будут ставить себя в пример подрастающему поколению. А пока стараются казаться не теми, кто они есть в действительности. Они-то и создают тот негативный фон, от которого сходит с ума твой детектор. Так что если здесь имеется сейчас твой кадр, он абсолютно невидим за этим фоном.

Одна из путяжниц подпорхнула к беседующим и остановилась, демонстрируя себя во всей красе.

- Привет, Мшок, - произнесла она, проглотив первую гласную, так что не понять, было сказано: Мешок или Мишок. - А это твой напарник? Вы теперь вдвоем нас бережете?

- С вами я и один управлюсь, - ответил Михальчук. - А это мой товарищ. Думает, не пойти ли ему в охранники. Зашел посмотреть, как тут работается. Специфику изучает.

- Не получится из него охранника, - авторитетно заявила пигалица. - Беспонтовый мальчик.

Беспонтовый мальчик, годившийся пэтэушнице если не в деда, то уж в отцы точно, чуть не поперхнулся кофе. А Михальчук совершенно спокойно ответил:

- Поглядела бы ты на него в Чечне, узнала бы, какие понты бывают.

Княжнин, не бывавший не только в Чечне, но и в армии дня не служивший, не знал, куда деваться от такой характеристики. А путяжница, не сказав прощального слова, упорхнула к подругам, делиться раздобытой информацией.

- Ну, каково? - спросил Михальчук.

- Для чего ты ей врал? - вместо ответа спросил Княжнин.

- Не врал, а сливал дезу. Тут все врут, и, если не хочешь каркать белой вороной, изволь не выделяться.

- Ух ты! - перебил товарища Княжнин. - А это кто такая?

Особа, привлекающая внимание дилетанта демонологических наук, и впрямь резко выделялась среди посетителей. Не обращая ни на кого внимания, она прошла к стойке бара, коротко сказала что-то бармену Эдику, которого на самом деле звали Олегом, получила высокий бокал

с чем-то слабоалкогольным, на мгновение приникла губами к трубочке и лишь затем окинула скучающим взглядом вечерний клуб.

- Это я не знаю кто... - многозначительно произнес Михальчук. - И тебе не советую к ней подходить. - Она тут уже третий раз, а я так и не могу понять, кто она, откуда и зачем. Здешний контингент ни так одеваться, ни так себя держать не умеет.

- Дорогие шмотки?

- Не дешевые, хотя у некоторых имеются и подороже. Но эта фря и в ситчике бы смотрелась королевной. Если это проститутка, то высочайшего уровня, такой здесь делать нечего. Элитная девочка, а в «Саламандре» уже третий раз. Чует мое сердце - неспроста. Ты детектор-то спрячь, детектор тебе не помощник, его с начала вечера зашкаливает. Так разбирайся своим умишком.

- Вампирша... - беззвучно шепнул Княжнин.

- Ага, раскатал губу. Думаешь, если женщина-вамп, так сразу и вампирша? Вампиршу дважды в одно заведение и на аркане не затянешь. И потом, никто из завсегдатаев не пропал, никому заметного вреда не нанесли. Первые два раза пришла, посидела, выпила пару фруктовых коктейлей, отшила пару потенциальных ухажеров и скрылась. А куда - никто не отследил.

- Им-то зачем отслеживать? - Княжнин кивнул в сторону зала.

- А познакомиться? А в койку затащить? Ты бы отказался от такой красотки? Ладно, можешь не отвечать, я знаю твои взгляды и вкусы.

Между тем возле стойки бара разворачивалось хорошо отрепетированное действие. Двух девчонок, сидевших рядом с заманчивой гостьей, спешно пригласили танцевать, а на освободившееся место взгромоздился Родик по прозвищу Барсук - местный авторитет. Барсук был счастливым обладателем роста под метр восемьдесят пять, пронзительного взгляда серых глаз и бесконечной уверенности в своем превосходстве надо всеми существами обоего пола. Авторитетом он был не уголовным, а просто по причине своего лидерства не мог уступить первого места. Одних давил морально, прилюдно сажая в лужу сотней разных способов, других не брезговал и кулаком приложить. Парни из приближенного круга служили Барсуку не из страха или корысти, а потому что признавали его превосходство.

Склонившись к гостье, Барсук зарокотал что-то барственно-фамильярное. Девушка вскинула взгляд - глаза у нее тоже были серые, но без стального оттенка, что так шел Барсуку. Ресницы с минимумом косметики, так что всякому видно: не накладные, а свои. О таких говорят: «На каждой ресничке по мужскому сердцу наколото». Белокурые волосы, свои или так профессионально окрашенные, что от натуральных не отличить. Личико могло бы показаться несколько кукольным, если бы не улыбка, мгновенная и очень понимающая.

Именно улыбка разрушала образ сексапильной девочки, которую может взять первый же мачо.

Впрочем, Барсук был лучшим экземпляром в своем прайде и в успехе не сомневался.

Беседа, не слышимая за музыкой и шумом, напоминала пантомиму. Вот Барсук что-то произносит, придвигаясь к девушке, смотрит многозначительно, нависая над хрупкой фигуркой. Красавица улыбается, чуть заметно качает головой; не возражает, а лишь обозначает легчайшее несогласие. Новая фраза соблазнителя, сопровождаемая широчайшей улыбкой в тридцать два невыбитых зуба. Наверняка сказана какая-то двусмысленность, на которую можно было бы и обидеться, если бы не простодушная усмешка, с которой произнесена скабрёзность. Девочки-путяжницы уже давно бы растаяли от такого напора. Впрочем, это им еще предстоит, но потом, а сейчас перед Барсуком куда более привлекательный объект.

В ответ на острую шутку - мгновенный, словно бросок змеи, взгляд из-под ресниц, sour d'oeil, как говорят французы. Отточенная игра, дуэль инстинктов. Вот только славный мачо не знает, что играть ему выпало с тенью.

- Ты гляди, как работает! - азартно шептал Михальчук, прикрывая рот рукой, чтобы и по губам было не понять, что он говорит. - Ведь она за все время двух слов не сказала! А с инстинктами у нее всяко дело получше, чем у паренька.

- Кто она? - жарким шепотом спросил Княжнин. - Ты говоришь, не вампирша. Тогда кто?

- Что б я знал... Да не пялься ты так откровенно! Краем глаза посматривай, и хватит.

- Весь зал на них пялится.

- Всему залу - можно. Они люди не заинтересованные, им просто любопытно. А ты - охотник, и взгляд тебя выдает. Давай-ка выйдем, покурим.

- Тут все прямо в зале смолят...

- Они смолят, а мы выйдем. Чует мое сердце, девочка сейчас уходить будет. Барсук - мужик навязчивый, другим способом от него не избавиться, а девочка явно не демон и не лисица, так что спать с Барсуком не захочет. Пошли-пошли... Если ты выйдешь сразу за ней, то всему миру покажешь, что следил. А так мы первыми вышли. В крайнем случае, завсегда и решат, что ты ее охранник.

Михальчук встал, пройдя в опасной близости от беседующей парочки, коротко переговорил с барменом. Доставая на ходу пачку сигарет, направился к выходу. Княжнин поспешил следом.

- О чем ты с барменом толковал?

- Попросил его, чтобы он меня подстраховал, если что. Я на службе, а сейчас, возможно, уйти придется. Ну да Олежка - свой парень, не

выдаст.

Михальчук запихал сигареты обратно в карман, а Княжнин, напротив, достал свои и закурил.

- Вот это ты зря, - заметил Михальчук. - Хочешь определять некробиологические явления по запаху - о табаке забудь. Обратни тоже... у них не запах, а нечто особое, но если оглушишь чувства дымом, не определишь его, пока он тебя не закогтит.

- Тебя же там обкуривали со всех сторон, - возразил Княжнин, поспешно затушив сигарету. - Или пассивное курение не считается?

- Считается. Но это уже издержки профессии. Впрочем, я у самых дверей сижу, да и вентиляция в зале - будь здоров. Без этого владельцу клуб было бы не открыть. Санэпидстанция и пожарная охрана его бы попросту сожрали. В этом вопросе никаких откатов быть не может; это уже мы следим, чтобы вентиляция была и работала исправно. А пожарники и сэсовцы нам прикрытие осуществляют.

- Пожарники? Жуки, что ли?

- Именно так, жуки они и есть. Короеды... - Михальчук замер, затем коротко приказал: - На детектор глянь...

- Зашкаливает.

- А когда только вышли?

- Не знаю...

- Эх ты! Знать надо. От тусовки фон далеко не распространяется. На улице все было чисто. Ну, теперь смотрим...

Дверь распахнулась толчком, на улице появился Барсук. Глянул на беседующих мужчин и раздраженно спросил:

- Где она?

- Кто?

- Телка, с которой я был.

- Не видели.

- Должна быть! Некуда ей из сортира деваться. Через кухню не проходила, значит, здесь.

- Просочилась в канализацию, - пробормотал Княжнин.

Барсук ожег его взглядом, но ничего не сказал и побежал по улице, заглянуть за угол.

- Ты бы меньше цитировал, - посоветовал Михальчук. - Здесь этого не любят и, вообще, могут неправильно понять. Народ в клубе собирается в массе своей не читающий. Теперь пойдем полюбопытствуем, что в кухне творится. Держись рядом, вопросов не задавай и ни во что не вмешивайся.

Кухня при клубе была относительно небольшая, все-таки «Саламандра» не ресторан и даже не кафе. Михальчук на правах своего остановился в дверях, оглядел помещение, кивнул повару и быстро прошел к служебному выходу. Княжнин поспешил следом.

- Здесь прошла, - сказал Михальчук, очутившись на улице. -

Мастерица, однако. Глаза отвела и вышла безо всякой трансформации. Теперь ее хрен найдешь.

- Проводника с собакой, - предложил Княжнин.

- Ты, я вижу, крутой спец. Собаку, чтобы след оборотня взяла, положим, найти можно. Но не ты ли сегодня днем доказывал, что нежить мутирует, что она не опасна и ее можно оставить в покое? А как запахло погоней, так сразу собак науськивать? Раз бежит, значит, ату ее? А ты уверен, что это не обычная девушка, напуганная Барсуковыми домогательствами?

Княжнин виновато молчал, лишь жамкал губами, словно пережевывал несказанные слова.

- Ладно, не мучайся. Давай, пока время есть, глянем еще, может, что и высмотрим. Улица тихая, машины ночью ездят редко, так что далеко наша телочка не убежит. - Михальчук усмехнулся. - Но Барсучонок-то каков? Телка где? Сам он телок и напрашивается на то, чтобы умереть счастливым.

Со двора они вышли на ночную улицу. Оранжевая, почти незаметно выщербленная сбоку луна поднималась над крышами. Еще две ночи люди будут плохо спать, вскакивать в тревоге, жалуясь на полнолуние. А нелюди в такие ночи не спят вовсе.

- Слушай, - сказал Княжнин, - это же никак твоя улица? Ты ведь рядом живешь?

- Ну да. Вон мой дом. Я потому сюда и устроился, что до дома две минуты. Давай-ка я тебя к себе отведу, и ляжешь спать. А мне еще работать. Больше сегодня ничего интересного не должно случиться, но служба есть служба.

- Я лучше машину поймаю и поеду к себе.

- Не возражай. Никуда я тебя одного не отпущу. Сам видел, нежить в округе шастает, а мы даже не определили, кто это. Была бы вампирша, она бы от Барсука не бегала, а мигом его оприходовала. На демона ни разу не похожа. Оборотню в ночном клубе делать нечего. Вот и гадай, кого мы с тобой видели. Самое смешное будет, если окажется, что это действительно обычная девушка, возжаждавшая острых ощущений.

Против такого довода возразить было нечего. Княжнин кивнул, и они отправились к холостяцкой квартире Михальчука.

Клуб «Саламандра» располагался по нечетной стороне улицы, в одном из домов сталинской постройки. На самом деле выстроен он был в 1955 году, что всякий мог определить, увидав барельеф с датой на фасаде, но дома, построенные в стиле советского ампира, принято называть сталинскими, и этот тоже именовался сталинским. Зато михальчуковский дом был безликой панельной девятиэтажкой, которую втиснули сюда после того, как снесли двухэтажные бараки бог весть какой эпохи. Каждый день, взбираясь на свой этаж, Михальчук думал, что вообще-то на этом месте должна стоять четырехэтажная

хрущевка, без мусоропровода, лифта и прочих антисоветских удобств. Однако повезло, миновала чаша сия. А что в хрущевке выше четвертого этажа лазать не надо, так никто Михальчука не заставляет пренебрегать лифтом. Вот он, лифт, садись да поезжай, не думая про полнолуние.

Уже при подходе к парадной Михальчук услышал, как лязгает железная дверь мусорного блока. Возле каждой парадной имелась такая дверь, а за ней крошечное помещение, куда выходила труба мусоропровода. Там же был водопровод, чтобы уборщице не приходилось издалека таскать воду для мытья лестницы. В те времена, когда дворниками калымили русские пропойцы, сор из мусоропровода валился прямо на пол, а то и забивал трубу иной раз до четвертого этажа. Следствием были вонь и изобилие крыс. При старом таджике под трубой всегда стоял мусорный контейнер на колесах, который вывозился строго по расписанию. Хотя, когда дверь мусорного блока бывала распахнута, оттуда тянуло характерным кислым запахом помойки. И суверенный таджик пропитался этим амбре насквозь.

Старик с метлой в руках появился из блока. Остановился, пропуская идущих.

- Добрый вечер, - привычно сказал Михальчук и услышал столь же привычное невесомое:

- Здравствуйте.

- Что это вам не спится? Ночь на дворе.

Старик, уже изготовившийся сметать с дорожки первый опавший лист, остановился, облокотившись на метлу, потом указал на луну, поднявшуюся уже высоко, потерявшую оранжевый цвет. Луна заливала мертвенным серебром тротуар. Светло, так что больно глазам, а попробуй читать - буквы не разберешь. Но улицу мести можно, и можно призрачной тенью идти на охоту и гнать бегущего, которому некуда деваться. Волчья ночь, когда даже человеку хочется выть.

- Нельзя сегодня спать.

- Скажите, - спросил Михальчук на всякий случай, - здесь только что девушка не пробежала? Молодая, одета хорошо.

- Девушка не пробежала, - ответил таджик, медленно покачивая головой.

- Волк пробежала, большой, очень большой, у нас таких нет.

Михальчук почувствовал, как напрягся Княжнин, готовый задавать вопросы. Пришлось шагнуть назад и, словно случайно, наступить товарищу на ногу. Видимо, тот понял предостережение, потому что ощутимо заметным усилием проглотил рвущиеся из груди слова. Надо было заполнять паузу, и Михальчук задал давно интересовавший его вопрос:

- А вы кем были прежде? До распада страны?

Темное лицо в глубоких морщинах, кажущихся трещинами в неземном свете луны, осталось непроницаемым. Потом морщины дрогнули,

послышался ответ:

- Зоотехником. У нас яков разводят, это животные такие. Начальство сказало, надо много яков. А где их пасти? Як не может в долине, он там болеет. И волки по ночам приходят, режут телят. А виноват я...

Он еще бормотал что-то о прошлых обидах, где главным словом было «начальство», которое вмешивалось в простую, понятную жизнь и делало ее невыносимой. Собственный путь из родных гор в чужой город, из зоотехников - в помойные мужики, из уважаемого человека, так или иначе относившегося к сельской интеллигенции, - почти на самое дно чуждого ему общества... А ведь у него, наверное, дети есть, внуки, которым он посылает деньги. Или нет никого? Старики из бывших азиатских республик едут на заработки, только если они совсем одиноки. Проклятие Аллаха на том, у кого нет детей.

Странно, ведь жили в одной стране, все ходили в школу, носили красные галстуки. А теперь смотрим друг на друга и не можем понять. Волка, бегущего по ночному проспекту, понять легче.

Михальчук распростился с дворником, уложил спать зевающего Княжнина, вернулся в клуб, где веселье уже поблекло, словно утренняя луна. Дежурство заканчивалось, теперь предстояло многое осмыслить.

Во всем виновата луна. На Земле еще не было ничего, кроме горячих камней и чуть солоноватого океана, а луна уже светила никому, роскошно и равнодушно проходя все свои четверти, скрываясь в звездном изобилии безлунных ночей и сияя жемчугом полнолуний. Миллиарды лет светить никому - этого вполне хватит для вселенского одиночества. Недаром первая живая слизь светилась лунным отблеском, и также светятся безмерно одинокие обитатели морских глубин. Перед лунным светом живое одиночество и живая тоска не значат ничего. Они растворяются в нем, подобно крупинке соли в безбрежности океана. Океан не заметит твоей крупинки, он не станет солоней, не станет и слаще. Все познается в сравнении, кроме несравнимых величин. В лунную ночь на всякое живое существо обрушивается одиночество, скопившееся за миллиарды безжизненных лет.

И тогда тем, кто смотрит в небеса, овладевает тоска, превышающая мыслимые и немыслимые пределы. И своя жизнь, привычная и разумная, уже не кажется единственно возможной. Более того, она становится совершенно невозможной. Волк, навывшись до изнеможения, бросает стаю и волчат и уходит в страшный и притягательный город: там есть нечто, столь же непостижимое, как и тоска лунной ночи. А других волков, ставших чужими, он рвет страшно и безжалостно.

Человек, намаившись неприкаянно, в ночь полнолуния уходит из дома, чтобы бегать вместе с волками, залиристо плакать и вкушать немыслимую свободу. А людей, не сумевших понять его душу, он рвет

столь же страшно и безжалостно, как и его собрат - волков.

И никто не знает, что случится, если встретятся мордой к лицу волк, перекинувшийся человеком, и человек, ставший волком. Луна, возможно, знает, но она умеет молчать.

А еще порой полная луна устраивает небывалое, так что кажется, будто она хохочет с небосвода, широко разинув пятна сухих морей.

Домой Михальчук вернулся под утро и успел соснуть часика полтора, прежде чем Княжнин, уложенный на диване, продрал глаза.

- Как тебе вчерашний культпоход? - спросил Михальчук.

- Смутно... Но в основном, думается, я прав. Не знаю, была ли та девушка волколаком, вервольфом или еще кем, но вреда людям она не причиняла.

- И отсюда ты делаешь вывод, что нежить безобидна. А хочешь, я тебе прилипалу в дом подсажу? Моих умений на это хватит. Замаешься по знахаркам и попам бегать. А ведь это обычная прилипала, не упырь, не кицунэ - лисица-оборотень, ни еще какая зараза. Если уж проводить твои параллели с микроорганизмами, то нелишне вспомнить, что далеко не все микробы являются болезнетворными. Есть и такие, без которых не проживешь. А большая часть для нас просто безразлична. И суть нашей работы не в том, чтобы хватать и не пущать, а чтобы отделять овец от козлищ и зерна от плевел. Если вчерашняя красавица не опасна, то ее никто не тронет. Пусть и дальше смущает любвеобильное Барсучье сердце. Но для этого надо быть вполне уверенным, что она не опасна. Хотя, боюсь, начальство в любом случае прикажет отвадить ее от городских кафе и клубов. Просто так, на всякий пожарный случай.

- Но ведь это... - начал было Княжнин.

- Это - обычная предосторожность. Лучше выгнать из города самую дружелюбную бьякко, чем позволить бродить по улицам кикиморе или ожившему трупу. Помнишь, как зоотехник сказал: «Волк пробегала. Большой...». Так вот, я не хочу, чтобы люди встречались по ночам с большим волком, даже если этот волк «мутирует» в положительном направлении.

- Все-таки ты неисправимый ретроград.

- Лучше быть живым ретроградом, чем мертвым прогрессистом. Ты заметил, как много слов в языке, означающих охранителей? Ретроград, реакционер, консерватор... А с противоположным значением? Их и нет почти, во всяком случае общеупотребительных. А все потому, что прогрессисты не выживают. Кстати, месье прогрессист, не мог бы ты мне помочь? Мне нужна телекамера, наподобие тех, какими осуществляется видеонаблюдение. Ты же у нас мастер золотые руки, вон, даже детектор собственный собрал. И работаешь в подходящем заведении.

- Камера - это пара пустых. Другое дело, где и как ее ставить и кто

наблюдение будет осуществлять.

- Наблюдать буду я. А поставить... да хоть на козырьке, что над моей парадной. И чтобы показывала панораму улицы. Очень хочется поглядеть, что там за девушки бегают и что за волки.

- Разве у вас в Службе таких простых вещей нет?

- Есть, но не хочу зря беспокоить начальство. Слышал, что мудрый дворник говорил? От начальства все беды. Ты меня ретроградом обзывал, так это потому, что с полковником Масиным знакомства не водишь.

- Будет камера! - решительно объявил Княжнин. - Сегодня же будет.

- Это хорошо. А то сегодня последняя волчья ночь. Полнолуние миновало. В другие дни трансформации тоже случаются, но редко. Если наблюдать, то сейчас.

- Ты думаешь, она прямо на улице будет волком перекидываться?

- Я пока ничего не думаю, я поглядеть хочу. Ты слышал, вчера дворник сказал: «волк пробегала». Я успел справочку навести: в таджикском языке нет понятия рода. Так что старик мог перепутать, но мог и не перепутать, все-таки он не просто якам хвосты крутил, а с пониманием - зоотехник как-никак.

- Это тут при чем?

- В нашем деле, друг ситный, все при чем. Вчера утром, я тебе рассказывал, волк, жертвуя собой, обманул группу захвата и позволил скрыться волколаку. Не думаю, что тут снова тандем, но поглядеть очень хочу. Предчувствие у меня, а в нашем деле предчувствиям доверять нужно. Представь для примера, что дед оборотня в мусорном блоке прячет. Как тебе такой вариант?

- О таком я не подумал... - ошеломленно пробормотал Княжнин. - Бегу. Сегодня же все будет. Только мне тоже... я тоже поглядеть хочу.

- Гляди, - великодушно разрешил Михальчук. - Через камеру - чего не поглядеть.

Если Княжнин говорил, что сделает, - обещанное кровь из носу, но бывало сделано. Эта особенность примиряла Михальчука даже с дилетантскими идеями приятеля. Во всяком случае, вечером оба сидели перед включенным телевизором и наблюдали происходящее на улице. Обычно ящик-говорун, если в этот день не намечалась трансляция особо важных футбольных и хоккейных матчей, бывал заткнут, но сегодня его включили заранее. Гордый Княжнин давал пояснения.

- Звук, к сожалению, берет только от самой парадной, а улица подается панорамой. Если угодно, можешь приблизить тот или иной участок. Разрешимость довольно приличная. А вот внутренность мусорного блока не берет. Это надо отдельную камеру ставить внутри. Камеру достать - не проблема, а вот ключ от мусоропровода...

- Это тем более не проблема. Но, думаю, пока не нужно. Как

трансформация происходит, заснято много раз, полагаю, ничего нового мы тут не увидим. А что со звуком изображение - это здорово. Я думал, камеры наружного наблюдения только немymi бывают.

- Когда надо, бывает что угодно, - скромно похвастался Княжнин.

Мобильник, лежащий на столе, сыграл первые такты марша из оперы «Аида» и замолк, не одолев мелодии.

Михальчук глянул на экранчик и значительно объявил:

- Дева красоты уже в ночном клубе. И Барсук с приятелями тоже там. Так что объявляется готовность номер ноль.

Княжнин глянул на мобильник, в котором не замечалось ничего волшебного, и уважительно сказал:

- Лихо ты определяешь. Я о такой технике и не слышал. Как эта штука работает, если не секрет?

- Эта штука работает безотказно. Называется она бармен Эдик, или попросту Олег. Мы договорились, что если придут оба заинтересованных лица, Олег сделает вызов и тут же отбой. Так работает самая высокоточная техника.

Княжнин кивнул, хотя разочарования, скрыть не мог. Полчаса прошло в напряженном молчании.

- Тра-та-та-та! - взыграл мобильник и подавился самой высокой нотой.

- Быстро они сегодня, - заметил Михальчук. - Видать, сильно Барсучонка за живое взяло. С ходу буром попер. Этак он девочку от посещения нашего клуба отучит. Дурак он, что взять с дурака...

- Вон она! - перебил Княжнин.

Очевидно, девушка большую часть пути пробежала дворами, потому что возникла уже совсем близко. Подчиняясь тонким движениям княжнинских пальцев, камера сделала наезд, показав бегущую крупным планом.

Лицо спокойное, хотя в глазах мечется совершенно человеческая тревога и верхняя губа прикушена ровненькими зубками. Почему-то Княжнин сразу отметил этот факт, хотя и не ожидал увидеть оскаленных клыков.

- Хороша чертовка! - похвалил Михальчук.

- Она что, демон? - встревоженно спросил Княжнин.

- Нет, конечно. Но хороша...

Девушка бежала. Каблучки выбивали по асфальту тревожную дробь. пышные волосы упруго вздрагивали при каждом шаге, но укладка оставалась идеальной, словно на рекламном клипе. Все в красавице было хорошо, и все чуть-чуть ненатурально, как выполненное опытным визажистом. И только глаза были живыми, человеческими. Не верилось, что сейчас хозяйка таких глаз обернется зверем, готовым разорвать преследователей.

В руке бегущей возник тяжелый ключ с двусторонней бородкой. Наивные квартировладельцы приобретают такие ключи для железных

дверей своих хором, надеясь, что теперь никто не проникнет в их крепость. А служащие ЖЭКов, или как это теперь называется, запирают ими дворницкие и иные подсобные помещения.

Лязгнула дверь мусорного блока, красавица исчезла, невидимая электронному глазу камеры. И почти сразу в конце улицы появились двое парней из свиты Барсука. Очевидно, взбешенный авторитет устроил на таинственную незнакомку форменную охоту.

Раздался долгий скрип несмазанного железа, на улице появился старый таджик. Выкатил наружу переполненный мусором контейнер, навалившись худым телом, слегка утрамбовал отходы, чтобы возможно стало защелкнуть замок на крышке. Подкатил новый контейнер. Добыл откуда-то из мертвой зоны широкую лопату, принялся сгребать рассыпавшийся мусор, закидывать его в контейнер, еще не наполненный.

- Она там? - жарким шепотом спросил Княжнин.

- Кто?

- Волчица. Он ее в контейнере спрятал, туда ведь никто не сунется.

- Нет там никого! - отрезал Михальчук. - Смотри и не мешай!

Подоспели Барсуковы клеветы.

- Эй, дед, - крикнул один. - Девчонка тут не пробежала?

- Девушки бегают быстро, - ответил таджик, не отрываясь от лопаты. -

Если она не хочет, чтобы ее поймали, вы ее не поймаете.

- Порассуждай тут, чурка... - процедил один из парней. - Отвечай, пока по-хорошему спрашивают.

- Не видел здесь девушек.

- Дай ему в морду, -- посоветовал второй парень, - мигом вспомнит.

- Умный ты, спасу нет. Ему в морду дашь, потом от чесотки лечиться.

Пошли, скажем Барсуку, что никого не видели. Хочет, пусть заранее у всех дверей охрану ставит, а я не нанимался для него по улицам бегать.

Парни ушли, на этот раз не торопясь. Таджик продолжал чистить мусорный бокс. Шарканье лопаты по асфальту, привычное и успокаивающее зимой, сейчас, в самом конце лета, казалось нелепым и чужеродным. И все происходящее казалось одновременно нелепым и странно знакомым.

Все в детстве слышали сказку про девочку-замарашку, которая непрерывно возилась с мусором и золой от камина и даже прозвище получила соответствующее. А бедняжке хотелось хотя бы изредка красивой жизни, музыки, хоть чего-то, отличного от половой тряпки и запаха помоев. И, как непременно бывает в сказке, явилась добрая волшебница и отправила Золушку на бал в королевский дворец. Платье, карета, то да се... А куда девались руки, огрубелые от кухонной работы, колени, изуродованные мытьем и натиркой полов, намертво въевшаяся вонь отхожего места? Так ведь всего этого и не было! В

сказках всегда случается так, что тяжелая работа не калечит красоты. А возможно, сказочник не договорил, и не только тыква обратилась в карету, но и грязная уродка перекинулась красавицей. В Службе психического здоровья много могут порассказать о проделках той нежити, которую люди называют феями.

Но, в целом, с Золушкой все окончилось благополучно. Если и возвращался ей в лунные ночи истинный облик, то принц про это ничего не знал, пребывая в счастливом заблуждении, будто женат на красавице. И, как хрестоматийный теленок, он умер счастливым.

А в жизни все бывает причудливее и безжалостнее. Даже помойка в реальности воняет совсем иначе, нежели в сказке. И добрых крестных у гастарбайтеров не бывает. Зато бывает полнолуние, когда хочется выть, а природная серость у одних выступает наружу, а другим становится неважно носить ее. Пусть раз в месяц, но хочется чистоты, музыки, восхищенных или завистливых взглядов. Не обязательно даже превращать мусорный контейнер в элегантный «порше», Золушка дойдет пешком. И никто не опишет в волшебной сказке ее чудесное превращение. Ах, Шарль Перро, где твое перо?

Прекрасный принц, явившийся неведомо откуда, непременно вызовет приступ злобы и зависти у потенциальных соперников. Быть принцессой гораздо безопаснее. Главное - убежать с бала, прежде чем часы пробьют полночь и чары рассеются.

Таджик закончил скоблить тротуар, загнал оба контейнера, полный и почти пустой, в мусорный бокс, гремя ключами, запер дверь. Бормотал что-то на своем языке, где нет понятия мужского и женского рода.

- Он что, запер ее там? - тревожно спросил Княжнин.
- Кого?
- Девушку.
- Девушку? - переспросил Михальчук. - А была ли девушка?

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ПЕРЕВОДЧИК СО ВСЕХ ЯЗЫКОВ

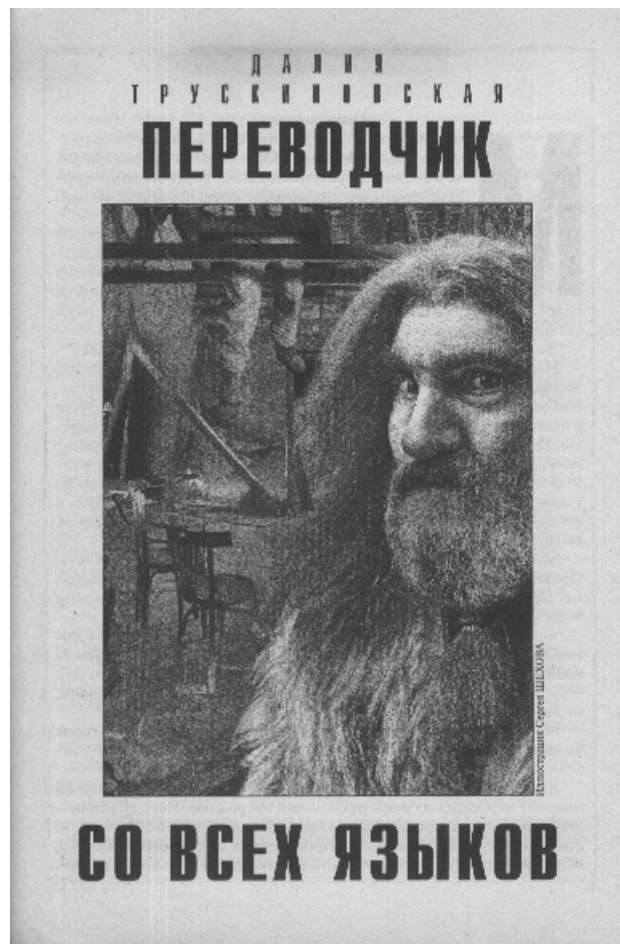

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Глава первая

Мы работаем в команде, потому что кладоискатель-одиночка рискует жизнью. После того как Андрея завалило в подвале заброшенного дома, а труп нашли две недели спустя, мы как-то вдруг сразу поумнели. Поодиночке больше никогда не ходим. Кладоискатель - тоже профессия, и не из худших. Конечно, если есть еще какое-то занятие. Зимой, скажем, бегать по оврагам, где ручьи вымывают из почвы самые неожиданные вещи, не с руки. Зимой нужно сидеть в тепле, делать что-то не слишком обременительное и готовиться к летним экспедициям.

Но вот с тем домом на Магистратской следовало поторопиться... Наши городские власти непредсказуемы. Вот они решили сносить четырехэтажное здание на углу, чтобы ставить там многоэтажную автостоянку - замечательно. Здание - не памятник старины, а стоянка в центре города необходима. Вот они отселили жильцов - тоже хорошо. Решили сносить старую рухлядь летом. И это прекрасно. Но вдруг начинается суета, кто-то сверху дает команду «немедленно!», и в самую холодрыгу затевают снос дома - рядом с ним и в летнюю пору

по узким улицам не проехать, а тут еще сугробы в человеческий рост, а тут еще обязательное ограждение! И прощай, Магистратская улица, по меньшей мере до мая!

Мы собрались на военный совет. Мы - это Дед, Муха и я, Гость. Прозвали в соответствии с поговоркой про незваного гостя и татарина. Ну, внешность у меня такая: раньше бабка татаро-монгольским игом звала, когда я ей сильно надоедал.

- Надо брать, пока там Тимофей не побывал, - сказал Дед. - Домина довоенной постройки. На чердаке, может, и оружие найдется. И наше, и немецкое.

- Кто бы возражал! - ответил Муха. - Но сперва нужно узнать, не засели ли там бомжи.

- А чего узнавать - подойти туда вечером и посмотреть, не горит ли свет, - придумал я.

- Они и в потемках могут сидеть. А поди их оттуда выкури!

Довоенный дом в городе, который с сорок первого по сорок пятый пару раз переходил из рук в руки, - это сокровище. Хотя с сокровищем приходится повозиться. Металлоискатель там бесполезен - столько в стенах всякого железа. Простукивать по старинке - как раз, обнаружив пустоту и продолбившись, попадешь в дымоход, а там одно богатство - слой сажи в три сантиметра. Но умные люди знают, что лучшее место для тайника - это большой деревянный подоконник. Если снизу проковырять, то можно спрятать золото и камушки. А подоконников только в окнах, что глядят на улицу, сорок штук...

Мы решили провести первую разведку немедленно. Разбежались по домам и собрались часов около одиннадцати, одетые по-походному и при оружии. Нет, ни огнестрела, ни травматика мы не берем, шум ни к чему, а старые добрые нунчаки могут пригодиться. Шокер у нас тоже имеется. И перцовый баллончик - хотя он против собак, но и человеческий нос его не любит. А у нас в хозяйстве есть респираторы - на случай, когда приходится ворошить пыль на чердаках. Там слой может быть по колено! А под слоем что угодно. Тимофей однажды бриллиантовую сережку нашел. Как она попала на чердак - уму непостижимо. Сперва в левом ухе носил, потом надоело - продал.

Он вообще-то не Тимофей, а Райво. Почему латтонец взял себе русское имя, догадок не было, его так уже месяца два все называли. Чудак феерический и при этом умеет драться. Дед с ним как-то сцепился - вломил ему неплохо, но сам потом отлеживался с сотрясением мозга. Тимофей и его орлы - наши городские конкуренты, они на природу не рвутся. А вот есть еще «лесные братья», так с теми лучше в лесу не встречаться, как раз и останешься в безымянном овраге кормить червяков. Черные кладоискатели. Их еще называют «гробокopatели». Против них могут выступить только красные кладоискатели - эти большой командой работают, выезжают человек

по двадцать. Им сила нужна: они то из колодца пулемет вытянут, то в лесу заваленный дот раскопают. А нас всего трое. Да нам никто больше и не нужен. Было четверо...

- Кажется, пусто, - сказал Дед. Он пришел первый, заглянул во двор, послушал тишину и посмотрел на темные окна.

Брать дом мы решили со двора, с черного хода. Там сквозной подъезд, по узкому коридору можно выйти на лестницу, но надо все время светить себе под ноги, чтобы не вляпаться в кучу. Бомжи где спят, там и гадят - принцип у них такой, что ли?

Потом мы зря извели кучу времени на подоконники - никто в них тайников не устраивал.

Парочку спящих бомжей мы обнаружили на третьем этаже. Трогать не стали.

Влезть на чердак оказалось непросто: был люк в потолке, а лестница к нему отсутствовала. Мы впотьмах, светя фонариками, разбрелись по четвертому этажу, нашли забытые табуретки и кухонный стол. К счастью, висячего замка на люке не было; мы поставили под ним стол, на стол - табурет и с двух сторон подпирали Деда, пока он выталкивал вверх крышку люка. Наконец она откинулась. Тогда мы посадили Муху - самого легкого, и он пошел по чердаку, докладывая нам о находках и ругаясь: грязи было по щиколотку.

- Во! Ящики! - донеслось из дальнего угла. - Открытые! С книгами!..

- А что за книги? - спросил Дед.

- Хрен разберешь... Погоди... Готическим шрифтом. По-немецки или по-латтонски... Их тут штук сорок.

Книги в наше время - сомнительный товар, но мы однажды нашли немецкий молитвенник восемнадцатого века, тоже готическим шрифтом, и отдали его постоянному клиенту - немцу-посреднику. Он заплатил за книжку тридцать евро, а сам ее продал, мы так подозреваем, за триста. Но это было давно. С того времени мы научились искать покупателей через интернет и кое-что выставляли на сетевых аукционах.

- Гость, лезь к нему, - сказал Дед. - Разберитесь там, орлы. Если что стоящее - тащите, я приму.

Он подставил мне «замок», подтолкнул - и я влетел в люк.

Чердак был обыкновенный, в меру захламленный. В углу светился фонарик, подвешенный к стропилу. Муха стоял на корточках перед ящиком и выкладывал на другой ящик книги.

- Слушай, им по сто двадцать лет, - разглядев цифры, обрадовался я.

- По крайней мере, возьмут в букинистическом.

- И простоят они там десять лет...

- Да ладно тебе. Раз ничего другого нет, давай хоть книги возьмем.

Еще мы нашли исписанные тетради (фиг чего в них разберешь), а на дне - плоскую деревянную коробку с чистой бумагой и какими-то

пузырьками темного стекла.

Есть коллекционеры, которых хлебом не корми - дай такой аптечный пузырек с наклеенной бумажкой. Платят они не слишком много, но этот товар у нас не залежится. Мы взяли коробку, несколько книг потоньше, спровадили Деду в люк и пошли изучать остальные углы. Ноги вязли в рыхлом месиве на полу.

Добыча в итоге была такая: плоская коробка, пузырьки, книги, несколько запыленных бутылок, сумка с тряпьем. Все это мы, решив, что на сегодня хватит, завтра тоже будет день, потащили к Деду.

Дед живет с матерью и ее сестрой в деревянном двухэтажном доме. Они правильные тетки - понимают, что у мужика свои потребности. Поэтому они сделали Деду отдельный вход в его комнату с лестницы. Сами к нему заходят очень редко - страшно. От одного плаката с Мэрлином Мэнсоном непривычного человека может вывернуть наизнанку, а ведь в комнате еще ужасы имеются. Дед настолько силен, что однажды вкатил по лестнице и установил в своей комнате байк. Так этот байк простоял всю зиму: гаража-то у Деда нет, а держать такую дорогую вещь в дровяном сарае - лучше сразу оставить на ночь посреди улицы. Более того, он почти в одиночку (Муха только дверь держал) спустил этот байк весной вниз. Так что его мать и тетка не хотят портить себе нервную систему сюрпризами, которые водятся в логове у Деда.

Он и сам - сюрприз. Из рыжей шубы, которую мы нашли в одном чулане, он сделал себе такую безрукавку, что хоть в кино показывай, в фильме из средневековой жизни. Волосы - по пояс. Обычно он их заплетает в косу. Если коса мешает, укладывает ее узлом на затылке, как его собственная бабушка. Когда сзади узел, а спереди борода, это впечатляет. В ближайший маркет Дед ходит в меховой безрукавке и босиком. В трамвае ездит тоже босиком. Однажды сказал контролеру: «Разве я похож на человека, который способен купить билет?». И контролер отвязался. А лет ему сорок.

Иногда его принимают за латтонца, и ему это не нравится.

Муха потому и Муха, что маленький, шустрый и жужжит. И упрямый, как муха, которой непременно нужно шлепнуться в твой стакан с пивом. Дед говорит, что это у него комплекс Наполеона. А я весь какой-то средний, не считая рожи. Где-нибудь в Татарстане и она была бы средней. Но тут у нас Латтония.

Мухе семнадцать лет. Ходить в школу он перестал примерно в четырнадцать, задав родителям вопрос, на который у них не было ответа:

- А смысл?

Муха - прирожденный программист и не менее прирожденный раздолбай. Он может прекрасно зарабатывать: его с руками возьмут в любом банке и на любом серьезном ресурсе, потому что у него уже

есть репутация. Но он пока что геймер. И Дед геймер, в игре они и познакомились, игра их, в сущности, и кормит. Она накачивают «персов» и продают их чудакам, которым лень самим нянчиться с «персом», добывать ему оружие, способности и всякие артефакты. За «перса» можно взять сорок крон, если не надуют, но у них уже своя клиентура, да и Дед сам кого хочешь надует. Можно еще сопровождать чужого «перса» и помогать ему накачиваться, за это тоже платят, Муха как-то за ночь огреб сто баксов - очень все хорошо получилось. Кроме того, они тестеры игры и гейм-мастера. Дед еще участвует в турнирах, но взять большой приз ему пока не удавалось.

Я тоже после школы зарабатываю на жизнь во Всемирной паутине. Это единственное место, где мы трое можем прокормить себя, а если понадобится, и близких. Здесь все равно, на каком языке мы разговариваем. А для нас это уже принципиально.

За Муху обидно: ему бы учиться и учиться. Но здесь он учиться не может, а уехать некуда. То есть пока некуда. Андрей, мой одноклассник, побывал в Ирландии, вернулся, помаялся и опять собрался в Ирландию, но, оказалось, не судьба. На похороны мы скидывались, потому что батя у него безработный, а старшая сестра после развода совсем на мели.

Вот так и живем...

Сумку с тряпьем мы вывалили на пол в сарае. Муха светил фонариком, Дед перебирал платя в цветочек и в горошек.

- Чтоб я сдох, это винтаж, - сказал Муха. - Я был на винтажном сайте: миллионеры сейчас за это большие деньги платят. И коллекционируют, и носят.

- У бабки полон шкаф этого винтажа... - Дед задумался. - А в самом деле, дураком надо быть, чтобы шариться по чердакам и забыть про родную бабку. Вот что: свожу ее на рынок, пусть наберет себе турецких халатов, а ее тряпки реставрируем - и на аукцион.

- А это что? - спросил я. На дне сумки лежала маленькая плоская сумочка, расшитая бисером.

- А это, Гость, то, ради чего стоило лезть на чердак! Это можно самому Васильеву в коллекцию продать! - обрадовался Дед.

- Погоди продавать. Сперва - что там внутри, - напомнил Муха.

В сумочке мы нашли два золотых кольца и цепочку, так что вылазка полностью оправдалась. Дед предложил оставить книги в сарае и отметить находку у него наверху стакашкой хорошего вискаря «Джек Дэниэлс».

Неизвестно, что случилось бы, если бы мы его послушались. Но на меня напал азарт: мне обязательно нужно сразу покопаться в книгах при нормальном освещении. Мы потащили сумку по лестнице, зацепили какой-то гвоздь, сдуру дернули, из сумки выдрался клочок, причем тот самый, к которому крепилась ручка. Ткань затрещала, Дед

схватил сумку в охапку, ввалился с ней в комнату, и там уже все рухнуло на пол - книги, бутылки, плоская коробка.

Аптечные пузырьки времен Первой мировой разбежались по комнате и закатились туда, где мы их искать не собирались. Дед ждет, пока всякое добро, что копится под его тахтой, однажды воспрянет и поставит эту тахту дыбом. Опять же лазить под шкаф на трезвую голову он не будет: для того чтобы пошерудить там палкой от швабры, нужно лечь на брюхо, иначе не получится, и для такого подвига ста граммов вискаря мало.

Всего пузырьков было десятка два. И все мгновенно сгнули. Почти все - один, попав под шкаф, не остался там, как полагалось, с учетом кривого пола в деревянном домишке, а неторопливо выкатился и, словно карабкаясь по склону, докатился до середины комнаты.

- Хм, - сказал Дед. - Это к чему-то.

- Это тайный знак, - добавил Муха. - Помнишь, в «Боевых драконах Винтерланда» нужно внимательно смотреть на скалу в левом углу, чтобы заметить зеленый кружок?

- Он срабатывает, только если на втором уровне ты поменяешь ножи и прикупишь на сдачу два эликсира скорости. Я два раза нарочно проверял. Но нам сегодня везет. Бомжи дрыхли, в дерьмо мы не вляпались, со стола не наворачнулись, - Дед старательно перечислял наши удачи, пока я разливал вискарь - по четыре булька для начала. - Золотишко нашли, что еще... Может, в этом дурацком флаконе брюлики лежат?

- Ага, брюлики! - развеселился я. - Эта схоронка уже послевоенная, кому и на кой держать на чердаке брюлики? С золотом хоть ясно - бабка померла, и ее шмотье, не глядя, в сумку покидали.

- Но там что-то есть... - Дед подхватил пузырек с пола. - Точно, что-то есть!

Он встряхнул пузырек - внутри застучало.

Но крышка приросла к стеклу.

- Держи, - Муха протянул Деду гантель. Одну из тех гантелей, которые каждый мужчина от пятнадцати до девяноста хотя бы раз в жизни затаскивает в дом, клянясь, что отныне будет качать бицепс каждое утро, а потом долго спотыкается об них и, наконец, пинками загоняет в труднодоступное место. Эта отличалась разве что весом - в ней было двадцать пять кило.

- Брюлики не раскроши, - предупредил я.

Дед пристроил пузырек так, что щель в полу удерживала его на месте, и осторожно тюкнул. С пузырьком ничего не сделалось. Он тюкнул посильнее - пузырек пересекла трещина. Третий тюк развалил его на три части.

- А что стучало? - удивился Муха, глядя на черную лужицу вокруг осколков.

Но лужица была живая. Она сперва растеклась, потом собралась вместе и стала расти в высоту.

- Гость, Гость... - зашептал Муха. - Гля...

Черная жидкость встала столбиком. Высотой сантиметров в двенадцать, он вдруг обрел утолщение наверху, вроде головы.

Вот только сатанинского причиндала нам тут и не доставало! Я вообразил, как эта штука гоняется за нами с извращенным намерением, - и меня прошиб холодный пот.

Каким-то ветром нас разнесло по углам комнаты. У меня в руке оказалась табуретка. Дед догадался выхватить из кармана шокер. Муха шарил за спиной - искал нунчаки за поясом, чтобы отбиваться от летучей гадости.

Столбик взлететь не пытался. Он взял таймаут и торчал в полной неподвижности минуты две - как выяснилось, собирался с силами. Потом зашевелился, отрастил себе что-то вроде узких плечиков и нашлепок на голове. Между нашлепками появился бугорок, вытянулся, сократился, и еще через минуту мы увидели почти человеческое лицо с носом. Сперва оно было черным, потом чуть посветлело.

- Ой, мама дорогая... - сказал Дед. - Сейчас я его зашибу...

- Не моги, - удержал я. - Черт его знает, на что оно способно. Не зли его...

- Надо подцепить совком и выбросить в окно, - решил Муха. - Дед, где в твоём бардаке совок?

- Отродясь не бывало, - ответил я вместо Деда.

И тут мы услышали кряхтенье. Черный столбик словно прочищал глотку. Потом он вообще закашлялся. Это его подкосило - он чуть не рухнул.

- Сейчас загнетса... - прошептал Муха.

- Эй, ты, нечистая сила, что это с тобой? - спросил Дед.

И услышал в ответ тоненький хриплый голосок:

- Поговорите со мной... пожалуйста...

Глава вторая

Конечно, мы сразу даже слова сказать не могли. Только Муха выдавил из себя какое-то вибрирующее «э-э-э».

Черный столбик съежился.

- Люди... - прошептал он.

- Ну, люди, - осторожно согласился Дед. - А ты кто?

- Я демон-симбионт.

Не то чтоб мы трое были ах какие верующие, но когда мороз по коже, память предков просыпается и берет власть в свои руки. Дед перекрестился, я забормотал «свят-свят-свят», а Муха отважно

перекрестил черный столбик. И тот никуда не делся. Так и остался стоять.

- Вы не поняли, люди. Во мне нет зла.

- А добра? - спросил Муха.

- И добра нет. Я просто симбионт. Служебное устройство. Вне добра и зла. Выведен для практических целей. Люди, говорите, произносите слова. Пожалуйста...

- А зачем тебе? - забеспокоился Дед.

- Кормлюсь словами, - объяснил столбик. - Они мне силу дают. Но у вас при этом сила не убывает. Новые слова особенно люблю. Наговорите мне новых слов, пожалуйста.

- А не врешь?

- Это не моя функция. Меня вывели для правды.

- Как это? - изумились мы.

- Нахожу правильные соответствия между словами. Если смыслов несколько, то соответствия для каждого смысла. И предлагаю. Если бы врал - меня бы уничтожили.

Мы не сразу поняли, что за соответствия и смыслы. Мы попросили его привести примеры, и тогда только до нас дошло.

- Так ты демон-переводчик, что ли? - спросил Муха.

- Да, можно назвать и так.

- И с какого на какой?

- Со всех на все.

И мы поняли, что нашли настоящий клад.

То, что черный столбик - демон, как-то сразу стало незначительным. Какое добро, какое зло, когда перед нами универсальный переводчик, если только черный столбик не врет.

- Так, орлы. Надо подумать, - сказал Дед. - Переводчиков в инете навалом...

- Они тебе напереведут! - сразу развеселился Муха, которому постоянно приходится осваивать английские тексты, так что ляпы электронных переводчиков - его любимое развлечение. - Надо проверить! Дед, что тут у тебя на английском?

- Вот, - Дед вытащил из-под журналов мануал для мобилки.

- Я симбионт. С книгой обращаться не умею, - сообщил столбик.

- А что ты умеешь? - спросил Муха.

- Срастаюсь с носителем и воспринимаю текст вместе с ним. Меня создавали для работы с устным текстом, я симбионт-аудиал, но могу и с письменным, я самообучающийся демон.

- Мне это не нравится, - сказал я. - Совершенно не нравится. Я не хочу, чтобы со мной кто-то срастался.

- Да тебе это и не нужно, - успокоил Дед. - Вот Мухе - другое дело. Или Наташке.

- Ты Наташку не трогай! - выпалил Муха. - Наташка тут ни при чем!

- Да ладно тебе! - хором ответили мы.

Муху угораздило влюбиться в женщину, которая старше его на десять лет. Он этой Наташке совершенно не нужен, но она иногда ходит с ним в кафе или просто погулять. По образованию она педагог, но кто в здравом уме и твердой памяти сейчас добровольно идет работать в школу? Да еще в русскую школу? Она сразу устроилась в бюро переводов. Кроме того, она работает на «Сюрприз». Это заработок нерегулярный и непредсказуемый, но если вдруг есть хороший заказ, то Наташка все откладывает и берется за спицы с крючком. Как-то она срочно связала свитер слонового размера с логотипом фирмы и получила за работу триста евро. Правда, трое суток спала по четыре часа и потом сутки отсыпалась. Ей часто заказывают шубы для чайников, на такую шубу уходит вечер работы, а платят двадцать евро. Чайник в шубе - это прикольно. А еще однажды она вязала пинетки для дядьки с ножкой сорок шестого размера. Настоящие голубенькие пинетки с фестончиками и помпончиками, Муха говорил: увидел - ржал минут пять как ненормальный.

- Попробуйте меня, - попросил столбик. - Зла не будет. В меня не встроены категории добра и зла. Только фильтр на лингвистическом уровне. Вы видели словари? Я - словарь. Больше ни на что не годен.

- Тогда скажи, кто и с какой целью тебя создал, - потребовал Дед. - Муха, чеши к бабке. Помнишь, ты говорил, у нее весь год крещенская вода стоит? Неси сюда бутылку.

Муха живет через дом от Деда. Ему туда и обратно - пять минут.

- Полетел! - сказал Муха и выскочил из комнаты.

- Так, младшего вывели из-под огня, - Дед вроде и пошутил, но как-то не слишком весело. - Гость, ты тоже хоть бы на лестницу вышел. Я докопаюсь, что это за нечистая сила...

- Так соврет!

- У меня нет категории искажения. Я симбионт для конкретной цели. Искажение смысла никому не нужно, - почему-то черный столбик избегал слова «ложь»; мы с Дедом одновременно уловили это, потому и переглянулись.

- Кто тебя создал? - Дед повторил вопрос, причем очень строго.

- Их было много.

- Как их звали?

- У них нет имен. Они не используют слова для имен.

- Хорошо. Как они обращаются друг к другу?

Дед думал, что поставил вопрос правильно. Как же!

- Братец, соратник, морда, харя, рыло, пакостник, черныш, хвостяра, лапчатый... - забубнил столбик.

- Тихо! Им нужны имена?

- Имена-слова не нужны.

- Что у них вместо слов?

- Не знаю.

Дед задумался.

- Может, Вельзевул? Астарот? Асмодей? - с надеждой спросил он.

- Вельзевул - Бааль-Зевув, «повелитель мух», иврит, - сразу доложил столбик. - Астарот - Ашторет, «толпы, собрания», иврит. Асмодей - Ашмедай...

- Тихо. Понял.

- Вы меня используете не по назначению. Я демон-симбионт, - напомнил черный столбик.

- У тебя тоже нет имени?

- Не требуется.

- Зачем ты понадобился? - Дед был настойчив, как будто почуял хорошую добычу. Это с ним случилось: только из-за его упрямства мы однажды полдня вскрывали дымоход и нашли-таки банку с серебряными монетами.

- Для передачи смыслов.

- Опять смыслы! - не выдержал я. - Стой, Дед! Не «зачем», а «почему»!

- Точно! Мыслишь! - похвалил дед. - Ну так почему ты понадобился?

- Потому что новые языки появились, количество символов и смыслов увеличилось тысячекратно...

- Дед, это он про вавилонское столпотворение! - догадался я. - Похоже, там не только люди перестали понимать друг друга, но и эти, не к ночи будь помянуты.

- Только люди. Стало невозможно понять людей, - поправил черный столбик. - Их настигло проклятие. Разрозненность языков - проклятие.

- Да уж, - согласился я и хотел поведать черному столбику, что по этому поводу творится в Латтонии, но не удалось.

- Ага! Вам надо было понимать людей, чтобы делать им гадости! А говорил: за пределами добра и зла! - закричал Дед. - Знаешь что? Вот тебе бутылка, лезь в нее сам, добровольно!

- Нет, - ответил он. - Не полезу. Если я вам не нужен, найдите мне хозяина.

- Без хозяина ты жить не можешь?

- Могу. Но плохо. На грани угасания. Как тут, - он шевельнулся, чтобы указать взглядом на осколки пузырька. - Очень хотел на свободу...

- А туда как попал? - спросил Дед.

- Закляли и посадили. Меня продавали четырнадцать раз. Последний раз продали магу Зайделю Дармштетту, чтобы он переводил манускрипты с латыни и со старофранцузского на немецкий. Маг, наверно, умер. Он вступал в симбиоз только для работы с манускриптами. Для действий и деланий у него был другой демон. Поэтому я остался заперт.

- А почему ты говоришь по-русски? Как русский язык выучил? -

забеспокоился Дед.

- Не было необходимости. Он во мне. Услышал вас - нашел нужный блок.

- И латтонский язык в тебе? - спросил я, надеясь, что черный столбик спросит: а что это такое?

- И старый латтонский, и новый латтонский, - ответил он.

- А говорил, не признаешь добра и зла... - проворчал Дед. - Вот же оно, зло...

- Язык - вне добра и зла, - возразил черный столбик.

- Это тебе так кажется...

Черный столбик промолчал.

- Сколько я пробыл в заточении? - наконец спросил он. - Может быть, случились перемены, о которых я не ведаю?

- И еще какие перемены! - на нас с Дедом накатило дурное веселье. - Ты даже представить себе не можешь, что за перемены! Все переменялось к чертовой бабушке!

Когда мы отсмеялись и утерли слезы, Дед спросил:

- Ладно. Этот твой Зайдель Дармштетт где жил?

- В Шпессарте.

- Шпессарт - это Германия. А как оказался в Латтонии?

- Что такое Латтония?

Мы переглянулись.

- Язык знаешь, а страну не знаешь? - спросил я.

- Я служебное устройство. Знаю слова. Слово «Латтония» не знал.

- Но если есть латтонский язык, то где-то должна быть и Латтония... Стоп, я понял! - воскликнул Дед. - Ты проспал образование Латтонии! Это что-то вроде страны. Раньше ее не было, а потом возникла, и ей придумали название - произвели от латтонского языка. Латтония - это лимитроф.

- Благодарю! Чувствительно благодарю! - ответил столбик. - Это большая радость - получить новое слово.

- Кому - радость, а кого тошнит, - однозначно отреагировал Дед. И мы на два голоса кое-как объяснили столбику смысл его радости.

- Лимитроф - это когда территория на окраине империи отделяется и становится самостоятельным государством... - обобщил он. - Но что в этом плохого?

- Плохо то, что территории кажется, будто она сама этого добилась, - сказал я. - Будто это ее национально-освободительное движение привело к такой победе...

- И на территории этой территории начинается национальное возрождение. Язык местных жителей объявляется государственным, а население резко делится на две части: у одной - все права, у другой - прав наполовину меньше, - начал Дед.

- По какому принципу население делится на половины? - спросил

столбик.

- Да по национальному! Местные - одна половина, русские - другая.

- Вы - из русской половины. Значит, у вас мало прав?

- Ну да...

Мы чуть было не прочитали ему лекцию о двадцатилетней независимости Латтонии и о крахе всего, что только можно было порушить и разворовать, но явился Муха.

- Орлы, срочно нужны деньги, - сказал он.

- А святую воду принес?

- У Наташки мать в больницу загремела. Что-то вроде прободения язвы. Много крови потеряла. А операция Наташке не по карману. Так что вот... ну, вы меня поняли... смогу - верну...

Дед присвистнул.

- Так, скидываемся, - сказал я. - У меня двадцать крон были отложены на новую флешку и кроссовки.

- У меня тридцать пять в заначке, - добавил Дед. - И на следующей неделе продаю накачанного «перса», но там аванс просить неприлично.

- А у меня тестинг только двадцатого начинается... Я сейчас поеду в больницу, возьму у Наташки рецепты. Там что-то совсем астрономическое.

Мы вспомнили все способы добыть деньги. С одной стороны, мы выставили на аукционы кучу всякого добра тысяч на пять крон. С другой - это добро могло там провалиться еще два года. Геймерские доходы ожидалось не раньше чем через неделю. Мои за менеджмент пяти сайтов -- в начале июня. Можно было взять у родственников в долг: мне бы мать дала полсотни крон. Если завтра снести найденное золото в ломбард - будет крон пятнадцать, ну, двадцать. А день в больнице - это восемь крон и сколько-то еще сантимов. К тому же Наташка, сидя с матерью, не может работать...

- А ей завтра заказ сдавать! Она собиралась ночью посидеть, днем отоспаться, - сказал Муха. - Я бы сделал, но текст сложный, юридический...

- Могу помочь, - вмешался столбик. - Это ведь перевод с латтонского? Он не такой уж сложный.

- Осторожнее с ним, - предупредил Муху Дед. - Присосется - не избавишься. Мы ведь знаем о нем только то, что он сам о себе рассказал.

- Я не способен причинять вред. Меня не для этого создали. Просто хочу заниматься своим делом, - возразил столбик. - Мне это необходимо.

- Мало ли что тебе необходимо, - осадил я его. В самом деле: торчит на ровном месте такая черная пивка и еще чего-то требует.

- Если сдать текст завтра утром, можно сразу получить сорок крон, -

сказал Муха. - Двадцать, да тридцать пять, да хотя бы пятнадцать, да сорок - это сто десять. Мало! Сорок сразу отложить на пять дней в больнице. Ее же должны оперировать, а сколько запросят за операцию - неизвестно. Одно лекарство, Наташка сказала, двенадцать крон, еще одно - восемнадцать. И Наташку прокормить: она же, пока сидит с матерью в больнице, не работает.

- Не дури, - нехорошим голосом попросил Дед.

- Слушай, симбионт, как ты это делаешь? К коже присасываешься, что ли? - Муха и всегда-то был упрям, а когда речь шла о Наташке, упрямство вообще зашкаливало,

- Кретин, - сказал я. - Ты сперва спроси, как он от тебя будет отцепляться. Это Зайдель, как-там-его, знал, как с симбионтом обращаться, а ты не знаешь!

- Ну?! - грозно обратился к столбику Дед. - Что скажешь в свое оправдание? Гость, возьми на кухне банку из-под баклажанной икры, сполосни, что ли. И крышку для нее найди.

- Вы хотите заточить меня? - растерянно спросил столбик.

- Придется.

- Все очень просто. Нужно заклинание...

- Где мы тебе среди ночи возьмем заклинание?!

Столбик объяснил, что текст у него есть, он может продиктовать, а Дед, вдруг ощутивший ответственность за Муху, который ему в сыновья годился, возражал: откуда мы, в самом деле, знаем, что это за текст такой, может, от него Мухе будет сплошной вред?

Я привык к тому, что Дед - эталонный образец немолодого разгильдяя, и сильно удивлялся: надо же, сколько в человеке скопилось подозрительности! Столбик полсотни раз повторил, что причинять вред не умеет, и столько же раз услышал, что Дед ему не верит. Наконец Муха принял решение.

- Диктуй, - сказал он, достав мобильник. - Гость, я тебе это вышлю эсэмэской.

- Что такое эсэмэска? - спросил столбик. Муха начал ему объяснять и совсем запутал симбионта всякими электронными словами. Наконец он получил текст на неизвестном языке. Столбик утверждал, что на восточно-халдейском. Это были два заклинания, очень похожие, но одно завершалось словами «ахаг-ахаг-ахаг», другое - словами «эсхаг-эсхаг-эсхаг». Попросту говоря, «присосись» и «отсосись» или что-то в этом роде.

- И где ты будешь во мне? - поинтересовался Муха. - В голове?

- Не знаю, - честно признался столбик. - Перестану воспринимать себя как отдельное существо. Наверное, мой разум в хозяине спит. Потом меня будит заклинание, и выхожу.

- У тебя может быть только один хозяин? - уточнил Дед.

- Кто скажет заклинание - тот хозяин.

- Рискнем, - сказал Муха.
- Только пусть укажет пальцем, куда входить. Все очень просто. Не надо бояться.
- Рискнем! - взмолился Муха. Ему страшно хотелось помочь Наташке.
- погоди! Ты, раздолбай, бутылку со святой водой принес? - вспомнил Дед.
- Да вот же она, в кармане.
- Ну, симбионт, держись!
- Дед вылил на него полбутылки - и ничего не произошло.
- Похоже, ты в самом деле за гранью добра и зла, - задумчиво произнес Дед. - Ну ладно, рискнем.

Глава третья

Я дал Деду свою мобилку, выведя на экран эсэмэску Мухи. Дед прочитал вполголоса заклинание, вздохнул и повернулся ко мне.

- Вот что, Гость, внимательно следи за мной. Если от этой тарабарщины мне поплохееет...

- Ладно. Дед, где твоя камера?

- Зачем?

- Буду снимать процесс.

Потом мы несколько раз крутили этот ролик. И все равно не уловили момента, когда черный столбик подпрыгнул. Только что был на полу - и вот уже исчез. Мне показалось, что он нырнул Мухе в рукав, даже не дожидаясь приказа «ахаг-ахаг-ахяг».

- Муха, ты как? - спросил Дед.

- Ничего, нормально.

- Нигде не болит? Голова не кружится?

- Нет, не кружится.

- Ну, тогда... - Дед взял одну из старых книг, напечатанную готическим шрифтом, открыл наугад и протянул Мухе. - Это, кажется, на немецком.

- На старонемецком, верхнерейнский диалект, - взглянув, поправил Муха. - Это трактат по военной истории с цитатами. Вот, слушайте.

Он прочитал абзац (я еле опознал знакомое слово «пферд»), а потом перевел:

- И где нам Всевышний окажет милость, что мы врага одолеем, удержим победу и поле и захватим движимое добро, то нашей Богоматери должен быть лучший конь, дорогому рыцарю святому Георгу - лучший доспех, командирам - их старое право и прочим - равная добыча...

- Проверить это мы все равно не можем, - заметил Дед. - Где-то у меня тут была китайская этикетка...

- Мы зря теряем время, - сказал Муха. - Я сейчас позвоню Наташке,

она мне даст пароль к своему почтовому ящику, я возьму там этот текст и сяду работать.

Наташка явно сомневалась, что у Мухи хватит способностей на такой подвиг. Но текст он получил, посмотрел на Дедовом компе и ужаснулся: там было восемьдесят килобайт. Для человека, который не связался с демоном-симбионтом, работы - на три дня, и как Наташка собиралась это сделать за вечер и ночь, мы не понимали.

- Ну-ка, покажи высший класс, - сказал Дед.

Муха сел к компу, уставился на монитор, а потом закрыл глаза. Началась сущая фантазмагория - его пальцы били в клавиатуру с невероятной скоростью, латтонский текст на мониторе таял, русский - рос.

Дед склонился над ним, прочитал Мухино творчество и хмыкнул:

- Вроде неплохо получается.

Немного обалдев, мы смотрели на Муху все полтора часа. Потом Муха опустил руки на колени и окаменел.

- Все, что ли? - спросил я.

- Да, - отрешенно ответил Муха.

- Выходи из Ворда.

Он встал и открыл глаза. Дед сел к монитору, вытащил на него перевод и наскоро просмотрел.

- По-моему, даже запятые на местах, - сказал он. - Следующий шаг - избавляемся от квартиранта. Гость, дай мобилку. Попробуем его выманить пальчиком.

Он прочитал заклинание, сделал жест - и на столе возле клавиатуры появился наш черный столбик.

- Покорнейше вас благодарю, - церемонно произнес он. - Получил истинное наслаждение. Много новых слов.

- Получилось! - завопил Муха. - Дед, Гость, получилось!

- Тихо ты! - прикрикнул Дед. - Гость, это дело надо обмыть.

- Кто бы возражал! - обрадовался я.

Я не алкоголик, но бывают случаи, когда выпить просто необходимо - чтобы не спятить. И мы угодили как раз в такой случай: перед нами на столе торчало непонятное потустороннее существо, и мы своими глазами наблюдали чудо.

Бутылка вискаря стояла наготове, стаканы тоже. Муха вытащил из холодильника колбасную нарезку, я тем временем разбулькал виски. А Дед сидел и смотрел на черный столбик.

- Ну, Дед? Ты чего? - спросил Муха.

- Орлы, вы не понимаете... вы еще ничего не поняли!.. Это же оружие!
- ответил Дед, показывая на черный столбик.

Я посмотрел на Муху. У них, у геймеров, одно оружие на уме, может, он понял Дедову идею?

- Гость, - сказал Муха, - Дед прав. Только нужно узнать одну вещь. Я

хотел, чтобы этот симбионт в меня вселился. А может ли он всосаться в того, кто даже не знает о его существовании? Симбионт, ты нас слышишь?

- Слышу. Тот, кто владеет заклинанием, - хозяин. Я служебное устройство. Повинуюсь.

- Погодите, орлы. Ты сам нам дал заклинание, - вмешался Дед. - Ты точно так же можешь его еще кому-то дать!

- Если бы не дал вам заклинания, мне было бы очень плохо. Теперь мне хорошо. Зачем стану его еще кому-то давать? - спросил черный столбик.

- Ну, мало ли? Попросят!

- Нет. Выполняю только приказы хозяина.

- Если я приказываю войти в какого-то человека, чтобы он заговорил, скажем, по-китайски, ты это можешь сделать?

- Должен сделать. Даже... - он на секунду задумался, - хочу сделать. Китайские слова прекрасные, в каждом много смыслов.

- Так, - сказал Дед. - Ты мне нравишься, симбионт. Ты не пожалеешь, что связался с нами. Орлы, нас трое. В наше время и в нашем лимитрофе три человека, которые друг друга не предают, - это сила. Так, значит... Мы им объявляем войну. Кто за?

- Я за. Руку, что ли, поднимать? - спросил Муха.

- Я за, - я поднял обе руки. Мне тоже все было ясно.

- Ты, симбионт? - Дед повернулся к черному столбику. - Хочется, чтобы ты не просто выполнял приказ, а... ну... с душой...

Мне показалось, что черный столбик пожал узенькими, едва намеченными плечишками.

- Это добро или зло? - помолчав, поинтересовался симбионт.

- Хм... - Дед явно хотел ответить, что добро, но вовремя удержался.

- Это справедливость, - догадался Муха. - Ты понимаешь: не бывает так, чтобы зло было злом для всех или добро - добром для всех. Всегда будут недовольные. А когда удастся найти равновесие, это вроде как справедливость.

- Я понял. Я за равновесие, - сказал черный столбик. - Но с условием, что не будет ни добра, ни зла.

- Не будет, - хмуро ответил Дед. И потом, когда пошел нас провожать, уже на улице проворчал: - Для этих сволочей справедливость - хуже всякого зла...

По дороге мы с Мухой обсуждали подробности первой вылазки. Когда я сказал «*a la guerre comme a la guerre*», Муха непринужденно перешел на французский.

- Они устраивают этот балаган в субботу, - сказал Муха. - У меня целых два дня, чтобы все подготовить. Завтра сделаю все Наташкины тексты и отправлю заказчикам. Ей останется только получить деньги. А потом мы уже будем знать, во сколько влетит операция...

- Ее мать - гражданка?

- То-то и оно...

Медицина в нашем лимитрофе такая: гражданам государство часть расходов компенсирует, а «жителям» приходится оплачивать всякие процедуры и лекарства почти полностью. Почти - потому что существует медицинское страхование. Но не все, естественно, покупают полисы. Если бы у Наташкиной мамы был полис - то процентов двадцать ей бы компенсировали, хотя она всего лишь «житель».

Нормальному человеку этого не понять. Когда наш лимитроф получил в подарок от великих держав независимость, то местные сразу затрепыхались насчет исторической справедливости. Их угнетали сперва немцы, потом шведы, потом поляки, потом опять шведы, потом русские - а вот теперь они сами на своей территории хозяева. Значит - что? Значит, гражданином Латтонии может быть только потомственный латтонец, остальные - «жители». А доказать, что ты потомственный, большая морока. Так что большинство русских - «жители», не имеющие права голоса. Вот такая у нас тут Европа...

Последнее изобретение Латтонии - народное движение против русских школ. Латтонцам внушают: если школы закроют, то русские «жители» куда-нибудь разбегутся. И латтонцы останутся единственными хозяевами в лимитрофе. Звучит заманчиво, дураки на эту наживку ловятся. А с удочкой сидят хитрые дяденьки. Оседлав этот дурной патриотизм, они уже который год въезжают в Думу и принимают только те решения, что выгодны их банковским счетам. Такая простая политика, но ведь латтонцам правда не нужна, им нужно, чтобы вся могучая держава говорила исключительно на латтонском языке.

Вот на что замахнулся Дед. Два геймера, один сисадмин и черный столбик против трех партий, формирующих правительство, и орды замороженных чудаков. Красиво, да?

Но нам троим надоел этот бардак.

Мы пошли на митинг, устроенный национал-идиотами против русских школ, во всеоружии: у нас были на груди бантики из ленточек национальных цветов; белого, синего и зеленого. То еще сочетание, но с глубочайшим смыслом: синий означает море, зеленый - землю, белый - чистоту помыслов. Если вспомнить, что рыбный флот мы по указанию европейских экспертов пустили на иголки, сельское хозяйство по их же директивам разорили напрочь, а чистота помыслов в нашей Думе и не ночевала, то бантики получаются совершенно издевательские.

Декорированные под юных энтузиастов, мы с Мухой молча пробилась в первые ряды. Дед остался сзади, чтобы при необходимости прикрывать наш отход.

Общество собралось неприятное. Я еще понимаю людей, которые

объединились ради любви к своему языку. Но этих сплотила ненависть к чужому. Я ни разу не попадал в такую компанию, и что меня поразило - лица были какие-то одинаковые. Как будто они собирались запеть одну и ту же песню и уже раскрыли рты - хотя рты до поры были закрыты.

Толпа расступилась, чтобы пропустить любимцев публики - несколько профессиональных политиков и молодежную секцию партии «Дорогое Отечество». Тут-то мы и сработали. Я, стоя за спиной у Мухи почти впритирку, еле слышно произнес заклинание и поманил пальцем. Тут же на моей ладони возник столбик. Муха прочитал заклинание и незаметно коснулся пальцем первого подвернувшегося идеологического рукава. Столбик исчез.

Оставалось ждать результата.

Нам повезло - симбионт внедрился в старую громогласную рухлядь, вдохновителя всех патриотических глупостей. Его выпустили на трибуну вторым. Трухлявый дед протянул к публике руку и проникновенно заговорил.

- Друзья мои, соотечественники мои, единоверцы мои! - сказал он. - Латтония в опасности, и, пока русские отдают детей в свои школы, у нас растет и зреет пятая колонна. Ради их же пользы следует перевести образование на латтонский язык...

Тут толпа опомнилась.

Проникновенную речь дед толкал по-русски.

Ой, что тут началось! Его сперва стали вежливо окликать. Он не понимал, в чем дело. Ему предложили перейти с русского на латтонский. Он сказал, что говорит на чистейшем латтонском. Тогда организаторам стало ясно, что дед спятил. Его попытались вежливо свести с трибуны. Ему стали шептать на ухо, что у него проблемы со здоровьем. Он отругивался по-русски. И наконец всем стало ясно, что он таки сошел с ума. Дед стал обвинять соратников в том, что ему хотят заткнуть рот, и всех назвал продажными тварями, которых задешево купила Москва. В здравом уме он бы ссориться с партийными господами не стал.

Митинг завершился дракой на трибуне.

У кого-то хватило ума вызвать бригаду из дурдома.

Пока деда вели к машине, Муха быстренько выманил нашего симбионта, и мы дали деру.

- Так, орлы, - сказал радостный Дед. - Где у них ближайшая тусовка?

- Это надо в инете смотреть, - ответил я. - Сматываемся. Тут больше делать нечего.

- Гля... - прошептал Муха. - Вот тебя тут только не хватало...

Митинг был устроен в парке возле памятника национальным героям. Если не знать, кому памятник, вовеки не догадаешься - груда каменных глыб с трибуной посередине. К этой груде вели три аллеи. На той,

которую мы выбрали для отступления, стояли Райво-Тимофей и его ребята. Они в митинге не участвовали - пришли посмотреть издали. Ну и увидели нас...

- Не фиг позориться, - проворчал Дед. - Орлы, отцепляйте бантики.

Их было четверо, нас - трое. И мы понимали, что в парке они разборку не устроят. Просто лишний раз с ними сталкиваться - портить себе настроение. Мы сунули бантики в карманы и прошли мимо них, рассуждая о больничных нравах: к санитарке без пятерки и не подходи. Потом я скосил глаза - они смотрели нам вслед.

- У Тимофея в голове лыжной палкой помешали, - сказал Муха. - Вот какого беса он решил стать Тимофеем? Человек, который ходит на такие митинги, не имеет права быть Тимофеем!

- Муха, ты что такое говоришь? - спросил Дед.

- Говорю, что Тимофей, оказывается, тоже умом тронулся на национальной почве.

- Да, так и есть, но почему ты говоришь это по-латтонски?

- Дед, ты так не шути...

- Дед не шутит, - вмешался я. - Ты говоришь на литературном латтонском языке, и даже все окончания правильные.

- Симбионт! Дед, вымани-ка его!

- А он что, в тебя вселился?

- Ну да! Куда я еще мог его девать в толпе?

- Вон там, над прудом, никто не помешает, - сказал я, высмотрев сверху пустые скамейки на холмике.

Мы повели туда Муху, и Дед выманил симбионта. Тот встал на лавочке черным столбиком и молчал.

- Послушай, мы не сердимся, мы не будем тебя наказывать, мы вообще очень хорошо к тебе относимся, - проникновенно начал Дед. - Мы и в банку тебя засовывать не будем. Ты только объясни, что это значит. Почему ты заставил Муху говорить по-латтонски?

- Это равновесие, - ответил черный столбик.

- В каком смысле?

- Хозяева предложили исполнить приказ. Показался странным. Спросил - это добро или зло. Объяснили - это равновесие. Понял.

- Равновесие, - повторил Муха. - Дед, тебе придется лечь на амбразуру.

- Это как? - спросил Дед.

- Ты из нас троих больше всего похож на латтонца. Если Гость вдруг по-латтонски заговорит - это будет дико.

- Я говорю! - возмутился я. - И экзамен сдал, корочки получил!

- Ты хочешь, чтобы они тебя принимали за своего? А Дед все равно дома сидит...

- А мать, а тетка? - возмутился Дед. - Нет, мы это дело в орлянку разыграем. Когда следующую кандидатуру выберем... Смотрите,

орлы...

Мы сидели на холмике, а малость пониже, шагах в тридцати, стоял Тимофей со своими, стоял прямо у воды.

- Чего это они за нами следят? - спросил Муха. - На кой мы им сдались? Гость, твоя очередь прятать симбионта.

Мне было страшновато, но я кивнул.

На самом деле всасывание симбионта - штука безболезненная. Только вдруг испытываешь необъяснимый прилив бодрости. Дед это так объяснил: симбионт обменные процессы активизирует, потому что мозгу для работы с симбионтом нужно побольше кислорода. А сам наш черный столбик знает слово «кислород» на сотне языков, но смысл слова ему недоступен, он сам в этом честно признался. Он, оказалось, может трудиться в абсолютном вакууме.

Мы спустились с холмика и пошли прочь из парка. На выходе обернулись - Тимофей со своими провожал нас на порядочном расстоянии.

- Ну и леший с ним, - сказал Дед.

Глава четвертая

Следующей нашей кандидатурой был политик более высокого ранга. Но мы подсадили ему симбионта не сразу - сперва изучили всю прессу, включая самую желтую, и подождали, чем наша авантюра кончится. Русские газеты писали про случай сочувственно: дедушка старенький, нервишки слабые, ему бы, чем по трибунам скакать, лучше дома сидеть, внуков нянчить, а противостояния двух культур и более крепкая психика не выдержит. Латтонские газеты отчаянно искали руку Москвы и додумались до того, что старика обработал какой-то засланный гипнотизер.

Если совсем честно: старик порядком надоел, националисты уже думали, как от него избавиться. Он был той самой палкой о двух концах: перед выборами он превосходно трындец про русскую угрозу и собирал для национально-озабоченных партий перепуганный электорат, после выборов он нес ту же чушь - но тогда уже наступало время коммерции, а кому надо, чтобы возмущенная толпа шла бить российские витрины, в которых выставлены латтонские шпроты?

А вот другой наш избранник был поумнее и потому вреда приносил гораздо больше.

Он по каменным трибунам не шлялся, и нам пришлось потрудиться, пока мы изучили его маршруты и график выступлений перед широкой публикой. Нам повезло: удалось подобраться к нему как раз накануне его выступления по поводу русских школ.

У нас троих о школе не самые лучшие воспоминания. Раздолбайство

Деда, упрямство Мухи (он хлопнул дверью класса в четырнадцать с половиной, и больше его туда загнать не удавалось) и мой здоровый пофигизм - это все само собой, но против нас были страшные тетки, замотанные и плохо знающие свой предмет. Каждый из нас мог клясться, что собственными руками положил бы под свою школу динамит, если бы только ему дали нужное количество. И все мы трое понимали, что если не будет русских школ - родители останутся без детей. То есть они их нарожают, но потом из этих детей сделают латтонцев, которые станут стыдиться своих русских предков. Таких мы тут уже видали!

А этот политик как раз и убеждал родителей, что лучшее будущее для детей - стать латтонцами. Красиво убеждал, со слезой в голосе.

С ним вообще получилось забавно. Когда он заговорил по-русски, все сперва решили, что это он к русским родителям обращается, тем более на него телекамеры смотрят, красивый жест, однако! В зале сидели свои люди, они стали аплодировать. Но потом группа поддержки забеспокоилась: сколько же можно по-русски шпарить? Кто-то из своих подошел к нему, пошептал в ухо, в ответ наш избранник что-то шепнул опять же по-русски, и понемногу до всех дошло: и этот пал жертвой гипноза!

Мы об одном жалели - это не был прямой эфир. Он классно говорил, почище любого артиста!

Стали высматривать следующую жертву. Нашли довольно вредную тетку, которая с пеной у рта защищала гибнущую латтонскую культуру. Мы что-то признаков гибели не замечали - в свою культуру Латтония вкладывала неплохие деньги. Но и самой культуры тоже не замечали: на дворе не начало девяностых, когда всем казалось, будто начнем ходить в латтонские театры - и народы, распри позабыв, в счастливую семью объединятся...

Тетка рвалась к власти. Нетрудно было представить, на что способна баба с куриными мозгами, получив власть. Мы опять стали следить за жертвой - сперва через интернет, потом, как выразился Дед, в полевых условиях.

И тут мы совершили ошибку. То есть тогда это было ошибкой. Как выяснилось потом, пользы от нее оказалось больше, чем вреда.

Симбионта подсаживал Муха. У него самая неприметная внешность. А Муха - самое то. К тому же он освоился с симбионтом: пока Наташка сидела с матерью, Муха делал за нее переводы. Времени на это уходило очень мало; деньги, впрочем, тоже были не ахти какие, но каждая крона имела значение. А симбионт получал свое «равновесие»: сперва политик вещал по-русски, потом Муха бормотал по-латтонски.

А потом мы присмотрели одного тележурналиста, великого защитника национальных ценностей. Тут-то и вышел облом. Как мы потом догадались, какой-то ретивый патриот снимал на камеру и того

политика, и ту тетку. Он и обнаружил, что рядом с этими людьми засветился один и тот же невысокий парень. Патриот оказался бдительным - побежал с доносом в полицию безопасности, которая на ту пору искала московского гипнотизера. По крайней мере, вся латтонская пресса от нее этого требовала.

Хорошо, что я был рядом с Мухой. Так, на всякий случай. После той истории мы вдруг осознали: друг другу надо беречь. Когда Муху стали вязать какие-то крепкие ребяташки в простых курточках, я его отбил. Как? Ну, я же не только перед монитором сутками сижу. У нас, кладоискателей, бывают такие драки, особенно когда выходим в поле, что если ничего не уметь - найдут твое протухшее тело грибки осенью.

Выручило то, что от меня не ждали агрессии. Эти ребяташки подставили мне спины. А потом мы с Мухой кинулись наутек.

Мы неслись к знакомому проходному двору. Его фишка в том, что всем известны два выхода, а Муха знает третий - через магазин. Туда выходит задняя дверь склада, и она обычно открыта, хотя вид у нее несокрушимый - железная, в облупившейся краске, толще танковой брони.

На подступах к этой двери мы и налетели на Тимофея. Он был с парнем из своей компании - его сперва звали Шпрот, потом Швед, потом еще что-то придумали, но не прижилось.

- Сволочь... - выдохнул Муха. - Сдаст...

Ясно было, что Тимофей сообразил, куда нас понесло, и, сделав небольшой круг, перекрыл нам выход, чтобы местная безопасность взяла нас тепленькими. И мы не могли рвануть на себя железную дверь - то есть могли, конечно, да только Тимофей со Шведом сразу бросились бы туда за нами.

- Придется, - сказал я, имея в виду дверь.

Её и без спешки открыть за один миг не получится - тяжелая, зараза, и заедает. Но другого пути для бегства у нас не было. Я встал лицом к Тимофею, мол, только сунься! Муха вцепился в дверь, как обезумевший кот, когтями и стал ее тянуть, чтобы получилась щель и можно было уже схватить поудобнее.

- Идиоты, - сказал Тимофей. - Держи, Гость.

У него был нож - с таким только на медведя ходить. В нашем деле штука полезная - не для драки, понятно, а если нужно что-то деревянное расковырять. Этот нож Тимофей протянул мне, как положено, рукоятью вперед, я вогнал его в щель и отжал дверь настолько, чтобы схватить руками. Она подалась. Муха вставил ногу.

Тогда я протянул нож Тимофею.

- Мы с вами, - заявил Тимофей.

Мы вчетвером оказались на складе - точнее, в узком проходе между пустыми ящиками. Если не обрушить их себе на голову, можно было

попасть к двери, ведущей в коридор, а уже оттуда - в торговый зал.

- Туда, - Швед показал совсем в другую сторону.

Оказалось, они тут бывали и разнюхали выход на крышу какой-то пристройки. Окно, правда, под самым потолком и узкое. Первым полез Муха, а потом он вытаскивал нас, как дедка - репку.

Пройдя по крыше пристройки, мы соскочили в каком-то совсем незнакомом дворе.

- Спасибо, - сказал я Тимофею по-латтонски.

- Не стоит, - ответил он по-русски. - Что вы такое сделали с этими... недоносками?

- Ничего, - ответил Муха.

- А чего вас... гоняли?

Тимофей вырос и заматерел уже в то время, когда латтонцу говорить по-русски считалось западло. Поэтому он не сразу подбирал нужные слова.

- Говори по-латтонски, мы прекрасно понимаем, - предложил я почти без акцента.

- Не хочу, - ответил он по-русски. - И Швед не хочет. Мы будем по-русски.

- Ты действительно Тимофей? - спросил Муха. В самом деле, похоже было, будто в тело нашего главного врага вселился ангел.

- Я Тимофей, - подтвердил он.

- Спасибо, - сказал я. - Как теперь отсюда выбираться?

- Выбираться потом. Сперва скажи, как это сделано. Ваша работа?

- С чего ты взял? Мы что, гипнотизеры? - я старался говорить как можно убедительнее. - Мы что, колдуны? Маги?

- Логика, - ответил Тимофей. - Просто логика.

Латтонцы, когда речь не идет об их гибнущей культуре и возрожденном самосознании, люди довольно рассудительные. Вот и Тимофей (все-таки по паспорту он был Райво) сопоставил простые факты.

Он со своими соратниками и вдохновителями был в парке, когда мы посадили симбионта безумному старику. Он видел, как мы, уходя, снимали бантики из национальных ленточек. Это ему показалось странным. И он попытался рассуждать так: если у нас есть способ заставить самого оголтелого латтонца говорить по-русски, то мы одним старым хрычом не ограничимся. Про то, что на вражьем наречии заговорил политик, и про поиски московского гипнотизера он узнал из интернета. Тетку вычислил и уже целенаправленно искал нас поблизости от нее. Естественно, нашел и даже видел наши маневры. Но он не был уверен: в самом деле, ситуация пахла безумием. И вообще, если бы он подошел к нам с вопросами, да еще при Деде, кончилось бы тупым мордобоем.

На встречу тележурналиста с народом (это было что-то вроде

выездного ток-шоу) Тимофей шел целенаправленно. А когда за нами погнались - понял, что был прав.

- Это ты так рассуждаешь, - сказал я. - Чего он молчит? Он тоже верит, что мы с Мухой - гипнотизеры?

- Тут не гипноз, - сказал Швед, и тоже по-русски.

- Ребята, объясните мне одну вещь, - попросил я. - Почему вы не хотите говорить с нами по-латтонски? Это что, в знак протеста против глупости вашего президента? Но мы-то тут при чем? С ним и говорите по-русски. Мы все трое выучили латтонский, вон Муха даже юридические тексты переводит.

Как легко и приятно говорить правду! Муха действительно переводил для Наташки совершенно кошмарные документы, которые не могли сами по себе возникнуть ни в мозгу латтонца, ни вообще в человеческом мозгу: это были дурные переводы с английского, которые какие-то чиновники выдавали за собственное творчество, обязательное для понимания русскими бизнесменами.

- Надо будет - и с этим поговорим по-русски, - пообещал Тимофей. - Мы больше не говорим по-латтонски. Если хочешь, давай по-английски.

Только тут до меня дошло, что у Тимофея к нам разговор.

- Я так понимаю, у нас перемирие? - спросил я.

- Да, это самое.

- Слышишь, Муха? Твое мнение?

- Перемирие - это хорошо, - согласился он. - Только ведь не от горячей любви к нам с Дедом! У них что-то случилось. Так что мы им теперь, Гость, заклятые друзья!

Я объяснил Тимофею со Шведом про заклятых. А Муха, который не желал доверять латтонцам, вдруг перешедшим на русский, предложил место для встречи. Был у него на примете один кабачок, бармен которого славился умением прекращать споры и ставить точку в драках.

- Вы придете вчетвером, мы - втроем, - так сказал Муха. - Мы проставляемся.

До этого нужно было сообщить дикую новость Деду, выслушать двухчасовой матерный монолог и убедить его, что встреча может оказаться полезной...

- Им от нас что-то нужно, - сказал, немного успокоившись, Дед. - Иначе они бы вас, орлов безмозглых, выручать не стали.

- Им нужен гипнотизер, - ответил я. - Зачем - это они завтра скажут. Только вот что получится: мы им объясним, что гипнозом не балуемся, они нам не поверят, а дальше - нас трое, их четверо...

- Но все равно встретиться надо. Даже если они нас выручили из таких вот шкурных соображений, - добавил Муха. - Знаешь, Дед, если мы не встретимся с ними и как-то их не успокоим, с них станется

донести на нас в полицию безопасности. Они же латтонцы!

- Муха, не жужжи, - попросил Дед. - Нужно придумать такое объяснение, чтобы они поверили. Ну, скажем - сами охотимся на гипнотизера... Про симбионта им нельзя говорить ни в коем случае. Это же ценность, за которую могут и того... А ему все равно, кто хозяин. Он и их научит своему заклинанию, - сказал Дед.

- Это точно, - согласился Муха. - Во влипши... Может, плюнуть на все и уехать, пока нас не загребли?

- Куда ты поедешь... На границе - паспортный контроль. И ты уж поверь, что всех погранцов нашими портретами снабдили. Надо где-то затихариться. Что скажешь, Дед? - спросил я.

Дед, объявивший войну национал-идиотам, такого исхода не ждал и крепко задумался.

- Скажу вот что... Допустим, мы знаем о существовании гипнотизера, допустим... И пришли просто посмотреть, как это у него получится... Ну, можем соврать, что это женщина...

- Хорошо бы придумать приметы, - подсказал я.

- Можно... Только надо им объяснить, что она умеет отводить глаза. Скажем, сделать так, что она всем кажется старой бабкой, а на самом деле вроде Джей Ло в молодости.

Потом мы обсудили внешность гипнотизерши. Решили, что это должна быть сорокалетняя тетка с длинными темными волосами и в темных очках; как снимет очки, так гипноз и начинается. А для работы ей прямой контакт не нужен - она своим зловещим взглядом чуть ли не стенки прошибает, встанет метрах в двадцати от оратора - и он хоть по-японски заговорит!

- Нет, про японский ты, Муха, загнул, - опомнился я. - Это должен быть известный оратору язык! Иначе получится эта, как ее...

- Глоссолалия, - вспомнил умное слово Дед.

И мы полезли в интернет - искать инфу про глоссолалию.

Глава пятая

Кабачок назывался «Последняя надежда». Умный человек дал ему это название! Оно просто притягивало тех, у кого проблемы. А проблему или решаешь в разговоре, или топишь в алкоголе.

Мы пришли одновременно: с одной стороны Дед, Муха и я, а с другой - Тимофей, Швед, Боромир и Гольд. Боромир - это за сходство с киношным персонажем, а Гольд - «золото» по-немецки. Он как-то нашел банку с золотыми монетами.

Стол в «Последней надежде» были небольшие, мы состыковали два, сели и спросили живого пива. Свобода и независимость принесли Латтонии еще и такую дрянь, как химическое пиво. Тины и туристы его

пьют, потому что ничего лучшего не знавали, у них вкус испорчен. Но мы-то, местные, знаем, что такое правильное пиво.

- Спасибо, Тимофей, - сказал Дед. - Это было неожиданно.

- Да ладно, - ответил Тимофей. - У нас есть вопросы. Вопросы были предсказуемые. Дед наплел Тимофею про гипнотизершу. Боромир и Гольд поверили, Швед смотрел на нас с подозрением.

- Надо с ней встретиться. Это очень важно, - сказал Тимофей.

- Для кого важно?

- Для всех.

- Все - это кто?

- Латтонцы. И русские.

- Первые, значит, латтонцы...

- Для них важнее. Потому что... - Тимофей задумался. - Потому что у них - беда. Горе.

- У русских тут, значит, ни беды, ни горя?

- Не заводись, Дед, - попросил я. - Всем плохо из-за этой исторической справедливости, черти б ее побрали.

- Не я ее восстанавливал, - буркнул Дед.

- И не я, - сказал Тимофей. - У меня отец наладчиком оборудования на «Электроне» работал, брат матери был слесарем шестого разряда, сестра матери - сборщицей пятого разряда. Где теперь «Электрон»? Там в цехах этот... бардак!

Цеха лучшего местного завода, отремонтировав, отдали торговому центру. Там и мой батя работал. Теперь батя - в строительной бригаде, в Голландии. Но если так - может, наши отцы вообще в одном цеху трудились? Может, и руки друг другу пожимали, жестко, по-мужски? Надо же, какой сюрприз...

- Эта дама нам нужна. А вдруг поможет. Дайте ее координаты, пожалуйста, - попросил Швед.

- Загипнотизировать русских политиков, чтобы заговорили по-латтонски? - предположил Муха. - Так наши уже чешут по-латтонски не хуже ваших. И врут примерно так же!

- Это и плохо, что не хуже... - Тимофей вздохнул. - Ребята, сейчас по-латгонски говорить нельзя. Не советую.

- Я перевожу с латтонского. Что, уже и не переводить? - удивился Муха.

Тимофей и Боромир переглянулись.

- Ты ничего такого не замечал? С тобой все о-кей? - спросил Боромир.

- Все вроде.

- Нам нужен сильный гипнотизер. Обычного пробовали. Фуфло, - сказал Тимофей. - Для дураков. Как раз такой, который заставляет менять язык... лингвистический гипнотизер, вот какой. Может, он поймет...

- Да, - добавил Швед. - Нам нужно кое-что понять.

Мы еще немного потолковали, но ничего нового друг другу не сказали.

- Не хотите помочь, - подвел итог Тимофей. - Ладно.

- Объясните, в чем дело! - потребовал Дед. - Говорите загадками, а желаете, чтобы вам помогали!

- Не можем, - Тимофей встал. - Ну, хорошо. Мы уходим. Добрый совет на прощание - не говорите по-латтонски.

И они действительно ушли - к нашему великому изумлению, без мордобоя.

- Временно прекращаем наши диверсии, - сказал Дед. - Нигде не светимся. Питаемся пиццей с доставкой на дом.

- Дед, мы как-то плохо с ними поговорили... - Муха вздохнул. - У меня такое ощущение, будто они попали в большую беду.

- Плохо, - согласился Дед. - Нужно было еще спросить у них, какого черта они околачивались на всех этих национальных тусовках! И еще: не они ли нас сдали!

- Дед, у тебя логика глючит. Они же нас спасли от безопасности, - напомнил я.

- А если это спектакль? Театр? Чтобы без мыла к нам в задницу влезть? Орлы, они же латтонцы! Они могут вести себя, как ангелы, а потом вспомнить, что они - латтонцы! Что, разве этого не было? Как за свободу и независимость на баррикадах сидеть - так мы им лучшие друзья! Кончились баррикады, началась независимость - пошли вы на фиг, русские иваны.

Возражать мы не стали - так оно все и было.

Но ощущение беды не только Муху беспокоило. Я видел, что с Тимофеем и его ребятами неладно. Они что-то знали - ну, вроде как знает человек, что его близкие больны какой-то стыдной болезнью, о которой говорить просто невозможно, а лечить все-таки надо.

Но Деда не переубедишь. И в чем-то он был прав: латтонцы - люди уживчивые, но камень за пазухой носить любят.

На всякий случай мы спросили у симбионта, не замечал ли он каких-либо странностей в латтонском языке.

- Нет, - ответил наш черный столбик. - Живет и развивается соответственно законам. Количество заимствований в пределах нормы.

А потом Муха узнал, что собираются сносить один дом на окраине. У него бульдозерист знакомый, снабжает такой инфой. Я съездил, посмотрел. Вернулся с докладом: если эту халупу не снести, она сама кому-нибудь на голову рухнет. Судя по тому, что домишко стоял на краю здорового сада, участок купил богатый дядька и решил там взгромоздить очередной особняк с подземной сауной.

- Может ли там быть что-то ценное? - спросил Дед.

- Дом, по-моему, построен в тридцатые годы. Там еще штуки четыре разных сараев. Они кажутся более перспективными.

- А забор?

- Есть забор. Но я обошел по периметру - там можно организовать дырку.

Мы старались не появляться в людных местах, но окраина - место безлюдное. Опять же мы собрались туда вечером. Теоретически нас никто не должен был засечь. Мы все рассчитали: приезжаем последним автобусом, уезжаем первой электричкой. Или, если вдруг найдем какие-то увесистые сокровища, звоним Сашке Кожемякину, он как раз до работы успеет заехать за нами на машине. Оделись мы тоже подходяще - в стиле «капуста». Если от работы разогреемся, будем скидывать одежды послойно. Все наше оборудование Дед так доработал, что оно влезало в большую спортивную сумку.

- Хорошее место, орлы, - сказал Дед, когда мы приехали. - Я тут поблизости пару лет прожил. Там, за садом, должен быть пустырь, то есть вытоптанная опушка, и наверняка есть тропа к озеру. Настоящая дача. Летом никакого взморья не нужно. Загорать можно в саду, купаться - в озере.

- Если его вконец не загадили, - испортил весь дифирамб Муха. - А загадят однозначно.

Мы подошли по совершенно пустой и темной улочке, освещенной всего одним фонарем, к нужному месту в заборе.

- Гении мыслят одинаково, - с этим афоризмом Муха показал на дыру в проволочном заборе и следы на снегу, ведущие от дыры к ближайшему сараю. Хозяева так не ходят...

Тимофей со своими тоже собирал инфу о всяких развалинах. Может, один и тот же бульдозерист снабжал нас адресами.

- Влипши, - сказал я. - Ничего не поделаешь, он - первый.

- А это что еще такое? - с беспокойством спросил Дед. - Вон, вон, в окне...

Домишко, предназначенный под снос, еще совсем недавно признаков жизни не подавал. А сейчас два окна светились, но как? Зеленоватым светом, какого ни одна лампа не дает.

- Блин, - ответил Муха. - Кто-то туда залез. Но это не хозяева...

- Откуда ты знаешь?

- Мне так кажется... Вот интересно, эти следы свежие?

Вопрос был обращен почему-то ко мне.

- Что я тебе, Чингачгук? - спросил я. - Вот что, давайте уходить. Не нравится мне тут. Тимофей пришел первый, пусть он и остается.

- Гость прав. Уходим, - решил Дед. И тут грянуло!

Я впервые в жизни видел, как над домом поднимается крыша! Она еще, наверное, целую секунду висела в воздухе, прежде чем опуститься. И ее подпирали столбы зеленоватого цвета.

А вот когда она опять накрыла стены, когда стены стали заваливаться, мы услышали крики.

Дом рухнул - крики смолкли.

- Тимофея завалило! - догадался Муха. - Ну, вы как знаете, а я - туда! Может, хоть кого-то сумеем вытащить.

И полез в дыру.

- А если это не Тимофей?! - крикнул Дед.

- Так тем более!

Снег в этой части двора не убирали с ноября. Ямы, которые мы заметили, оказались глубиной чуть ли не по колено и разношенные - явно прошло, след в след, несколько человек. Муха заскакал, как козел, высоко задирая колени. Следующим пошел я. Дед с сумкой остался у дыры, мучительно размышляя, должен ли он спасти Тимофея.

Муха, когда надо, соображает очень шустро. У нас были с собой фонарики на петлях, чтобы подвешивать. Он прицепил фонарик к двери сарая, залез туда и нашел лопаты, грабли, даже вилы. Раскапывать рухнувшие стены втроем - безумие, но крепкие палки послужили нам рычагами. Дед, который все же решил помочь латтонцам, тоже забрался в сарай и откопал там доски.

К счастью, две стены оказались довольно прочными, они практически устояли, но мы не сразу это поняли - от сараев мы их не видели. Двигаясь вокруг развалин в надежде найти самое удобное место для раскопок, мы обнаружили их, обрадовались и взялись за дело. Был шанс, что возле этих стен кто-то уцелел.

- Осторожно! Осторожно! - то и дело напоминал Дед.

Мы и сами знали, что надо осторожно. Удалось оттащить кусок стены, образовалась черная дыра.

- Тимофей! Боромир! Гольд! Швед! - закричал в эту дыру Муха.

- Тут я! - по-латтонски отозвался голос.

- Тимофей, ты, что ли?

- Я!

Муха с фонариком полез в дыру. Мы вставили туда доски на случай, если сверху что-то поползет. Тимофей, увидев свет фонарика, лез навстречу, тихо ругаясь по-латтонски. Муха, пятясь, выбрался и потребовал лопату с ручкой - нужно было просунуть Тимофею что-то такое, за что он мог бы ухватиться, и понемногу его вытянуть.

Десять минут спустя он стоял перед нами - в свитере, но, кажется, не ощущая холода.

- С тебя причитается, - сказал ему Дед. - Пивом не отделаешься.

- Что за вопрос! - ответил Тимофей. - Теперь надо парней вытаскивать. Швед жив, я его слышал...

- Хорошо же ты перепугался, если по-латтонски опять заговорил, - пошутил Муха.

- Вы что? Я по-русски говорю! - воскликнул Тимофей опять же по-латтонски.

- Это психическое, - догадался Дед. - С перепугу бывает...

- Я нормальный, - ответил ему Тимофей. - Совершенно нормальный. С чего ты взял?

- Тимофей, ты сейчас говоришь по-латтонски, - вмешался я. - Как те, загипнотизированные, помнишь? Они не понимали, что говорят по-русски, пока им не сказали.

- Так... - произнес он. - Отойдите подальше. Я заразный.

- Тимофей, ты спятил? Гость, что там у нас в запасах? Для сугреву... - спросил Дед. - Дай ему выпить. И за работу. Там еще три человека.

- Четыре, - уточнил Тимофей. - Где лопата? Там мои парни...

. - Дураком нужно быть, чтобы лезть в дом, который может рухнуть, - сказал ему Дед. - Да еще кого-то чужого с собой тащить.

- Я - Райво... - пробормотал Тимофей. - Я - Райво...

- Нет, он не спятил. Это он раньше спятил, когда вообразил себя русским. А теперь он вернулся в свой латтонский рассудок, - голос Деда был звонок и строг, каждое слово - как удар по железу. - Я же говорил!

- Дед, он попал в беду, - возразил Муха. - Ты что, не видишь? Тимофей, вот лопата. Где там, по-твоему, Швед?

- Я - Райво, - пробормотал Тимофей, но лопату взял.

Как мы вытаскивали из-под обломков повредившего плечо Шведа, лучше не вспоминать.

- А Боромир где, Гольд где? - спрашивал я. - Где они были, когда крыша взлетела? Ты не понимаешь?

- Понимаю, - сказал по-латтонски Швед. - Только говори со мной по-русски, слышишь? По-латтонски не смей!

- Мания национального величия, - определил проблему Дед. - Что вы там такое делали? Что вы взорвали?

- Я Андрес, - ответил Швед, - только ты меня так не называй. Он за имя цепляется. За звуки. За дифтонги...

- Дифтонги? - переспросил Муха.

- Латтонские дифтонги - «уо» и «эу». Только не повторяй...

- Давайте-ка, орлы, вызовем полицию и «скорую», -- решил Дед. - Сами мы тут не справимся.

- Я вызову. По-латтонски, - предложил Тимофей. - Это ведь не шутка? Я действительно говорю по-латтонски?

- Спроси Шведа, - хором посоветовали мы с Мухой.

- Уходите, - сказал тогда Тимофей. - Мы сами вызовем полицию и «скорую». Вам нельзя оставаться, вас ищут.

- Он прав, - подтвердил Швед.

Мы посмотрели на Деда: что он ответит?

- Будем ковыряться с вами до последнего, - ответил Дед. - Держи мобилу, Тимофей. Чтоб они сдохли - те, кто нас поссорил.

- Чтоб они сдохли, - подтвердил Швед, а Тимофей потер рукой лоб.

- Я не хочу... тебе меня не взять... - пробормотал он. - Пошел прочь, пошел прочь, убирайся...

И вдруг выдал такое на чистейшем русском языке, что даже Дед сказал «ого!».

Поскольку Тимофей разговаривал сам с собой, мы попросили Шведа показать, где могут быть остальные трое. Швед, придерживая правую руку левой, пошел вокруг дома. Мы с фонариками и лопатами - следом.

- Вот тут были двери, за ними сразу комнатка, вроде прихожей, за ней большая комната. Слева - кухня... Боромир, кажется, был на кухне... Боро! Боро!

Ответа не было.

- Что вы взрывали? А главное - зачем? - спросил Дед.

- Это был не взрыв, - сказал Швед, - это гораздо хуже. Он думал, что убьет нас...

- Кто?

- Если скажу, все равно не поверите,.. Боро! Гольд! Гольд был в комнате с печкой...

- И где она?

- Если войти в большую комнату, то справа.

- А взорвалось в большой комнате? - допытывался Дед.

- Да не взорвалось! Никакой это не взрыв! - выпалил по-русски Швед, но опять перешел на латтонский: - Я не могу объяснить. Вы подумаете, что я совсем спятил. Вот тут, кажется... Если поставить подпорку, можно убрать вот это...

- Понял, - сказал Дед. - Там дверь сарая - в дюйм толщиной. Можно ее вогнать. Гость, в сарае наверняка есть топор. Ты можешь сбить петли?

- Постараюсь, - ответил я.

- И скажи Тимофею: пусть наконец перестанет бормотать, как маразматическая горилла, и позвонит в полицию. Если не хочет - заведи у него мою мобилу, с нее Швед позвонит.

- Вот же моя... - я полез под куртку, искать подвешенный к ремню футляр.

- Ну, ты орел! - возмутился Дед. - Вы с Мухой, когда поставите дверь, вообще уберетесь к чертовой бабушке! Вам нельзя показываться полиции на глаза! Вас-то видели, а меня нет! А я скажу, что пришел с Тимофеем. Вот я, вот моя мобила, никто не придерется.

Он был прав. Мы с Мухой притащили эту самую дверь и вогнали ее как раз под нависший край крыши - строго перпендикулярно земле. Все это время Швед звал своих, а Дед откатывал в сторону большие обломки стены.

- Летите, орлы, - сказал он, когда, по его мнению, уже следовало ждать и полиции, и «скорой». - По опушке - до железной дороги, а за ней, кажется, километр до шоссе. Там словите попутку.

- Кто нас возьмет? - безнадежно спросил Муха. - Проще не тратить

время и возвращаться пешком. Часа через два будем дома.

- Или, по крайней мере, там, куда можно вызвать такси, - добавил я.

В общем, мы ушли, отдав Шведу и Тимофею толстые свитера, а Дед остался.

Глава шестая

Звонить Деду ночью мы опасались: кто его знает, где он, может, сидит в полиции и дает показания. Дело-то очень подозрительное - взорвался дом. Пусть заброшенный, но все-таки дом, чья-то частная собственность.

Конечно, мы перебрали все варианты. Дом мог быть даже сороковых годов постройки, и его установили над какой-нибудь неразорвавшейся авиабомбой. А с годами что-то в ней проржавело - она и ахнула. Кто-то из красных или черных кладоискателей мог использовать дом как склад для своих находок: если они что-то откопали в лесу, то могли спрятать оружие в таком удобном месте; чтобы потом понемногу вывезти. Но неужели Тимофей с парнями не поняли, что это такое?

Я остался ночевать у Мухи. Он еще на полтора часа сходил в игру, присмотреть за клиентом. А на следующий день мы стали искать Деда.

Дед нашелся дома у Тимофея.

- Все живы, - сказал он. - Но только Боро в реанимации.

- Что это такое было? И кто у них пятый? - спросил я.

- Пятый, слава Богу, сумел уйти. Но это не телефонный разговор, орлы. Тут такое делается...

Мы получили от Деда довольно странную инструкцию - поехать в гинекологическую клинику на Ратушной площади и отнести передачу пациентке по имени Рита Куус. Потом нам следовало ждать его звонка.

Если мужчина заботится о пациентке такого заведения, которая ему не жена, то его совесть явно нечиста. Так рассуждали мы, покупая обязательные апельсины, бананы, йогурты и шоколадки. Но когда и как Дед умудрился нагрешить? Имя-то мы слышали впервые.

В регистратуре нам сказали, в каком отделении лежит пациентка, а за шоколадку подсказали, как к ней проскочить по служебной лестнице.

Она оказалась черноволосой бледной девушкой, не то чтобы красивой, скорее просто привлекательной. То есть пока лежала с закрытыми глазами. Когда же, услышав нас с Мухой, она открыла глаза, мы чуть не отскочили. Я ощутил что-то вроде удара в переносицу.

- Мне двигаться нельзя, сильные ушибы и сломанные ребра, - сказала Рита по-русски. - Мне вкололи обезболивающие. И я выложилась, когда уезжала оттуда... Все ресурсы ушли... Но вы помогите отсюда выйти. Я уже способна работать.

Говорила она почти без латтонского акцента. Хотя выглядела более чистокровной латтонкой, чем все белобрысые и щекастые девицы нашего лимитрофа. Я узнал в ее лице либские черты - либии как раз были раскосые и темноволосые. Они, уходя в небытие, поделились кровью с пришлыми латтонцами.

- Ты с ума сошла, - вот и все, что я смог ей ответить.

- Нет. Я не могу тут долго быть. За мной могут прийти. Мне нужен донор.

- Это можно, - сразу согласился Муха. - Только у меня в крови сейчас процентов десять пива. У него тоже.

- Кровь тут ни при чем. Сядь сюда, на край, возьми меня правой рукой за левую руку, левую положи мне на правый висок и нагнись, я тоже должна положить тебе руку на висок.

Муха все это проделал, хотя я по глазам видел - ему страшновато.

А потом мне показалось, что с глазами беда: я увидел голубые искры между губами Мухи и Риты. Облачко голубых искр, которое растянулось и, став плоским, повисло между ним и ней, как натянутый платок. Пока я протирал глаза, оно исчезло.

- Теперь ты, - сказала мне Рита. - Бояться не надо. Я просто возьму у тебя немного энергии, чтобы полечиться. Мне нужно ускорить движение энергии по каналам, чтобы омыть все больные места. Выручайте, парни, я вам еще пригожусь.

- Гость, помоги встать, - попросил Муха. - Голова кружится...

Я молча выволок его в коридор.

- Пошли отсюда, - сказал я. - Ноги переставлять можешь?

- Погоди. Что-то я совсем плохой.

- Муха, тут какая-то засада. Дед сидит у Тимофея, оттуда посылает нас в эту клинику... что-то не так, понимаешь? Мы впутались в какие-то латтонские разборки!

Коридор был длинный, туда выходили двери небольших палат. В дальнем конце находился выход на служебную лестницу, а мы стояли поблизости от главной.

По ней поднимались двое мужчин и женщина. Они говорили по-латтонски. Мужчины расспрашивали о пациентке Рите Куус. Женщина отвечала, что как врач она не может позволить беспокоить пациентку, доставленную с сильным кровотечением по женской части. Мужчины в ответ на это утверждали, что, по их информации, у пациентки травмы совсем иного характера, а в клинику ее поместили по загадочному распоряжению заместителя главного врача госпожи Сидоровой. Женщина потребовала, чтобы перед входом в палату мужчины надели одноразовые халаты и бахилы. Она повела их туда, где стоял автомат для выдачи бахил, и потом дальше, видимо, в комнату, где висели халаты.

Вдруг дверь палаты распахнулась. Рита Куус стояла, держась за

косяк, в голубой пижамке и босая.

- Помогите, - сказала она. - Уведите меня... Он собрался с силами, он может меня уничтожить... Помогите... Он тут, он сейчас явится... ему нужен прямой контакт...

- Она бредит, - шепнул я Мухе.

- Уведи ее, - прошептал Муха. - Унеси, что ли... Гость, это не бред... Гость, я знаю, я понял...

- Как ты мог понять?

- Потом... вытащи ее.

- Сядь, - велел я, показав на стул. - Вернись за тобой.

Муха нес непонятную мне околесицу, но он был в своем уме, это я знал точно.

Перекинув Риту через плечо, потому что на руках девочек носят только в кино, я быстро спустился по служебной лестнице на первый этаж. Можно было выйти в вестибюль клиники, но что бы я стал там с ней делать дальше? Лестница вела куда-то вниз, и я решил, что в подвале всяко теплее, чем на улице, а может, найдутся какие-то тряпки. Нести в февральскую холодрыгу по улице босую девчонку в пижамке на голое тело...

- Поделись со мной, - попросила Рита, когда я поставил ее между какими-то бурлящими и гудящими, теплыми на ощупь стояками. - Мне уже лучше, я убрала гематомы.

- Ага, и буду с копыт валиться, как Муха, - отказался я.

- Поделись, и я смогу идти сама.

- Думаешь, я тебе поверю?

- Муха кормит симбионта, - сказала она. - Симбионт открыл канал, а я к этому каналу подключилась. Произошел выплеск. Я не думала, что там такой канал. Поэтому могу ходить.

- Точно! - воскликнул я. Сто раз мы говорили Мухе, чтобы не таскал с собой симбионта в супермаркет! Есть для него банка из-под баклажанной икры, пусть там и сидит! А Муха зачем-то поволок его на дело...

- Что это за симбионт? - спросила Рита. - Я с такими еще не сталкивалась. Зачем он нужен?

- Много он жрет? - вопросом на вопрос ответил я.

- Немного, но канал сделал хороший. Я же говорю: по такому каналу может быть большой выплеск.

- Ч-черт... Знали же мы...

Я хотел сказать: знали ведь мы, что в этой истории с черным столбиком есть какой-то подвох, какая-то здоровенная ловушка! Но воздержался. История о том, как три неглупых человека купились на жалобное вранье, - не для посторонних.

- Помоги мне, - сказала Рита. - Теперь совсем немного нужно, чтобы я могла двигаться сама. Ребра схвачены...

- Куда ты пойдешь босиком?

- Это не имеет значения. Маша сделала главное - дала мне ночь передышки с обезболивающими. Ты не представляешь, какая я была, когда Дед вытащил меня из-под стены. Они думали - я умерла. Но потом у них хватило ума вызвать такси. Я связалась с Машей Сидоровой, она дежурила и взяла меня к себе. Эти господа из безопасности опрашивали таксистов и вышли на след.

- Ясно. Только при чем тут безопасность?

- При том, что он ими тоже завладел.

- Кто - он?

- Я не знаю, как его зовут. И узнать негде. Поэтому у нас не получилось...

- Что не получилось?

- Заклясть его и прогнать. Хотя бы прогнать. Думаешь, для чего мы забрались в этот дом? Мы не знали, на что он способен. На окраине вред был бы минимальный... Тимофей давно уже присмотрел этот дом, но люди оттуда выехали только на прошлой неделе.

- Ты давно знаешь Тимофея?

- Он мой троюродный брат.

- Вот не думал, что у него либийская кровь.

- Да, по нему не скажешь. Но имя - Рай... нет. Нельзя. И ты тоже не используй латтонских имен. Ему достаточно нескольких слов - они открывают канал. И все. Он проникает в тебя, и ты понемногу теряешь рассудок.

- Почему же Муха еще в своем уме?

- Может быть, его охраняет симбионт? Или он считает Муху собственностью симбионта?

Я подумал и решился.

- Как это делается? - спросил я. - Как там было с руками и висками?

- Сейчас можно проще, - она улыбнулась. - Положи мне одну руку на левый висок, вторую - на грудь, вот сюда. И закрой глаза - я же знаю, что ты видел и испугался.

- А я не свалюсь, как Муха?

- Я тоже кое-чем с тобой поделюсь.

Когда я держал правую руку на ее виске, а левую - на груди, то не ощутил решительно ничего. А вот потом стало как-то зябко, пробилась дрожь.

- Открой глаза, - сказала она. - Все в порядке. Мне удалось прогреть точки. Теперь будет легче. Идем, Гость. Где-то тут есть выход во двор.

Она пошла по грязному бетонному полу. Я видел ее ступни - грязь к ним не приставала! Когда мы выбрались во двор, она шла по снегу так, как шла бы в солнечный день по пляжу.

- погоди! А Муха? - спросил я.

- Муха должен еще часа два посидеть, не двигаясь. Не бойся. Если он

говорил по-латтонски и с ним ничего не случилось, то и сейчас не случится. Выходи на улицу первый и лови такси.

Мы уехали вовремя: когда уже оказались в машине, со двора выскочили те двое, что пришли за Ритой. Они ее выследили, но я показал таксисту десятку, и он унес нас на дикой скорости с неожиданными финтами.

- Ты, когда смотрел на них, ничего не заметил? - спросила Рита.

- Мало ли что мне померещится, - ответил я. - Какая-то игра света.

- Зеленоватого света?

- Значит, не померещилось.

- Это его спектр - болотно-зеленый, иногда желтоватый.

Я вспомнил, как засветились окна рухнувшего дома. Точно, с желтоватым оттенком...

- Да что за «он» такой?

- Приедем - расскажу.

Такси доставило нас к загородному коттеджу, где мы обнаружили Тимофея, Шведа с рукой на перевязи и Деда.

- Я тут живу, - сказала Рита, - и тут безопасно. Мой учитель научил меня ставить защиту.

- И где эта защита?

- Вот, - над дверью висел маленький образок. - Туда, где верят, ему ходу нет. Вера сильнее всех его выдумок. Если веришь, то все свои поступки как-то согласовываешь с верой. И сразу становится ясно, когда тебе подсовывают вранье.

- Всего только образок? - не поверил я.

- Сам по себе он не защита. Но мое взаимодействие с ним - защита. Хотя и тут мы не будем говорить по-латтонски. Кто знает, какую щель он может отыскать.

- Садитесь, - Тимофеем указал на диван. - Сейчас всех покормлю. Ты справилась?

- Да, братик, сейчас я справилась. Но он... он теперь пустит в ход все. И что получится - не знаю...

- Где Муха? - спросил Риту Дед.

- Нужно позвонить Мухе, чтобы он знал, куда ехать.

Дальше мы просто сидели и ждали Муху. Рита легла отдохнуть, а Дед пристроился рядом и рассказывал ей страшную историю, как нашли симбионта, со всякими придуманными подробностями. Я бродил вдоль книжных полок и пытался понять: что во мне изменилось, чем со мной поделилась Рита?

Муха приехал - началась суета. Его усадили на стул, придвинули стол, на него поместили огромное металлическое блюдо.

- Ты умеешь выпустить симбионта? - спросила Рита.

- А чего тут не уметь... Выйдите все. Тимофеем, вам это видеть незачем.

Заклинание он отчеканил уверенно, и черный столбик исправно возник на блюде. Тогда я позвал Тимофея, Риту и Шведа.

- Кто ты? - спросила Рита.

Столбик не ответил.

- Кто из вас его хозяин? Прикажите ему отвечать, - Рита обвела взглядом нас троих.

- Наверное, я, - сказал Муха. - Я с ним больше работаю, чем Дед или Гость. Симбионт, отвечай, пожалуйста.

- Я демон-симбионт, - сразу отозвался черный столбик. - Служебное устройство.

- Каково твое понятие об источниках добра и зла?

- У меня нет такого понятия. В меня не встроены категории добра и зла.

- Тебя можно научить этому?

- Я самообучающийся симбионт-аудиал. Выведен для точных соответствий. Мыслю лингвистическими категориями. Если это теперь лингвистические категории - готов их усвоить.

- Он прав, добро уж точно стало только лингвистической категорией! - не выдержал и встрял Дед.

- Давно ли ты выведен? - словно не замечая Деда, спросила Рита.

- Не имею встроенной категории времени. Выведен после утраты Старшего языка.

- Это он про Вавилонское столпотворение, - подсказал Рите Дед.

- Примерно так я и думала... Симбионт, тебя использовали те, которые вывели, и они же продавали людям на время?

- Да.

- У тебя есть связь с ними?

- Если я им нужен, могут найти. Недавно искали.

- Что ты ответил?

- Что имею хозяина. Когда умрет, поступлю в их распоряжение.

- Ничего себе... - прошептал потрясенный Муха. Он осознал, что теперь ему возиться с симбионтом добрых полвека.

- Тебя искали сегодня?

- Да, - неохотно ответил черный столбик. - И раньше тоже.

- Говорили о добре и зле?

- У меня есть встроенная категория повиновения и защиты. Так я ответил. Категорий добра и зла нет.

- От кого ты должен защищать хозяина?

- От лингвистической агрессии.

- Что это?

- Не знаю. Если произойдет - узнаю.

- От других видов агрессии будешь защищать?

- Выведен не для этого.

- Благодарю, - сказала симбионту Рита. - Тот, кто с ним говорил, не

стал проявлять лингвистической агрессии. Не пожелал или, может быть, чего-то побоялся. Все-таки симбионт выведен раньше, чем он, симбионт старше и прав у него, наверное, больше... Забери его, Муха. Сейчас от него не будет пользы. Мы не можем объяснить ему, что демон, который тут хозяйничает, зло. Он и слушать не захочет.

- Демон... - повторил Муха. - Он - это и есть демон?

- Да. Демон-паразит. Он присасывается к языкам. Вот присосался к латтонскому. И через него качает себе силу.

- Откуда ты знаешь? - спросил я.

Муха взял блюдо и вышел в другую комнату, чтобы прочитать заклинание и впустить в себя симбионта.

- Есть способы выявления демонов. Меня научили... - тут Рита вздохнула. - Думаете, это очень приятно - чувствовать рядом с собой зло? Учитель сказал мне: у тебя есть способности, а это значит, у тебя есть долг. Одно без другого не бывает.

- Помните, как мы встретились на митинге в парке? - спросил Тимофей. - Сестричка там тоже была. Мы хотели еще раз видеть все это вблизи... а увидели, как работает ваш симбионт!

- Вот почему мы хотели договориться с вами. Нам казалось, что у вас есть оружие, - добавила Рита. - А это никакое не оружие. Это как большой электронный словарь. Словарем, конечно, можно треснуть по башке... И все, ничего больше.

- Как можно присосаться к языку? - спросил я, хотя уже нутром чуял как.

- Когда языку придают особенное значение, он начинает будить эмоции и раскрывать каналы. Вот тут демон и внедряется. Самые податливые - старики. Он будит в них ненависть и высасывает энергию. Но это только начало...

Тимофей слушал, слушал сестричку - и взорвался.

- Ты видел этих старух? Они обычные вежливые латтонские бабушки. Но когда их удается собрать вместе - он активизируется, и они теряют рассудок. Ты видел, как они кричат вслед женщине, которая просто проходила мимо: «Русская сучка, убирайся в свою Россию!». Дед, мне бы, как это у вас, по фигуре... но я видел в этой толпе свою маму... Вот когда мне стало страшно! Мою маму - она никогда никому грубого слова не сказала! Она кричала! Я ее потом спрашивал - она ничего не понимает! Вот так! - воскликнул Тимофей. - Тогда я понял, что дело плохо, стал наблюдать. Пошел к Рите...

- Я тоже наблюдала. Я уже знала, что это демон, только никому не говорила, - призналась Рита. - Я о них много читала, но это что-то новое. По новой модели, так? Он - как компьютерный вирус, захватывает пространство. Теперь он уже цепляется к каждому, кто произносит хоть несколько слов по-латтонски. Мы вовремя перешли на русский.

- Но если он высасывает энергию через латтонский язык, то что потом будет с людьми? - спросил, входя, Муха.

- Не знаем, - ответила Рита, - но ничего хорошего. Одно мы уже видим: у людей не осталось сил, чтобы рожать детей. Когда кончатся ресурсы латтонского языка, он присосется к какому-то другому.

- Я не хочу всю жизнь говорить по-русски, - вдруг перебил ее Швед. - У меня есть свой язык, и вот... вот у нас беда...

- Сами ее себе на голову накликали, - осадил его Дед. - Сами столько про свое национальное величие кричали - какая-то гадость обязательно должна была проснуться!

- Ладно, Дед, - сказал Муха. - Опять подраться хочешь? Всем плохо, а вы тут сейчас пузомерку устройте - кому хуже всех, тот и главный! Гость, вы когда уезжали, этих двух видели? Которые приходили за Ритой?

- Тот же цвет, что ночью в окнах, - ответил я. - Рита мне все объяснила. Но, значит, это он, демон, и есть?

Я имел в виду мужчин из полиции безопасности.

- Это что-то такое... как его щупальца... - туманно объяснила Рита.

- И я видел, - признался Муха. - Думал, с глазами что-то... Рита, если он там, в доме, был - значит, вы его как-то вызвали, да?

Рита промолчала.

- Вызвали. Она не справилась, - ответил за сестричку Тимофей. - Зря мы это сделали. Теперь он это... в битву пошел...

- В атаку, - поправил я.

Глава седьмая

Вдруг Рита резко выпрямилась, напряглась, брови сдвинулись, на лице появился какой-то болезненный оскал.

- Он здесь, - сказала Рита. - Он пробивается ко мне с информацией...

- Нет, не к тебе, - возразил я, потому что и сам напрягся. Неприятное это ощущение, когда в тебя стучатся, и твоя собственная кровь прямо бухает в голову, и зарождается ритм, ритм-носитель... как-то я это понял... размер определил. - Дактиль, - сказал я. - Та-та-та, Та-та-та, та... Р-раз-два-три, р-раз-два-три, р-раз...

- Да, - она кивнула. - Вот чем я с тобой поделилась... и пригодилось...

Ритм-носитель, посланный лингвистическим демоном, обрастал невнятными звуками. Я разгадывал их, как будто замазанный краской карандашный рисунок.

- Русские могут уйти, - вот такая фраза вылепилась наконец одновременно у меня и у Риты.

Мы с ней посмотрели друг на дружку.

- Муха, Дед, мы ему не нужны, - сказал я. - Он за Ритой, Шведом и

Тимофеем пришел.

- Где он? - спросил Дед, выглядывая в окно.

- Всюду. Он накрыл мой дом, - обреченно ответила Рита. - Нельзя говорить на чужом языке и думать, будто кого-то этим обманешь...

- А от нас чего двадцать лет требовали? - вызверился на нее Дед. - Чтобы мы говорили по-латтонски и сами себя обманывали! Вот и получайте обратку!

- Дед, знаешь что? - сказал Муха. - Тебя тут никто не держит. Тебе можно уйти.

Очень мне не понравилось, как зазвенел его голос. Когда в Мухе просыпается упрямство, лучше с ним не спорить, а то сделает и тебе, и всему свету назло. Вот как с Наташкой: Дед ему внушал, что они не пара, а Муха уперся - и что мы имеем? Сумасшедшего поклонника, который ведь добьется, что она за него, дурака, замуж пойдет!

- И это правильно. Говорил же я: будет и на нашей улице праздник. За что двадцать лет боролись - на то и напоролись. Думаешь, демон к латтонскому языку прицепился? Он к их злобе прицепился! - проповедовал Дед, и мне вдруг стало скучно.

- В самом деле, шел бы ты, Дед, - сказал и я.

- А ты что, с ними останешься? - удивился наконец Дед. - С Тимофеем? Он меня чуть в могилку не отправил, а ты с ним останешься? Муха! Ты?!

- А я выйду, посмотрю, что это за демон такой, - решил Муха.

И с такой ухмылкой посмотрел на Деда - я даже крякнул. Хорошего мальчика мы воспитали! Орленочка!

- Ты его не увидишь, - предупредила Рита.

- Он меня увидит. Рита, ты пойми одну вещь: если он хочет вас с Тимофеем уничтожить - значит, вы для него опасны, - сказал Муха. - Почему - это не у меня спрашивать надо. В общем, я выйду на открытое место и поговорю с ним. А вы наблюдайте. Может, что и поймете.

- Я с тобой, - сразу присоединился я. - Дед, пока мы будем с ним толковать, ты просто собирайся и уходи.

- Ты это серьезно? - спросил он. - А вы останетесь? Так, да?

- Ну, извини, - Муха развел руками. - Ты потом успокоишься и поймешь.

- Дураки. Если это на самом деле демон, что вы можете с ним сделать? Героически сдохнуть вместе с тремя последними вменяемыми латтонцами?! - заорал Дед. - Кретины! Если тут такая бесовщина - бежать надо! Пока не поздно!

Я отродясь не видел Деда в такой панике. Он всегда был старший - и потому самый толковый, самый опытный, даже самый сильный. Я бы не рискнул драться с Тимофеем, а он подрался.

- Уходите, парни, - сказал Швед. - Чего мы вас с собой потащим...

- Ну да, как же, - ответил Муха. - Если вы действительно единственные латтонцы, которых он не пригреб, то вы... то вас... ну, в общем, мы с Гостем вас не бросим. Гость, пойдем потолкуем с этим чудиком. А Рита будет наблюдать. Может, есть шанс...

- Шанс сдохнуть за свободный и независимый лимитроф у вас есть! - не унимался Дед. - Уеду ко всем чертям! Дядька меня давно в Витебск зовет! Человеком стану!

- Что ж ты так долго тут сидел? - спросил я. - На что надеялся?

Он только рукой махнул: мол, чего спрашивать с идиота, который почему-то прирос к лимитрофу? Я посмотрел на Риту. Она улыбнулась.

- Если он нас не уничтожит, а только выжжет изнутри... Гость, если увидишь, как я кричу на митинге... Гость, ты знай - это не я! - воскликнула она.

Тогда я подошел к ней, обнял и поцеловал в щеку. Это означало: держись.

Швед отворил дверь и посмотрел на Деда. Тот выругался и отвернулся.

А потом мы с Мухой вышли во двор.

- Если со мной что-то случится, заberi симбионта, - тихо сказал Муха. Кажется, он уже был сам не рад своему упрямству.

Я тоже...

Муха вышел на середину двора - настоящего латтонского двора с клумбами и декоративными кустами. Сейчас все это было покрыто снегом, и Муха в своей черной куртке стоял на белой дорожке - такой маленький, и точно, как муха в сметане.

Он поднял голову и увидел бледное февральское небо. Только-только стала в солнечный день пробиваться голубизна. Но солнца не случилось, а может, его демон заслонил.

«Русские могут уйти», - услышал я у себя в голове.

- Он опять нас гонит, - сказал я Мухе.

- Послушай, как там тебя! -- обратился Муха к закрывшей солнце размазанной туче, предположив, наверное, что в ней засел демон. - Какого черта ты к этим убогим прицепился? В Америку вон лети, там знаешь, сколько народу по-американски говорит? Такой язык роскошный! Ты с него столько удовольствия получишь! А сколько тех латтонцев? Миллиона полтора? Уморишь их - вообще без пайки останешься! Голодный сдохнешь! Тебе оно надо?

- Американцы не так помешаны на своем английском, - тихо сказал я. - И с исторической справедливостью у них все в порядке. Ему не за что будет зацепиться.

Муха предложил лингвистическому демону лететь в Китай - там народу немерено, лететь в Африку - там тоже миллионы и миллиарды. Демон не отзывался.

- А ты уверен, что он тебя понимает? - спросил я.

- Черт его разберет. Ведь Риту с Тимофеем он как-то понимает. Эй, ты! Нечистая сила! - заорал Муха. - Оглох ты, что ли? Куда ты там спрятался, сволочь?!

Муха начинал сердиться, и мне это не нравилось. Одно дело - когда показываешь свое упрямство тому же Тимофею, совсем другое - выходцу из преисподней. Такими вещами не шутят. Ладно бы мы еще не были уверены в существовании демона. Но мы видели, как он обрушил дом.

- Муха, кончай выделываться, - попросил я и вдруг почувствовал: что-то давит мне на плечи.

Ничего материального не было, но воздух вроде бы сгустился и приобрел цвет, еще не тот желтовато-зеленый, который мне запомнился, но какой-то мутно-желтый.

- Он разлит в воздухе, - сказал я. - Вот как он действует!

И внутренним взором увидел ту толпу, что собралась послушать сумасшедшего старика. Она была накрыта облаком, облако просачивалось в поры кожи, к каждому человеку тянулись сверху миллионы волосков, и когда раскрывались рты, когда выплескивалась злость, волоски набухали, все пульсировало, все трепетало...

Один лишь миг видел я эту жуткую картинку. Этого хватило, чтобы понять Риту и Тимофея.

Злоба имеет вес. Демон скопил столько злобы, что мог бы раздавить не только дом, но и целый город.

Муха тоже ощутил это. Он сгорбился и рухнул на колени.

Я бросился его поднимать.

- А хрен тебе! - заорал Муха, держась за меня и запрокинув голову. - Ты со мной не справишься! Потому что ты дерьмо собачье, а я человек!

Он впал в ту самую ярость, когда голыми руками рвут стальные тросы.

Ярость заразна - и на меня тоже накатило. Мы стояли, подпирая друг друга, и крыли демона последними словами. У меня в голове рычало и свистело - это он, видно, отругивался. Тяжесть рухнула на наши головы, как воз кирпичей с крыши, и мы повалились в снег.

И тут я увидел чудо.

Муха приподнялся на локте и выкрикнул непонятное слово. В человеческом языке, кажется, даже нет таких гортанных, рокошующих, полных спрессованной силы звуков. Муха заговорил на этом языке, сам не осознавая подмены. Каждая фраза была как удар бича.

Тяжесть разом пропала. Воздух вдруг очистился. Рев и свист исчезли из моей головы.

Муха еще покричал немного, но не так свирепо. Скорее, это было прощальное пожелание, что-то вроде: катись колбаской, пока я добрый, и чтоб я тебя тут больше не видел!

- Как ты это сделал? - спросил я, вставая и отряхиваясь. - Как это

получилось?

Он ответил на том же языке, который вдруг стал мягким, воркующим, изумительно передающим дружеское участие и безмерную усталость.

- Муха, говори по-русски.

- Ага, - сказал он. - Куда эта сволочь подевалась? Ты заметил?

- Сгинула. Что это был за язык, Муха?

- Муха, Гость! - завопил выскочивший на крыльцо Дед. - Вы чего в снегу валялись? Вы чего, орлы?

- Сейчас спрошу симбионта, - ответил Муха и поднялся на ноги. - Куда бы его выпустить?

В дверном проеме появилась Рита.

- Демон ушел, - сказала она. - Как вы это сделали?

- Сейчас узнаю, - и Муха пошел в дом.

- Ты что-нибудь видела? Что-нибудь поняла? - спрашивал я Риту.

- Ничего я не поняла...

Чтобы выпустить симбионта, мы опять выставили за двери Тимофея, Шведа и Риту. Потом впустили.

Симбионт имел жалкий вид. Наш черный столбик даже не мог толком выпрямиться.

- Что это с тобой? - спросил Муха.

Симбионт пробормотал несколько слов, которых мы не смогли разобрать.

- Ты испортился? Давай ко мне перебирайся, - предложил я. - Муха вымотался как собака, а я еще ничего, свеженький. Подкормишься!

- Выжжено шесть блоков, - доложил он. - Погибли западноиранские языки... Погибли южноаравийские диалекты... Восстановлению не подлежат...

- Господи, какие еще диалекты?! Главное, ты сам жив! - закричал Муха. - Что это такое было? Что за нечистая сила? Ты понял?

- Понял.

- Как его зовут? - вмешалась Рита. Ей нужно было имя, тогда она могла бы как-то управиться с демоном.

- У него нет имени. Служебное устройство, как я. Новое, есть недоработки. Разума тоже нет, только эмоции, - доложил симбионт. - Операционная среда - язык. Лингводемон. Оперирует привнесенными эмоциями. Отзывается на эмоции. Охотится за эмоциями.

- Значит, заклинать его бесполезно? - растерянно спросила Рита.

- Все равно что заклинать утюг, - Муха усмехнулся. - Вы здорово влипли.

- Как же эти, как их там, к нему обращаются, если нет имени? - домогалась Рита.

- Язык команд - Старший язык. Слышит Старший язык - выполняет команды. Сам знает сто пятьдесят четыре фразы и по двести сорок слов из десяти языков. Может комбинировать, но не очень хорошо. Я

же говорю - новая модель, неотлаженная. Совершенствуют здесь. Хорошая среда - есть выплески дурных эмоций.

- Ты же сказал, что у тебя отсутствуют категории добра и зла, - напомнил ему Муха. - Как же ты знаешь, что эмоции дурные?

- Не имею эмоций, но имею разум. Если эта модель пользуется эмоциями, то эмоции по определению не могут быть хорошими. Сам отличить не могу, но делаю вывод.

- А блоки почему сгорели?

- Старший язык - не для употребления... Для понимания. Служебное устройство не выдерживает напряжения.

- Ты знал это? - удивился я.

- Знал.

- Как же ты додумался командовать на Старшем языке? - спросили мы его. - Ты же за гранью добра и зла!

- Муха - мой хозяин. Хозяина нужно выручать, - ответил симбионт. - Функция помощи встроена.

- Так помощь - это же добро! - вмешался Дед.

- Помощь - это функция. У меня она есть. У иных - нет. Провалиться мне на этом месте - в ровном тоненьком голоске нашего симбионта была издевка. И Дед ее уловил.

- Орлы, у вас разве ко мне есть претензии? - спросил он.

- Никаких претензий, - чуть ли не хором ответили мы с Мухой.

- Он отступил, - сказала Рита. - Он не ушел, он только отступил. Он еще немало гадостей придумает, прежде чем отцепится от латтонского языка. Парни...

- Что? - спросил Дед.

- Вы нас не бросите? Нас всего пятеро, парни. Если Боро выживет, то пять... У вас есть Россия, а у нас?..

- И у вас есть Россия, - ответил Дед. - Вы двадцать лет стояли к России задом, к Европе - передом. Может, пора поменять позицию?

- Нет, у нас только Латтония. Нам бежать некуда, - сказал Тимофей.

- Молчи, - велела ему Рита. - Гость...

- Я четыре года Гость. А тут я все эти двадцать лет. Вы только потому перешли на русский, что плохо знаете английский, - ответил я ей. - Ты классная девчонка, я все понимаю, но... если вдруг все образуется, и мы прогоним эту нечисть окончательно... мы больше не будем вам нужны. И я тебе не буду нужен. Мы это уже проходили.

- Мы не верим и, наверное, уже никогда не поверим друг другу, - добавил Дед. - Ты уж прости нас, Тимофей, но мы никогда не сможем забыть, что ты латтонец. Ты свой в доску, но ты латтонец. И если парочка других латтонцев скажет тебе, что ты плохой латтонец, ты сделаешь все, чтобы они тебя признали хорошим латтонцем.

- Да, это так, - вместо Тимофея признался Швед. - Нас хорошо поссорили. Профессионально поссорили.

- Но, может быть, еще можно что-то поправить? - спросил Тимофей. - Я... я готов...

- Вы столько раз требовали от нас покаяния! Сами бы хоть извинились за то, что двадцать лет нас гнобили! Вам ведь это даже в головы не приходит! - упрекнул Дед. - Тимофей, не извиняйся. Ты - это ты...

- Мы сделали все, что могли, - сказал я. - Муха, забирай симбионта.

- Да, мы сделали все, что могли, - согласился Муха. - А теперь пускай сами разбираются.

- А что мы можем?! - вдруг заорал Тимофей. - Ну, что мы можем?! Нас всего пятеро! Ну, отступил этот проклятый лингводемон! И что дальше?! Так и говорить всю жизнь по-русски?! Мы не хотим! У нас свой язык!

- Ну вот и назовите на своем языке сволочь - сволочью, вора - вором, провокатора - провокатором, - посоветовал Муха. - А то знаю я вашу логику. Если человек одновременно латтонец и сволочь, для вас важнее всего, что он латтонец. Сволочь, но ведь ваша же, родная сволочь. Вам никто не поможет, только вы сами.

- Сейчас у вас передышка, - добавил я. - Кто его знает, когда лингводемона опять пришлют по ваши души. Ищите тех, у кого в голове мозги, а не перловая каша. И перестаньте наконец бояться. Вы же не демона боитесь - вы друг друга боитесь. Идем, Муха.

Деда я не позвал. Но он сам побежал следом.

- Орлы, этот Тимофей... Он в общем-то нормальный мужик, - сказал Дед. - И это... как там симбионт сказал?.. Помощь - это встроенная функция? Ну да, у них ее заглушили!..

- У тебя тоже, - ответил Муха.

- А что я мог сделать?

- А вот просто встать рядом.

И мы пошли дальше, прочь от уютного домика с вышитыми салфетками и цветами на окнах.

- Плохо все это, - сказал я.

- Плохо. И симбионта страшно жалко. Но, знаешь... если им его отдать, они ведь так ничего и не поймут. Вот пусть посидят, подумают. Может, Дед им чего посоветует, - сказал Муха. - И пусть наконец сами себе скажут правду. Иначе помогать просто бесполезно.

- А когда скажут...

- Тогда, может, и симбионт не понадобится. Пошли. У меня еще полтора кило на перевод, и нужно Наташке продукты принести. И ночью игра. Я классного «перса» накачиваю. Представляешь: некромант, а у него спутник - термовампир-невидимка! Слушай, это будет такой кайф!

Я обернулся. Тимофей, Швед и Дед стояли у калитки. Дед размахивал руками, Тимофей кивал, Швед лепил снежок.

А вверху тучи разошлись и проглянула первая весенняя голубизна.

ДЖЕЙМС СТОДДАРД

ЗАКОУЛКИ ВРЕМЕНИ

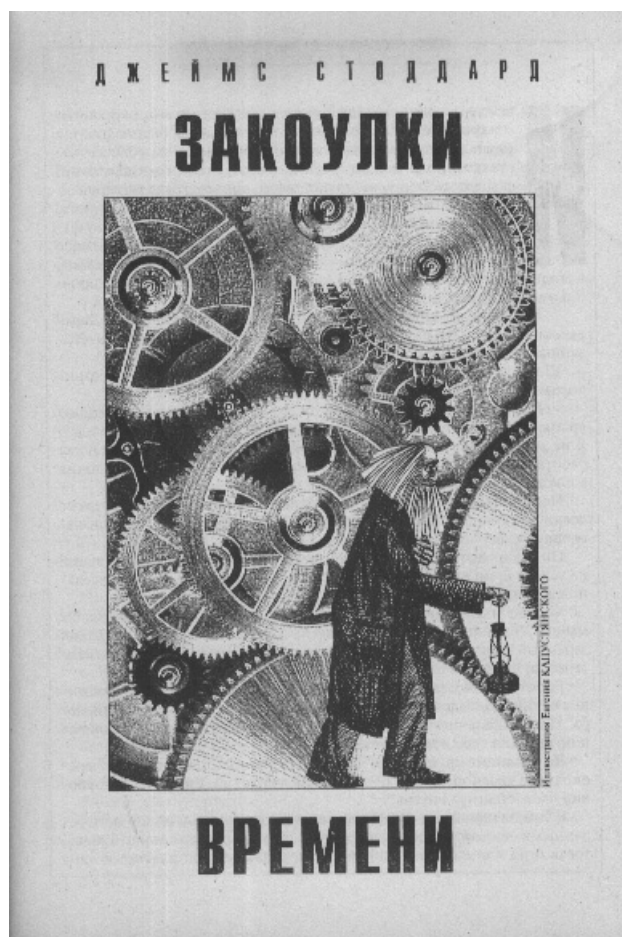

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Ивенмер - одно бесконечное здание. Под его остроконечными крышами, венчающими гигантские залы, располагаются страны и королевства, доминионы и княжества, обнесенные стенами поля и сады. Бесчисленные слуги зажигают огни, заводят часы, ремонтируют стены, полируют дверные ручки, выполняют тысячи дел, чтобы свет, пространство, время, звезды и миры продолжали существовать.

Енох - часовщик, бессмертный иудей, живший в Ивенмере почти с самого начала, - брел с фонарем по темным залам.

Сегодня, вопреки привычке, он не напевал и не насвистывал, лицо его омрачала тревога.

- Кто я такой, чтобы заниматься этим? - бормотал он. - Деревенский мальчишка из Арамеи, что я понимаю в таких вещах? Вот Хозяин знал бы, что делать.

Шаги часовщика эхом раскатывались по заброшенным коридорам.

- Время я знаю, - продолжал он. - Да, я знаю время. Я люблю время. Оно движется вперед. Оно надежно. Я завожу часы, и оно идет. Я не завожу часы - и оно останавливается. Это хорошая, стабильная работа. Но разве я дипломат? Может, и стал бы им, если бы ходил в школу. Но в те времена школ еще не существовало...

Поднимаясь по лестнице, он кутался в теплое пальто. Истертые доски поскрипывали под башмаками. Из-за поднявшейся пыли часовщик начал чихать.

Он взбирался все выше и выше, этаж за этажом, и за все это время не услышал ни единого звука, не считая собственных шагов и оседания здания.

- Даже мышей нет, - пробормотал Енох. - Разве я не заметил бы мышь? Когда-то я завел себе мышонка и назвал его Сэмюель. Такой забавный и очень милый. Я не думал о нем уже несколько веков. Интересно, что с ним случилось? Не помню...

Где-то высоко, выше самых высоких вершин, светилось крошечное пятнышко. Часовщик запрокинул голову, чтобы взглянуть на него. Потом облизнул толстые губы, тряхнул ассирийскими локонами и продолжил свое восхождение.

До вершины он добрался лишь спустя два часа. Свет лился через окошко в красной двери с облупившейся краской. Енох сделал глубокий вдох и шагнул внутрь.

Комната напоминала паб: гобелены с единорогами, обшитые деревянными панелями стены, мерцание газовых ламп, аромат табака, треск огня в очаге. Невероятно старые люди - трое мужчин и одна женщина - расположились вокруг стола с ножками в форме когтистых лап. Четыре пары усталых глаз посмотрели на вошедшего.

- Здравствуйте, - сказал Енох и взмахнул рукой. - Я увидел свет. У вас найдется местечко для гостя?

Старики с сомнением переглянулись. Джентльмен в твидовом пиджаке, самый худой и высокий из них, вынул изо рта трубку и произнес:

- Боюсь, вы попали на встречу закрытого клуба. В данный момент мы не готовы принять новых членов.

Часовщик взял себе стул.

- О, кто я такой, чтобы присоединиться к вам? Да я ведь и не собирался. Я просто посижу здесь минутку. А вы продолжайте.

Четверка снова обменялась взглядами.

- Мы собираемся очень редко, - начал тучный мужчина в черном жилете. - Понимаете, сэр, мы не хотим вам грубить...

- Так не грубите, - предложил часовщик, улыбаясь. - Моя мать говорила, что для этого никогда не бывает достойной причины. А вот отец не разделял ее мнения. Он считал, что невоспитанность

оскорбляет. Однажды он убил из-за этого человека.

- Что ж, я никогда... - вновь начал господин в жилете.

- Ладно, Джонас, - заговорила женщина, - давай не будем спешить. Думаю, наш гость немного передохнет и уйдет. Хотите чего-нибудь, сэр? Боюсь, у нас нет пива - понимаете, ничего такого, что могло бы затуманить разум. Но у нас есть чай, если только вы не прочь налить его себе самостоятельно - слуги, как видите, тоже нет.

- Конечно, - согласился Енох.

Минуту спустя он вернулся за стол. За время его отсутствия никто не произнес ни слова. Старики, нервно переглядываясь, продолжали молчать до тех пор, пока не стало очевидно, что уходить часовщик не собирается.

- Нам правда нужно вернуться к нашим делам, - в конце концов произнесла женщина. Голубоглазая, сморщенная, как мумия в обтягивающем шелковом платье. - Мы - союз сказочников, собрались, чтобы обменяться собственными сочинениями. Невинное хобби.

- Абсолютно невинное, - прибавил сухопарый джентльмен.

- Но время не ждет, - торопливо продолжила женщина. - Нам нужно двигаться дальше.

Енох всплеснул руками.

- Не обращайтесь на меня внимания. Я обожаю хорошие сказки. Буду вести себя тихо, как мышка. Не пророню ни слова.

- Кажется, очередь Тремора, - сказал толстяк Джонас.

- Правда? - откликнулся третий мужчина. Его старческий голос дрожал так, будто пытался выводить птичьи трели. - Что ж, хорошо. На этот раз я выбрал тему «Историй о будущем».

Тремор откашлялся и начал...

* * *

В ту ночь дождь лил сплошной стеной, а люди не покидали домов. Дороги и улицы опустели. Эдвард сидел у окна в маленькой квартире, которую арендовал на весенний семестр, и наблюдал за вспышками молний. Мысли его металась, подобно каплям дождя в разразившейся за окном буре. Тем вечером он расторг свою помолвку с Джанет.

За всю историю их отношений, это стало чуть ли единственным не импульсивным решением. Влюбившись друг в друга буквально с первого взгляда, они встречались всего три недели, после чего он сделал ей предложение. Их захлестнули волнение и предсвадебная кутерьма, но в конце концов, за две недели до назначенной даты, Эдвард осознал, что собирается жениться на женщине, которую едва знает.

Он перевел взгляд на книги, лежавшие на кухонном столе. Завтра

начнется сессия, завершающая последний семестр, и он должен основательно подготовиться. Головокружительный роман выбил его из колеи. Если студент, изучающий естественные науки, хочет получить хорошую работу, он не должен пропускать занятия. Нужно забыть о Джанет и взяться за ум.

Он решительно шагнул к столу, сел, начал читать... но безрезультатно - прежние мысли никак не выходили из головы. Разве он поступил правильно? Может, попросту струсил?

В дверь постучали.

- Кто, черт возьми, бродит там в такую ночь? - пробормотал он. За дверью, несомненно, стоит Джанет, которая попытается уговорить его...

Эдвард подошел к двери, замер и сделал глубокий вдох. Нужно быть сильным. Нельзя показывать своих колебаний - это лишь сильнее ранит девушку.

Открыв дверь, он удивленно вытаращил глаза. На пороге стоял худой человек с длинными волосами до плеч. Промокшего до нитки незнакомца частично скрывала тень.

- Ты - Эдвард Монро, - заявил он. - Надо поговорить. И у нас мало времени. От этого зависит твое будущее.

Он сделал шаг к свету.

Изумленный Эдвард увидел, что ночной гость вполне мог бы быть его повзрослевшим близнецом - так сильно он походил на него.

- Вы - мой родственник? - предположил Эдвард.

- Через четыре года ты станешь участником проекта «Время», - ответил незнакомец. Я - это ты двенадцать лет спустя.

- Что?

- Сейчас не время для объяснений. Я пришел сказать тебе, чтобы ты следовал зову своего сердца. Если ты оставишь Джанет, то будешь жалеть об этом до конца своих дней. Несмотря на все достижения, твоя жизнь пуста без нее. Это твой шанс обрести счастье. Иди к ней. Не бойся.

Мужчина исчез. Эдвард пошатнулся и уперся спиной в стену.

На какое-то время он лишился способности рассуждать. Его всегда интересовали загадки времени. Неужели он будет работать в компании, которая сделает возможными путешествия в прошлое?

Эдвард усмехнулся. Что ж, теперь его сомнения разрешились. Он получил поддержку из будущего. Теперь он не ошибется! Нужно встретиться с Джанет.

Когда он уже потянулся за плащом, в дверь вновь постучали.

- Он вернулся, - пробормотал Эдвард.

Входная дверь осталась открытой, и теперь на пороге стоял еще один незнакомец. Все тот же путешественник, и в то же время не совсем он. Этот выглядел лет на сорок пять и носил непромокаемый плащ, как

будто знал, что тут идет дождь.

- Он уже ушел? - требовательно спросил Эдвард-старший. Эдвард-младший кивнул, от изумления лишившись дара речи.

- Он ошибся, Эдвард. Джанет и я... и ты - в итоге у вас все-таки ничего не получится. Вы поссоритесь и... все пойдет под откос. Не ходи к ней. Не возвращайся. Ты понял?

- Понял, - ответил Эдвард. - Но...

Путешественник во времени испарился так же, как предыдущий.

Эдвард закрыл дверь и опустился на стул. Что ж, так тому и быть. Слова старшего, более мудрого подтвердили его опасения. Последуй он совету первого гостя... Эдвард покачал головой. Эти путешествия во времени - опасная вещь. Давать советы тому, кто не может оценить все перспективы... Надо это запомнить.

В дверь вновь постучали. Эдвард шумно вздохнул и распахнул ее.

На пороге, держа в руке зонтик, стоял сгорбленный старик в теплом свитере. Лицо его настолько переменилось, что Эдвард не сразу узнал в нем себя самого.

- Все это не важно, Эдвард, - проскрежетал новый гость. - Делай так, как считаешь нужным, исходя из тех знаний, что есть у тебя в этот момент. В конце концов, все наладится. Как ты проживешь свою жизнь - вот что действительно важно.

Когда фигура исчезла, Эдвард продолжил смотреть на дождь. Его терзали все те же мысли.

- Лучше бы они вообще не приходили, - сказал он. И стоило словам сорваться с его губ, как Эдвард понял, что уже принял решение, и узнал - лишь на мгновение, пока память не стерлась, - что двойники никогда не посещали его.

* * *

- Отличная история, - сказал Джонас.

- Освежающе, - признал худой.

- Bravo, - женщина хлопнула в ладоши.

Затем все посмотрели на Еноха.

Часовщик прочистил горло и произнес:

- Мне понравилось. Хорошая концовка.

Все четверо заулыбались.

- Кажется, вы - следующая, леди Чендлесс, - произнес Джонас.

Женщина кивнула.

* * *

Ахн и Шушана пришли к морю, чтобы умереть. Они стояли и слушали, как волны цвета охры накатывают на побережье. Над волнами взмывали и падали красные *тегеты*, выхватывавшие свою добычу когтями и челюстями из верхнего слоя воды. Черные как смоль *стрелоклювы* резвились под оранжевым небом, испещренным обрывками светло-желтых облаков. Издалека доносился низкий гул - песни амфибий.

Красное солнце едва поднималось над горизонтом. Легкий бриз гладил серебристые камни на шафрановом побережье. Ахн различал крики животных, доносившиеся из прибрежного леса, - мощное рычание и тонкий визг, будто погребальный звон на похоронах его народа.

Другие представители его вида стояли чуть поодаль, группами по двое или по четверо. Они уже скончались несколько часов назад и больше не шевелились. Они хранили неподвижность, словно деревья на окрестных холмах. Здесь собрались последние представители своей расы, а Ахн и Шушана оказались последними из последних.

- Я бы хотела оставить потомка... - сказала она, глядя в его алые глаза.

- Решение принято уже очень давно, - ответил он. - Теперь ничего не изменить.

Ценой, заплаченной ими за бессмертие, стало бесплодие. Они скорбели, но в итоге все же смирились с этим, не желая отказываться от нового дара.

- Мы слишком эгоистичны, - произнес Ахн.

Они прожили целые эры. Планета, породившая их, погибла, но они продолжали двигаться дальше, находить новые миры. Они путешествовали сквозь пространство по нитям энергии, стояли на бесплодных лунах и зарождающихся планетах. В конце концов, они сотворили этот мир - не планету, а гигантский диск, такой же стойкий, как и их раса.

Когда начались первые смерти, никто не мог понять, в чем причина.

Ахн посмотрел на индикатор, прикрепленный к запястью. Время истекало. С тревогой он понял, что Шушана опередит его. Видимо, он станет самым последним. На мгновение он испугался, но после решил: так будет лучше. Он проводит ее.

- Мы должны разговаривать о хорошем, - заметил он.

- Я помню, как увидела тебя в первый раз, - сказала она. - Это было в горах *Консу*.

- Я охотился на белого *ферала*, - они говорили об этом уже множество раз, но теперь слова казались слаще вина, - и пробежал через ваш лагерь. Твой отец рассердился.

- Отец? Моя мать чуть тебя не убила! Твои звери все вытоптали. Ты выскочил из подлеска, грязный и потный, сестра назвала тебя

дикарем, а я сочла тебя очень красивым.

- Ты оказалась самой прелестной женщиной, которую я когда-либо встречал. Ты и теперь остаешься ею.

Она испуганно посмотрела на горизонт, но Ахн прошептал на ухо:

- Мы вместе. Я навсегда останусь с тобой. Не в горе, а в радости. Я не дам тебе уйти одной.

Шушана заплакала, а он продолжал с тревогой следить за ее индикатором.

К тому времени, когда она успокоилась, побережье погрузилось в сумерки. Солнце превратилось в тонкую полосу на горизонте, и время Шушаны практически истекло. Оставалось не больше минуты.

Неужели так быстро? Она тоже поняла это, и ее глаза наполнились ужасом.

Он быстро заговорил, пытаясь скрыть отчаяние:

- Не думай об этом. Ты не должна об этом думать. Думай обо мне. Думай о времени, которое мы провели вместе. Думай о том, как сильно я тебя люблю. Посмотри мне в глаза. Ты очень красива. Ты - все, о чем я когда-либо мечтал. Помнишь ту ночь, когда мы танцевали *тиринхи* в каньоне? Какая там играла мелодия?

- *Темпоринум Зезри*, - ответила она. - Ты выглядел потрясающе - твоя одежда, твои глаза, сияющие, как два уголька, я помню...

Она умолкла. Во взгляде осталось тепло, но тело больше не шевелилось. Индикатор начертал в воздухе свой приговор.

Ахн сдавленно всхлипнул, все еще боясь потревожить подругу. Затем взял ее за руку и взгляделся в лицо. Теперь она будет улыбаться веками.

Горевать оставалось недолго. Он взял себя в руки и поклялся больше не смотреть на свой индикатор. Он будет смотреть в ее золотистые глаза, ощущать тепло ее рук - ведь они никогда не похолодеют - и вспоминать историю их любви.

Он попытался вызвать самые светлые воспоминания, но ничего не получилось. На мгновение его охватила паника - в последний момент нельзя думать о смерти. Если это произойдет, его вечность превратится в кошмар.

Он вновь успокоился, убеждая себя, что сможет достойно сыграть последний акт. Разум замер на грани между уверенностью и ужасом.

Ахн оставил попытки воскресить в памяти прошлое. Он начал думать о ней, и воспоминания сами всплыли из глубины. Ее присутствие заполнило разум. Даже спустя столько веков многое в ней осталось для него тайной. Разве не чудо, что он может вечно греться в благоговении перед ее загадочными, столь любимыми чертами? Ахн погладил ее по щеке и поцеловал в губы.

Он не знал, когда придет его время.

Скончался Ахн тихо - просто перешел из одного состояния в другое. В

воздухе над ним появились слова:

Вместимость мозга исчерпана. Дальнейшее запоминание невозможно.

Они продолжали стоять, с восхищением глядя в глаза друг другу, не способные двинуться дальше своей последней мысли или вспомнить мгновения, предшествовавшие ей. Ахн добился своего - они скончались не в страхе. Теперь, погруженные в себя, они будут стоять, проживая одно-единственное мгновение своей любви, пока века и тысячелетия плывут мимо.

* * *

- Восхитительно, - произнес худой джентльмен.

- Великолепно, - согласился Джонас.

- Отлично, - вывел свою трель Тремор.

Все снова посмотрели на Еноха. Часовщик сощурил глаза, раздумывая о чем-то, потом изобразил невинную улыбку.

- История о далеком будущем. Как будто вы видите все возможные варианты.

- Спасибо, - поблагодарила леди Чендлесс.

- Я сделал вам комплимент? - спросил Енох. - Возможно. А может, и нет. Я хорошо знаю время. Мы с ним неплохо ладим. Но вы, кажется, обращаетесь с ним совсем по-другому.

- Думаю, нам пора продолжать, - сказал Джонас, бросив на Еноха быстрый взгляд. - Наши истории не могут ждать.

- Я тоже так думаю, - прошептал Енох.

- Вы следующий, мистер Ховелл, -- сказал Тремор худому джентльмену.

* * *

Том смотрел на фиолетово-оранжевый закат, умирающий среди травянистых равнин. Он уже сложил свой ночной костер из твердых, волокнистых поленьев, которые могли тлеть, но не загорались. Их маслянистый аромат взбодрил его.

Усевшись на самодельный табурет, Том достал выдавшую виды электронную книгу. Он занимался сложной задачей - скоростью преобразования при подъеме. Потребовалась почти неделя тщательного анализа, но в итоге перед ним все-таки забрезжила искорка понимания. По мере того как он продвигался дальше в своих вычислениях, Том приходил в восторг.

Небо осветила яркая вспышка, след корабля сверкнул

расплавленным серебром. Том встал и, раскрыв рот, принялся наблюдать за посадкой машины, мигавшей красными и желтыми огоньками.

Корабль опустился метрах в трехстах от него, но Том все равно не шевелился, вцепившись в свою книгу.

Из корабля выбрался человек.

- Приветствую, - произнес незнакомец.

- П... привет, - прохрипел Том. Он отвык разговаривать.

Высокий светловолосый гость осторожно подошел к Тому, не убирая руку далеко от кобуры.

- Я капитан Джон Уайт. Пролетал через этот сектор. Давно вы потерпели крушение?

Том оглянулся на ржавеющие останки своего корабля.

- Да, я... довольно давно. Меня зовут Том... э... лейтенант Том Майерс. Я проводил разведку на «Артемисе», когда в двигателе произошел взрыв. Связь тут, внизу, не работает. Слишком много помех. Меня так и не нашли.

- «Артемис». Я не знаю такого названия.

- Экспедиция «Цельсис».

Капитан раскрыл рот.

- Ее же отправили тридцать лет назад!

- Так давно? - Том переминался с ноги на ногу, шурша короткой коричневой травой.

- Можно взглянуть на ваш корабль? - спросил капитан. - Это же тридцать шестая «Искра», да?

- Тридцать седьмая, - гордо ответил Том. - Двойной двигатель, пятьсот четыре при среднем смещении. Расход - пять десятитысячных.

- Узнаю эту малютку, - капитан усмехнулся и похлопал по рифленому корпусу. Нос корабля ушел в землю от столкновения. Снаружи торчала только дырявая крыша жилого отсека.

- Я тренировался на «Искрах», - пояснил Уайт. - Потом даже разобрал несколько штук, - улыбка сошла с его лица.

- Как вы выжили?

- В основном благодаря рыбной ловле. Еще можно есть корни. У меня нет компьютера. Нет видеозаписей. Не на чем писать и нет возможности диктовать. Только это, - он поднял свою электронную книгу.

- Ого, настоящий антиквариат. Все еще работает?

- Заряжается от солнца, - Том ухмыльнулся. - Я лишился всех данных, кроме инструкции по эксплуатации корабля. Тут есть все. Механика, электроника, системы жизнеобеспечения. Все. Я читал эту инструкцию... тридцать лет, видимо. Знаю корабль вдоль и поперек, - он погладил покрывшийся ржавчиной корпус. - Я мог бы сам построить такой же, будь у меня нужные части.

Капитан бросил на него сочувствующий взгляд и посмотрел на небо.

- У меня есть кое-какие припасы. Давайте внесем разнообразие в вашу диету.

За ужином Уайт задавал много вопросов. Есть и разговаривать одновременно не получалось, но Тома это не беспокоило. Он ел овощи и самое настоящее мясо, не рыбу. Ему никогда еще не доводилось пробовать ничего вкуснее.

- Хотите узнать, как идут дела на Земле? - спросил капитан. - За время вашего отсутствия многое изменилось.

Том немного подумал, затем спросил:

- Люди еще летают на кораблях... вроде моего?

Уайт отвел глаза и покачал головой.

- На таких - нет, уже больше двадцати лет. Взгляните на мой корабль, - он взмахнул рукой. - Это - «Сияние». Гладкий, быстрый, управляется голосом. Я единственный, кому он подчиняется. Вы, например, не сможете поднять его в воздух. Сложная конструкция, одинарная ось. Не тройная, как у вас.

Том покачал головой.

- У меня - не тройная. На тридцать седьмой «Искре» - двойная ось, двойной ротатор с переплетающимися трубками, работает на двенадцати тысячах в наносекунду. Неблокирующая зарядка.

Капитан усмехнулся.

- Да, вы и вправду знаете эту инструкцию. Но... можно взглянуть?

Том посмотрел на выцветший от времени красный корпус электронной книги и неохотно протянул свое сокровище Уайту. Тот пролистал пару страниц и вновь усмехнулся. Тому внезапно подумалось, что он слишком молод, чтобы быть капитаном.

- Как я и думал, - сказал Уайт. - Мы довольно подробно изучали все это в летной школе. Все современные корабли построены по тем же принципам, что и эта модель. Но инструкция не соответствует истине. В свое время это стало причиной множества споров. Из-за этой ошибки погибли несколько пилотов. Возможно, вы тоже разбились из-за нее. Ни на одну модель серии «Искра» не ставили двойную ось.

- Что? - медленно переспросил Том. - Что вы сказали?

- Ни на одну. Они собирались так сделать, даже выпустили инструкцию. Но если вы извлечете двигатель из обломков, то увидите, что я прав.

Том покачал головой.

- Но если это правда, тогда... тогда все расчеты скорости преобразования надо проводить по-другому. Все графики. Черт, вообще все!

- Ну... да, это так, - признал капитан, отправляя в рот кусок картошки.

- Минуточку... - сказал Том, медленно поднимаясь. - Я сейчас вернусь, хочу показать вам кое-что.

Спотыкаясь, он скрылся в той части жилого отсека, которая пострадала меньше всего. Когда капитан поднял голову, Том направил на него пистолет и выстрелил. Уайт умер еще до того, как его тело коснулось пола.

Том подошел к нему и выхватил из рук мертвеца электронную книгу, которая, к счастью, не пострадала.

- Стыдно, конечно. Но не стоило этого говорить.

Том заглянул в инструкцию. Тройная ось! Он почти закончил с таблицами скорости.

* * *

- Потрясающе, - воскликнула леди Чендлесс.

- Восхитительно, - добавил Джонас.

- Весьма искусно, - вставил Тремор.

Енох промолчал. Он пропустил историю мимо ушей, потому что прислушивался к пульсу времени. Он чувствовал, как время пошатывалось и запиналось, пока говорил мистер Ховелл.

Поняв, что Енох воздержится от замечаний, свой рассказ начал Джонас.

* * *

- Ненавижу жить во лжи, - произнес Майкл, устало глядя на жену. Свет настольной лампы отбрасывал тени на ее темные волосы и высокие скулы.

- Мы не можем больше тянуть, - сказала Кристен. - Прошло уже три недели.

Он потер лоб и усмехнулся.

- Я знал, что мой тридцатый день рождения станет своего рода вехой, но не думал... действительно, уже три недели?

- Мы поехали к твоим родителям шестого. У них мы провели около недели, а сегодня - четвертое апреля.

Майкл беспомощно посмотрел по сторонам, вспоминая странную встречу с родителями, друзьями, соседями - с людьми из маленького городка, в котором он вырос. Он знал их всю жизнь. А они рассказали ему и Кристен о Тайне. Если бы об этом говорил только кто-то один, или пусть даже несколько человек, он ни за что бы им не поверил. Но все?

Кристен опустилась на кровать рядом с ним и взяла его за руку.

- Я понимаю, это тяжело, но мы должны привыкнуть.

- Все так похоже на заговор... Хотел бы я, чтобы родители разрешили

мне сделать записи, дабы лучше запомнить последовательность, - он посмотрел в коридор, на дверь, которую так боялся открыть. - Когда, они сказали, Колумб открыл Америку? В двенадцатом веке?

- В тысяча сто тридцать шестом году.

У Майкла во рту пересохло. Вся история, начиная с десятого века, полностью отличалась от того, чему его учили. Электрическую лампочку изобрели в 1435-м, автомобиль - в 1447-м, самолет - в 1450-м. Первый человек ступил на поверхность Луны в 1482-м - у Нила Армстронга оказалось еще четыре предшественника. Время правления британскими колониями, президентские сроки - все оказалось ложью, подогнанной под выдуманные факты.

- Старики умирают, - сказал он. - Если они ввали нам, как мы узнаем? Ты справляешься с этим лучше, чем я.

- Я окончательно поверила после того, как увидела видеозапись атомных войн в шестнадцатом веке. Мы не должны допустить повторения.

Майкл вновь взглянул на дверь, олицетворявшую для него Технологический барьер. Первыми его обнаружили программисты, пришедшие к выводу, что обучение конечно, а человечество никогда не продвинется дальше своего текущего уровня. Вскоре после этого остальные науки тоже уперлись в Барьер. Мир охватило отчаяние - до тех пор пока не возникла идея перетасовать старые технологии.

- Майкл, мы должны пройти через это. Сегодня утром к нам заходила Луиза, она спрашивала, приступили ли мы.

- Луиза? Она тоже в курсе? Ко мне на работе подходил Даг Баркер...

- Я боюсь, Майкл. Им больше тридцати, чему тут удивляться? И они просто приглядывают за нами, чтобы мы не натворили глупостей. Ты же знаешь, что бывает с теми, кто сопротивляется.

- Нужно позвать журналистов, - сказал он. - Раскрыть все это.

Кристен посмотрела на него с ужасом.

- Мы никому не расскажем! Даже не заикайся об этом. Мы сможем, Майкл. Они ведь показали нам все эти старые штуки. Слова придут сами. Нужно попытаться.

- Продолжать лгать?

- Да! Новое поколение должно верить в прогресс.

Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

- Но... если технология подвела нас, что же осталось?

Кристен слегка улыбнулась.

- То, что остается всегда. Вера. Надежда. У нас всегда есть надежда.

Он вздохнул, устав от борьбы, от ненависти, от попыток принять все это. Без толку. Может, в конце концов, он поймет, что так будет лучше.

- Давай сделаем это.

Они взялись за руки, медленно встали и пошли к двери. Майкл повернул ручку.

Свет, лившийся из коридора, осветил доверчивое личико пятилетней дочери, смотревшей на них с ожиданием. Ее темные волосы рассеялись по подушке, будто сложившись в нимб.

- Я уж думала, вы не придете поцеловать меня на ночь, - сказала она, надув губки.

- Сегодня, детка, мы расскажем тебе историю о том, когда мы с мамой были маленькими, как ты, - голос Майкла дрогнул. - Тогда, знаешь... не существовало еще всех этих холодильников, телевизоров или электрических лампочек. Масло делали вручную. И на автобусах мы не ездили. Каждый день приходилось ходить в школу пешком - целых три мили...

* * *

- Очень пронциательно, - одобрила леди Чендлесс.

- Интересный поворот сюжета, - сказал мистер Ховелл.

- История на вес золота, - подтвердил Тремор.

- Начнем следующий круг? - предложил Джонас.

Енох достал из кармана древние часы.

- Может, сделаете перерыв на обед? Уже, наверное, полдень. Забавно, мои часы, должно быть, сломались, они показывают только 9:30.

- Мы не устраиваем обеденных перерывов, - сказал Тремор. - На наших встречах мы придерживаемся аскетизма.

- А сколько же длятся ваши собрания? - поинтересовался Енох.

- Мы не ограничиваем себя, - ответил мистер Ховелл.

- А я думаю, что ограничиваете, - возразил часовщик. - Давайте-ка я расскажу свою историю. Позволите? Как гостю.

- Что ж, - начал Тремор, - полагаю...

- Мистер Тремор! - вмешался Джонас. - Вы знаете, как строги наши правила.

Енох улыбнулся, но Джонасу, заглянувшему в его глаза, не понравилось то, что он там увидел.

- Думаю, нам все же стоит позволить нашему гостю рассказать его историю, - сказал Джонас. - Возможно, после этого он окажет нам милость своим уходом.

- Я попробую, - пообещал Енох. - Возможно, получится так же хорошо, как у вас, возможно - нет, но это поможет скоротать время.

* * *

В Ивенмере живет часовщик, Хранитель Времени. Он заводит часы -

маленькие часы во внутренних помещениях, Часы Вечности в Часовой Башне, Вековые Часы в Стране Двенадцати, все часы - большие и маленькие, - чтобы время продолжало идти. Понимаете, время очень важно, потому что все происходит внутри него. Люди живут и умирают в рамках часов. Время жестоко. Неумолимо. Думаете, у вас есть минутка - и вот ее нет, она ускользнула сквозь пальцы. Играете в лесу с младшей сестрой, карабкаетесь по деревьям, наслаждаетесь жизнью. Потом оборачиваетесь - и вы уже старик, наблюдающий за игрой своих внуков. Сестра умерла, а вы уже не способны забраться на дерево. Я могу рассказать вам о том, как время уходит от вас. И когда это случается, вы начинаете задумываться о смерти.

- У меня что-то голова разболелась, - пожаловался мистер Ховелл, потирая виски.

- Смерть, - продолжал Енох, - это тьма, страх и тайна. В общем, однажды Хранитель Времени замечает, что все идет не так хорошо. Время, оно для него как сестра - вернее, много сестер: секунды, минуты, дни, года и столетия. Оно подобно реке - иногда несется быстро, иногда течет медленно. Время никогда не бывает для всех одинаковым. Поэтому часовщик сразу же замечает, когда что-то идет не так. Он видит, что время движется все медленнее и медленнее, только не может понять почему. И начинает искать. А время уже еле ползет. Хранитель Времени может подниматься над его гребнями, если нужно. Вот почему он прожил так долго - это его дар.

- Мне действительно нехорошо, - повторил мистер Ховелл.

Енох почувствовал, как время дрогнуло и начало слабо биться, будто оживающее сердце. Он проигнорировал слова мистера Ховелла.

- Наконец, время останавливается. Хозяин дома сидит во внутренних помещениях и не может пошевелить пальцем. Все останавливается. Все и вся, за исключением несчастного Хранителя Времени. Он осматривается. Теперь ему легче найти причину проблемы - нужно лишь отыскать тех, кто все еще движется. Он прислушивается и улавливает легкое беспокойство в одной высокой башне. А поднявшись туда, он обнаруживает четырех человек, сидящих за столом.

В Ивенмере живут разные люди - талантливые и не очень, умные и не слишком. Мужчины и женщины, занимающиеся наукой и колдовством, а в головы им приходят различные - хорошие и не очень - идеи. Хранитель находит четырех прекрасных людей, отлично разбирающихся в науке и немного - в магии. Четырех людей, не желающих умирать и научившихся сдерживать смерть. Наша реальность формируется историями, которые мы рассказываем, а эти четверо используют их, чтобы менять реальность. Истории всегда разные, но на одну тему: неизменное время, гости из будущего, которые ничего не меняют, люди, вечно живущие одним и тем же

моментом, путешественник, застрявший на планете без времени, цивилизация, вечно воспроизводящая саму себя. Они сидят в высокой башне и рассказывают истории. И пока они их рассказывают, время и смерть кружат вокруг, словно стервятники, не способные ни приземлиться, ни тронуть их. У всех остальных уже давно бы закончились идеи, но эти четверо научились смотреть сквозь время, научились видеть все эти «если», «будет» и «может быть», так что у них накопился неисчерпаемый запас историй.

Енох обвел взглядом стариков. На их лицах ясно читался страх.

- Так что они продолжают жить, пока все остальные застыли в замершем времени.

Мистер Ховелл издал сдавленный вскрик, запрокинул голову и закатил глаза.

- Что вы с ним сделали? - вскричал в ужасе Джонас.

- Я? Я ничего не делал. Это - неожиданный финал моей истории. Когда Хранитель Времени приходит в башню и рассказывает свою историю, время вновь начинает двигаться. Время вашего друга закончилось. Он и так уже задержался..

Енох обвел взглядом их искажившиеся от ужаса лица и облизнул губы.

- Сколько вы сдерживали его? Сколько я просидел здесь? Десять минут? Тысячу лет? Кто знает?

- Вы можете присоединиться к нам, - предложил Тремор. - Ведь даже вы не сможете иначе жить вечно.

- Вы думаете, я хочу этого? Моя жена и дети остались в Араме. Я не видел их три тысячи лет. Все, кого я люблю, умирают, а я продолжаю жить дальше. Я не выбирал это. А вы, вы сделали свой выбор. Вы думали, что являетесь центром Вселенной.

Джонас выхватил из кармана маленький револьвер и направил его на часовщика.

- Думаю, нашему гостю лучше уйти, - голос его задрожал.

- А я так не думаю. Я вступил в вашу игру, а для такой магии требуется симметрия. Даже я это знаю. Четыре человека, по четыре истории за каждый круг. Продолжайте рассказывать свои сказки. Вы остановите время, а я запущу его снова.

- Вы обрекаете нас на смерть, - молвила леди Чендлесс.

- Не более чем любого другого человека, - часовщик пожал плечами.

Три сказочника смотрели на Еноха. Где-то тикали часы. Часовщик услышал, как в доме под башней бьются сердца, течет по венам кровь, наполняются воздухом легкие. Прошла минута, затем еще две.

- Я... - произнес Тремор, - я так устал. Меня тошнит от вас, тошнит от этого места, осточертело сидеть здесь, бояться смерти и травить байки в этом вечном чистилище. Я хочу вернуться обратно. Хочу смеяться и горевать, хочу помогать людям.

Леди Чендлесс заплакала.

- Мы не хотели никому навредить. Мы не знали!

- Сначала мне это нравилось, - сказал Джонас и положил револьвер на стол. - Будто сидишь в маленьком кафе. Но теперь все стало ужасно. Понимаете, мы не можем уйти. Мы в западне. Не можем даже встать из-за стола.

- Непредвиденный побочный эффект нашей магии, - сказала леди Чендлесс. - Мы сами стали историей, из которой нельзя выбраться. Да и вы тоже стали теперь частью ее. Как вы поступите?

Несколько минут Енох изучал их побледневшие лица, пытаюсь найти решение. Затем произнес:

- Я люблю истории, все время рассказываю их. О своем детстве, о людях, которых я знал. Настоящие истории. Думаю, правда сможет освободить вас. Если вы действительно хотите уйти, расскажите *ваши* истории.

Лица трех сказочников просветлели, будто рассеялся мрачный туман.

- Вот оно! - воскликнул Тремор. Глаза его заблестели. - Хочу рассказать о том, что случилось со *мною*.

- Да, - подхватила взволнованная леди Чендлесс. - Я расскажу вам о своей молодости. Знаете, я когда-то слыла красавицей. Все так говорили. Мы с мужем встретились, когда нам было по двадцать. Наш брак продлился двадцать пять лет. Мы усердно работали, а по субботам ходили на танцы. Ах, мне так его не хватает...

Пульс времени внезапно усилился.

- У меня было прекрасное детство, - сказал Тремор. - Мы жили в деревне. Родители всегда относились ко мне с добротой. Я часто играл в поле со своим псом Геркулесом. Два моих старших брата теперь уже умерли. Я - последний. Самый последний. Теперь только я помню, как хорошо прошло наше детство. Только я могу рассказать эту историю.

Откуда-то издалека донесся бой часов.

- Я побывал на войне, - сказал Джонас. - Тогда я был молодой, сильный и не такой толстый, как теперь. Мы с Билли - моим другом - часто играли в карты в бараках. Однажды, когда мы отправились на разведку, его убил снайпер. Билли умер у меня на руках. Когда я вернулся домой, то рассказал его жене, как он спас мне жизнь. Он - мой лучший друг. Он погиб шестьдесят лет назад, а я все еще хожу по земле.

Жители окрестных домов оживали, вдыхали и выдыхали, а трое рассказчиков с горящими глазами вспоминали истории своих жизней. С каждым часом время становилось все сильнее и сильнее, до тех пор пока не сделалось самим собой. На часовой башне пробил гонг.

Когда эхо смолкло, рассказчики поднялись и вышли из комнаты. Енох, шедший последним, задержался, чтобы опустить веки мистера Ховелла и благословить его последний путь. Затем погасил лампы и

вышел.

Снаружи его встретило Время. Оно обхватило часовщика и окатило прохладным ветром своего пульсирующего дыхания.

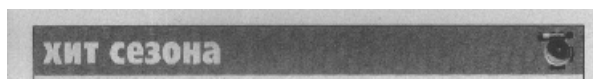
- Спускайтесь по лестнице, - сказал Енох. - Спускайтесь по лестнице и живите.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© James Stoddard. The Ifs of Time. 2011. Печатается с разрешения автора.

Видеодром

Хит сезона

ДА ЧТО ТАМ, РАЗБЕРЕМСЯ!

Эпопея «Трансформеры», несомненно, фантастическая. Но для того, чтобы по достоинству оценить последний фильм, пожалуй, нужно быть ребенком. Хотя бы в душе.

Главный герой эпопеи Сэм Уитвики в третьей ленте обзавелся новой длинноногой подружкой, которая ко всему прочему еще и зарабатывает гораздо больше него. У подружки есть босс - красавец и богач, небрежно дарящий ей «мерседесы» S-класса. Но любит Карли Спенсер только Сэма: он герой, пусть и нескладный! Ведь бряцающий медалью от самого президента США Сэм никак не может найти работу, мыкаясь по собеседованиям.

Словом, все типичные проблемы и мечты среднестатистического подростка в фильме воплощены. Чувство собственного предназначения присутствует, особых знаний и умений нет. Зато

отваги - хоть отбавляй.

Но если бы только психологическими терзаниями молодого героя, его приключениями и любовью, а также красиво прорисованными и смонтированными батальными сценами все ограничилось... Нет фильм пытается дать ответы на глобальные вопросы... Почему Советский Союз так и не выполнил лунную программу? Почему полеты на Луну были прекращены в США? В чем причина Чернобыля? Оказывается, первоисточником всех этих событий стали интриги трансформеров, которые все глубже погружаются в бытие нашей планеты.

«Наших» в фильме довольно много (все-таки сказались успехи СССР в покорении космоса), и они соответствуют голливудским стандартам. Мрачные, вооруженные до зубов, не слишком доброжелательные. Что забавно: украинец, который показывает американским гостям Чернобыль, говорит не то чтобы с акцентом, а по-русски, время от времени зачем-то вставляя украинские слова. Зато в русском баре украинская речь звучит уже куда органичнее, вот только она вроде бы выдается за русскую. Все смешалось за океаном.

Злые роботы-десептиконы необычайно коварны. Они плетут свои интриги в Африке, среди слонов, которые им по колено, коварством заставляют врагов-автоботов отправиться в экспедицию к темной стороне Луны, чтобы забрать оборудование и нового (точнее, старого) трансформера Сентинела Прайма из потерпевшего крушение звездолета. Луна оказалась напичкана инопланетными артефактами! И все они пригодятся в войне...

И, разумеется, злые роботы мечтают покорить мир. Ведь им позарез нужны люди-рабы, которых, впрочем, можно безжалостно уничтожить только ради развлечения.

Оригинален и способ, которым людей собираются заставить работать на благо Кибертрона. Поскольку у планеты роботов нет атмосферы, а людям нужно чем-то дышать, десептиконы находят глобальное инженерное решение - переместить Кибертрон к Земле. Выглядит он значительно больше Земли, но, очевидно, злые роботы все рассчитали и намереваются сделать Землю спутником своей родной планеты. И то правда: космическими челноками летать проще, чем через всю Галактику.

В «Трансформерах» пропагандируются самые главные, с американской точки зрения, ценности. Эта страна - цитадель свободы. Простые американские парни способны победить любую инопланетную тварь, на каком бы уровне технического развития она ни стояла. А «томагавки» - лучшие ракеты. Да и вообще, американские истребители вполне эффективны, чтобы биться с роботами, пусть даже те и явились к нам спустя миллионы лет технологического развития.

А вот моральная дилемма, встающая перед Сэмом, выбивается из привычного «шаблона героя», Предаст ли Уитвики друзей-роботов

ради безопасности взятой в заложницы возлюбленной? Спасет ли ее ценой свободы Земли и обмана друзей? Редко американский герой оказывается перед подобным выбором...

О мелких нестыковках, вроде падения небоскреба и спасения людей, на которых потом ни царапины, или раскачивания Сэма на стальном канате злым роботом, в результате чего герой то врезается в землю, то шарахается о здание на высоте пятого этажа, но остается невредимым, вряд ли стоит упоминать. Мы ведь не замечаем, что инопланетные роботы зачем-то превращаются в машины популярных марок? Если вы согласны с тем, что трансформерам легче всего передвигаться по земле в обличье «шевроле», то всему остальному легко поверите.

Кстати, сами американцы признали «Трансформеров» худшим фильмом полугодия. Что, впрочем, не слишком повлияло на его сборы...

Евгений ГАРКУШЕВ

экранизация

МАЛЬЧИК и ТЬМА

Закончилась самая популярная подростковая фэнтези-киноэпопея. Время подвести итоги.

В мировой практике, как бы к этому ни относиться, киносага о Гарри Поттере есть случай беспрецедентный. Серия из восьми фильмов (хотя, по правде, все же из семи), создаваемая на протяжении десяти лет. Единая актерская команда, хотя дети, начав сниматься в первом фильме, уже давно успели повзрослеть. Всего одна принципиальная замена в кастинге - из-за смерти Ричарда Харриса роль профессора Дамблдора, начиная с «Узника Азкабана», стал играть Майкл Гэмбон. Единая канва повествования, несмотря на то что завершающие книги к

моменту начала съемок еще не были написаны.

Хотим мы того или нет, но целое поколение детей уже выросло на «поттериане». Причина не только в агрессивном нашествии голливудской киноиндустрии, но и в отсутствии каких-либо отечественных аналогов. Национальные кинематографии давно уже пытаются дать в меру финансовых и творческих возможностей «асимметричный» ответ: германская серия о юной волшебнице Биби и игровая экранизация «Крабата», датский «Остров потерянных душ», наконец, всем известная французская трилогия Люка Бессона об Артуре.

Автор оригинальных книг получил беспрецедентный контроль над съемочным процессом. Известный факт, что Роулинг «шовинистически» не допустила к участию почти ни одного неанглийского актера.

В какой-то степени серию о Гарри Поттере можно назвать эталоном уважительного, даже заискивающего отношения к зрителю. Вернее, к нему отнеслись как к покупателю, который всегда прав. И такой подход оказался исключительно коммерчески успешным.

Фильмы о Гарри Поттере составили уникальный жанр, аналогов которому пока что нет, хотя попытки делались на заре игрового кино, когда еще не было телевидения. Этот жанр можно назвать «киносериалом». Метафильм, который можно смотреть неделю. Практически каждая отдельная картина обозревалась в «Если», но только сейчас появилась возможность увидеть всю линию развития. Что же дал Гарри Поттер кино и как изменялся сам по мере «обучения»?

Младшие классы

Теперь уже мало кто помнит, что ставить первый фильм хотел сам Стивен Спилберг. На какое-то время он и стал фаворитом среди претендентов на режиссерское кресло. Однако маэстро думал сугубо в кинематографическом ключе. Так, он собирался задействовать в роли Гарри тогдашнюю детскую звезду Хэйли Джоэла Осмента, но встретил сопротивление - ведь Осмент не был британцем. Кроме того, неизменно фонтанирующий идеями Спилберг предлагал сделать фильм целиком на компьютере и объединить для вящей динамики сюжеты двух первых книг. В конце концов, он даже воплотил свои идеи: снял «Искусственный разум» с Осментом и сплошь компьютерного «Гинтина». Но с Гарри Поттером это уже не имело никакой связи.

Тем не менее первые два фильма напрямую продолжали традицию семейного фантастического кино 1980-х годов от Лукаса и Спилберга. Заглавная музыкальная тема написана Джоном Уильямсом, автором саундтреков к «Звездным войнам» и похождениям Индианы Джонса. Режиссером выступил Крис Коламбус, работавший со Спилбергом как

сценарист еще в 1980-е годы. Коламбуса во многом выбрали за его умение работать с детьми, ведь за десять лет до «Гарри Поттера» тот поставил суперуспешную комедию «Один дома». Усматриваются и некоторые визуальные заимствования. Например, в самой динамичной сцене первого фильма, игре в квиддич, использованы те же постановочно-операторские приемы, что и в гонках на глайдерах из «Возвращения Джедая».

Режиссер, имя которого по-английски буквально звучит как «Христофор Колумб», оказался первооткрывателем целого кинематографического континента. Более того, Коламбус изобрел подход, названный «набором движущихся иллюстраций».

Здесь нужно сделать отступление. Кино в своем развитии фактически проделало такой же путь, что и живопись, и в фантастических фильмах это проявилось, наиболее ярко. По мере того, как росли технические возможности, кино все больше стремилось подражать реальной жизни, за редким авторским исключением - выглядеть все более похожим на правду. Причем оно стремилось к этому прямо противоположными, но взаимодополняющими путями - от сверхдорогих блокбастеров, где компьютерная графика добивалась максимально возможного эффекта правдоподобия, до демонстративно маргинальных фильмов, уходивших от любых киноэффектов.

Экранизация как специфический раздел киноискусства тоже стремилась показать произведение «как есть», все сильнее приближаясь к оригиналу. Разумеется, кроме тех случаев, когда лента служила предметом самовыражения арт-хаусных режиссеров, как в фильмах Андрея Тарковского или Стэнли Кубрика. А в частности, стремились воспроизвести оригинал все буквально и буквально. С развитием кинотехники это стало физически возможным, и «Гарри Поттер» оказался как раз в начале новой эпохи. На данный момент на пути создания широкоэкранный видеокниги осталась единственная преграда - театральная хронометраж. Но и ее отчасти решили «дроблением», и в результате «Гарри Поттер и Дары Смерти» вышли «в двух томах».

Коламбус, понимая, что стоит в начале длинного цикла, превратил «Гарри Поттера и философский камень» в масштабный пролог. Он сознательно пожертвовал внешней динамикой, чем не хотел поступиться Спилберг, и сосредоточился на атмосфере сказки. Все интриги первого фильма хватило бы от силы на час, но Коламбус вводит зрителя в волшебную реальность, создавая видеогид по Хогвартсу. Режиссеру отчасти пришлось проявить почти такую же смелость, как Уолту Диснею. Ведь до Диснея считалось, что зрители не выдержат просмотра полнометражного мультфильма и устанут. До Коламбуса тоже полагали, что дети не выдержат в кинотеатре два с половиной часа. Оказалось, выдержат, было бы на что смотреть.

А кроме того, вмешались обстоятельства. За два месяца до премьеры, 11 сентября 2001 года, случилась печально известная атака на башни Всемирного торгового центра. Из прокатной сетки на какое-то время стали исчезать фильмы о террористах, приостановились их съемки. А массовый зритель как во времена Великой депрессии повалил в кинотеатры на красивые сказки - и «Гарри Поттер» подоспел в самый раз.

А всего через месяц после премьеры первого фильма о Гарри Поттере состоялась премьера «Властелина Колец: Братство Кольца». Первая лента из трилогии по эпосе Толкина стартовала более скромно, чем экранизация Роулинг, и собрала меньшую кассу. Однако выход с минимальным интервалом двух кинопостановок «волшебных» бестселлеров ознаменовал новую эру в массовом кино, и конца ей пока не видно. Эру торжества фэнтези. Еще совсем недавно правили бал киносказки с «научно-техническим элементом»: от фильмов того же Лукаса или Эммериха до маскирующейся под киберпанк «Матрицы». Но с конца 2001 года доля «чистых» фэнтези-лент с каждым годом все нарастала и нарастала, тесня фантастику космическую и компьютерную и не в силах совладать только с ренессансом кинокомикса.

По меньшей мере три особенности присущи «новой» кинофэнтези. Ранее подобные фильмы ассоциировались с накачанными полуобнаженными варварами и столь же малоодетыми красотками. Теперь же все иначе. Во-первых, ведущую роль играет атмосфера магического мира, которая складывается из многих мелких деталей, органично совмещенных на компьютере со знакомыми нам реалиями. Во-вторых, если угодно, это «мультиперсонажность» - хотя в центре может быть главный герой, тот же Гарри Поттер, но на экране живет многонаселенная вымышленная реальность. В-третьих, ориентация на семейную аудиторию: вряд ли кому-нибудь в начале 1980-х пришло бы в голову взять с собой детей на киносеанс, где размахивал мечом молодой австриец-бодибилдер с труднопроизносимой фамилией. Хотя тогдашние продюсеры тоже это понимали и в «Рыжую Соню» с тем же Шварценеггером ввели «сайдкика»-подростка.

Если с подражаниями «Властелину Колец», как и с его продолжениями, все оказалось сложно, то два фильма Коламбуса спровоцировали бум детской фэнтези. Кажется, теперь экранизируется все подряд: классика (Джеймс Барри, Э.Т.А. Гофман, Льюис Керролл), книги современных авторов (Эдит Несбит, Рик Риордан, Сьюзан Купер, Филип Пуллман), «переосмысления» всем известных сказок (недавняя «Красная Шапочка» и грядущая «Белоснежка»).

Однако саму «поттериану», как ни странно, повело в сторону от детского кино...

Средние классы

Третью и четвертую серии знаменовали творческие поиски, которые прежде всего проявились в смене постановщиков. В их ряды стали приглашать бывших «независимых» режиссеров. А те уже начали экспериментировать с жанром, оставаясь в рамках «киноиллюстрации», тем более что сценарии ко всем фильмам писал один и тот же Стив Клоувз в тесном диалоге с Роулинг.

От предложения снять «Гарри Поттера и узника Азкабана» вежливо отказался Гильермо Дель Торо, предпочтя комикс «Хеллбой». Однако его место занял другой испаноговорящий постановщик Альфонсо Куарон. Это был, пожалуй, самый крутой зигзаг в «поттериане»; после Куарона новые фильмы снимали уже только англичане, впрочем, их было всего двое.

Хотя формально основные герои фильма повзрослели всего на пару лет (чего не скажешь об актерах), Куарон поставил уже не детское в привычном смысле кино. Отдельные пугающие эпизоды были и в двух первых фильмах, вроде битвы с василиском. Но Куарон усилил «готические» детали и общую мрачную атмосферу, задавая тон последующим сериям. «Узник Азкабана» собрал меньше всего денег в «поттериане», но многими поклонниками ценится больше других.

Четвертый фильм, «Гарри Поттер и Кубок огня», поставил британец Майк Ньюэлл, который длительное время специализировался на комедиях. Действительно, его серия получилась по жанру ближе всего именно к романтической комедии, несмотря на жуткий финал с явлением воплощенного Волан-де-Морта, впервые сыгранного Рэйфом Файнсом. Кроме того, Ньюэллу удалось и эффектные сцены действия, их было едва ли не больше, чем в предыдущих фильмах, вместе взятых. Однако уровня третьей серии он все же не достиг.

Старшие классы

Хотя продюсеры все еще были склонны приглашать архаусных иностранных режиссеров, те вовсе не торопились принимать их предложения. На то они и «независимые», что не любят продюсерского диктата и предпочитают реализовывать собственные идеи, а набравшая инерцию «поттериана» гарантировала известность, но не предполагала какой-либо творческой свободы. От режиссерского места отказались индианка Мира Наир, незадолго до того экранизовавшая «Ярмарку тщеславия» Теккерея, и француз Жан-Пьер Жене.

Тогда выбор нового постановщика пятой части многих удивил - им стал малоизвестный телевизионный режиссер Дэвид Йетс. Однако Йетс оказался практически идеальной фигурой для воплощения замысла «кинокини», недаром он продержался в режиссерском кресле дольше всех остальных. Не стал экспериментировать, но отшлифовал до блеска те находки, что были сделаны предшественниками. Кроме

того, Йетс как раз нашел некий баланс между разными линиями и гранями сюжета, не выпячивая ни одну из них.

Правда, нет огня без дыма... Не стараясь проявить оригинальность, новый постановщик взял крен в подражательность. Первые серии «Гарри Поттера» задавали тон, манеру и моду целому направлению массового кино. Подражали им, а не они. «Средние» пытались с разной степенью успеха отразить видение режиссеров. Последние серии уже впитывали тенденции, зародившиеся отнюдь не в недрах «поттерианы». словно сам цикл прошел путь взросления - от детской непосредственности фильмов Коламбуса через «бунтарский» переходный возраст картин Куарона и Ньюэлла к «взрослому» конформизму серий, поставленных Йетсом.

Поздние становились все более «темными». Это, впрочем, отвечало содержанию, где положительные герои начали гибнуть один за другим. Но одновременно у Йетса фильмы делались и все более реалистичными: постановщик убирал сказочные краски, предпочитая снимать через фильтры, и даже начал применять модную съемку ручной «плавающей» камерой. В кадре появлялось все больше «маггловских» реалий. Наверное, если бы фильмов до развязки было побольше, дело дошло бы и до имитации документальной съемки. Наконец, вторая половина «Гарри Поттера и Даров Смерти» была даже конвертирована в 3D решением продюсеров.

«Поттериана» уже совсем перестала быть детским кино. Отдельные эпизоды, особенно в тех же «Дарах Смерти», сделали бы честь иному фильму ужасов. Также на первый план все больше выходили романтические отношения героев. Принудительное разделение финальной главы на две серии провело четкий водораздел между линиями: в первом фильме - романтика и отношения остались, во втором - магические битвы. Но, как ни странно, именно в кульминационном эпизоде сражения за Хогвартс более, чем где-либо, проявилась неоригинальность подходов Йетса. Схватки похожи на перестрелки в вестернах, только вместо револьверов - волшебные палочки, а батальные сцены вызывают в памяти битву за Минас-Тирит из «Возвращения короля». Хотя завершение вышло, как полагается, эффектным и помпезным, и зритель, уже приученный не ждать нового, это оценил.

После школы

Что дальше? Честно говоря, не очень верится заявлениям, будто сага о Гарри Поттере закончилась. Вернее, сага-то, может, и закончилась, а вот что завершились для публики путешествия в мир, созданный Роулинг, сомнительно. Хотя бы по причине, что и породила экранизацию, то есть финансовой.

Оставим на совести автора романов прозрачные намеки на

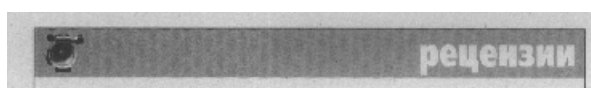
возможность появления восьмой и далее книг о Гарри. Представим, что новых произведений все-таки не будет. Здесь впору привлечь опыт Джорджа Лукаса, специалиста по многократному «снятию надоев» с им же сформированной аудитории. Что можно было бы сделать, если бы кто-то вроде него стоял у руля кинопоттерианы?

Можно заново выпустить в прокат расширенные версии всех фильмов, переконвертировав каждый в 3D. Можно рассказать предысторию - вряд ли кто из поклонников откажется увидеть масштабное «Восхождение Темного Лорда», картину грехопадения юного амбициозного мага Тома Редля, которая закончится сценой, открывающей «Гарри Поттера и философский камень». Или посмотреть блокбастер «Хогвартс: Начало» - об основании знаменитой магической школы четырьмя волшебниками. А это уже тянет по меньшей мере на трилогию...

Более того, экранизированы не все книги Роулинг. «Сказки барда Бидля» могут быть превращены в мультсериал, что наглядно показала эффектная анимационная вставка в первой части «Даров Смерти». Более того, в последние годы получили распространение игровые фильмы на основе книг в жанре «нон-фикшен» или даже популярных руководств. Поэтому не исключено и появление экранизаций книг Роулинг о квиддиче или волшебных существах.

Эра кино началась с прибытия поезда братьев Люмьер. Эра «Гарри Поттера» - с Хогвартс-экспресса. Скорее всего, этот поезд недолго простоит на запасном пути.

Аркадий ШУШПАНОВ

рецензии

МЕЛАНХОЛИЯ

(MELANCHOLIA)

Производство: Zentropa (Германия - Дания - Швеция - Франция), 2011. Режиссер Ларс фон Триер.

В ролях: Кирстен Данст, Шарлотта Генсбур, Кифер Сазерленд, Шарлотта Рэмплинг, Джон Хёрт и др. 2 ч. 10 мин.

Как часто от человека можно услышать жалобы на одиночество, мол, его все забыли и телефон молчит. И как страшно узнать, что есть одиночество на самом деле.

О чем новый фильм Ларса фон Триера, ясно из названия. Тут нет

никаких секретов и шифровок. Меланхолия как настоящая болезнь, как одиночество, пожирающее героиню Джастин изнутри, когда вокруг толпа людей - и далеких, и близких.

Кино начинается с конца. Пролог-предупреждение, но не раскрытие финала. Красивые кадры, затягивающие в мир Триера. Рапидные планы замедляют сердце, заставляя биться в одном ритме с фильмом - настоящим европейским кино, в данном случае тяжелым и холодным.

Первая часть посвящена свадьбе Джастин. Ее страдающую от меланхолии душу безрезультатно пытается поймать муж; сестра Клэр носится по огромному дому, пытаясь следовать плану «торжества». И среди мельтешения людей, поздравлений, восхищений Джастин чувствует себя самой несчастной на земле. Почему - вопрос к зрителю. Пусть каждый сам ответит себе, если захочет. Так или иначе, без возможности вырваться из этого состояния героиня начинает разрушать свой мир.

Вторая часть фильма - «Клэр» - посвящена более фантастическому событию. Рядом с Землей должна пролететь планета Меланхолия. Всеведущие астрономы заверяют общественность, что опасаться нечего, планета пройдет мимо, но только Клэр им не очень верит, а ведь столкновение означает конец света. Понятно, что это не фильм-катастрофа и фантастический элемент - метафора. Впрочем, как и в фильме Триера «Антихрист», где мистика давит на зрителя, он создает атмосферу, саспенс.

Нет смысла говорить, что Кирстен Данст играет великолепно, об этом свидетельствует приз Каннского фестиваля за лучшую женскую роль. Стоит ли говорить, что в «Меланхолии» великолепная работа с саундтреком, с видеорядом, с актерами? Этот режиссер может нравиться, может не нравиться, но смотреть его необходимо хотя бы потому, что он предлагает поразмышлять о важных вещах.

Анастасия Шутова

ГНОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(GNOMEO& JULIET)

Производство компаний: Rocket Pictures, Touchstone Pictures, Walt Disney Studios (Великобритания - США), 2011.

Режиссер Келли Эсбери.

Роли озвучивали: Джеймс Макэвой, Эмили Блант, Джейсон Стэйтем, Оззи Осборн, Халк Хоган и др.

1 ч. 24 мин.

Где-то в старой доброй Англии. Верона драйв. Дома с проживающими

по соседству мистером Капулетти и миссис Монтеки. Вечные ссоры, оскорбления, ругань...

Возле каждого домика свой садик с глиняными гномиками. Вот между этими садовыми семействами (пока люди не видят) и идет непримиримая борьба. Красные гномы Капулетти против синих гномов Монтеки. Смертельные гонки на газонокосилках, мелкие пакости и серьезные битвы, сладость мести и горечи потерь - ведь многие гибнут в боях, да упокоятся их черепки с миром.

Пока однажды не случится меж юными гномами вечная как мир история необыкновенной любви, о которой поведал нам Вильям Шекспир. Но это комедия - и не ждите трагического финала.

Действительно, временами смешно (не зря же режиссер - автор «Шрека 2»), местами «переживательно». Очень гармонично в сюжет вплетены песни Элтона Джона. В основном это старые классические композиции, но и написано несколько новых. И каждый сингл идеально подходит под действие.

Несмотря на некоторую китчевость, фильм вполне смотрибелен. Полон эксцентрики, откровенного пародирования и шуток.

Неплохо, что и сейчас появляются картины, где нет надоевших сюжетных ходов, словно вырезанных по одному лекалу, где действуют не приевшиеся зрителю герои, будто нарисованные по трафарету: вот это снято как у Dreamworks, а вот это точно Pixar...

Поражает количество сценаристов, работавших над этим попури из шекспировской трагедии с «Историей игрушек». Десять человек! Включая Шекспира. Можно было бы создать шедевр, но вышло всего лишь неплохое действо для маленьких зрителей, Глядишь, и прочтут оригинал. Всё польза.

Вячеслав Яшин

СУПЕР 8

(SUPERS)

Производство компаний Paramount Pictures, Amblin Entertainment и Bad Robot (США), 2011.

Режиссер Джей Джей Абрамс.

В ролях: Кайл Чэндлер, Джоэл Кортни, Ноа Эммерих, Элли Фэннинг и др.

1 ч. 52 мин.

Научная фантастика от Джей Джей Абрамса и Стивена Спилберга - это уже сам по себе брэнд. Такому фильму не нужны дорогие суперзвезды, невероятные спецэффекты, внушительные бюджеты.

Абрамс, режиссер и сценарист, постановщик «Монстро» и «Звездного пути», а также суперпопулярного сериала «Остаться в живых», сам (произносится с придыханием, безо всякой иронии) написал и снял, Спилберг спродюсировал - и фильму с небольшим бюджетом в полсотни «зеленых лимонов» кассовый успех пришел почти мгновенно.

Поначалу может показаться, что сценарий ленты писал еще один великий - Стивен Кинг. 1979 год, маленький городок в Огайо. Группа подростков снимает кино про зомби на любительскую пленку формата Super 8. Во время ночной съемки на станции ребята становятся свидетелями крушения поезда - поезд протаранил на своем пикапе их учитель химии. Поезд непростой: появляются военные и тут же оцепляют место крушения.

А в городке начинают происходить странные и страшные вещи. Пропадают люди (первым исчезает шериф), отключается электричество, а потом и вовсе военные устраивают пожар и эвакуацию. Отец одного из мальчишек, помощник шерифа, пытается разобраться в ситуации и попадает в лапы военных. Единственная девочка из юной кинотруппы тоже исчезает.

На этом Кинг заканчивается и начинается Спилберг. Причем ранний - времен «Инопланетянина» и «Ближних контактов...». Мальчишки возвращаются в городок, где военные ведут непонятно с кем танковую войну, и понимают - в поезде везли пришельца. Тот после крушения сбежал от бесчеловечных экспериментов, озлобился на человечество и просто хочет улететь на свою планету... Спилберг как бы продолжает «Инопланетянина», показывая, в какого монстра превратился бы милый Ити, поймай его спецслужбы...

Но на самом деле фильм совсем не о военных и не о злом пришельце, Это ностальгическая и добрая (иногда) лента о преданной дружбе и первой детской любви. О взаимовыручке и сострадании. Хотя без саспенса, взрывов и перестрелок все равно не обойтись.

Тимофей Озеров

адепты жанра

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР «ЭНТЕРПРАЙЗА»

В прошлом месяце исполнилось бы 90 лет человеку, без которого мир американской science fiction никогда не стал бы таким, каким мы его знаем последние полвека. При том, что Джин Родденберри за свою жизнь не написал ни одного научно-фантастического рассказа, романа или повести (не считая одной книги, авторство которой вызывает вопросы, о чем речь пойдет ниже). Но зато он создал самый «долгоиграющий» научно-фантастический сериал, на котором выросли два поколения писателей-фантастов вместе с легионами своих поклонников.

Тень Родденберри витала и над будущими творениями продолжателей его дела - новым космическим кораблем с тем же названием и новым экипажем. А также над всем и вся, что повстречалось астронавтам обоих «Энтерпрайзов» на космических просторах за прошедшие четыре с половиной десятилетия. Не их жизни - нашей. А точнее - в шести телесериалах (более семи сотен серий) и в 11 полнометражных кинофильмах (в этом году фэны с нетерпением ждут анонсированный двенадцатый). Не говоря о многочисленных играх и сотнях книг, созданных «по мотивам»...

Юджин Уэсли Родденберри родился 19 августа 1921 года в тexasском городе Эль-Пасо. Отцом будущего телесценариста и продюсера был офицер полиции, и родительские гены напомнили о себе: создатель «Звездного пути» сам некоторое время служил полицейским и создал телесериалы про копов. Да и в прославившем его «Звездном пути» экипаж «Энтерпрайза» движим не только научным любопытством, но и нескрываемым стремлением поддерживать на галактических просторах образцовые «закон и порядок».

Пока же семья с маленьким сыном перебралась в Лос-Анджелес, где Юджин (которого с малолетства и до седых волос называли Джином) окончил среднюю школу и поступил в Городской колледж Лос-

Анджелеса на полицейские курсы. Получив диплом, Родденберри тут же возглавил местный Полицейский клуб, созданный при непосредственном участии ФБР.

Затем дипломированный специалист продолжил образование последовательно в трех университетах страны, но ни один так и не закончил. Потому что его захватила новая страсть - авиация. Уже теплее, правда?.. Родденберри получил пилотское удостоверение, но тут началась война, и он записался в ВВС. После годичной подготовки на базе в Сан-Анджело (Техас) летчик бомбардировочной авиации Джин Родденберри отбыл на тихоокеанский фронт.

Воевал он достойно: совершил в общей сложности 89 боевых вылетов, один раз чудом остался жив после аварии и закончил войну с двумя боевыми наградами. Демобилизовавшись, он два года прослужил пилотом в авиакомпании Pan Am и закончил летную карьеру с еще одной наградой - медалью за мужество, проявленное при спасении экипажа и пассажиров после жесткой посадки в сирийской пустыне в 1947-м.

Словом, в полицейском управлении Лос-Анджелеса, куда он направил документы после ухода из Pan Am, сына копа, военного ветерана и орденоносца приняли с распростертыми объятиями.

Однако в киностолицу мира его влекло не желание пойти по стопам отца, а нечто совсем иное. Впрочем, об этом Родденберри предпочитал помалкивать, хотя втайне уже сочинял сценарии - «полицейских» телесериалов, так что служба в полиции представлялась ему удачным местом для накопления жизненного и профессионального опыта.

К 1953 году Родденберри получил сержантские знаки отличия, а кроме того, нашел применение своим литературным пристрастиям, став спичрайтером у легендарного шефа лос-анджелесского полицейского управления Уильяма Паркера. Знающие люди говорят, что будущего члена экипажа «Энтерпрайза» - подчеркнуто неземного, суперрационального инопланетянина Спока с планеты Вулкан - Родденберри списал со своего тогдашнего босса.

За время работы в полиции сержант-спичрайтер смог продать несколько сценариев на телевидение. Это были эпизоды популярных сериалов «Дорожный патруль» и «Имеешь оружие - путешествуй». На счету Родденберри были также сценарии для вестернов. И к 35 годам он решил, что накопил достаточный опыт, жизненный и литературный, для того чтобы пуститься в рискованный «полет» - стать сценаристом-фрилансером. Свой уход из полиции он объяснил просто: «За те деньги, что платят полицейским, я не могу содержать семью на уровне, который считаю необходимым и достаточным».

То, что «полет» не будет гладким, экс-летчик и экс-коп убедился довольно быстро. Поденный труд «свободного художника» его быстро

разочаровал, но вывод был сделан неожиданный - сменить не работу и не работодателей, а систему отношений: самому стать работодателем! Создать собственный телесериал, придумать идею, постоянных персонажей и «продавать» студиям не сценарии, а готовый продукт. То есть стать тем, кого на американском телевидении называют «творцом» (creator). Иначе говоря, «автором идеи»^{*1}.

Первые попытки оказались неудачными: замыслы Родденберри отвергались телестудиями на корню. И только в 1963 году придуманный им сериал «Лейтенант», посвященный морским офицерам, вышел-таки на телеэкран и продержался в сетке вещания целый год.

А год следующий стал для Джина Родденберри золотым. Он придумал Идею: команду, персонажей, приключения и сюжетный каркас - словом, все-все для нового телесериала. На сей раз научно-фантастического. Как вспоминал создатель «Звездного пути»: «Это должно было стать чем-то вроде комиксов о Баке Роджерсе и Флэше Гордоне, но серьезнее и научнее»^{**2}. В другом месте он проговорился, что хотел создать еще один вариант «Путешествий Гулливера», за которыми легко читается «моральный подтекст». Кстати, первоначальное название будущего сериала было абсолютно провальным: «Караван к звездам» (отсылка к названию, популярного тогда сериала-вестерна «Караван»). И руководство студии Desilu, подразделения телекомпании NBC, купившей идею Родденберри, предложило другое, со временем ставшее культовым, - «Звездный путь»^{***3}.

Пилотная серия чуть было не погубила весь замысел в зародыше. Мало того что съемочная группа вышла за рамки бюджета, но и полученный результат - серия под названием «Клетка» - вызвал у заказчиков более чем кислый прием. А тут еще исполнитель главной роли отказался от дальнейших съемок... И все же студия пошла на рискованный шаг - заказала еще одну пилотную серию под названием «Куда не ступала нога человека». Однако и этот сценарий провалился в ящике студийного кабинета почти год. И только 8 сентября 1966 года злополучный сериал наконец стартовал.

И весьма удачно! Новый сериал успешно шествовал по телеэкранам Америки целых три года. Но затем рейтинги пошли вниз, и после того

¹ * На американском телевидении creator - это чаще всего и продюсер, и руководитель сценарной группы, и - в значительной мере - режиссер. Все в одном флаконе. (Здесь и далее прим. авт.)

² ** Другие источники указывают, что на замысел телесериала Джина Родденберри натолкнул фильм 1961 года «Властелин мира» по одноименному роману Жюль Верна.

³ *** У нас укоренился именно такой перевод названия, хотя правильнее было бы перевести «Star Trek» как «Звездный поход».

как студия не выполнила своё же обещание передвинуть сериал в программной сетке на более выигрышную позицию, Родденберри фактически самоустранился от руководства своим детищем. Хотя в титрах будущих сериалов продолжал числиться исполнительным продюсером...

В 1970 году он попытался было выкупить все права на «Звездный путь» у студии Paramount Pictures (к тому времени поглотившей Desilu Studios), но стороны не сошлись в цене. Предложенная студией сумма - 150 тысяч долларов (сегодня это соответствовало бы почти миллиону) в те годы оказалась для Родденберри неподъемной.

А настоящий успех телесериалу и всем его многочисленным «клонам» принесло то, что по-английски называется franchising (у нас этот термин без лишних мудрствований переводят как франчайзинг). Не вдаваясь в тонкости, это коммерческая схема концессии, ярче и эффективнее всего раскрученная (но не придуманная) компанией McDonald's. Открыть торговую точку под этим брендом может, в принципе, каждый. К тому же получая раскрученную торговую марку (а значит, экономя на рекламе), но и ограничения. Нельзя самовольничать, нужно строго следовать всем техническим, маркетинговым и прочим стандартам того, кто сдает вам в концессию данную торговую марку. Последнее касается качества продуктов и сервиса, ассортимента, формы и содержания рекламных кампаний - даже стандартов кухонного оборудования и способов приготовления такой нехитрой пищи; как «Биг-Маки»!

Аналогичный франчайзинг организовала и компания Paramount Pictures, владевшая правами на бренд Star Trek (ныне они принадлежат телекомпании CBS). В результате снимать телесериалы и кинофильмы про очередные приключения экипажа «Энтерпрайза» могли все, кто угодно. Но приняв на себя обязательства не отклоняться от «звездного» пути. То есть не менять общую концепцию сериала и ключевые детали - название корабля, образы членов экипажа, уже обозначенные в оригинальном телесериале расы инопланетян (придумывать новые не возбранялось).

Кстати, первым, кому Paramount Pictures предоставила франчайзинг, был Джин Родденберри! Ему предложили создать новый телесериал по мотивам его же «Звездного пути» с привлечением большинства актеров и членов съемочной группы из сериала первого. Однако в процессе работы планы кинокомпании изменились, и в результате получился не телесериал, а полнометражная картина «Звездный путь». Во избежание путаницы название снабдили подзаголовком: «кинофильм» (Star Trek: The Motion Picture).

Критики встретили его вяло, но в прокате картина взяла свое (на

сегодняшний день «касса» фильма составила 80 миллионов долларов в американском прокате и 139 миллионов в мировом), и кинокомпания поняла, что не прогадала. Преисполнившись энтузиазма, она предложила Родденберри подумать над продолжением. Но представленный им сценарий, в котором экипаж «Энтерпрайза» отправлялся в прошлое - как раз к готовящемуся покушению на президента Кеннеди в Далласе, - решительно отвернула. Более того, самого Родденберри фактически отстранили от проекта, оставив творцу «Звездного пути» утешительный титул исполнительного консультанта. В этом качестве Родденберри участвовал в создании еще четырех фильмов - «Гнев Хана», «В поисках Спока», «Путешествие домой» и «Последний рубеж». Все они выходили в прокат с предзаголовком «Звездный путь» и порядковыми номерами II, III, IV и V.

Следующую картину - «Звездный путь VI: Неоткрытая страна», вышедшую на экраны в 1991 году, Джин Родденберри увидеть не успел. По неподтвержденным сведениям, он ознакомился лишь с рабочим материалом - за считанные дни до своей кончины.

В последние годы жизни создатель «Звездного пути» не порывал связей с прославившим его телевидением. Он принимал активное участие в создании нового телесериала «Следующее поколение», и его фамилия значится в титрах еще трех: «Глубокий космос 9», «Вояджер» и «Энтерпрайз». Кроме того, Родденберри выпустил и первую литературную «новеллизацию» - роман по мотивам первого кинофильма из серии «Звездный путь», дав старт теперь уже издательской гонке. Впрочем, авторство романа «Звездный путь: кинофильм», вышедшего в 1979 году, молва упорно приписывала Алану Дину Фостеру. И хотя Фостер неоднократно публично отрицал, что писал «за Родденберри», никто в это не верит.

А затеянное Родденберри предприятие - теперь уж безо всяких оговорок коммерческое (неслучаен и выбор названия для звездолета: по-английски enterprise - это и «предприятие», и «деловая инициатива») продолжало жить своей жизнью.

Оригинальный телесериал был посвящен космическим приключениям исследовательского корабля «Энтерпрайз» Объединенной федерации планет с экипажем под командованием капитана звездного флота Джеймса Т.Кёрка. Местом действия была выбрана вся обитаемая Галактика, а временем - XXIII век. Примерно тот же состав сохранился в короткоживущем «клоне» - мультсериале «Звездный путь», а также в первой шестерке кинокартин.

В следующих телесериалах поменялось время действия. В «Новом поколении», как явствует из названия, это было еще более отдаленное будущее - спустя столетие. Примерно в ту же эпоху разворачиваются

сюжеты следующих двух сериалов - «Глубокий космос 9» и «Вояджер». А в сериале «Энтерпрайз» действие, наоборот, отнесено в прошлое - в те времена, когда человечество только-только прорвалось к звездам. Приключениям «следующего поколения» посвящены четыре кинофильма конца девяностых - начала нулевых годов: «Поколения», «Первый контакт», «Восстание» и «Возмездие». И, наконец, последний фильм, названный без затей - «Звездный путь» (на сей раз без подзаголовка в названии первого кинофильма), относит время действия в XXIII век. Точнее, в альтернативный XXIII век, в котором зритель встречается с молодыми капитаном Кёрком и Споком,

Многие (таких, видимо, большинство) считают мир «Звездного пути» вариантом будущего прямо-таки утопического. Другие (к ним относится автор этих строк) относятся к подобной «утопии» скептически. Если и утопия, то явно не наша - американская... Сам звездный флот, к которому приписан «Энтерпрайз» и в котором служат земляне вместе с союзниками-инопланетянами, как пишет бесстрастная Википедия, представляет собой «космическую гуманитарную и миротворческую армаду Объединенной федерации планет». В наше время сочетание терминов «гуманитарная» и «миротворческая» с «армадой» наводит, согласитесь, на неприятные ассоциации... Хотя в определенных альтруистических намерениях героям «Звездного пути» не откажешь. Беда только, что и в реальности, и в научной фантастике хорошо известно, куда ведут эти благие намерения..,

Грандиозный теле- и киномарафон, затеянный Джином Родденберри и растянувшийся на полвека, отразил в себе многие изменения, произошедшие не на галактических просторах далекого XXIII столетия, а на грешной Земле за последние годы. Если в оригинальном телесериале зрители угадывали многие реалии «бурных шестидесятых», то следующие поколения столь же безошибочно фиксировали знакомые приметы семидесятых, восьмидесятых - и так вплоть до нынешних нулевых. Родоначальник сериала не скрывал, что, создавая новый фантастический мир, получал возможность высказаться обо всем, о чем хотел: «О сексе, религии, Вьетнаме, политике и межконтинентальных баллистических ракетах». Зрители же увидели в семи с лишним сотнях телесерий и одиннадцати кинофильмах изменения наших представлений «о войне и мире, цене личной преданности, авторитаризме, империализме, классовой борьбе, экономике, расизме, религии, правах человека, сексизме и феминизме и роли технологии».

Впрочем, идеологический разбор того, что творится в мире «Звездного пути» (и что задумывалось, и к чему все это может привести), требует отдельного разговора. Каковой, не сомневаюсь, с

неизбежностью выльется в ожесточенную полемику. Однако что не вызывает сомнений и полярных точек зрения, так это вклад грандиозной телевизионной и киноэпопеи в поп-культуру XX века.

По сей день «Звездный путь» остается одной из самых «прописанных» вселенных в американской научной фантастике. Поскольку речь идет в большей мере о кино и телевидении, нежели литературе, под «прописью» понимается тщательная проработка деталей - будь то история инопланетной культуры или биография ее представителя, технические описания или бытовые подробности. Неслучайно в эту затейливую игру, предложенную с экрана, в мире играют миллионы подростков и взрослых. Эти «путники» не от мира сего не только комфортнее себя ощущают в костюмах своих кинокумиров, но и давно бы перешли с опостылевших гамбургеров и колы на блюда клингонской кухни - да только где достать эти деликатесы (разве что слетать на родную планету клингонов - Кронос). Хотя на клингонском языке, разработанном двумя энтузиастами, уже бодро изъясняются!

Сегодня «Звездный путь» - это хит индустрии развлечений. Пять телесериалов завоевали в общей сложности 31 премию «Эмми» и еще 140 раз номинировались на нее. Одиннадцать кинофильмов сообща принесли более двух миллиардов долларов в прокате (хотя на престижный «Оскар» номинировались всего девять раз и лишь однажды были удостоены заветной золотой статуэтки). Прибавьте сюда 120 компакт-дисков и более сорока видеоигр. И сотни книг общим тиражом до 70 миллионов. И доходы от продаж соответствующих игрушек и сувениров, превысившие четыре миллиарда.

За свою жизнь Джин Родденберри создал много чего - не одни только сценарии к «Звездному пути». В семидесятые годы он был продюсером научно-фантастического фильма «Планета Земля». И еще одного, нефантастического, «Девчонки, в очередь» (в русской фильмографии «Если ты веришь, девчонка»), поставленного известным французским режиссером Роже Вадимом (настоящее имя которого - Вадим Племянников). Родденберри был дважды женат, и во второй раз сочетался браком не где-нибудь, а в японском храме - с соблюдением всех требований древнего синтоистского ритуала.

Выросший в семье южан-баптистов, он всю жизнь оставался человеком неверующим, называя себя «гуманистом и агностиком». И не стеснялся публично высказывать претензии всем религиям мира, считая их ответственными за большинство войн и прочих лишений прошлых веков. А в бытность свою руководителем двух первых телесериалов порой вычеркивал из присланных ему на визу сценариев всяческие упоминания религии и мистики в «светлом» будущем. Другое дело, что крамольные мысли все-таки проникали в окончательные варианты окольными путями, минуя бдительное око исполнительного

продюсера. Цензура во все времена и во всех странах играла роль щуки, которая на то и существует, чтобы карась не дремал...

Умер Джин Родденберри от сердечной недостаточности 24 октября 1991 года. Ушел из жизни так же, как и прожил ее: не ведая страха и отчаяния. И иллюзорной, по его мнению, надежды на какую-то «вторую попытку». Согласно последней воле покойного, тело его было кремировано, а прах отправлен туда, где создатель «Звездного пути» за последнюю четверть века успел освоиться благодаря недюжинному воображению - к звездам.

Спустя пять с половиной лет после кончины Родденберри с частного космодрома на Канарских островах стартовала ракета Pegasus XL, принадлежавшая компании Celestis Incorporated - первому в истории «бюро космических ритуальных услуг». Ракета доставила на орбиту контейнеры с прахом создателя «Звездного пути», вместе с прахом другой культовой фигуры конца прошлого века - бунтаря и мыслителя Тимоти Лири. И прахом еще 21 человека - всех, кто пожелал обрести последнюю обитель и вечный покой среди звезд.

Любопытно, что задолго до этого, в 1974-м, когда в США началось строительство космических «челноков», первую - тестовую - модель сначала предлагали назвать «Конституцией». Но под давлением миллионов «треккеров», развернувших беспрецедентную кампанию в СМИ, тогдашний президент Джеральд Форд принял решение назвать первый корабль многоразового использования так, как требовали фанаты, - «Энтерпрайз». И хотя в космос он так и не слетал, ограничившись ролью испытательного стенда, все равно, согласитесь, - символично.

Вл. ГАКОВ

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

СНЫ О БУДУЩЕМ

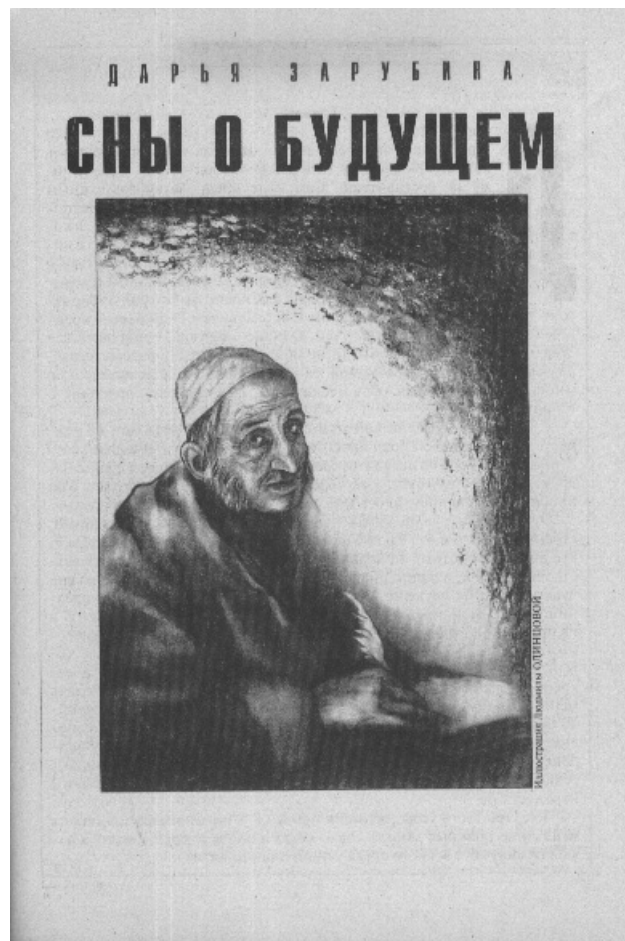

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Глава 1

Дорогой друг!

Прошу простить меня за слог записок моих, что не столь хорош, как достоин ты и как желалось бы мне, смиренному их составителю. Сам я не предполагал возможным вступить в звание сочинителя. Однако равно не предполагал я также, что окончу дни свои в скорбном доме, в коем ныне пребываю. Единственное касательство мое к литературе случилось еще в отроческие годы, когда был я однажды при высоком покровителе моем Якове Александровиче Брюсе, в те поры московском генерал-губернаторе, приятелем его, Александром Николаевичем Радищевым крепкой затрещиной уму-разуму учен. Однако обязуюсь приложить все старание мое к тому, чтобы история, в сих записках рассказанная, развернулась перед тобою, мой читатель, такой, как произошла со мною двадцатого числа июля месяца года тысяча восемьсот двадцать второго.

С недавнего времени сон мой стал плох, что в лета мои не редкость. Часто по целой ночи просиживал я за пасьянсом, мучимый бессонницею. В ночь на двадцатое июля сего года я вновь спал дурно.

Задремав около полуночи, уже через четверть часа я принужден был проснуться. Ибо почудилось мне, что в комнате кто-то присутствует. Открыв глаза, увидел я стоящего у моего изголовья меня самого, странно одетого и без бакенбард. От этого зрелища сразу уверился я, что вижу сон, потому не поддался испугу, сел на кровати, поприветствовал гостя и, извинившись, накинул халат, поскольку даже во сне чувствовал себя неуютно, оставаясь при посетителе в ночном одеянии. Гость мой представился мне посланцем из грядущего, и я из природной осторожности, даже памятуя, что это сон, не счел возможным довериться его словам и стал выспрашивать о событиях, которым буду я современником. Рассказал он совсем немного и искренно признался, что не имеет сведений, которые могли бы убедить меня. К моему сожалению, от событий, им упомянутых, отделяло меня более двух лет. А потому, размыслив, что все сие есть только сновидение, я оставил сомнения и стал охотно задавать вопросы об устройстве его времени. Он отвечал мне вполне доброжелательно, изредка улыбаясь, отчего казалось мне, что он посмеивается над моим невежеством.

Под утро гость уговорил меня прилечь. Я повиновался и лишь на мгновение прикрыл веки. Однако когда я вновь открыл глаза, то нашел комнату без всякого следа удивительного визита.

Признаюсь, тогда почитал я все случившееся лишь сном. Но Господу угодно было, чтобы этот сон стал началом удивительных событий.

Писано Илией Яковлевым, сыном Александровым.

18 сентября 1822 года,

Обуховская больница».

Константин Петрович отложил бумаги и спустил ноги с верхней полки. Несмотря на август в поезде было холодно, а от прикосновения волглой постели становилось еще и противно. Он принес стакан кипятка, бросил в него пакетик чая, сунул под одеяло в ноги бутылку горячей воды.

Пожалуй, теперь он был даже рад тому, что взял с собой бумаги Коношевского. Рано или поздно ими все равно пришлось бы заняться. А послание неизвестного психа из девятнадцатого века заинтересовало его.

Письмами обуховского больного Коношевский особенно дорожил. Дорожил потому, что ждал часа, когда их можно будет обнародовать. Но не дождался. Ненормальный забавник желал, чтобы его письма были прочитаны не в каком-нибудь абстрактном будущем. Он сам назначил дату, когда для него начиналось это таинственное «грядущее», и собственноручно написал на пакете с письмами: «Не вскрывать и не делать достоянием общества до 2 августа года 2010». Георгий Владимирович Коношевский умер двадцать четвертого июля,

и теперь судьбу писем предстояло решить человеку постороннему, человеку равнодушному, одним словом - ему, Константину Березину.

Естественно, Георгий Владимирович в какой-то мере обманул ожидания обуховского сочинителя и конверты вскрыл, не дожидаясь назначенного срока. Слишком велико было искушение. А вот опубликовать не решался. Ждал положенного времени. Но время в свой черед обмануло и его ожидания.

Константин Петрович искренне жалел Коношевского. Он знал старика всю свою жизнь, сорок четыре года. Георгий Владимирович был старшим братом его матери и большим другом обоих родителей. Семья ждала, что Костя пойдет по стопам дяди и выберет научную карьеру. Уже в школе Костя начал публиковать какие-то статейки и наивные детские исследования, но потом, к огорчению Коношевского, оставил попытки найти себя в области гуманитарных наук и с головой окунулся в физику. Новую страсть его приняли со спокойствием, как принимали любое начинание сына. Один только Георгий Владимирович не уставал предпринимать все новые попытки сманить Костю в гуманитарии. В чем за долгие годы ничуть не преуспел, однако дружбы молодого физика и старого филолога это не разрушило. У Коношевского не было другой семьи кроме Березиных, а с некоторых пор его единственной семьей остался Костя.

Поэтому не было ничего удивительного, что все свои драгоценности - кипы черновики, архивы, рукописей - Георгий Владимирович оставил ему.

Березин отхлебнул чаю и еще раз пробежал глазами письмо. Точнее, его ксерокопию. Сами письма хранились в сейфе университетского музея, но именно Березину предстояло решить: останутся они там дальше или обретут нового хозяина. Записки показались Константину Петровичу забавным и занимательным чтением. Последнее время для удовольствия Березин читал немного. И в черед прочитанного мало было интересного, еще меньше забавного. Он решил читать записки обуховского психа не торопясь, наслаждаясь неловким архаическим стилем и причудливым движением больной фантазии. Засыпая, Константин Петрович еще несколько раз прокрутил в памяти письмо, пытаясь представить себе человека, его написавшего. Видимо, под воздействием чего-то, привитого еще в школе, человек этот постоянно представлялся маленьким. Маленький человек этот обязан был носить какую-нибудь диковинную одежду, например, шлафрок. Березин с улыбкой признался себе, что так и не удосужился в своем уже далеко не юном возрасте поинтересоваться, что же это такое. Но его маленький человек непременно должен был предстать перед ним в этом абстрактном шлафроке. Он должен сидеть в жестком больничном кресле и, покусывая кончик пера, писать на узких листах убористым, выработанным за годы отличной службы почерком.

Засыпая, Константин Петрович уже отчетливо представил себе этого маленького человека, поэтому совершенно не был удивлен тем, что тот пробрался и в его сны. Правда, подсознание Березина преподнесло маленького человека не в тягостной обстановке «желтого дома», а в его мирном обиталище - маленькой комнатке с единственным окном. Он спал на довольно узкой, застланной чистым бельем постели. В углу комнаты стоял письменный стол. Березин подошел к столу и, вынув из кармана спички, зажег свечу. Вообще-то не в привычках Константина Петровича было так бесцеремонно вести себя в чужом доме, но осознание того, что все это происходит во сне, наполнило Березина бесшабашным задором. Он подошел к самому изголовью кровати.

Маленький человек был не так уж и мал, скорее, среднего роста. Но благодаря бакенбардам и ночному колпаку смотрелся потрясающе курьезно.

Березин склонился над маленьким человеком и подергал его за кисточку на ночном колпаке. Тот проснулся мгновенно. Сел, хлопая мутными со сна глазами. Потом его взгляд остановился на госте, в глазах промелькнули удивление и страх.

- Кто вы, любезнейший? - опасливо спросил он, вставая с постели и шаря ногой под кроватью в поисках туфель. - У вас ко мне неотложное дело? С Евдокией Кирилловной сделалось нехорошо?

Березин удивленно посторонился, и человек, извинившись, проскочил мимо него и накинул халат.

- А отчего с ней должно быть нехорошо? - перепросил Константин Петрович.

- Так ведь иначе она сама вошла бы сказать о вашем приходе и уж точно не пустила бы вас ко мне в такой поздний час. Если, конечно, у вас ко мне нет срочной надобности, извините, не знаю вашего имени...

- Константин Петрович, - подсказал ему Березин, которого ситуация до крайности развлекала. Видимо, подсознание решило сделать ему царский подарок, и так заинтересовавшееся вечером письмо Инсценировалось теперь силами его воображения. Он решил расслабиться и принять участие в действе. Присел в тощее кресло и, откинувшись, таинственно произнес:

- Я посланец из грядущего!

Когда Березин открыл глаза, был уже шестой час. Попытался вспомнить, о чем говорил во сне. А вспомнив, усмехнулся и отправился за кипятком для завтрака.

Вылавливая пластмассовой вилкой из банки кудрявую лапшу, он иронично заметил себе, что оказался не на высоте. В разговоре с удивительным посетителем его сна выяснилось: рассказать - что о прошлом, что о своем времени - ему нечего. Поскольку кое о чем

поведать он просто не сумел, так как в этом совершенно не разбирался. Того, что сумел, его собеседник, судя по всему, не понял, потому что для этого необходимо было уяснить то, чего Березин объяснить не сумел. А то, в чем он разбирался, собеседника совершенно не интересовало.

«В общем, - заключил про себя Константин Петрович, - к контакту с иновременным разумом профессор Березин выказал себя позорно неготовым. Хотя и здорово развлекся».

«Любезный читатель,

Пребываю в надежде, что записки мои достигли тебя. Долгое время не мог я продолжить писание. Болезнь подорвала мои силы, и со мною сделалась лихорадка такая жестокая, что я не имел возможности даже принимать пищу и подняться с постели. Теперь состояние мое удовлетворительно, о чем получил я подтверждение от смотревшего меня утром доктора, поэтому я вновь испросил у служителя бумагу и чернил и продолжаю свои записки.

Я описал уже первое посещение ночного моего гостя, которому сперва не придавал значения, еще не ведая истинной природы сего визита и его последствий. Как уже упоминал я, на мои попытки узнать что-либо о веке нынешнем ответил он, что помнит лишь самую малость и обстоятельства эти относятся к году одна тысяча восемьсот двадцать пятому. По его словам, после кончины государя Александра Павловича на трон взойдет брат его, князь Николай. Но в день принятия присяги новому государю будет восстание. Бунтовщиков сошлют в Сибирь, а пятерых повесят. В ужасе и недоумении пожелал я узнать обстоятельства смерти государя, кто восстал и чего требовал, и имена повешенных. Гость мой ответил, что о событиях этих знает совсем мало и любопытства моего удовлетворить не может, а фамилии вспомнил лишь две, Рылеев и Пестель. Видимо, заметив мой интерес, ночной гость не позволил мне более вести беседу и обрушил на меня град вопросов о повседневной моей жизни и событиях последних лет, о которых, как он сам признался, представление имеет скудное и желал бы знать более.

Я отвечал ему и, увлекшись, едва не позабыл то, что говорил он о моем времени. Но все это тотчас всколыхнулось в уме моем, когда услышал я фамилию молодой дамы, пришедшей в гости к квартирной моей хозяйке.

Но прежде чем рассказать о ней, желал бы я хоть отчасти оправдаться перед тобой, мой читатель, в чрезмерной моей склонности доверять всякого рода мистическим явлениям. Для того упомяну о таинственном рождении моем, если таковое слово возможно употребить к удивительным обстоятельствам, из которых берет начало скромная моя биография.

Действительного дня рождения моего я не ведаю, равно как и родителей моих. В год 1778 в усадьбе Глинки в ночь на 20 июля разразилась ужасная гроза, а на утро кухаркою был найден мальчик лет двух или трех. То был покорный ваш слуга. Был я найден с северной стороны господского дома, под гротескной маской, что, выказав язык, смотрит в сторону Петербурга, - найден в круге, выжженном на земле неизвестною силою, и брови и волосы мои были опалены. И потому сперва дворовые сочли меня исчадием адовым и хотели убить. Но та кухарка, Анна Прохорова, что нашла меня, а впоследствии стала моею приемной матерью, воспротивилась и сказала, что ночью было ей во сне видение. В том сне видела она пророка Илию, везущего в громовой колеснице Богородицу, которая протягивала ей руки, словно бы награждая невидимым даром. И потому как мальчик этот был послан Святой Девой ей, Анне, она и заберет его - великий грех от такого дара отказываться. А волосы у ребенка обожжены, потому как он от огненной колесницы пророка опалился.

После признавалась она мне, что про сон свой солгала, и что теперь ради отпущения греха ее должен я вести жизнь праведную и честную, как положено рабу Божию, а не посланцу адову. С тем мы о появлении моем разговор прекратили и более к нему не возвращались.

В честь праздника наречен я был Илией и остался при спасительнице моей Анне и при кухне. Поначалу был слаб и до четырех годов не говорил вовсе, но после оправился и стал помогать при кухне и на конюшне. Где и попался однажды на глаза барину, благодетелю моему Якову Александровичу Брюсу, который из милости велел мне называться по имени его Яковлевым, по отчеству Александровым.

Дальнейшая жизнь моя не представляет собой предмета, достойного описания. Но таинственное ее начало, по видимости, заронило в мою душу зерно, из коего произросло в одночасье опасное и легкомысленное желание вмешаться в ход времени».

Повсюду на полях ксерокопии возле этой записи и даже между строк рукой Коношевского были сделаны пометки, а по самому краю чуть крупнее значилось: «Стоит показать Косте?!». Но Березин не стал вглядываться в неразборчивый почерк профессора и продолжал читать.

«Отчасти виною тому нечаянная слабость, принудившая меня следующий день остаться в постели. Стараниями хозяйки моей и приглашенного ею доктора за полдень я поднялся и даже пообедал к радости милейшей Евдокии Кирилловны, которая старалась всячески меня ободрить, попеременно подкладывая мне сласти, к которым сама имеет чрезвычайную склонность. К вечеру была у хозяйки моей гостья, приятная молодая женщина, супруг которой служит в уголовной палате.

Евдокия Кирилловна говорила с нею относительно судьбы сына старинной ее приятельницы и умоляла упросить мужа заступиться за беспутного малого и помочь ему избежать каторги. Гостья ее, как приятно мне было услышать, ничего не обещала и призналась, что и не взяла бы на себе обещание оказать сию услугу. Муж ее человек высоких принципов и не станет жертвовать правдою, и сама она не станет его о том упрашивать. Потом говорили еще о вещах обыкновенных. Гостья изрядно повеселила нас рассказами о малышке-дочери, которая является для нее утешением и источником радости. Видя неподдельное материнское чувство, когда в разговоре касалась она своей Настеньки, я загрустил, оттого что сам так и не встретил в жизни достойной и мудрой женщины, которая составила бы мое счастье. Когда мы вновь остались одни с любезной Евдокией Кирилловной, я спросил у нее, кто была та приятная женщина. И узнал, что зовут ее Натальей Михайловной Рылеевой. Муж ее служит в уголовной палате, но он превосходнейший и честнейший человек, к тому же поэт и глубоко обеспокоен судьбой России.

Признаться, ранее разговоры о судьбах отечества не вызывали в душе моей никакого отклика, кроме желания поскорее удалиться и более не общаться с теми восторженными господами, что почитали себя знатоками глубин российской жизни. Теперь же, вспомнив, как ночной гость упоминал при мне фамилию Рылеев, и соединив ее с тем, что говорила мне моя квартирная хозяйка, пришел я в чрезвычайное волнение. Спать удалился рано. Однако мысли о молодой гостье и муже ее не оставляли меня всю ночь. Невзирая на то что Наталья Михайловна, возможно, и не причислила меня к кругу своих знакомых, я решился писать к ней и умолять, если не ради ее самой и почтенного супруга ее, то ради малолетней их дочери, вразумить мужа и отвратить его от участия в таком богопротивном деле, как бунт против государя. Ибо ценой тому станет его безвременная кончина.

Письмо окончил к полудню. При этом вся комната моя оказалась усеяна черновиками, которые я комкал и бросал на пол и на постель, досадуя на неумелый свой слог и скудный разум.

Видимо, письмо все-таки вышло путаным, потому как ввечеру пришла она сама. С терпением, какое может проявить только добрая и честная женщина, во всяком деле защищающая своего супруга, она отвечала мне, что благодарна за мое беспокойство и слыхала о вещих снах. Но, зная обо мне от квартирной моей хозяйки, что я человек достойный, верит она, что я не стал бы писать из одного только желания жестоко подшутить над нею. Сказала она, что письмо мое крайне взволновало ее, но она не станет употреблять своего влияния на то, чтобы отвратить мужа от дела, что сам он почитает угодным Господу и России. И не желает она предавать взаимное доверие, которое является залогом их семейного счастья.

Я был растроган ее доброю и терпеливым отношением и стал со слезами просить прощения. Наталья Михайловна отвечала, что принимает беспокойство мое как знак отеческой заботы, но просит о мне моем больше не поминать. Она обязуется также позабыть о нем и жить прежнюю жизнь, как если бы письма моего никогда не читала. После принялась она рассеять мое тягостное настроение беседою. Видимо, из желанья объясниться в моем неуместном в зрелые лета доверии к вещим снам, рассказал я ей удивительную историю моего рождения. Она, рассмеявшись, поведала мне, что в детские годы нянюшка пугала ее рассказами об острогожском мальчике, которого за непослушание опалило небесной карой, и он от того онемел, а вскоре умер. Стараясь ободрить меня и обходясь без церемоний, рассказывала она, как боялась в детстве этой огненной кары, но позже разуверилась. Однако, видя меня живым и здравствующим, отныне будет она больше доверять сказкам. Мы расстались если не друзьями, то добрыми приятелями. И я уверен, что эта добрейшая женщина простила мне мое вмешательство в жизнь их почтенного семейства, за которое я укоряю себя ежечасно.

Но, любезный мой читатель, разреши прервать записки мои, так как ко мне приближается служитель, чтобы отвести на процедуры, после которых, возможно, не буду я способен снова приступить к писанию. Поэтому кланяюсь и остаюсь покорным слугою.

Илия Яковлев.

28 сентября 1822 года,

Обуховская больница».

Константин Петрович снова и снова пробежал глазами строчки письма. Он дотянулся до пачки и вытащил еще сигарету.

Березина охватила паника. Будь он человеком более молодым и вспыльчивым, принялся бы, наверное, бегать из угла в угол и рвать на себе волосы. Но Константин Петрович только курил и перечитывал письмо, которое должен был прочитать раньше, в поезде, вместе с первым.

Ему и в голову не могло прийти, что странная встреча не была просто сном. Он понял это лишь теперь, когда нашел в почти два столетия назад написанном послании рассказ о своих неосторожных словах.

Резко вспыхнувшее радостное возбуждение от встречи с чудом мгновение владело им, но на смену пришел столь же внезапный спазм страха и вины.

И зачем только он вспомнил о декабристах?!

Березин в сотый раз поблагодарил свою плохую память и дремучую невежественность в вопросах истории, не позволивших ему дать Илье Александровичу более точных сведений о восстании на Сенатской площади. Еще раз обругал себя за то, что вспомнил-таки Рылеева и

Пестеля. Давно, еще в школе, их фамилии показались ему ужасно забавными, наверное, поэтому и отложились в памяти и выплыли наружу в самый неподходящий момент.

Хорошо еще, с облегчением думал Березин, что эта Наталья Михайловна оказалась благоразумной женщиной. Но вот в благоразумии Яковлева Березин уверен не был. Илья Александрович вполне мог начать писать к Пестелям. Да что там, с него стало бы написать в царскую канцелярию., Вполне возможно, что уже в следующем письме он признается еще в каком-нибудь нелепом поступке.

Березин схватился за голову. В шестой раз за утро бросился к телефону, проклиная себя за то, что отдал ключи от дядиной квартиры главе его кафедры, чтобы тот помог с разбором бумаг. Дома у Челышева заспанный женский голос ответил, что тот ушел на вокзал и предполагал вернуться через пару дней. О том, чтобы получить подлинники писем в университете, не могло быть и речи.

Но больше всего Березина мучили не сожаление о своей безответственности или невозможность действовать без третьего письма, а ярость. Как бы хотелось ему сейчас упасть на кровать и, заснув, задать своему маленькому человеку хорошую трепку.

Мобильный Челышева был вне зоны действия сети. И Березин приступил к плану «Б» - набрал номер Косина.

- Геннадий Иванович? Вас беспокоит профессор Березин Константин Петрович. Не могли бы вы, как друг моего дяди, оказать мне небольшую услугу?

Называя Косина другом, Березин здорово кривил душой. Георгий Владимирович Косина не любил. Не любил настолько, что никогда не называл по имени-отчеству. Косин же всячески пытался выбиться в друзья Коношевского, потому как старый профессор обладал просто бесценной вещью - автографом одного известного литературного деятеля. Коношевский не раз говорил, что желал бы, чтобы Косину после его смерти не досталось даже копии этого текста. Но теперь, подумав о последствиях вмешательства Яковлева в историю российского государства, Константин Петрович решил, что ценный документ в руках мелкого и дрянного человека - не такая уж большая цена за сохранность прошлого и настоящего. Хотя и подозревал, что, будь жив Коношевский, он рассудил бы иначе.

Косин мгновенно определился с выгодами, которые могла принести ему сложившаяся ситуация. От него требовалось не так уж много - перевести на язык XIX века записку и не особенно интересоваться целями этого дела.

Вечером Константин Петрович с едва сдерживаемым волнением лег в постель, готовясь к разговору с Яковлевым. В том, что разговор этот состоится, он не сомневался - доказательством тому были конверты с

письмами.

Но сон не шел. То ли волнение так действовало на него, то ли насмешливая судьба решила дать немного форы его противнику. В конце концов, Константин Петрович пошел на кухню, покопался в жестяной банке с лекарствами и отыскал пару таблеток снотворного. Если Яковлеву подыгрывает Судьба, на руку Березину сыграет Наука.

Но Наука оказалась не так зубаста, как злорадный и насмешливый Фатум. Березин вскоре уснул и проспал до утра. Без всяких сновидений.

До дома Коношевского Константин Петрович добрался за какие-нибудь полчаса. Было около семи утра, поэтому соседка профессора, знавшая Березина, оказалась дома, а похмельный слесарь уже копался в подвале. Около десяти минут ушло на то, чтобы объяснить ситуацию: потерял ключ от дядиной квартиры, а там остались нужные бумаги. Соседка охотно подтвердила слесарю, что он не взломщик, и тот согласился не тревожить попусту участкового милиционера. Березин дал слесарю «на поправку здоровья», поблагодарил соседку и вежливо скрылся от ее соболезнований в прихожей.

Конверт с копиями отыскался не сразу. Березин перерыл ящики письменного стола и уже перешел к стеллажу, когда вспомнил, что, уходя, положил конверт на самое видное место в доме - столик для почты.

Конверт лежал там, на стопке аккуратно сложенных писем - видимо, Коношевский планировал отправить несколько, но не успел. Даже теперь Косте тяжело было смотреть на последние письма человека, с которым его связывали годы самой увлекательной дружбы - дружбы людей, посвятивших жизнь науке. Но, когда он брал со столика конверт с копиями, взгляд сам собой упал на стопку писем, и каково же было удивление Березина, когда на верхнем конверте он увидел свое имя.

Он подержал письмо в руках, не решаясь открыть, наконец положил в карман и принялся за поиски второго конверта с копиями. Не нашел. Зато обнаружил записку Челышева: тот извещал, что взял часть бумаг покойного для домашнего прочтения и разборки.

Константин Петрович едва не выругался. Достал из ящика стола запасные ключи и отправился домой.

«Благодарю тебя, мой читатель, за долготерпение, с которым отнесся ты к безыскусным сим заметкам. Это служит мне превеликим утешением, и я уверен, что труд мой, приведший меня в горестный сей дом, не напрасен и имеет цель благую и праведную.

Но вынужден я направить ослабленный недугом ум к главной цели писания сего и возобновить рассказ о визитах моего странного гостя.

Во второе посещение, открыв глаза, увидел я его полного гнева и укора. Нетерпеливо, заметив, что я пробудился, стал он спрашивать меня, не посылал ли я более писем к приятельнице хозяйки моей или кому бы то ни было другому, на что я отвечал ему отрицательно. Видя мое замешательство, он умолк и присел на стул возле моей постели.

Гнев его успокаивался. Он просил извинить его, что так неосторожно пробудил меня ото сна, и объяснил, что явилось тому причиною. И умолял меня впредь писем не писать и сохранить в тайне наши беседы. Я заверил его, что вовсе не сержусь, пожал ему руку в знак искреннего дружества и благого к нему расположения и торжественно обещал более не совершать ничего, что, как объяснил он мне, может повлиять на ход времен. Однако признался, что скорблю душой о новой моей знакомице и ее малютке-дочери, которым в скором времени уготованы утраты и горести, и о тех, кто разделит с ними тягостные дни и кого не имею я теперь права предуведомить. Говоря это, я предался слезам. Друг мой обнял меня и с горячностью обрисовал мне последствия даже малого моего вмешательства.

Я вновь обещал соблюдать осторожность и не предпринимать ничего, какими бы душевными страданиями не оборотилось это для меня, потому как буду всечасно помнить, что в руках моих судьбы людей грядущего. Он благодарил меня, а после убедил отдаться сну, и я не противился.

Матвей Родионыч, доктор, попечению которого вверен я в силу душевной моей слабости, с большим умением каждое свое посещение увещевает меня, что гость мой всегда являлся не чем иным, как плодом больного моего разума. Однако мне трудно поверить, чтобы бедный мой ум в одиночку умел создать друга столь обходительного и душевного, столь сходствующего со мной устремлениями и образом суждений и одновременно более практичного и легкого в мысли.

На сем прерываю записки мои, ибо сам Матвей Родионыч вскоре будет ко мне для беседы. Благодарю Бога за то, что уход за мною в сем доме скорби более мягкий и уважительный, нежели полагается мне по званию и моей болезни.

Писано Яковлевым Илией, сыном Александровым.

30 числа сентября месяца 1822 года от Р.Х.

Обуховская больница».

Березин поднялся с кровати совершенно разбитым, но полностью удовлетворенным ночным разговором. Некоторая досада на то, что переписанное Косиным послание не пригодилось и драгоценный автограф классика достался ушлому подхалиму зря, с лихвой восполняла эйфория от того, что угроза миновала.

Едва сев на постели, он развернул следующее письмо и тут же от

удивления выронил его.

Вверху копии рукой Коношевского было написано: «Обязательно показать Косте!».

«Костя,

Возможно ты, как человек здравомыслящий и не склонный доверять всему, что не имеет научного доказательства, воспримешь мои слова как признак старческого слабоумия. Не торопись делать выводы. Уверяю тебя, я в здравом уме. Значительно более здоров, чем в тот год, когда мы с тобой, Петей и Олечкой отдыхали под Воронежем.

Шел 1969 год. И в то время был я еще молод и совершенно безнадежно влюблен в Оксану - воронежскую красавицу с кафедры общего языкознания. На лето моя возлюбленная отправилась к себе на родину, и я кинулся следом. Идея посетить новые места чрезвычайно воодушевила твою маму, которая после твоего рождения находила мало возможностей развеяться. В тот год тебе еще не исполнилось трех лет. Мы отправились всей семьей. Моя возлюбленная была не против. Естественно, твоим родителям тоже требовался отдых, поэтому мы с Оксаной частенько брали тебя с собой. И, что вполне понятно, для прогулок мы старались выбирать места не самые людные. Моя подруга решила провести меня по самым, по ее мнению, таинственным местам. Как ты знаешь, некоторые суеверия очень меня забавляют, да и в то время я еще склонен был к прекрасным безумствам. Поэтому первым делом поехали мы в рамонский замок, где попусту дожидались привидений. Но дождались только дождя. Потом вздумалось моей подруге искать в лесу венединскую бабку - и мы действительно заблудились, да так крепко, что, проведя целый день, выбрались уже затемно и ужасно усталые. После этого я решил прекратить эти странные экскурсии и пожелал отправиться в Острогожск - тот самый Острогожск, где на Майдане царь Петр встречался с Мазепой. Твоя мама захотела поехать с нами, поэтому мы отправились опять все вместе, сняли номера в гостинице и решили задержаться на несколько дней. Однажды мы с Оксаной гуляли за городом - отправились посмотреть руины какого-то очередного «проклятого места», по малоизвестной местной легенде заколдованного самим Яковом Вилимовичем Брюсом. Место оказалось совершенно не таинственным - развалины, заросшие крапивой и бузиной. По дороге ты уснул, и мы с Оксаной положили тебя на одеяло, а сами сидели на траве и разговаривали. В общем, чуть отвлеклись. Видимо, в это время ты проснулся и, по своей привычке, молча отправился осматривать окрестности. Мы искали тебя больше часа. Началась гроза. Оксана побежала в город за помощью. А я предположил, что ты мог забраться в развалины.

Когда я подошел к ним, раздался треск. Яркая вспышка - и в первое

мгновение я подумал, что молния ударила в развалины. Меня отбросило назад, я потерял сознание. Когда пришел в себя, услышал твой плач. Ты застрял в щели между частями разрушенной стены. К счастью, все было в порядке. Ты быстро успокоился. Я отнес тебя домой, а родителям сказал, что мы просто попали в грозу.

Когда я с тобой на руках уходил от «проклятого места», то на земле, метрах в пяти от северной стены, заметил выжженный на земле круг диаметром около метра, но тогда это показалось мне просто интересным. Теперь же, несколько раз перечитав тексты Яковлева, которые ты найдешь в моем столе во втором ящике, я понимаю, что это не просто интересно - возможно, это редкое явление, свидетелями которого стали мы и этот несчастный сумасшедший. Возможно, ты как человек, значительно более подкованный в естественных науках, займешься этим. И кто знает, может, мы, друг мой, на пороге нового открытия.

Вот тебе, Костя, данные - и твое право, использовать их или положить на полку до лучших времен. Но, пока эти лучшие времена не настали, придержи письма Яковлева.

Надеюсь, при встрече мы сможем обсудить это.

Твой дядя Г.К.»

Глава 2

Константин Петрович верил в совпадения - в вероятность того, что одно событие или явление может совпасть во времени и пространстве с другим. Но он никогда не верил и не мог поверить в то, что совпадений может оказаться больше одного.

Следовательно, его с Ильей связывало нечто более серьезное, чем каприз Судьбы.

Он и Яковлев были похожи как близнецы. Им обоим было около 45 лет. Оба они в возрасте между двумя и тремя годами находились в момент грозы в паре метров от выжженного на земле круга.

И самое главное - у них было общее пространство снов.

Березин потер лоб руками, но мысли беспорядочно металась в голове. Тогда он взял пачку листов, карандаш и принялся записывать, изредка дорисовывая схемы.

Через пару часов Константин Петрович положил перед собой список необходимых действий:

1. Забрать оставшиеся письма у Челышева.

2. Выяснить, является ли пространство снов общим, или только я могу переходить в прошлое к Яковлеву (для этого предпринять попытку перемещения вещей между временами в различных комбинациях: Н - Пр., Пр. - Н., Н. - Пр. - Н., Пр. - Н. - Пр.).

3. Выяснить, являемся ли мы с Ильей родственниками.

4. Уточнить информацию об острогожском мальчике (для этого попросить Илью еще раз поговорить с Н.Р.).

5. Съездить в Острогожск - посмотреть «проклятое место».

Первый пункт отпал сам собой - буквально через пару минут после того, как Березин откинулся на стуле и вытряхнул из пачки последнюю сигарету, позвонил Челышев.

- Здравствуй, Константин Петрович, - строго начал он. - Мне тут жена сказала, ты меня искал, а потом позвонил Семен Алексеич и сообщил, что ты автограф Косину отдал. Что ж это ты, Костя?! Ведь знаешь, как Жора относился к Косину...

Березин пробормотал что-то извиняющимся тоном.

- Этот документ - клад! - продолжал уже менее грозно, скорее с грустью Челышев. - Полдокторской! Косинской докторской!

Константин вновь принялся извиняться, и Челышев понемногу успокоился.

- Когда домой-то, Андрей Сергеич? - осторожно спросил Березин.

- Да задержусь дня на три, - ответил Челышев задумчиво. - Дела... И расстроил же ты меня, Костя... Ладно, сделанного не воротишь. А зачем я тебе нужен?

- Вы бумаги дядины с собой взяли, - виновато пробормотал Березин, - а там ксерокопии...

- А-а, яковлевские письма, - мгновенно оживился Челышев. - Презанятные. А тебе зачем? Уж не Косину отдать?

Березин хотел было вновь пустить в объяснения, но Челышев рассмеялся своей шутке, и у Константина отлегло от сердца.

- Андрей Сергеич, - попросил он, - отправь мне по факсу. Нужно очень.

Челышев пообещал поискать факс и прислать письма в течение дня. День был на исходе. Факс молчал. Стараясь успокоиться, Константин лег на диван и мгновенно провалился в сон.

Яковлев спал, и Березин, как и в первую ночь, сам зажег свечу на столике. Коробок он по привычке бросил на стол и уже склонился к Илье Александровичу, чтобы разбудить, но передумал.

Вместо этого обошел комнату и дотронулся до каждого предмета ее небогатой обстановки: и стул, и стол, и шкаф, и чернильница на столе - все было удивительно реальным. Шкаф был покрыт коричневым лаком и под пальцами чувствовались комочки и неровности, чернильница была тяжелой и холодной - когда Березин поставил ее на стол, на ладони остались следы чернил. По мере того как он приближался к двери или к окну, комната начинала расплываться, словно он видел ее через тонкую завесу текущей воды. Он потрогал дверь, ожидая почувствовать шершавую древесину, но рука прошла сквозь дерево. Тогда Константин просунул голову за дверь - в непроглядную темноту.

Сколько он ни вглядывался, за дверью ничто не менялось. Значит, пределами сна следовало считать комнатку маленького человека.

Березин склонился над изголовьем и принялся рассматривать спящего. Они действительно были похожи. Илья казался старше - на висках у него поблескивала седина, на щеках виднелись следы оспы, но сходство было поразительным.

Березин склонился ниже, надеясь найти какое-нибудь значимое различие.

Капля воска упала на подушку. Яковлев открыл глаза.

- Константин Петрович, любезный, -- пробормотал он. - Ни в чем не виноват. Все сделал, как ты просил. Наталья Михайловна о моем здоровье справляться приходили, так я с нею и словом не обмолвился, о чем вы заказывали...

Яковлев вскочил с постели и набросил халат. Но увидев, что Березин опустил на стул, тоже сел, смиренно сложив руки на коленях.

- Все правильно ты сделал, Илья Александрович, - успокоил его Березин. - Только с Натальей Михайловной поговорить тебе все-таки нужно. Выспроси у нее еще, сколько получится, про того мальчика из Острогжска.

- Про опаленного? - переспросил Илья.

- Да, про опаленного, - подтвердил Березин. - Где его нашли? Что с ним случилось?

Илья послушно кивал, и глаза его внимательно следили за Березиным, словно в его движениях и выражениях он думал прочесть, не обманывает ли его гость из грядущего.

Константин решил, что и без того достаточно испытывал веру своего нового знакомого, достал письмо Коношевского.

Он давно уже закончил чтение, но Яковлев сидел на кровати, прижав ладони к щекам.

- На все воля Божья, - прошептал он наконец. - Пути Его неисповедимы и чудеса непознаваемы!

- Илья Александрович, - строго окликнул его Березин, - мы имеем здесь дело не с чудом. Я предполагаю, что мы с вами связаны. И связаны не только, если вам так угодно, Божьей волей...

Яковлев перекрестился трижды, покосившись на угол с темной иконой, но Березина не остановил. Тот продолжил:

- Я предполагаю выяснить, что нас связывает. Заметили ли вы наше сходство? Возможно, Илья Петрович, вы мой предок, и это лежит в основе моей способности являться к вам. Поэтому я прошу вас помочь.

Яковлев был несказанно удивлен, когда Березин попросил у него волос, и окончательно смутился, когда тот стал упрашивать его открыть рот и позволить взять немного слюны. Но после долгих объяснений, недоверчивых охов и качания головой согласился.

Уже опускаясь на подушку, Илья Александрович обещал скоро

встретиться с Натальей Михайловной и расспросить ее об опаленном мальчике. Березин поблагодарил его, устраиваясь на стуле, - и через мгновение оба спали.

Березина разбудил включившийся факс. Почти одновременно в прихожей загудел мобильный - удивительно бодрый для пяти часов утра Челышев интересовался, все ли в порядке.

Константин сонно ответил, что факс получил, и собирался уже снова лечь в постель, как заверещал будильник - до отъезда в Острогжск оставалось полтора часа.

Решив, что посмотрит письма в поезде, Березин сложил факс и убрал в боковой карман сумки. Хотел закурить, но коробка в кармане не оказалось. Видимо, один из опытов все-таки увенчался успехом, и спички остались в прошлом. Константин Петрович сунул руку в другой карман брюк, надеясь обнаружить там пакетики с волосом и ватной палочкой с образцом слюны. Пакетики оказались на месте, но, к разочарованию Березина, были пусты.

«Вновь обращаюсь я к моим запискам и благодарю тебя, любезный мой читатель, за долготерпение.

Ночной гость являлся ко мне снова и снова. И в каждое его посещение беседы наши становились непринужденнее, как будто и прежде были мы с ним знакомцами и даже приятелями. До сего дня удивительна мне та власть, которую сумел он взять надо мною всего в несколько бесед, потому как, невзирая на странные его рассуждения, я всецело ему доверился. Так на другой же день после того, как сам он просил меня об этом, послал я с запиской к Наталье Михайловне и умолял ее быть ко мне.

И был приятно удивлен, как скоро явилась она сама, встревоженная, вместе с моею добрейшей Евдокией Кирилловной, и обе умоляли меня ради моего же блага открыть им, в чем заключается моя беда.

Памятуя о том, что говорил мне мой гость, я не решился поведать им всей правды, хотя, видит Господь, как мучительно было мне видеть их доверие всем моим словам. Я сказал лишь, что последний наш разговор с Натальей Михайловной пробудил во мне многие размышления о моем детстве, и потому хотел бы я знать больше о том ребенке, чья история так сходствовала с моей.

Видя, что интерес к этой истории не угрожает моему здоровью, Евдокия Кирилловна успокоилась и принялась хлопотать о чае и угощении, а Наталья Михайловна, желая помочь мне, постаралась припомнить все, что ей известно.

К сожалению, многого сказать она не могла, но припомнила, что случилось это между 1775 и 1780 годами на том самом месте, которое купил лет за восемьдесят до того один богатый вельможа, приехавший

в Острогжск с царем Петром Алексеичем. На месте том начато было строительство усадьбы, однако работам не суждено было завершиться, поскольку один из работников погиб от молнии, по словам свидетелей, изошедшей прямо из земли при ясном небе. Потому место было почитаемо нехорошим и нечистым, а в вельможе том подозревали врага рода человеческого. Однако тот более в Острогжске не появлялся, и молва начала успокаиваться. Покуда в одну из летних гроз, как раз в день Пророка Илии, не был найден на том самом месте обожженный мальчик. Откуда он взялся, никто не знал. Мальчика отдали на попечение властям. Был он определен в дом призрения, но уже на второй день занемог лихорадкою, от плохого ухода обратившейся в горячку. И на четвертый день умер.

Более ничего не могла рассказать мне гостя моя. Я не стал более испытывать ее бесконечное терпение и отступился.

Остальное время провели мы в дружеской беседе о житейских мелочах, и собеседницы мои были так милы, что к моменту прощания настроение мое улучшилось, и я, благодарение Богу, успокоился.

Однако оставшись один, я вновь обратился мыслями к тревожным для меня обстоятельствам, и сами собой вспомнились мне знакомые с детства уголки усадьбы, где я вырос. Вспомнились милая моя спасительница Анна Прохорова и друзья моего детства - стремянный Алеша и дворовый мальчик Юрка. Вспомнились детские наши забавы. Алеша более всех других игр любил ту, в которой он представлялся барином-колдуном, старым хозяином усадьбы, внучатым племянником коему приходился благодетель мой Яков Александрович, а мы с Юркой были его учениками, которых он резал на части, а потом оживлял волшебной водой. Юрка всегда поначалу отказывался и грозил, что барин-колдун явится к Алешке ночью и утопит его в пруду.

Уже теперь ведома мне судьба друга детских лет. Алешка не утонул - его убила взбесившаяся лошадь. А в те поры рассказы о барине-колдуне были для нас самыми устрашающими - и посему привлекательными.

Вспомнилось мне, как однажды нашли мы ход под землей и бегали смотреть на него, даже пробирались внутрь, но - напуганные своим страхом - каждый раз уносили ноги, а после смеялись друг над дружкой.

Видимо, с теми воспоминаниями я и погрузился в сон, потому как поначалу снились мне лица детских моих друзей и потом явилось среди них лицо ночного гостя.

И сам он тоже сразу, едва поздоровавшись со мною, обратился к тем событиям, о которых размышлял я перед сном. Он убеждал меня испросить на службе отпуск и совершить путешествие в места моего детства, особенно исследовать тот ход, что обнаружили мы с товарищами.

Когда же спросил я, откуда известно ему о ходе, он мне ответствовал, что в свое время непременно объяснится со мною, но покамест время это еще не настало.

Видно было, что необходимость скрываться от меня тяготила его, потому я решил изменить ход нашей беседы и напомнил моему другу о предположениях его насчет нашего с ним родства. Увы, он ответил, что не имеет возможности узнать, являемся ли мы сродственниками, потому как все, что взял он из моего времени, не достигло грядущего. Однако вещь его, оставленная при прошлом посещении на моем столе, оставалась там и после его ухода и до сего момента, пока он сам не забрал ее. Он поведал мне также, что в архивах не нашел меня среди своих предков.

По его мысли, все это доказывало, что связь, таинственным образом установившаяся меж нами, односторонняя, и только ему возможно путешествовать в мое время. Я же принужден оставаться в году 1822 и не имею возможности увидеть мир будущий.

Тогда я стал спрашивать его, как же такое возможно, но он не нашелся, что ответить. Мы погрузились в глубокую задумчивость, и гость мой, видимо привычный к размышлению вслух, высказал:

- Что мы имеем? Вещи из моего века остаются в прошлом, вещи из прошлого в будущее перенести нельзя, следовательно, для моего времени прошлое достижимо, потому что уже произошло, для прошлого будущее недостижимо, потому как еще не произошло...

Видимо, эти рассуждения не вполне удовлетворили моего гостя, и он принялся вполголоса ругать себя. Я же, напротив, повторив его слова про себя, испытал необъяснимое чувство, которое, будь я стихотворцем, назвал бы вдохновением. Время вдруг предстало передо мною в образе песочных часов, в верхней чаше которых располагалось грядущее, струйкою проходящее в малое отверстие, обозначающее время настоящее, и падающее вниз, в чашу, наполненную прошедшим.

Я поведал мысли мои другу, в раздражительности шагавшему по комнате, ожидая развлечь его. Он пришел в величайшее возбуждение, некоторое время бормотал что-то, после горячо обнял меня и похвалил за проницательность.

- Верно, Илья Александрович, - сказал он мне. - Как это верно! Именно песочные часы. Возможно перемещение только в чаше. Настоящее неподвижно - это лишь проход размером в одну песчинку, в один вариант реальности, а вот прошлое и будущее может меняться. И в пределах этой изменчивой временной субстанции можно перемещать человека или предмет. Поэтому я смогу забрать обратно в свое время спички, но не имею возможности взять ничего из вашего века - ведь для времени, в котором существуете вы, мое время является содержимым другой чаши песочных часов, то есть оно

существует, но пока еще в своей поливариантности.

Пробормотав все это, он хлопнул себя по колену и снова радостно обнял меня. Признаться, я мало что понял, но был рад благой перемене его настроения.

- Как же вы не понимаете, Илья Александрович, - заметив мое недоумение, воскликнул он. - Это же многое объясняет. Видимо, камера может переносить из будущего в прошлое... И мы с вами - результат великолепного, потрясающего эксперимента!..

А далее произошло нечто совершенно для меня не постижимое. Едва я собрался спросить его, о какой камере и эксперименте он говорит, как он схватил обе мои руки и принялся разглядывать, сравнивая их со своими. После повлек меня к письменному столу и, испачкав чернилами мои и свои пальцы, оттиснул следы на бумажном листе.

Взяв этот лист, он долго вглядывался в него.

- Так вы говорите, до того момента, как вас нашли в усадьбе Брюса, никто из тамошних жителей никогда вас не видел? - спросил он сурово.

Я, робея грозного его взгляда, ответствовал, что это суцая правда - никто придумать не мог, откуда мог я взяться.

- Там, под кругом в Глинках, - помолчав, сказал он мне с невыразимой серьезностью, - под землей есть комната. Вы сразу узнаете, как попадете туда - будто очутитесь в середине хрустального яйца. Найдите ее, осмотрите со всей возможной тщательностью и, если найдете что-нибудь, обещайте показать это мне.

Я обещал, после чего он заставил меня лечь в постель. Я был так взволнован нашим разговором, что не чаял уснуть этой ночью, но, едва лишь смежил веки, как забылся мгновенно.

И сейчас усталый дух мой нуждается в отдохновении, которое, по словам моего доктора, есть фундамент выздоровления.

Остаюсь вашим покорнейшим слугой,

Илия Яковлев, сын Александров.

Писано 5 числа октября месяца года 1822».

То, что в разговоре с Ильей Березин называл комнатой, меньше всего походило на жилище. В первое мгновение, когда он увидел камеру, она показалась ему огромной свисающей с потолка каплей, вспыхнувшей в свете фонарика тысячами разноцветных огней и бликов.

Найти камеру оказалось непросто. К счастью, любивший во всем порядок Коношевский не только написал племяннику письмо, но и набросал по памяти карту, отметив на ней развалины и выжженный на земле круг. Там, на месте круга, Константин и отыскал камеру.

Прозрачные, напоминающие кварц кристаллы покрывали ее стены, купол и часть пола. Березин поводил лучом фонарика по стенам, отчего искры брызнули во все стороны широкими волнами, и одновременно ему послышался едва различимый стеклянный звон.

Константин остановил фонарик - звон стих.

Тогда он снова провел лучом, на этот раз уже значительно медленнее - кристаллы отозвались высокой вибрирующей нотой, какую издает наполненный не более чем на треть хрустальный бокал, когда его резко ставят на стол.

Березин потрогал ладонью игольчатую поверхность стены - кристаллы дрожали, отчего по руке мгновенно разлилось приятное тепло. Испугавшись, что камера может самопроизвольно сработать, Березин убрал руку и выключил свет, дожидаясь, пока стихнет комариное пение кристаллов. Через пару минут камера вновь погрузилась в прежнее немое оцепенение, и он снова включил фонарик.

Даже на расстоянии вытянутой руки кристаллы казались естественно выросшими в каменной полости, но, присмотревшись, можно было увидеть, что каждый закреплен в пазу, и под ними угадывался каркас из желто-серого металла - Березин затруднялся определить, какого именно.

Металлическая вязь, редкая у пола, поднимаясь, становилась гуще и на самом верху сходилась плотным кольцом, в котором располагался овальный, похожий на матовую каплю камень размером с кулак. Березин потрогал его пальцами - и камень слабо засветился. Константин отдернул руку, но задел металлическое кольцо, и матовый овал, казалось, крепко сидевший в своем гнезде, выпал и ударился о пол камеры. Константин поднял его. По экватору камня, кое-где украшенная завитками, шла надпись: «Ныне открываю врата грядущего». Далее стояли дата и инициалы, которые только подтвердили предположения Березина - автором камеры переноса был кавалер ордена Святого Апостола Андрея Первозванного и восьмой генерал-фельдмаршал Российской империи Яков Вилимович Брюс.

Раздосадованный, что «барин-колдун» не оставил в камере ничего, что могло бы пролить свет на ее устройство, Березин принялся прилаживать камень на место, в металлическое кольцо под потолком камеры, но под ним, а точнее, над ним обнаружилась небольшая ниша, куда едва помещалась рука. А в этой нише - завернутое в промасленную бумагу и несколько слоев холста послание.

Березин с замиранием сердца развернул его и разочарованно сложил обратно - не было там ни таинственных чертежей, ни сколько-нибудь осмысленных записей. Единственный документ, сохранившийся в камере, был просто набором букв в алфавитном порядке: сперва шло несколько «азов», после две «буки» и так далее. Вторая строчка снова начиналась с «азов». И третья принималась за алфавит сначала...

Березин выругался, принялся было считать буквы в строке, но бросил. Яков Вилимович явно не желал, чтобы его обращение попало в руки не

тому человеку. Константин вынужден был признать, что он - не тот человек.

Странная тоска навалилась на него. Он носился по городу в поисках яковлевских записок, отдал лакею Косину драгоценный автограф, летел сюда, в Острогожск - и только для того, чтобы подойти вплотную к чуду, увидеть его, пощупать и... получить отказ в доступе к главному - ответу на вопрос: КАК?

ЧТО? Никогда так не волновало его. Он видел это ЧТО? - хрустальное яйцо в человеческий рост, серебристые поющие кристаллы. И это было прекрасно - и совершенно неважно, потому что бесполезно.

Чудом можно было восхищаться - наблюдать, хранить. Но с ним нельзя было сделать самого главного - повторить и использовать.

Настоящее чудо было не в подземной камере - чудо было в том, КАК человек самого начала восемнадцатого столетия смог сделать машину, способную скопировать его, Константина Березина, из конца двадцатого века в конец века восемнадцатого. Мало того, как он смог создать систему настолько удаленных друг от друга камер, чтобы одна из них перемещала копии не только во времени, но и в пространстве.

Будь у Березина в тот день возможность, он вынул бы старого чернокнижника Брюса из его времени и тряс бы, пока не узнал всего. Да что там, если бы мог - сам прыгнул бы в портал, в эпоху Петра Великого, лишь бы узнать: КАК?

Но ответом на его бесконечные вопросы был только ряд знаков на пожелтевшей бумаге.

Березин решил показать письмо Илье. Потом набрал номер Челышева. Профессор отозвался после третьего гудка.

- Костя, - радостно воскликнул он в трубку, - все нормально?

- Нормально, Андрей Сергеич, - ответил Березин, думая, как начать разговор о записках Яковлева. - Я тут в Острогожске - так сказать, в поле.

- Острогожск? Под Воронежем? - усмехнулся Челышев. - Да как тебя занесло-то?

- Наука требует жертв, и преимущественно человеческих, - отшутился Березин. - С факсом вашим тут небольшая проблема. Только одно письмо. А дальше не прошло...

Константин затаил дыхание. В голове уже вертелся ответ: «Так там и есть только одно».

Но Челышев снова рассмеялся, и у Березина отлегло от сердца.

- Так это тебя яковлевские записки в Острогожск притащили? - весело бросил профессор. - Не зря верил в тебя Жора. Знал, что за такое ты зубами уцепишься. А я, старый пень, не верил. Брюсову камеру ищешь?

- Да, - сдавленно ответил Березин, - ищу...

- Нашел? - со смешком осведомился Челышев. - А золото партии там

рядом не лежит? Или Третьего рейха? Кость, ну оставь ты Жорины фанаберии. Он был мечтатель. Человек, испорченный классической русской литературой. Но ты-то - технарь, у тебя голова должна быть холодная, как у чекиста!..

- Андрей Сергеич, - прервал его Березин, - есть еще письма - шлите. Очень надо. Если факса нет, сфотографируйте и присылайте по сети. В любом качестве, лишь бы буквы можно было разобрать...

- Ладно, Костя, к вечеру, - со вздохом ответил Челышев. - И, в общем, поступай, как знаешь...

Константин Петрович знал --он тщательно оделся, положил в карман послание Брюса и лег на широкую гостиничную кровать.

«Снова обращаюсь я к тебе, мой читатель, хотя при одном воспоминании волнение переполняет меня. Дабы не упустить главного, расскажу о нашей встрече так, как происходила она в моем сновидении.

Друг мой пришел ко мне, как обыкновенно, когда я спал. Был непривычно мрачен и чем-то в крайней степени озабочен. Я был рад ему и сразу сообщил, что начальство готово позволить мне отлучиться для поправления здоровья в отпуск и что я уже готов отправиться в Глинки и исследовать хрустальную комнату, о которой он сказывал. После этого спросил я, откуда известно ему об этой комнате. Он признался, что отыскал такую же в месте, указанном в письме его дяди. При этих словах мне стало понятно странное его возбуждение, потому как я сам почувствовал неудержимый восторг перед лицом непостижимого.

Однако друг мой оставался печален, и я спросил его, в чем причина. Тогда он подал мне пакет, в котором находилось послание, составленное из рядов букв, и признался, что не умеет его прочесть.

Я рад был развеять его тоску, сказав, что могу оказать в том посильную помощь, потому как шифр сей мне известен, но прочтение письма требует времени. Он с радостью согласился предоставить мне сколь угодно времени ради хотя бы призрачной надежды получить сведения, в том письме содержащиеся и, по его разумению, касающиеся работы хрустальной комнаты.

Тогда я в свой черед спросил, в чем же заключается эта работа и отчего произошли события, связанные с вашим покорным слугой и тем мальчиком, что умер от горячки в Острогожске.

Поначалу друг мой молчал, и молчание его ввергло меня в беспокойство, потому как в силу характера представилось мне, что мучительное для меня известие замкнуло уста его. Но все предположения мои показались незначительны, когда он заговорил.

В мире будущего, если почитать за правду слова гостя моего, считается общеизвестным, что каждый человек имеет собственный, ни

с кем не сходствующий пальцевый рисунок. Мой друг показал мне лист, где остались наши пальцевые отпечатки, и я признался, что не наблюдаю отличий.

- Вот именно, - воскликнул он, - потому что их нет. Мы с вами, Илья Александрович, один и тот же человек. Вот как работает Брюсова камера! Я мальчиком забрался в нее в грозу, и камера раздвоила меня, точнее растроила и перенесла одного в Острогжск, а другого - в Глинки в 1780 год. Вы - это я!

Признаться, в тот момент я готов был, положив руку на сердце, признать его умалишенным. Глаза его лихорадочно блестели. Он взмахивал передо мною листом с чернильными следами от пальцев и в возбуждении переходил из угла в угол, недоумевая, почему я не доверяю ему в таком очевидном, в то время как полностью доверился в остальном.

Но то, что гость мой почитал очевидностью, являлось для меня мыслью в высшей степени неприемлемой. Я воспротивился его словам, и между нами едва не вышло ссоры. Я спрашивал, отчего он не может быть мною, которого перенесла камера на годы вперед, и он ответил, что тому есть масса объяснений. В доказательство напомнил он мне, что я при появлении своем в Глинках никем не был признан, в то время как он и до этого времени имел семью и имеет документы, подтверждающие, что до того случая он существовал.

Я задумался. Мысли мои обратились к семье, которой я никогда не знал, и к одинокой моей жизни, в которой волей случая не нашлось места нежной привязанности. Как было бы просто, подумалось мне, принять на веру то, что говорил мой друг: одиночество лишь следствие того, что место мое не здесь, а в мире грядущего. Там у меня могли бы быть и любящий отец, и служба, более подходящая моему характеру, и подруга, способная принести свет и радость в мою бедную жизнь. Поддавшись этим мечтам, я спросил моего друга, есть ли у него возлюбленная и живы ли его родители, и он ответил мне, что родители его умерли, и сам он одинок. Вернее, почитал себя одиноким до того времени, когда свел знакомство со мною.

И в словах, и в голосе его почувствовал я столько душевной благодарности, что тотчас заключил его в объятия. До утра провели мы время в разговорах обыденных, не имеющих касательства к связавшей нас тайне, но принесших обоим истинное удовольствие и душевный покой.

Не вспомню, в который момент веки мои сами собою смежились, но он исчез, как и прежде, куда я спал, и по пробуждении нашел я лишь пакет с зашифрованной запиской, за чтение которой сел сразу по завершении утреннего умывания.

К полудню я прочел первую строку, однако принужден был оставить работу и подкрепить свои силы, отобедав с моей доброй хозяйкой.

Потом послал мальчика узнать о почтовой карете, и на следующее утро выехал в усадьбу Глинки, полагая в дороге продолжить чтение.

К моему глубокому огорчению, в карете было чрезвычайно душно. Один из соседей, молодой человек, вероятно купеческого звания, пребывал сильно навеселе, чем очень стеснял всех, кто имел несчастье находиться от него поблизости. Так же принужден я был страдать от всевозможного скарба, расположенного в ногах, среди которого была даже живая курица, чрезвычайно беспокойная. Через некоторое время она затихла, и я в мыслях предположил, что Господь сжалился над несчастным созданием, избавив его от дальнейших страданий.

Однако, невзирая на мучения, приносимые телу почтовой каретою, ум мой был как никогда ясен. И я с удивлением заметил, что дело мое спорится, и с окончанием пути окончена была и моя работа.

В письме говорилось, что автора его, некогда бывшего в сих местах (по всей видимости, в Острогжске), однажды ночью посетило видение, в котором явлена ему была схема чудесного механизма. Но будучи в науках в те поры еще весьма посредствен, автор письма сего не мог понять истинного смысла видения. Однако позже почти двадцатью годами видение это вновь посетило его в родной усадьбе. Во второй раз, проснувшись, он смог записать схему и скоро создал первый механизм, невзирая на сложности с необычными материалами и выплавлением нужного соединения металлов.

Сия комната, открывающая дверь в грядущее, есть второй механизм, созданный по образцу первого. Расположен он в том месте, где впервые был явлен во сне, ибо здесь потоки земной и небесной энергии соединяются единственно должным образом. Для испытания комнаты за плату наняты два местных мужика, которые по очереди обязуются быть в ней в моменты возмущения погоды, сопровождаемого небесными вспышками.

В конце письма автор его предавал себя в руки провидения, в воле которого было даровать ему увидеть итоги трудов его.

Шифр был не сложен по своему строению. Автор переписал все буквы в алфавитном порядке, и мне нужно было лишь вернуть их на исконные места, что, признаюсь, было бы не в моих силах, если бы он во время писания, проверяя себя, не отметил буквы едва заметными штрихами, означавшими порядок слова. Сие значительно облегчило мой труд, и я с тайной радостью предчувствовал благодарное изумление моего друга.

Прибыв в усадьбу, я перво-наперво отправился к приемной моей матери и появлением своим вверг ее в слезы и причитания, потому как она уже не почитала меня живым. Через нее с удивлением узнал, что друг моих детских лет Юрка все еще служит при барине. Мы вспомнили наше детство, и, к моей радости, Юрка сам упомянул подземный ход,

которого мы в детские годы боялись пуще самого страха. Я просил его отвести меня туда.

Юрка согласился, но, сославшись на работу, тотчас оставил одного. И потому я спустился в ход и, пробираясь довольно долго в паутине, обсыпанный землею, исследовал его. В иных местах приходилось мне даже разрывать землю, но все эти старания были должно вознаграждены. Ибо сказано в писании: «Ищите и обряцете», и я нашел.

Точно такую, как описывал мой друг, похожую на хрустальное яйцо, неизвестно кем схороненное в земле. Едва я зажег свечу и осветил ею вокруг себя - блистающие как алмаз стены ответили мне чуть слышным стоном, как если бы ветер качал подвески драгоценной люстры.

В самой камере не обнаружил я более ничего, но глубже, справа от нее, нашел другую комнату, размером немногим большую. По скудности мебели и обилию различных сосудов и приспособлений, по виду химической надобности я догадался, что это лаборатория. В ней обнаружил я то, о чем спрашивал мой друг.

Я отобрал среди бумаг все, что имело касательство к «двери в грядущее», и, укрыв под полою, вынес на свет. К счастью, Юрка не явился за мною, и я ушел, не встретив препятствия».

Бросив копию письма на кровать, Березин вскочил и принялся в крайнем волнении ходить по комнате. Пульс отдавался в висках громовыми ударами, и сердце, казалось, не находило себе места. Перед глазами вставала хрустальная камера. Словно царевна, спящая в подземном склепе, она ждала. Ждала того, кто разбудит ее волшебным поцелуем. Кто выслушает ее секреты, поймет ее тайный язык.

И его, Константина Березина, отделяла он нее сейчас лишь тончайшая грань сна и бодрствования. Всего лишь закрыть глаза, получить чертежи и заметки, разобрать... Правда, расшифровывать и исследовать придется там, у Ильи, но за пару-тройку ночей, в крайнем случае, за неделю он наверняка закончит - и сможет запустить Брюсову камеру, оживить чудо.

Голова Березина кружилась от лихорадочной пляски грез и планов. Он снова взялся за письмо.

«По настоянию приемной моей матери я остался на ночлег у нее. В размышлениях о найденных мною таинственных бумагах долго не мог я уснуть, поминутно прислушивался к звукам ночи: шумели за околицей у костра мальчишки, далеко в ночном изредка ржали кони, за домом, стуча хвостом, возилась собака...

В какое-то мгновение нечто пришло мне в ум, и я вовсе отчаялся

уснуть. Подумалось мне, что ранее никогда не тревожился я мыслями, касаемыми мира, в коем обречен судьбою жить. И порядок вещей представлялся мне единственно возможным, отмеренным божественною волей. Но теперь, слушая гомон голосов, треск поленьев, фыркание лошадей и тысячи беспокойных звуков ночи, отчего-то почувствовал я, что все это неизъяснимо хрупко, как малая пружина в золотом брегете. Что в любое мгновение ход времени может сбиться. Оборвется нить, которая связывает грядущее с прошлым. И тотчас вместо нее образуется другая, возможно, лучшая, и даже, может статься, ничто не изменится - мальчишки у костра, лошадиное ржание... Все будет, но будут ли эти мальчишки теми же, что сейчас. Или другими, а если теми же, то буду ли я, чтобы слушать их неугомонную болтовню...

В тот самый миг, как мысли эти пронеслись в моей голове, вполне увидел я, как был неосторожен, как смертельно небрежен, как убийственно легкомыслен, когда, ведомый одним лишь желанием послужить благу, написал к Наталье Михайловне. Ведь несколько строк пустого и незначительного человека могли обрушить весь этот мир или, скажем, заставить исчезнуть мальчишек у костра.

Благодаря Бога за разумное недоверие моей знакомой, я вышел из дому и побрел на свет. Остановившись в стороне, сел на траву и стал смотреть на костер. И следя за тенями и бликами, происходившими от него, понял, что должен сделать.

Побежал в избу, подхватил разом все бумаги и устремился к костру. Завидев меня, мальчишки кинулись врассыпную. Бумага занялась легко. Я раскидал ее веткой и отошел лишь после того, как догорел последний скрученный огнем лист.

Истощенный душевным волнением, я присел у огня и вскоре задремал, а когда открыл глаза, друг мой метался возле, в ярости самой бешеной вороша палкой угля. Он кинулся ко мне, но уговорами и доводами логики, которые единственно были ему близки, я убедил его, что действия мои были направлены на благо.

Он некоторое время находился в странной задумчивости, но после чело его прояснилось, и он с горячностью благодарил меня за то, что я уберег его от ужасной ошибки и удержал от величайшего соблазна.

На сем прерываю мои записки, потому как свеча моя уже догорела, и я не решусь беспокоить служителя, испрашивая новую.

Илия Яковлев.

Обуховская больница,
8 октября 1822 года».

Березин взвыл, яростно скомкал копию письма, бросил в угол и, схватив себя за волосы, принялся ходить по комнате.

Как мог он снова так обмануться в Яковлеве, довериться его

вывернутой, архаичной логике - логике, которая сначала подсказала ему написать Рылеевой, а теперь заставила бросить в костер бесценные исторические документы, уничтожить уникальные данные.

Березин ударил ладонью по столу, да так крепко, что охнул и принялся тереть ушибленную руку. Ругаясь и нянча больную ладонь, он упал на кровать, уткнулся лицом в подушку и, словно по волшебству, провалился в сон, глубокий и тяжелый.

И не сразу понял, где находится. Прямо перед лицом трепетала березовая ветка, сквозь листья пробивался холодный розовый луч. Березин вскочил на ноги и огляделся.

Он лежал на траве у потухшего костра, а рядом, неудобно скорчившись под шинелью, спал Илья. Лицо Яковлева было таким благодным, словно совесть его была чиста. От взгляда на это счастливое лицо в Константине вновь проснулась ярость. Он хотел было встряхнуть Яковлева и дать доморощенному властителю времени хорошую плюху, но вместо этого взял палку и торопливо раскидал угли костра в надежде найти хоть клочок бумаги, не уничтоженной огнем. Тщетно.

Едва проснулся Илья, Березин накинулся на него с упреками, но маленький чиновник, до того покорный, глянул на него стальным взглядом человека, уверенного в правильности своего поступка.

- Сядь, Константин Петрович, - тихо сказал он, и Березин отчего-то сразу послушался. - Сейчас, когда ты, мой друг, так сердись на меня, я хочу вновь поблагодарить тебя за то, что ты для меня сделал. И из всего я в первую очередь благодарен тебе за обещание, что ты взял с меня: не делать ничего, могущего изменить ход времени. И ныне, как твой друг, исполненный благодарности и искренне привязанный к тебе, не могу я не ответить тебе тем же. Я сжег бумаги, которые нашел в камере. И сжег их потому, что сам бы ты не сделал этого. Насколько я узнал тебя в эти дни, я понял: первой твоей целью является наука. Потому искушение, в которое я вверх бы тебя, мой друг, передав эти бумаги, было бы равносильно тому, как если бы сам я вложил тебе в руку оружие, способное сокрушить твой, а возможно, и мой мир. И потому я прошу тебя сейчас оставить сожаления и открыть твой разум и твое сердце моим словам.

Березин устыдился того, что сам едва не допустил ошибки, от которой пытался предостеречь своего архаичного друга. Они примирились легко, ограничившись парой слов, после чего Илья принялся было объяснять, что, по его мнению, следует сделать дальше, но Константин уже и сам думал совершенно так же.

В первое мгновение мысль о том, чтобы убить чудо, реальное, пусть спящее под землей сказочным сном, но живое, по-настоящему волшебное, показалась кощунственной. Видимо, эти чувства отразились на лице Березина, а может, Яковлев с легкостью уловил

настроение человека, которым, в сущности, был сам. Илья положил руку на его плечо и покачал головой.

Камеры нужно было уничтожить. Иначе где-то там, в будущем, хрустальный ксерокс Брюса мог случайно захватить и скопировать в прошлое еще кого-то. Того, кто - по легкомыслию, из любопытства или по какой-нибудь другой причине - изменит прошлое, а вместе с ним переведет на другую ветку несущийся на всех парах поезд времени.

Камеру в Острогожске Константин решил взять на себя.

Яковлев непонимающе пожал плечами.

- Пойми, Илья, - пытался объяснить Березин, - камера в Острогожске уже есть в моем времени, потому что я уже нашел ее там, был в ней дважды - в детстве и вчера. А вот камера в Глинках - она, как кот Шрёдингера... Есть такой мысленный эксперимент, а впрочем, можно проще... Камера в Глинках, пока никто ее не увидел, - как бы и существует, и не существует. Если ее найдут в моем времени, то это будет означать, что стал активен тот вариант будущего, в котором камера сохранилась. Зато, если ты уничтожишь ее сейчас, мы выигрываем почти двести лет...

По глазам Яковлева было ясно, что он немного понял, но исполнен решимости. Некоторое время Березин думал, не сказать ли Илье, что, возможно, затея с уничтожением камеры приведет его в Обуховскую лечебницу, но промолчал, искренне надеясь, что со временем Илья простит ему это молчание. Да еще досадуя, что не успел до того, как заснул, прочитать до конца последнее письмо.

Утром, едва открыв глаза, Березин подхватил бумагу, пробежал глазами строки, потом еще раз и еще, надеясь, что неправильно понял, потом закрыл руками лицо и застонал как человек, получивший известие о гибели близких.

Несмотря на мучительное чувство вины, Березин вскоре поднялся и принялся собирать необходимое. Световую гранату, подходящую по параметрам для задуманного, решено было делать из подручных средств. Для этого Константин достал из сумки стробоскопическую вспышку от своего фотоаппарата и, часа четыре побегав по магазинам и развалам, купил еще три, попроще, и преобразователь. После этого взял напрокат простенькую «Ладу» - в случае чего, заплатить за нее будет не особенно проблемно.

Покатался по городу, разыскивая огнеупорный костюм - и нашел-таки в маленьком магазинчике спецодежды. Собрав весь скарб, выехал из города и направился к тому месту, где под грудой камней и переплетенными стеблями крапивы спала камера.

Подключил вспышки через преобразователь к аккумулятору «Лады», несколько минут потратив на то, чтобы добиться одновременного срабатывания. Одна все время запаздывала. Измученный Березин

решил, что света первых трех вполне достаточно, чтобы разогнать кристаллы, спустился в камеру и установил - на всякий случай все четыре - на полу. Выбравшись наверх, отошел к автомобилю и нажал кнопку пульта.

Сперва было тихо. Около секунды. Потом - видимо, сработала четвертая вспышка - почва и трава вспучились, и из-под земли вырвался столб пламени. Березина обдало жаром, так что он отшатнулся и налетел спиной на дверцу машины. Пламя заколебалось, выгнулось, словно хлыст, и свилось в кольцо. И это узкое, дышащее раскаленным металлом кольцо стало опускаться вокруг Березина, вверх потянулись золотые и красные нити-молнии, соединяясь высоко в темном небе пестрым, искристым куполом.

Константин закрыл глаза, сполз вниз по дверце автомобиля и постарался представить в этот последний момент Илью, его маленькую комнатку с узкой кроватью - и изо всех сил пожелал, чтобы его выбросило к нему, а не в другое время.

Кольцо почти коснулось крыши «Лады», когда там, в пламени, он услышал далекие, словно принесенные ветром крики, пахло пеплом и горелой плотью - и вдруг все исчезло.

Он открыл глаза и увидел, как огненное кольцо сжимается, купол опрокидывается в него, превращаясь в воронку. И этот огненный смерч с треском и едва различимым звоном уходит в землю.

Когда Березин поднялся с травы, вокруг стояла тишина, только недалеко от развалин виднелся круг развороченной земли.

Собравшись с духом, Константин Петрович заглянул в черный от копоти ход, по которому устремился поток огня. Камера исчезла. На земле, еще горячей от взрыва, он нашёл лишь оплавленный каркас и круглый матовый камень с надписью.

Березин вытащил из земли остатки металлического каркаса и, вынув из багажника лопату, забросал землей яму. Металл он закопал в стороне, в перелеске, надеясь, что цивилизация нескоро до него доберется. А камень положил за пазуху - показать Илье. Илье, который, возможно, в этот самый момент...

«Дорогой мой друг!

Отрадно осознавать, что ты все еще находишь занимательным чтение этих записок. Письмо сие есть последнее из тех, в которых касаюсь я событий, приведших меня в сей дом.

Доктор мой, Матвей Родионович, считает, что я иду на поправку. И сам я полагаю так же: вот уже долгое время не вижу тревожащих снов, ныне чувствую себя совершенно покойно и надеюсь снова вернуться, если на то будет Божье соизволение, к тихой моей, размеренной жизни. Любезная Евдокия Кирилловна, третьего дня навещавшая меня, уверяла, что комната моя сохраняется за мною. Добрейшая

женщина сказала, что справлялась обо мне и Наталья Михайловна. Новость эта согрела мне сердце, потому как понял я, что не один в этом мире. Сама Наталья Михайловна, к глубокой моей печали, не пришла: скорбное известие нарушило ее планы быть у меня - в родном ее Острогожске некоторое время назад приключился сильнейший пожар, уничтоживший большую часть города. И на днях получила она известие о безвременной кончине своей знакомой, пострадавшей от огня при сем чудовищном бедствии. Мысль о душевных страданиях этой чудесной женщины настолько огорчила меня, что моя хозяйка опасалась, не послужит ли ее скорбная весть к усилению моей болезни. Я успокоил ее, она же обещалась быть ко мне на следующей неделе.

Однако, не отклоняясь от темы, мною избранной, продолжу.

После встречи с моим другом я проснулся в девятом часу утра, когда в прочие дни обыкновенно уже нахожусь на службе, и потому чувствовал себя непривычно встревоженным. Из всех сил старался я укрепиться духом, но мысль о том, что мне предстоит пробраться в усадьбу через подземный ход и нарушить хрустальную комнату, волновала меня чрезвычайно, и я медлил.

Однако важность дела принуждала меня скорее завершить его, и я отправился в подземную лабораторию, чтобы отыскать вещества, которые мог бы использовать для разрушения «двери в будущее». Из бумаг, ночью мною уничтоженных, уже знал я, что в хрустальной комнате следует поменьше употреблять освещающих приспособлений, ведь кристальные ее стены к любому свету чрезвычайно чувствительны, и оттого может сделаться пожар и повреждение камеры. В лаборатории я обнаружил, к своему счастью, достаточный запас свечей, однако тем не удовлетворился, больше полагаясь на взрывчатые вещества, так же в обилии сохранявшиеся там.

И оказался прав: даже когда я уставил свечами пол в камере, она молчала. К своему удивлению, я не услышал даже того звучания, что привело меня в замешательство ранее. Тогда я поднял одну из свечей и поводил ею вдоль стены - кристаллы ответили пением, однако едва я остановил свечу - все смолкло. В это самое время малое насекомое, видимо, привлеченное светом, попало в пламя свечи. Та коротко вспыхнула. И кристаллы тотчас зазвенели так пронзительно, что я, признаться, вздрогнул. Решив вызвать вспышку более сильную, я разместил в хрустальной комнате значительный запас взрывчатых веществ, которые нашел в подземной лаборатории, насыпал дорожку из порошу почти до самого выхода из подземного хода. Но порох значительно увлажнился от вечерней росы. Я пробовал поджечь вновь и вновь и наконец преуспел, однако заметил, что в попытках своих зашел достаточно в земляной ход.

Последнее, что сохранила моя память, был ужас, с которым понял я,

что здесь обрету свою могилу и ни одна душа, способная пожалеть обо мне, не узнает места моего погребения. Помнится, от страха я закричал, и рот тотчас наполнился землей. Сознание меня покинуло.

Рассказывают, что нашли меня утром возле обсыпанного хода, из которого я каким-то чудом выбрался. Более недели я пребывал в нервной горячке и беспрестанном бреде, помимо воли высказывая обстоятельства, который должны были оставаться в строжайшем секрете. Благодарение Божие, никто не придавал значения моим словам. К тому же в кармане моем обнаружилось письмо, в котором некто извещал о длительном моем душевном недуге и рекомендовал поместить в Обуховскую лечебницу и передать в руки доктору Матвею Родионовичу.

К моему удивлению, несмотря на обыкновенное российское наше равнодушие, все предписанное исполнилось как нельзя аккуратно, и был я перевезен в Москву. Матвей Родионович искренне мною заинтересовался и принял во мне участие самое чрезвычайное, поскольку, как я догадываюсь, нашел в моей болезни богатейший материал для своих ученых исследований.

На том и завершилась история, окончившаяся для меня столь плачевно. Однако я, смиренный раб Божий, нисколько на то не ропщу. И ежели Господу угодно было столь тяжело испытывать меня, то во всем покоряюсь воле его.

Уповаю на то, что и ты, мой терпеливый читатель, видя ошибки и прегрешения мои, и то, какую цену принужден я заплатить, будешь осторожен, ибо дьявольские козни могут быть хитроумны.

С тем прощаюсь с тобою,
Илия Яковлев, сын Александров.
Обуховская больница,
11 октября 1822 года».

Березин добрался до гостиницы только к полуночи, непрестанно думая о том, что ничем не может помочь Илье. По всей видимости, в момент разрушения камера вновь активизировалась, и эта активность вполне могла стать причиной пожара в Острогжске. Камера в Глинках была опаснее. Скорее всего, она не могла передавать, еще потенциально не существуя в будущем, поэтому только принимала. Возможно, в тот момент, когда Илья наконец смог зажечь порох, она отозвалась на взрыв острогжской, а потому рванула сильнее, чем ожидал Яковлев.

Константин Петрович стиснул руками виски. Он представил, как сам чувствовал бы себя заживо погребенным, без надежды на помощь. Пожалуй, он, современный и уверенный в себе человек, едва ли удержался бы в рассудке. Он вынул письмо, переведенное Косиным, из дорожной сумки и положил в карман. Ткнулся лбом в ладони и крепко

зажмурился, словно спасаясь от головной боли. Он думал об Илье. Наконец усталость взяла свое, и Березин провалился в сон. Провалился, чтобы тотчас вынырнуть двумя веками ранее.

Он лежал щекой на теплой земле, резко пахло гарью. Березин вскочил на ноги и осмотрелся.

Он был там, возле только что обвалившегося подземного хода. Рыхлая почва еще оседала, и, приглядевшись, Березин увидел среди бурых комьев земли что-то белое. Он бросился на колени и разгреб дрожащими пальцами землю. Показалась бледная, неживая рука.

Константин Петрович принялся торопливо раскапывать рядом и очень скоро увидел лицо, такое же белое и безжизненное, но, когда он склонился, с лиловых от удушья губ сорвался едва различимый стон, и Березин принялся копать снова. Он вытащил Илью на пригорок. Тот тихо стонал, не пытаясь пошевелиться. Потом открыл глаза. И Константин Петрович облегченно вздохнул - самое страшное было позади.

Солнце поднялось уже высоко, край неба из блекло-розового становился желтым, и Березин боялся, что не хватит времени. Он торопливо вытащил письмо и положил его в карман Ильи, но не успел даже запахнуть полу его сюртука, как перед глазами потемнело, и он провалился в наплывающую темноту, а когда очнулся - был уже в номере гостиницы.

Эпилог

Пожалуй, если бы Константина Березина спросили, какие мгновения своей жизни он желал бы пережить вновь, - он не нашел бы, что ответить. Но без всякого колебания уверил бы любого: он ни за что не согласился бы вновь вернуться в один из тех дней, когда, засыпая, каждый раз надеялся увидеть во сне знакомую комнату и ее робкого постояльца. Увы, он спал без снов и наутро, разбитый и измученный виной, курил на кухне, садился за бумаги покойного дяди, рассеянно отвечал на телефонные звонки - и ждал, когда наступающий вечер хоть на несколько мгновений успокоит сердце промельком напрасной надежды.

Так прошел почти месяц. А потом Березин начал привыкать. Он уговаривал себя, что, возможно, Илье так будет лучше. И что ему, Березину, неплохо бы тоже забыть обо всем и окунуться в работу.

Видимо, с разрушением камер связь, принесшая ему и его новому другу столько приятных минут и ставшая причиной страданий, распалась. Возможно, последние оплавливающиеся под землей кристаллы еще позволили ему вернуться в прошлое и вытащить Илью из-под завала. Но на этом все.

Березин заставлял себя верить, что его друг здоров и счастлив в кругу близких. Пытался представить себе Илью сидящим за чаем с Натальей Михайловной и хлопочущую вокруг него квартирную хозяйку.

«На все воля Божья», - невесело подумал он, забираясь прямо в халате под одеяло. На улице похолодало, и в воздухе уже чувствовалось стылое дыхание осени. Березин поежился и, глядя в окно на блестящие от дождя ветки лип, подумал: как легко он, однако, привык к чуду, как просто принял саму возможность переходов во времени. Каким оказался доверчивым. Удивительно доверчивым. Что здесь, в будущем, что там, в прошлом - где он был Ильей Яковлевым, маленьким чиновником из комнатки с одним окном.

Стук дождя стих, сменившись едва слышным потрескиванием свечного нагара. Дохнуло теплом. Березин приоткрыл глаза - и тотчас вскочил с радостным вскриком. Возле постели, где он спал, на краешке кресла сидел Илья Александровичу весело смотрел на него.

Во внешности Ильи многое изменилось - стал он бледнее, черты лица заострились, а между бровями залегла едва заметная складка. Когда он протянул навстречу другу худые руки, стало заметно, что пальцы его дрожат. Он поспешно уронил ладони на колени.

Березин подскочил к нему и горячо обнял.

- Извини, Константин Петрович, что заставил тебя поволноваться обо мне, - прошептал, улыбаясь, Яковлев. - Совсем ты расчувствовался, а посланцам из грядущего сие едва ли пристало. Право, если бы знал я, голубчик, что ты будешь так убиваться, то ни за что не согласился бы на лекарства.

- Какие? - спросил Березин, замечая следы болезни на лице друга.

- Откуда мне знать, - отмахнулся Илья, - разве я доктор? Но поговаривали, что на мне испытывает Матвей Родионович какие-то впрыскивания по собственной новейшей методе. Помню лишь, от них становилось мне так покойно, все вокруг делалось безразличным, что вовсе мне не свойственно.

- Как я рад, Илья Александрович, как рад, - прошептал вполголоса Березин, вглядываясь в бледное, но живое знакомое лицо.

- Ну, батюшка, эка ты, - укоризненно покачал головой Илья. - Ведь у нас с тобой дело есть большой важности. Я давеча в лечебнице много передумал. Ведь покойный свет Яков Вилимович легок был на подъем, всю Россию-матушку изъездил, многие европейские земли посещал... Мог он и там какие-нибудь хрустальные комнаты оставить. И наше с тобой первейшее дело все тщательнейшим образом узнать...

Видимо, в это мгновение какое-то ночное насекомое неосторожно коснулось пламени свечи. Она вспыхнула, и тишина отозвалась мелодичным стеклянным звоном.

АЛЬБЕРТ КОУДРИ

СМЕРТИ - СМЕРТЬ!

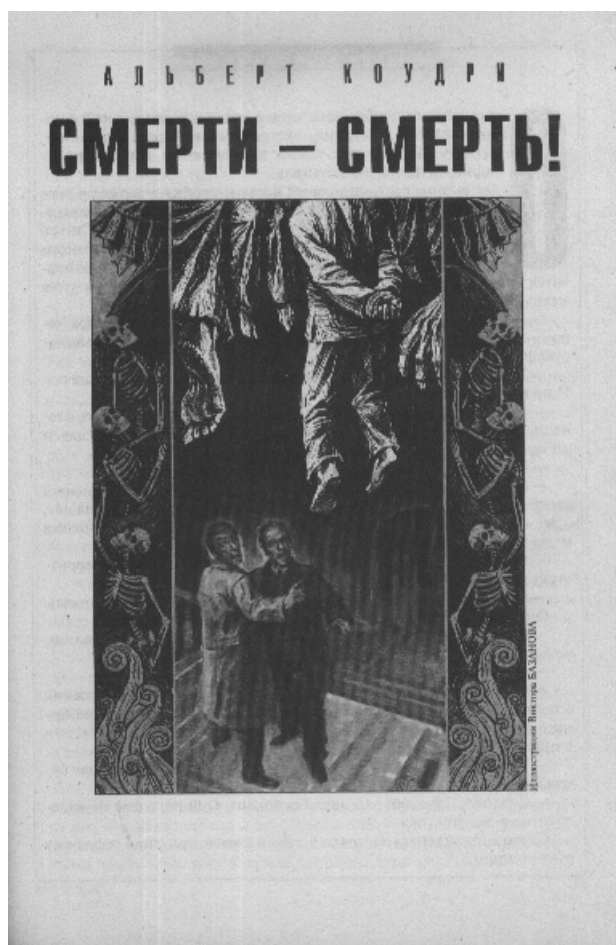

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Одним серым ноябрьским днем я сидел в конторе своей фирмы «Мартин и Мартин, экстрасенсорные расследования», уставившись в хмурое, темное небо за окном, когда дверь отворилась и вошел посетитель.

Он был одет в темно-серый костюм-тройку и держал в руке портфель, за который какой-то аллигатор заплатил высочайшую цену. Судя по визитной карточке, звали его Стивен Престон Джеймс, он был поверенным в суде, а его контора располагалась в Гринвуд-Фоллс, штат Вирджиния. Мне нравятся клиенты, у которых в друзьях числятся братья Брукс, так что я махнул рукой, указывая на самое удобное кресло.

- Готов поспорить, что вы пробегаете по семь миль каждое утро, - заметил я, разглядывая его сухощавое загорелое лицо и поджарую фигуру.

- Езжу на велосипеде. Меньше нагрузки на коленную чашечку. И по десять миль, не по семь.

- Ничего себе! - восхитился я. - У меня в ванной, конечно, стоит велотренажер, но я только вешаю на него полотенца. Итак, зачем же вам понадобился детектив-экстрасенс?

- Видите ли, я в духов не верю... - агрессивно начал он.

- И это, в общем-то, правильно. Знали бы вы, сколько времени я трачу на то, чтобы объяснить людям, что в Амитивиле призраков нет, а все дело в белках на чердаке. У службы отлова бродячих животных из-за меня много работы.

- Я не живу в Амитивиле, - сказал он. - Мой адрес: Меррит-стрит, дом четыреста девятнадцать.

- Ага, - проговорил я с интересом. - Кажется, я начинаю понимать.

Он угрюмо кивнул.

- Вижу, вам знаком этот дом. Похоже, в этом треклятом городишке о нем знают все, кроме нас с Альсатией.

- С Альсатией?

- Моя жена, - пояснил он, протягивая мне кожаный бумажник с тиснеными золотом инициалами, где оказалась фотография женщины с детьми. Они выглядели точь-в-точь так же, как все жены и дети в мире.

- У вас замечательная семья, - тактично заметил я, возвращая бумажник.

- Спасибо. Дети, вот что меня беспокоит. Они пока еще не видели это... э-э... это... э-э...

Слово «привидение» застряло у него в глотке, так что я подал ему руку помощи.

- Проявление непознанного?

- Именно, - с облегчением подтвердил он. - Проявление непознанного. И я предпочел бы, чтобы они его и не увидели. Пока что оно показывалось только около полуночи, когда дети уже в постели, но кто знает, что будет дальше! Есть ли хоть какие-то шансы, что вам удастся от него избавиться?

- Я могу лишь попытаться. Моя такса - пятьдесят долларов в час, - добавил я, ожидая встретить его презрительный взгляд. Сам Стивен Престон Джеймс, должно быть, брал по меньшей мере двести пятьдесят.

- Это немало, - солгал он, - однако, судя по всему, специалистов вашего профиля почти не найти, несмотря на всю эту ерунду, которую показывают по телевизору про охотников за привидениями. Так что, похоже, деваться мне некуда.

Я вручил ему бланк стандартного контракта. Он дважды перечитал каждое слово, после чего раскрыл своего аллигатора, вытащил чековую книжку и оплатил по минимальному тарифу (за восемь часов). Я спросил, будет ли удобно, если я сегодня же вечером загляну посмотреть на «проявление непознанного», и он ответил, что лучше,

пожалуй, не сегодня - они с Альсатией устраивают вечеринку для группы клиентов.

- Не то чтобы я особенно хотел получить эту работу, - прибавил он. - Настоящих денег от них ожидать не приходится, но для меня будет отличной рекламой, если это дело пройдет в Верховный суд.

- А кого вы представляете?

- Одну группу под названием «Смерти - смерть!». Они добиваются того, чтобы смертные приговоры были признаны исключительным наказанием. В семьдесят шестом судьи были решили, что это так, но позже отменили свое решение.

- То есть вы являетесь поверенным у организации, выступающей по сути за отмену смертных приговоров?

- Именно. Так что, наверное, вам лучше подождать до завтрашнего вечера.

Я учтиво проводил его до двери, а в голове у меня крутилось: «Ну и дела! Веллингтон Микс просто взбесится!».

С рождения я не покидал Гринвуд-Фоллс и имел предостаточно времени, чтобы изучить известных в округе призраков. Большинство из них имело весьма серьезный недостаток - они попросту не существовали; однако некоторые оказались тем, что я называю «любопытными не-личностями». Я до сих пор присматриваю за ними.

Есть, например, некая Лиззи Маклухан (скончалась в 1907 г.), чья любовь к местному мяснику по имени Гаврило Принсип закончилась трагедией: его ревнивая жена при помощи топорика для разделки мяса разделила Лиззи приблизительно на две половины. На месте той лавчонки, где Лиззи и Гаврило некогда извивались в спазмах преступной страсти, окруженные поддонами для потрохов и свисающими окороками, теперь простирается многоуровневый паркинг. Если вам повезет, вы можете застать Лиз после полуночи на уровне «А» - ее раздвоенная фигура скользит меж припаркованных внедорожников, разыскивая то ли мужчину, которого она когда-то любила, то ли говяжье филе по ценам 1907 года - как знать?

Затем имеется Бенни Маркс (скончался в 1955 г.). Решив во что бы то ни стало сделаться новым Гудини, Бенни подговорил нескольких друзей приковать его кандалами к двигателю списанного двух с половиной тонного грузовика и сбросить в Потомак. Очень скоро стало ясно: всякие замки - не его стихия. Его призрак - один из самых печальных среди виденных мною; лунными ночами он парит над кипящими струями Больших водопадов и выдувает пузыри, которые лопаются со звуком, похожим на всхлип.

И есть также Пол Винсент Обол (скончался в 1978 г.), наездник, любивший свою кобылу Флитвуд слишком уж страстно. Он стоял на перевернутом ведре в своей конюшне, До половины приспустив

джодпуры, увлеченный актом межвидовой любви, когда Флитвуд - до сего момента послушнейшая из животных, - будучи охвачена одной из тех мгновенных перемен настроения, что столь характерны для женского рода, ударила его копытом насмерть. Теперь он блуждает по местным школам верховой езды, испуская глубокие вздохи отвергнутого любовника.

Я мог бы привести и другие примеры, но стоит ли трудиться? Суть в том, что большинство местных привидений - неудачники, которые являются лишь затем, чтобы понять о своей несчастной судьбе. Веллингтон Микс, однако, представляет собой исключение. Это был гражданин, от жизни которого так и разило пресвитерианской трудовой этикой и прочным, хоть и скромным успехом. В его времена города разрастались не вдоль автомагистралей, а вдоль железных дорог. Когда он в 1910 году переехал в Гринвуд-Фоллс, здесь только построили маленькую деревянную станцию, а будущий пригород в основном представлял собой заросшую холмистую сельскую местность, населенную задумчивыми коровами вместо раздражительных вашингтонских дельцов. Микс выстроил себе дом рядом со станцией, чтобы удобнее добираться до Юнион-стейшн, округ Колумбия, где - как он объяснил своей экономке, почтенной вдове, моментально разнесшей его слова по всей округе, - он садился на поезда и отправлялся в «деловые поездки» по всем среднеатлантическим штатам.

У себя дома он проживал в холостяцком уединении, опекаемый вдовой, которая прибиралась, стряпала и следила, чтобы его рубашки и пристежные воротнички всегда были такими, как он хотел: жесткими от крахмала и сколь возможно более неудобными. Местные жители находили его обращение любезным, но прохладным. Жилец из соседнего дома вспоминал, что разговор с ним был похож на игру в теннис с партнером, который ловит ваш мяч и оставляет его у себя, вместо того чтобы отбить подачу. Всеобщее любопытство по поводу природы его заработков оставалось неудовлетворенным вплоть до 1927 года, когда он умер после операции на желчном пузыре. Его душеприказчик обратился в издательство, которое печатало книги за счет авторов, и выпустил в свет мемуары Микса. Редактор благоразумно изменил заглавие, избранное Миксом для своего труда («Моя жизнь: тридцать лет на службе обществу»), на другое, которое сам автор несомненно бы запретил, будь он в состоянии это сделать. Едва ли человек столь почтенный желал бы, чтобы людская память связывала его имя с книгой под названием «Я, палач».

В этом и заключалась тайна Веллингтона Микса: все его «деловые поездки» имели конечным пунктом различные исправительные учреждения, нуждавшиеся в его услугах. Новый заголовок оказался достаточно броским, чтобы завоевать книге скромный успех, к восторгу

дам из Женского христианского союза трезвости, куда перечислялись авторские гонорары, чтобы его члены могли проводить в жизнь свою благородную, хотя и безнадежную задачу по высушиванию Америки. Десятилетиями позже я натолкнулся на барахолке на потрепанный экземпляр этой книги и нашел в ней истинную сокровищницу совершенно непреднамеренного висельного юмора (да простится мне этот каламбур).

Микс твердо верил в необходимость своей профессии, указывая на некоторых воистину ужасных преступников, отправленных им на тот свет. Тем не менее он признавал, что большинство его жертв были простые, необразованные люди, которые если и пристрелили или забили кого-то до смерти, то лишь повинаясь минутному импульсу, и чьи души, следовательно, еще можно было спасти. Себя он видел поставленным при вратах между жизнью и смертью, и его христианский долг заключался в том, чтобы относиться к совершаемой им мрачной церемонии с достоинством, а к тем, кого он предавал смерти, - с состраданием.

«Каждый, кто осуществляет публичные казни, - писал он, - должен всегда держать в уме изречение: «То же, если бы не милость Божия, могло случиться и со мной». Когда запястья и лодыжки осужденного связаны, на голову накинута черная шапка, а крепкая петля надлежащим образом приложена за левым ухом, сказанные вполголоса слова ободрения: «Уже сегодня, брат, ты будешь почивать в раю!», похлопывание по спине или даже простое «Мужайся!», произнесенное твердо, но дружелюбно, способны многое сделать для облегчения предстоящего Великого Перехода».

Самодовольство подобных пассажей побудило сочинителей лимериков во всех тогдашних сорока восьми штатах взяться за свои перьевые ручки или же расчехлить пишущие машинки. Как выразился один из рифмоплетов: (

*Мистер Микс замечательный малый:
Хоть бы раз от работы устал он!
Закрепляет веревку,
Парня вешает ловко -
И домой, как ни в чем ни бывало!*

Судя по всему, Микс вновь явился в начале 1933 года. Во всяком случае, именно тогда еженедельник «Гринвуд-Фоллс Стандарт» начал сообщать о странных происшествиях в доме четыреста девятнадцать, неизменно с такой напускной шутливостью, к какой порой прибегают журналисты, словно говоря: «Только не принимайте это всерьез». Заголовки гласили: «Гроза висельников все еще висит поблизости», «Призрак с Меррит-стрит оказался довольно жестким парнем» и прочее в том же духе. Однако, если отставить в сторону плоские шуточки, вскоре стало ясно, что за явлениями усопшего стоит некая

тактика: Микс любил дом, который построил и где жил, и когда там происходило нечто, чего не одобряла его пуританская душа, он приходил, чтобы как следует припугнуть нынешних обитателей.

Поскольку всю свою жизнь он был республиканцем, его первые визиты последовали за избранием Франклина Д.Рузвельта и отменой сухого закона (его явление во время одной из президентских «Бесед у камелька» вызвало к жизни заголовок «Призрак Великой старой партии в радиопередаче у Рузвельта»). Любые проявления опьянения, невоздержанности или демократии гарантированно вызывали из загробного мира его зеленоватый дух, мрачно потрясающий петлей, которой он прежде зарабатывал себе на существование. «Спасибо, такой дух не для моих коктейлей», - посмеивался «Стандард», а также замечал, после того как Рузвельт разгромил Элфа Лэндона на выборах в 1936 году: «Элф по вкусу только покойникам».

Однажды в шестидесятых в доме поселились четверо хиппи, приверженцы свободного секса, наркотиков и рок-н-ролла. Их хватило ненадолго - по правде говоря, один из них был настолько потрясен встречей с привидением, что парня пришлось отправить в лечебницу. Впрочем, я не уверен, что в этом следует винить Микса. Тесты свидетельствовали: молодой человек потребил близкую к летальной дозу ЛСД, так что, возможно, это и стало причиной его срыва, а появление призрака послужило лишь толчком.

Другие жильцы приходили и уходили, никогда не оставаясь надолго. А затем, с самого начала восьмидесятых, сверхъестественные проявления полностью прекратились. Мисс Анджела Тренинг, старая дева и школьная учительница, с комфортом прожила в четыреста девятнадцатом доме двадцать лет, ни разу не увидев ничего, что выходило бы за рамки обыденности. Она перекрасила дом, содержала его в абсолютном порядке и выращивала в садике розы старинных сортов, которые брали призы на конкурсах. Она была вполне во вкусе Микса, ему и в голову не могло прийти тревожить старушку. Поскольку было известно, что мисс Тренинг ежедневно в шесть часов вечера выпивает бокал разведенного шерри, люди судачили, что под ее благотворным влиянием призрак может с течением времени несколько смягчиться на предмет сухого закона. Как бы там ни было, в округе выросло целое поколение, верившее, что слухи насчет этого дома представляют собой просто легенды и ничего больше.

К концу тысячелетия старые дома в нашей округе - где прежде жили хиппи и школьные учителя, которые попросту не могли позволить себе ничего лучшего, - вдруг оказались модными ретро-жилищами. Особенным спросом они пользовались у людей зажиточных и консервативных, кто с презрением смотрел на роскошные дворцы нуворишей, но желал пользоваться преимуществами жизни вблизи Вашингтона и легким доступом к Кольцевой дороге. Стивен Престон

Джеймс был ярким образчиком этой породы, и полуночные явления Микса в виде мерцающего лика, колышущегося над шкафчиком со спиртным, скорее всего, имели целью всего лишь предупредить его и Альсатию, чтобы они не злоупотребляли выпивкой перед сном.

Однако что предпримет призрак, когда обнаружит в своем доме сборище людей, лакающих спиртное, порочащих его профессию и клянувшихся уничтожить ее навеки... пожалуй, я не преувеличу, если скажу, что содрогнулся при одной мысли об этом. События ближайшего будущего показали: мне было чего бояться.

Стивен Престон Джеймс обладал одним из тех имен, что с одинаковой легкостью читаются в обе стороны, поэтому, когда он позвонил мне с утра пораньше и коротко буркнул: «Это Джеймс...», мне представилось, что оно звучит как Джеймс Престон Стивенс и что он желает перейти со мной на более короткую ногу.

- Чем я могу вам помочь, Джим? - спросил я.

У нас ушло около десяти минут, прежде чем мы распутали этот вопрос, что отнюдь не успокоило его и без того потрепанные нервы.

- Итак, - произнес я, когда все наконец прояснилось, - насколько я понимаю, Веллингтон Микс появился на собрании кружка «Смерти - смерть!»?

- Это неслыханно! С Альсатией чуть припадок не случился, не говоря уже о моих клиентах, а если абсолютно честно, то и со мной. Боже, боже, как бы я хотел, чтобы можно было притянуть кого-нибудь к суду за это дело!

Как выяснилось, жена решила обвинить в случившейся катастрофе его и вынесла фетву:

- Она забирает детей и переселяется к своей матери в Таймониум, штат Мэриленд, даже несмотря на то что нам придется встречать День благодарения порознь! У меня есть три месяца, чтобы избавиться от дома номер четыреста девятнадцать и отыскать другой, иначе она подает на развод.

- М-да, мерзкое положение.

- Не то слово. И что мне теперь делать?

- Я буду у вас через двадцать минут. Надеюсь получить полный и беспристрастный отчет обо всем, что произошло вчерашним вечером. Возможно, вы, Джим, этого и не знаете...

- Я Стив!

- Неважно... Возможно, вы этого не знаете, но Микс в своих мемуарах похваляется тем, что за годы своей долгой и деятельной службы отправил на тот свет более трехсот мужчин и пять женщин. Это вам не шуточки... Мне понадобятся факты, все факты, и ничего, кроме фактов.

- Вы хотите сказать, что будете снимать с меня показания?

- Если нам не удастся утихомирить Микса, это далеко не худшее, что с

вами может приключиться.

Когда я прибыл к дому номер четыреста девятнадцать по Меррит-стрит, дама с резкими чертами лица, опознанная мною по фотографии, как раз загоняла двоих хнычущих детей в белую «инфинити», и через минуту они с грохотом укатили. Я вошел в дом - мне еще ни разу не доводилось бывать внутри - и обнаружил Стива в кресле, сделанном в стиле викторианской эпохи, с таким лицом, что, как говорится, краше в гроб кладут.

- Я ведь даже рюмку налить боюсь! - посетовал он после того, как я пожал его вялую руку.

- Вот диктофон, - я показал ему маленькое, с ладонь, цифровое устройство и придвинул к себе псевдолинкольновское кресло-качалку. - Поскольку вы поверенный, полагаю, мне нет надобности рассказывать, что от вас требуется.

Он кивнул и после минутного раздумья начал говорить с профессиональной четкостью, назвав свое имя, адрес, дату и время записи, а затем приступив к следующему повествованию:

- Прошлым вечером шестнадцать человек, являющихся членами организации «Смерти - смерть!», собрались здесь на неофициальную встречу с вином и сыром. Белые вина пользовались большим спросом, нежели красные, а закуски включали тепличный виноград, вафли и круг сыра бри. Благодарение Господу, мои дети остались на эту ночь в семьях друзей.

Большинство членов группы оказались прекрасными, здравомыслящими людьми, чей протест против смертных приговоров выражался общепринятыми способами. Некоторые утверждали, что государство не должно отбирать жизнь, поскольку если человек позднее будет признан невиновным, оно не сможет вернуть отнятое. Другие приводили в пример десятки случаев, когда анализ ДНК привел к освобождению приговоренных из камеры смертников. Еще кое-кто указывал, в какой плохой компании оказываются Соединенные Штаты, вставая в один ряд с Китаем, Ираном и Саудовской Аравией и отделяя себя от большей части цивилизованного мира. Один афроамериканский джентльмен с горечью констатировал непропорционально большое число чернокожих, приговоренных к смертной казни.

Лишь одна дама, вдова по имени Летиция (Летти) Лус, оказалась энтузиасткой того сорта, который, как я сперва боялся, будет нормой для этой организации. Пронзительным голосом она повторяла снова и снова, что человеческая жизнь драгоценна и абсолютно все люди, без единого исключения, представляют собой величайшее сокровище, так что я поневоле спрашивал себя, включает ли она в число величайших сокровищ и драгоценные жизни таких людей, как Адольф Гитлер.

Ничто из сказанного, однако, не имело большого отношения к вопросу

о том, что конкретно, с точки зрения закона и конституции, может считаться жестоким и исключительным наказанием - предмету настолько же спорному, как и содержание терминов «истина» или «красота». Я как раз попытался сосредоточить внимание собравшихся на проблемах, с которыми было бы возможно добиться слушания в Верховном суде, когда лампы в комнате вдруг начали тускнеть. Поскольку я имею склонность во всем видеть худшее, моей первой мыслью было, что у меня опухоль мозга и я начинаю слепнуть. Затем по поводу этого явления высказались еще несколько человек, что заставило меня винить во всем электрическую компанию. И лишь когда Альсатия заметила, что в комнате полно дыма, я осознал: это не свет стал тусклее - напротив, сам воздух сделался, так сказать, гуще.

Затмение длилось несколько минут, сопровождаясь возрастающим смятием моей жены и гостей. Затем из сумрачного коридора, ведущего к спальням, появилось... а, выключите диктофон к чертовой матери!

Лицо моего клиента приобрело цвет свежей шпаклевки. Я вскочил, открыл дверцу сделанного под старину винного шкафчика и, плюнув на Веллингтона Микса, налил Стиву хороший глоток бренди. Он выпил слишком поспешно, закашлялся, мне пришлось колотить его по спине, и далее в том же духе. В конце концов он вернулся в состояние, более или менее близкое к нормальному, если не считать слез, которые он утирал платочком с монограммой.

- Прошу прощения, - пробормотал хозяин.

Я заверил его, что такая реакция абсолютно естественна, на самом деле было бы нелепо ожидать от него другой.

- Только психопаты полностью лишены страха, - сообщил я ему, - да и то лишь потому, что у них не хватает винтиков в черепной коробке.

Стив кивнул и, сделав еще один глоток бренди - на этот раз он разбавил напиток содовой и отхлебывал медленно и аккуратно, - подал мне знак снова включить диктофон. Интервью (или, как он его назвал, снятие показаний) продолжилось:

- Из темноты появилась фигура гораздо более устрашающая, нежели обычное привидение. Это был огромный человек в мешковатых штанах и рубахе без ворота; он шел, волоча ноги, а на его шее болталась веревка с петлей. Его руки походили на стволы небольших деревьев со скрюченными пальцами-корнями, лицо напоминало глыбу оконной замазки величиной с человеческую голову, с дырками на месте глаз, ноздрей и рта. От всей его фигуры исходило болезненно-зеленоватое свечение, как если бы его плоть была населена люминесцирующими бактериями. Когда он приблизился, двое из собравшихся попятнулись, забыв, что сидят на стульях, опрокинулись навзничь и продолжали лежать на спине, словно отравившиеся тараканы, конвульсивно перебирая ногами в тщетной попытке бежать.

Но на этом ужасы не закончились. Монстр заговорил - и что это был за голос! Мне доводилось слышать более человеческие звуки, доносящиеся из отверстия бетономешалки. Тем не менее все слова были отчетливо слышны: чудовище пересказывало свою жизнь, состоявшую из цепи кошмарных и отвратительных убийств, совершенных просто для забавы, описывая такие подробности, что некоторые члены группы зажали уши руками. Я попытался последовать их примеру, но тщетно - его признания с прежней ясностью просачивались непосредственно в мой мозг, так что я был вынужден выслушать все до конца. Затем монстр качнулся к противоположной стене, прошел сквозь нее и исчез, но лишь для того, чтобы уступить место следующему призраку.

Это была старуха, а вернее сказать, ведьма. На нее тоже была накинута петля, а ее голос напомнил мне скрип ржавых петель у ворот, на которых раскачивается шkodливый мальчишка: взад-вперед, взад-вперед. Когда-то она работала сиделкой и содержала дом для престарелых и немощных, которых умерщвляла одного за другим всевозможными жестокими способами. Ее особое пристрастие - яд под названием «сулема»... насколько я понял, какое-то бытовое моющее средство прежних времен. Что она получала взамен? Жалкое имущество своих жертв, зачастую состоявшее всего лишь из ветхой одежды и, может быть, одного-двух дешевых колечек. Свой рассказ она закончила таким смехом, какого я надеюсь никогда не услышать вновь - долгий кудахчущий визг, от которого раскололись два винных бокала.

В конце концов, когда все мы уже почти превратились в студень, перед нами появился сам Микс. Он смахивал на Герберта Гувера: двубортный костюм, высокий жесткий воротничок, редкие прилизанные волосы, разделенные посередине аккуратным пробором. Петля была у него в руках, а не на шее. Он направился напрямиком к вдове Летти Лус и, помахав веревкой перед ее лицом, заговорил холодным, сдержанным, отстраненным тоном, не обращая внимания на ее дрожь и бессвязный лепет. Голос призрака был пронзительным и скрипучим, он словно бы исходил из какого-нибудь примитивного записывающего устройства. У Микса небольшой дефект речи, как у Элмера Фадда, и то, что он сказал, потрясло меня больше, чем все услышанное до сих пор.

«Пвимите мое почтение, мадам, - произнес он, - ведь вы убили своего мужа! В отличие от этих глупцов, у вас есть севъезная пвичина выступать пвотив смевтной казни - ведь вы тоже, как и эти чудовища, котовых я вам показал, заслуживаете смевти!»

Произнеся эти слова, он возложил сияющий призрак веревки ей на шею и тотчас же исчез, окруженный полным молчанием. Петля растворилась в воздухе не так быстро - еще долгую минуту или две она

оставалась, подобно улыбке Чеширского Кота, на шее потрясенной мисс Лус, которая лишь слабо стонала и всхлипывала. Затем бедная женщина вскочила и ринулась в ночь, а за ней последовали и другие члены группы.

- Весьма примечательное свидетельство, - с теплотой сказал я. - Не думаю, чтобы мне приходилось слышать описание явления призрака, изложенное более убедительно.

- Легко вам говорить, - отозвался Стив. Его голос звучал мрачно. - Меня же по судам затаскают! Эти люди притащат прикормленных докторов, которые станут клясться и божиться, будто их пациенты получили травму на всю жизнь, и что я смогу ответить? Что виноваты призраки? Меня ждет развод, а вдобавок еще и разорение! И при всем этом я буду по-прежнему жить на Меррит-стрит, в доме номер четыреста девятнадцать, потому что когда эта история обойдет всю округу, никто в здравом уме не захочет его купить.

- Ну-ну, - сказал я, похлопывая его по костлявому плечу. - Вы забываете, что истцам не больше вашего хочется давать показания относительно того, что они видели прошлым вечером. Им ведь тоже ни к чему, чтобы их считали душевнобольными:

- Э-э... пожалуй, - признал он. Его лицо немного просветлело.

- И вам уж точно нечего бояться со стороны Летти Лус. Одно упоминание в средствах массовой информации об обвинении, высказанном призраком, - и вуаля, дело ее мужа возобновится.

- Гм-м... верно, - согласился он, улыбаясь адвокатской крокодилей улыбкой, которая сама по себе уже показывала, что к нему вернулось присутствие духа.

- Постарайтесь некоторое время избегать употребления спиртного и грубых выражений, и если вам так уж нужно выступать против смертных приговоров, делайте это исключительно у себя в конторе. А я тем временем нанесу Веллингтону Миксу удар в его собственном жилище.

- Но ведь Микс мертв, - напомнил Стив.

- Так же, как и та персона, которую я собираюсь на него натравить, - сообщил я.

Увы, речь шла не о моем отце. Хотя некогда он и руководил нашей фирмой, ему не удалось пережить смерть - что за ирония судьбы для столь одаренного медиума! Однако умирание, как и рождение, серьезная травма, и нужно быть исключительно крепко сколоченным, чтобы пройти через этот опыт, сохранив целостность. Папаше не хватало решительного мнения по большинству вопросов, и даже когда он твердо верил во что-либо (как, например, в злополучных «Вашингтон сенаторс»), он всегда был готов переменить позицию, столкнувшись с более сильной личностью. И вот результат: в час

смерти бедняга расслоился, то есть был развеян в пространстве, и составлявшие его элементы возвратились в Великий Космос.

К счастью, моя матушка - которая скончалась вскорости после папы - была слеплена из более крутого теста и очень скоро стала моим главным духом-наставником. Вернувшись домой, я приготовил для нее большой «олд-фэшенд», не забыв, что его перемешивают палочкой корицы, а ни в коем случае не ложкой. Я поставил стакан на низенький столик возле своего комфортабельного кресла фирмы «Лейзи-бой», задернул шторы, преграждая дорогу серому свету ноябрьского дня, уселся, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Я сосредоточил мысли на той минуте, когда в последний раз видел свою матушку (когда она лежала в гробу с безмятежной улыбкой на губах, держа в бледных руках цветок гипсофилы и папоротник-многоножку - растения, известные в народе как «дыхание младенца» и «папоротник воскресения»), и спустя десять минут она оказалась рядом. Разумеется, не в той грубой форме, к какой прибежал бывший палач, в стиле сериала «Байки из склепа». О нет, точнее будет сказать, что ее столь знакомый мне голос просочился - удачное выражение, использованное Стивом по сходному поводу, - в мой мозг, причем ему не было нужды проходить для этого через уши.

- Да, милый? - спросила она. - У тебя проблемы?

Я объяснил ей ситуацию. Однако выяснилось, что она совсем не намерена мне помогать.

- «Смерти - смерть!», - фыркнула она. - Судя по названию, шайка каких-то жалких трусов. Ради всего святого, чем плохо быть мертвым? Любому здравомыслящему человеку ясно, что это лучше, чем быть живым, сидя в тюрьме.

Я тактично согласился, прибавив:

- И тем не менее это чересчур - ведь Стив с женой не могут даже пригласить тех, кто им нравится, в собственный дом!

Мама всегда убежденно выступала за права собственности и святость американского жилища, так что немедленно купилась на мою уловку.

- Да, пожалуй, в этом ты прав... Я помню, как мы с твоим папой впервые принимали у себя чернокожего - это был доктор Дент из колледжа. В тот вечер какой-то хулиган закидал яйцами наше крыльцо. Если бы я только его поймала, - кровожадно добавила она, - ему пришлось бы отскребать эти яйца, стоя на четвереньках!

- Нисколько в этом не сомневаюсь.

- Собственной зубной щеткой!

- И это было бы только справедливо. Итак, мама, что же мне делать с Веллингтоном Миксом? Он не хочет признавать, что дом больше ему не принадлежит и что нынешние обитатели имеют право мирно жить там своей жизнью.

- Я поспрашиваю, - пообещала она. - Посмотрим, глядишь, и разыщу

его. Может быть, с ним нужно просто как следует поговорить. Как он выглядит? Я была совсем крошкой, когда он умер, так что у меня никаких воспоминаний не осталось.

Я вкратце повторил описание, данное Стивом, прибавив:

- Он сторонник сухого закона.

Мама фыркнула - из всех известных мне призраков она единственная, кто умеет это делать.

- Похоже, он изрядный зануда, - заметила она. - Уж эти мне старые холостяки! Могу поручиться, что при жизни он носил теплое нижнее белье и жаловался на желудок. Еще небось из дома не вылезал.

- Мам, я ведь тоже старый холостяк. И тоже постоянно сижу дома.

- Ты другое дело, - заявила она с нелогичностью, свойственной настоящей материнской любви. - Ладно, погляжу, что могу сделать.

Она удалилась, и я открыл глаза. Стакан был осушен вплоть до вишенки на дне. Некоторым духам спиртное по душе, подумал я. Однако не всем.

Прошла неделя. В суд Стива так никто и не вызвал. Еще один обнадеживающий знак: его теща в Таймониуме невозможно избаловала своих внуков и всячески противилась попыткам Альсатии внушить им хоть какую-то дисциплину. Вскорости жена уже названивала ему по два-три раза на дню. Стив сказал мне: она в пять секунд оказалась бы дома, если бы не боялась, что Микс может появиться перед детьми и перепугать их до аутизма.

- Ерунда, - ответил я. - Микс еще не испугал ни одного ребенка. И вообще, учитывая, что он холостяк, он, скорее всего, сам их боится.

- Может быть, вы объясните это Альсатии?

Я осторожно заметил, что не хотел бы встречать между мужем и женой. Ни в одном случае, кроме, пожалуй, пребывания в Афганистане, мирные наблюдатели не подвергаются большей опасности. В утешение я заверил его, что если нам удастся просто продержаться достаточно долго, то постепенно Микс ослабеет и потеряет способность доставлять людям неприятности.

- Вы хотите сказать, что призраки, - на сей раз это слово далось ему без заикания, - смертны так же, как и все мы?

- Ничто в мире не обладает абсолютным бессмертием, кроме Природы - и, разумеется, Бога, если он есть. Некоторые призраки расслаиваются, и все они на протяжении достаточного времени блекнут и растворяются.

- И как долго длится это растворение?

- Зависит от силы конкретной личности. Порой на это уходит несколько недель. Порой несколько столетий.

- О, замечательно! - саркастически отозвался Стив. - Столетий!

Он прибавил парочку непечатных ругательств, которые я счел

недостойными профессионала, не ведая, что уже близко то время, когда Микс заставит и меня самого скатиться до вульгарных выражений.

Следующий день начался плохо и продолжился еще хуже. Электронная версия «Стандард» на моем «Хьюлетт-Паккарде» на первой же странице предлагала более чем обстоятельный отчет о последнем явлении Микса. В статье, озаглавленной «Борцы со смертью встречают реального противника», дом под номером четыреста девятнадцать по Меррит-стрит трижды упоминался как «дом палача». Я почти чувствовал, как содрогается агент Стива по торговле недвижимостью. Около десяти утра мой клиент сам позвонил мне, чтобы пополнить подборку плохих новостей. Его горничная Аннунциата позвонила ему в офис и сообщила, что через улицу от них припарковался какой-то деляга, промышляющий автобусными экскурсиями по историческим местам Гринвуд-Фоллс, и в настоящий момент вещает пассажирам о призраке.

- Я подаю заявление, чтобы подобное запретили в судебном порядке, - проговорил Стив дрожащим от ярости голосом.

Он отпустил несколько нелюбезных замечаний в мой адрес, обвиняя меня в том, что я не смог решить его проблему, но большая часть его гнева была направлена на Веллингтона Микса.

- Да пошел он к черту! - рычал Стив, внятно скрежеща зубами. - Сегодня вечером я вернусь домой и как следует надерусь! Я потребую, чтобы меня отныне числили как демократа, а не республиканца! Я объявлю отмену смертной казни делом на благо общества и добьюсь его рассмотрения в Верховном суде! Я разыщу могилу этого мерзавца Микса и помочусь на нее! Я...

Очевидно, парню нужно было выговориться, и я позволил ему это сделать. Когда он наконец затих, я предупредил его, что бороться с мертвыми - бесплодная затея. Что он может сделать Миксу по сравнению с тем, что Микс может сделать ему? Стив еще некоторое время рычал и ругался, но в конце концов повесил трубку.

Я терпеть не могу подгонять маму, но ситуация не оставляла выбора. Так что я смешал ей коктейль, вернулся к своему «лейзи-бою» и послал вызов. Когда она откликнулась, ее голос звучал менее уверенно, чем когда-либо на моей памяти. Ей удалось разыскать Микса, но он оказался непоколебим.

- Крепкий орешек, - признала она. - Я знавала в свое время парочку упертых баранов, но этот даст сто очков вперед любому. Я ему говорю: «Вот вы пережили смерть, теперь у вас наконец-то есть время расслабиться и отдохнуть, а вы что делаете? Тратите его на то, чтобы пугать тех, кто остался на земле».

- А он что?

- А он отвечает с этой своей кошмарной самодовольной миной, что

здесь речь идет о «пвинципах». И еще: женщинам, мол, подобного не понять - как тебе это? По его словам, именно поэтому он так и не женился: не нашёл женщины, которая отвечала бы его стандартам.

- Ну и говнюк... прости, мам. Просто выскользнуло.

- Всему свое время, милый, включая и слово на букву «г», и сейчас для него самый подходящий момент. О, что за человек!

Я всерьез рассчитывал на то, что мама разрешит мои проблемы с палачом, и теперь оказался в затруднении относительно дальнейших действий. Идею экзорцизма я отменил сразу же - что может вызвать у убежденного пресвитерианина большее презрение, нежели вид католического священника, бормочущего свои языческие заклинания? О спиритическом сеансе тоже можно забыть: в данном случае задача заключается не в том, чтобы заставить призрак появиться, а в том, чтобы помешать ему это делать... Я все еще ломал голову над этой проблемой, когда, уже в пол-одиннадцатого вечера, зазвонил телефон. Едва сняв трубку, я понял, что у Стива неприятности - новые, вдобавок к прежним.

Он был пьян, и его произношение, обычно четкое, превратилось в невнятное бормотание.

- Вы длж-ны это видеть, - промычал он. - Непр-менно длж-ны! Госп-ди, ну и мерзость!

- Держитесь, - сказал я. - Сейчас буду у вас, вы и с кресла встать не успеете. - Возможно, не стоило говорить это человеку, который, судя по голосу, действительно едва ли способен подняться с кресла.

Когда я прибыл, лампочка над его крыльцом горела, но весь дом оказался погружен во тьму. Двигаясь ко входной двери по аккуратной, выложенной «елочкой» кирпичной дорожке, я видел в окнах тусклое, медленно перемещающееся, довольно неприятное зеленоватое сияние: любой десятилетний подросток сразу же сказал бы, что это привидение, а любой взрослый -- что люминесценция разложения. В данном случае, думал я, позвонив в дверь, правы оба.

Стив был в ужасном состоянии. Лампочка над крыльцом осветила его дорогу, сшитую на заказ рубашку, залитую спиртным. В его дыхании явственно чувствовался аромат бренди, к которому добавлялся еще один неприятный оттенок, говоривший о том, что его недавно тошнило. Он впустил меня в дом, не говоря ни слова. Этого и не требовалось. Веллингтон Микс, надо отдать ему должное, организовал одно из самых впечатляющих представлений, какие я когда-либо видел.

Казалось, весь дом был заполнен подвешенными в воздухе и тихо покачивающимися зеленовато-желтыми трупами. Время от времени один из них совершал серию резких, прерывистых движений - очевидно, это были посмертные сокращения мышц. Капюшоны повешенных слегка просвечивали, словно чулки на лицах грабителей, и

за полупрозрачной материей повсюду угадывались выпученные глаза, отвисшие челюсти, вывалившиеся языки; тягучая слюна приклеивала ткань к подбородкам. С огромной неохотой вступил я в эту комнату ужасов, прошел сквозь одно из тел и услышал омерзительное бульканье в его кишках, избавляющихся от избытка газов - как это и должно происходить, когда тело подвешено в воздухе, отданное во власть земного тяготения. К счастью, Микс, по своему ханжеству, не стал воспроизводить еще и отвратительный запах.

- Хоть от этого он нас избавил, - проворчал я.

Затем висящие тела начали исчезать, таять, испаряться. Пятью минутами позже комната уже представляла собой обычную гостиную начала двадцатого столетия, наполненную тенями не от мертвых тел, а от предметов. Лампы вернулись к жизни, их лучи становились все ярче, пока уютный домашний свет окончательно не разогнал тьму. Стив рухнул на диванчик и отключился, я же прошел к винному шкафу, нашел чистый бокал и вылил в него остатки «Реми Мартин» - на дне бутылки было примерно на палец жидкости. Выпив бренди одним глотком, я принес из главной спальни одеяло и накрыл им расprostертое тело моего клиента, затем выключил все лампы, кроме одной, и отправился домой спать. Я не мог думать ни о чем другом, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Тем не менее, когда я лежал, натянув до подбородка одеяло, во мне начала обретать форму стальная решимость. В конце концов, я сын своей матери: я тоже нахожу невыносимым, когда человек вынужден в собственном доме терпеть подобную травлю.

- Веллингтон Микс, - воскликнул я вслух, - на этот раз ты зашел чересчур далеко! Приготовься к ответу за свои дела!

Чистая бравада, разумеется. Однако этой ночью я спал крепко, зная, что теперь это уже не просто профессиональные трудности - это битва, и я останусь в ней до самого конца.

Сон является порой лучшим лекарством. Я проснулся в свой обычный час - семь утра - с готовым планом в голове. Может быть, мое подсознание умнее, нежели бодрствующее «я», или же, пока я храпел, меня осенило озарение. Как бы там ни было, я чувствовал себя в форме: сначала теплый душ, за которым последуют яйца и кофе, за которыми последуют действия.

В девять часов я уже сидел в своем «лейзи-бое», а еще двадцать минут спустя мама откликнулась на мой зов. Я вкратце описал ей события прошлого вечера, а затем спросил, не сможет ли она связаться с несколькими усопшими.

- Если они пережили смерть, я их отыщу, - заверила мама. - Когда и где они тебе понадобятся?

- Сегодня днем они нужны мне здесь. А вечером должны появиться на

Меррит-стрит.

- Приготовь мне выпить, милый, - отозвалась она, - и часик подожди.

К десяти двадцати я снова сидел в кресле, «олд-фэшэнд» стоял на столе, а шторы были задернуты. Вскоре из темноты начали проступать колышущиеся фигуры - сперва просто неясные очертания, которые затем наполнялись и становились все больше похожи на тела. Все они принадлежали мужчинам, что меня не удивило - южная рыцарственность не позволяла вешать женщин, кроме разве что самых отвратительных убийц. Мои посетители предпочли явиться не в полосатых тюремных робах - о которых они, скорее всего, хотели бы забыть, - но в той одежде, которую носили, когда были свободными людьми. На одних красовались помятые цилиндры трубочистов, на других - белые холщовые балахоны художников, на третьих - фермерские комбинезоны и фартуки. Большинство носило одежду, обычную для работающих бедняков: рубашки без ворота и грубые штаны на подтяжках, которые они, наверное, называли «помочами». Их лица были суровы и костисты - лица первопроходцев, какими являлись их деды. В затемненной комнате их глаза казались бледными пятнами, в особенности у чернокожих, составлявших, по меньшей мере, половину контингента.

- Парни, - сказал я вслух, - вы меня слышите?

Головы согласно наклонились.

- Правильно ли я понимаю, что все вы приняли смерть от руки Веллингтона Микса?

Мне ответил чернокожий - его голос уже привычным образом просочился в мою голову.

- Да, сэр. Мистер Микс покончил со всеми нами, истинно так.

Собравшиеся обменялись скупыми улыбками. Еще один из них, белый, с особенно грубым и морщинистым лицом, сказал:

- Сукин сын. Я, конечно, сам просил судью о смерти, но...

- Вы сами просили о смерти? - перебил я.

- Да, сэр, просил. Я застрелил собственного брата, когда мы поссорились за картами - нарезались оба до бровей. Ну и решил, что заслуживаю смерти, а судья со мной согласился. И вот стою, веревка на шее, готовлюсь просить прощения у бедняги Буббы, когда мы встретимся по ту сторону. И тут этот Микс, нет чтобы просто дернуть рычаг и покончить с делом, начинает свою проповедь - и голосок-то у него еще какой противный! - о том, что я должен «васкаяться», и тогда Иисус «пвимет» меня в объятия. Будто бы я только что не выслушал кучу этой ерунды от проповедника, пока меня вели к виселице!.. Ну, я взбеленился - понимаете, это ведь было мое шоу, а не его, - рявкнул из-под своего черного капюшона и объяснил Миксу, что он может сделать с собой и каким образом. И тогда он укоротил веревку - прокляни его Господь, я ведь чувствовал, как он ее подтягивает! И из-

за этого, когда он меня вздернул, шея у меня не сломалась, и я плясал в воздухе еще минут пять, прежде чем отключился.

Мне вдруг вспомнились дергающиеся, корчащиеся видения в доме Стива прошлым вечером. Посмертные сокращения мышц? Или же муки тех, кого Микс намеренно оставил задыхаться в петле? До сей поры палач представлялся, мне причудливым, довольно нелепым персонажем, место которому на страницах комиксов двадцатых годов, рядом с дедушкой Фокси и Тружеником Тилли. Однако эта фигура становилась все мрачнее по мере того, как я наблюдал устроенное им преследование моего клиента. Теперь я видел в нем чуть ли не дьявола, и его самодовольство и уверенность в своей правоте только ухудшали дело.

Я попросил парней составить мне компанию попозже этим вечером - мама покажет им дорогу, - оговорив, что нужно будет захватить с собой. Они отозвались угрюмыми смешками. Я прибавил, что, хотя и не могу вознаградить их, как они того заслуживают, но зато поставлю им выпивку. Ответом мне был очень странный звук - шорох и шелест, словно осенний ветер пробирался по полю, полному сухих кукурузных стеблей. Мгновение спустя я понял, что это такое: они мне хлопали! Еще бы, сколько времени им не случилось промочить глотку, беднягам.

После этого я позвонил Стиву, и сперва мне показалось, что он не будет участвовать в собственной вечеринке. Ослабевшим, унылым голосом он сообщил, что собирает вещи, намереваясь покинуть дом номер четыреста девятнадцать и переселиться в мотель. Я резко спросил его, неужели он такой трус, что откажется бороться за свой дом и семью. Услышав это, он взорвался гневной отповедью - хороший знак, - и я принес свои извинения. Дальнейшие переговоры привели к тому, что мы согласились встретиться у него дома в десять вечера. Он обещал попытаться уговорить нескольких членов группы «Смерти - смерть!» присутствовать, хотя питал мало надежды на то, что придут все, и совсем никакой, что Летти Лус вернется туда, откуда ее изгнал Микс.

- Ах да, еще кое-что, - прибавил я. - Запасите побольше кентуккийского бурбона, скажем, литров пять-шесть. Просто откройте бутылки и оставьте стоять.

- Терпеть не могу бурбон! - проворчал он.

- Вам его пить и не придется, - заверил я и положил трубку.

Редко у меня возникают причины чувствовать себя солдатом. Моя давнишняя военная служба прошла в форте Джексон, в Южной Каролине: меня отправили туда по призыву, и самыми кровожадными врагами, каких мне довелось там встретить, были комары. Теперешняя моя жизнь протекает еще более спокойно и уединенно, чем даже у Микса: он-то, по крайней мере, постоянно совершал небольшие

поездки то туда, то сюда, чтобы делать свою грязную работу, в то время как я никогда не покидаю Старый доминион, разве что загляну порой в Джорджтаун за покупками или пообедать. И однако, выходя этим вечером на улицу, чтобы отправиться на Меррит-стрит, я чувствовал себя совсем как хемингуэевский солдат перед боем - пересохла глотка, учащенный и неровный пульс, металлический привкус во рту. Сражаться с дьяволом, пусть даже мелким, - это не шутка, хоть я и рассчитывал на союзников и ощущал правоту своего дела.

Меня ожидали восемь членов «Смерти - смерть!» - все, у кого достало храбрости вернуться в дом, который они должны были вспоминать с ужасом и отвращением. Начав разговор, я понял, почему они пришли. Никому не нравится, когда его запугивают, и эти люди были очень, очень сердиты на Микса. Кроме того, если вспомнить их воззрения относительно смертных приговоров, он являл собой воплощение всего, против чего они боролись. Поэтому, хотя половина изначальных участников малодушно осталась дома, более сильная духом половина вернулась, чтобы встретиться лицом к лицу свои страхи, а заодно и палача.

Я предложил им высказываться не стесняясь, а сам уселся в линкольновское кресло-качалку в нескольких шагах от группы. Разговор вначале шел спокойно, но по мере того, как шардоне обходило круг за кругом, приобретал все более решительный тон. Они напоминали женщин, пострадавших от грубого обращения и нашедших в группе поддержки смелость открыто обвинить своих обидчиков. Вскорости о Миксе уже отзывались в выражениях, какие больше подошли бы для городского собрания, посвященного вопросам медицинского обслуживания, чем для респектабельного дома Стива. Три присутствовавшие дамы высказывались не менее откровенно, чем мужчины, а седовласая представительница «первых семей Вирджинии» даже заявила голосом, дрожавшим от мстительной ярости, что «этого мерзавца следовало бы повесить».

Я вовсе не удивился, когда свет в гостиной начал тускнеть - признаться, я этого и ждал. Откинувшись на спинку удобного кресла, я прикрыл глаза и отправил вызов маме. Когда я вновь поднял веки, в комнате царил темнота, не считая уже знакомого загробного свечения, излучаемого призраками усопших. Из сумрачного коридора, который вел к спальням, надвигалась мрачная шеренга чудовищных образов, а вокруг меня одновременно собиралась вторая армия, словно готовясь к бою.

Однако создания Микса, как я и предполагал, не были - ни сейчас, ни когда-либо прежде - настоящими мертвецами, существовавшими отдельно от его власти. Скорее, они представляли собой проекции его воспоминаний или извращенных мечтаний. Мои же призраки, напротив,

были реальнее грозовой тучи, и они решительно наступали, причем каждый нес перед собой яркий, сияющий образ петли, в которой он умер.

Мы, живые, теперь не имели значения. Духи проходили сквозь нас, как мы могли бы проходить сквозь дым. Они были полупрозрачны, так что даже в этой толпе противник оставался мне смутно виден. Я мог наблюдать, как Миксовы устрашающие фантомы съеживаются и тают в воздухе по мере того, как растет его страх, оставляя жалкого палача лицом к лицу с его жертвами. Вот они окружили его; вот он испустил полупридушенный вскрик; вот они сомкнулись вокруг него так плотно, что на мгновение он исчез из виду...

А затем и с лица земли. Вспышка, шипение и хлопок, какой раздается при взрыве отсыревшей шутихи - и он расслоился, возвратился в Великий Космос; любой из живых или мертвых мог бы сказать, что туда ему и дорога. Мы, живущие, поднялись с мест и взяли за руки, лишь сейчас заметив, что шесть бутылок бурбона, приготовленные Стивом, осушены до донышка.

Комментарий издателей «Журнала психических исследований»:

Мы представляем предшествующий отчет - обнаруженный на компьютере мистера Мартина его душеприказчиком - с определенными колебаниями, чтобы не сказать трепетом.

Автор являлся пожизненным членом этого общества и был известен всем нам как человек безукоризненно правдивый. Архивные экземпляры «Гринвуд-Фоллс Стандарт» подтверждают существование историй о «доме палача», в точности соответствующих изложенным в отчете.

Тем не менее Стивен Престон Джеймс (это псевдоним) отказывается комментировать очерк мистера Мартина и угрожает судебным преследованием, если мы опубликуем его истинное имя или настоящий адрес его дома. Члены группы «Смерти - смерть!» следуют примеру своего поверенного, заявляя, что если они прослышат «чудиками», может пострадать их правое дело - добиться отмены смертных приговоров. Попытки связаться со вдовой Летицией Лус остались безрезультатными: она покинула страну и, по слухам, живет теперь в Рио-де-Жанейро.

Так что убедительных свидетельств мы не имеем. Тем не менее издатели чувствуют себя обязанными опубликовать этот отчет не только в связи с его значительным интересом, но также и в память о мистере Мартине. Вслед за описанными здесь волнующими событиями наш старый друг и коллега вернулся домой, уселся отдохнуть в свой «лейзи-бой» и во сне отошел в мир иной, пав жертвой сердечно-сосудистого заболевания, характерного для его возраста и сидячего образа жизни. К истории было добавлено любопытное заключение, вдруг появившееся на содержавшем отчет

компакт-диске, - несколько строчек, которых там не было, когда диск в первый раз просматривали у нас в конторе. Возможно, это нечто вроде спиритического послания, подобного тем, какие получали медиумы прошедших времен на запечатанных грифельных досках? Вот как звучит этот постскриптум к нашей истории - возможно (а возможно, и нет), последние слова, которые нам суждено услышать от Джорджа Мартина:

«Не знаю, долго ли я спал после бурных событий прошлого вечера. Помню, что мне приснился какой-то короткий неприятный сон, а потом меня разбудил знакомый голос.

- Привет, мам, - сказал я, поднимаясь из кресла к потолку. - Вот будет здорово снова встретиться с тобой День благодарения!»

Опубликовано: «Журнал психических исследований», т. 92, № 2. Перепечатывается с разрешения правообладателей.

Перевел с английского Владимир ИВАНОВ

© Albert E. Cowdrey. Death Must Die. 2010.

Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

КЭЛИ УОЛЛЕС

БОТАНИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

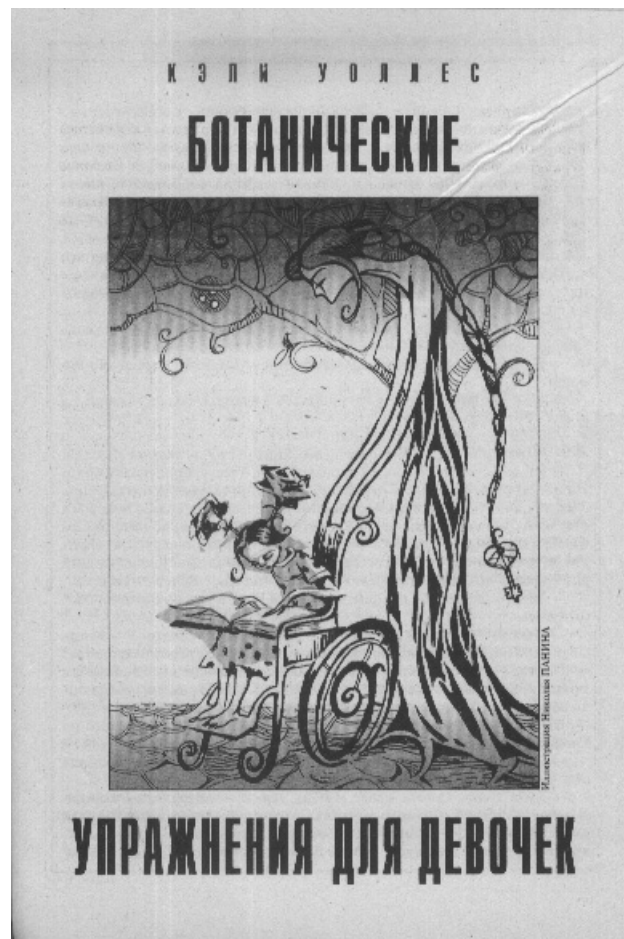

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Первые весенние листочки развернулись, когда утреннее солнце коснулось сада. Цепляясь за бархатные портьеры, Розалия сползла с кровати, скользнула в кресло, а уже в нем подкатила к окну. Окно не открывалось, и Розалия никогда не бывала в саду, но любила воображать, какое там утро: нежное и сырое, шумное от пения птиц. Вылупившиеся на темном дубе малиновки скоро встанут на крыло.

Между зарей и закатом сад за окном Розалии проходил все четыре времени года. Весна была в самом разгаре, когда дверь в комнату открылась, и шумно ворвалась мисс Утро: складки ее бурой юбки шелестели, а суставы поскрипывали при каждом шаге.

- Милочка! - Голос у мисс Утро был гнусавый и тихий. - Ты ведь знаешь: нельзя вставать самой. Можно пораниться.

- Не поранилась, - ответила Розалия. - Видите? У меня все хорошо.

Мисс Утро неодобрительно поцокала языком и резко развернула кресло Розалии от окна.

- Тебе нельзя вставать самой.

- Я только хотела посмотреть на весенние цветы, - сказала Розалия. Поставив кресло Розалии у кровати, мисс Утро уперла руки в боки.

На одной руке у нее была перчатка, и Розалия подумала, не поранилась ли она, а может, ее руки начинают меняться, как у мисс Вечер. Та обычно укладывала Розалию в кровать под конец дня, пока

за окном мягко падал снег, но однажды пальцы у нее скрючились, точно хрупкие веточки, и она не смогла расстегивать пуговицы. На следующий раз Розалии помогала мисс День. Больше она мисс Вечер не видела.

- Теперь давай тебя оденем, - сказала мисс Утро. - Сегодня особый день.

- Почему? - спросила Розалия. - Что случится сегодня? - Когда мисс Утро не ответила, она попросила: - Можно надеть розовое платье?

Платье было того же цвета, что и *Rosa chiromancia*, куст под окном Розалии, который расцветал и увядал рано. К тому времени, когда появлялась мисс Утро, все цветки с него опадали..

Но мисс Утро уже доставала из шкафа голубое. Расправив его на кровати, она смахнула пылинки.

- Пусть будет голубое. Любимый цвет профессора Лью, - сказала она. - Такого же оттенка, как твои глаза.

- Я не знаю, какого цвета у меня глаза, - возразила Розалия. В доме не было ни одного зеркала, а отражения в ночных стеклах смазывались, и Розалия видела только расплывчатое пятно, близкое, но всегда не в фокусе. - Мне бы хотелось розовое, пожалуйста!

- Голубое, - настаивала мисс Утро. - Это любимый цвет профессора. Дом принадлежал профессору Лью, и мисс Утро делала все возможное, чтобы ему угодить.

Розалия не шевелилась, пока мисс Утро ее одевала. Раньше она старалась помочь, но однажды разорвала нижнюю юбку, и понадобилось пять дней, чтобы у нее снова отросли руки после того, как мисс Утро их подрезала.

- Ну вот, - сказала мисс Утро. - Настоящая красавица.

- Не знаю, - протянула Розалия. - Можно мне посмотреться в зеркало? Мисс Утро хлопнула в ладоши.

- Пора завтракать! У тебя будет два часа с мисс День до прихода профессора Лью. - Она наклонилась к креслу, ее желтые косы мотнулись вперед, и Розалия уловила запах овсянки у нее изо рта. - Настоящая красавица.

Комната для завтраков располагалась в конце длинного коридора, украшенного картинами и набросками растений и животных. Одна дверь открывалась в сад, и каждый раз, когда мисс Утро провозила ее в кресле мимо двери, Розалия тянулась к резной ручке. Она никогда не могла ее достать.

Из утреннего зала не было видно сада. Окна выходили на квадратный двор, где прямо посередине росло одинокое дерево - *Salix lachrymose*, плакучая ива. В какие-то дни это был всего лишь зеленый побег, в другие - ива разрасталась больше *Quercus mortem* в саду; ее ветви становились такими тяжелыми, что, раскачиваясь, задевали белые каменные плиты. Сегодня ива была огромной, ее пятнистая тень

накрывала двор.

На столе ждали миска и ложка.

- Ешь, - велела мисс Утро. - Овсянка полезна для здоровья.

- Она мне не нравится, - сказала Розалия. - Она поковыряла овсянку ложкой, неохотно поднесла ко рту. Овсянка была серой, водянистой и невкусной, но это была ее единственная еда за день. - Почему мне нельзя чего-нибудь другого?

- Овсянка полезна для здоровья, - повторила мисс Утро. Потом резко повернулась и вышла из зала. Она никогда не оставалась надолго. Мисс День говорила, что она быстро устает.

В белом дворе длинные ветви ивы покачивались на мягком ветерке. Розалия попробовала вообразить, каково это - коснуться грубой коры дерева, подержать в руке камень, позволить песчинкам скользить между пальцев. Интересно, почему ни одна птица, пчела или жук не сумели пробраться из сада во двор?

Она съела только полмиски, когда услышала шаги мисс День. Вместо одной ноги у мисс День была отполированная палка с плоским деревянным ботинком на конце, и при ходьбе получался ритмичный пух-тук, пух-тук. Мисс День была выше и тоньше мисс Утро, но у обеих были одинаковое худое лицо, одинаковые желтые косы и одинаковые голубые глаза - под стать платью Розалии.

- Доброе утро, Розалия, - сказала мисс День и просияла. - Ты закончила завтрак?

Розалия оттолкнула овсянку.

- Она мне не нравится. Можно мне тост с медом?

Мисс День моргнула. Однажды она дала ей торт с медом, но прежде заставила Розалию поклясться, что она никому не расскажет, упирая на то, что мисс Утро и профессору нельзя это знать.

Розалия следила за худым лицом мисс День и ждала.

Наконец та сообщила:

- Сегодня особенный день. - Пальцы на повисших руках произвольно дернулись раз, другой, третий, прежде чем она их расслабила. - Я тоже не слишком люблю овсянку.

- Правда? - удивилась Розалия. Мисс День никогда раньше в подобном не признавалась.

Но мисс День уже сменила тему:

- Начнем наш урок?

Мисс День позволила Розалии самой вращать колеса кресла и покатиться по дому: сначала по одному длинному коридору, потом по другому в библиотеку, пыльную, знакомую и теплую на утреннем солнышке. Обрамленные желтыми занавесками высокие окна выходили на просторную лужайку, тянущуюся до шеренги деревьев вдалеке; за их верхушками маячили крыши и дымовые трубы, темные и угловатые на фоне неба. В библиотеке книги занимали все стены и

загромождали столы, а среди них в стеклянных шкафчиках красовались разные экспонаты: замороженные цветы, неестественно застывшие грызуны и птицы, крохотные деревца, растущие под кустами кричаще яркой травы.

Сняв с полок несколько книг, мисс День принесла их Розалии.

- Какой займемся сегодня?

Розалия переводила взгляд с обложки на обложку. Бабочки, птицы, цветы, лишайники - все их Розалия уже читала раньше. Она вздохнула.

- Я думала, сегодня особенный день. Можно нам заняться чем-нибудь другим?

- Сегодня особенный день, - сказала мисс День. Прижимая книги к груди, она покачнулась, переступив с ноги на ногу. - Но тебе нечего бояться.

У Розалии перехватило дыхание.

- Нечего бояться?

Выражение лица мисс День не изменилось.

- Какую ты хочешь?

- А чего я могу бояться? - спросила Розалия. Когда мисс День не ответила, Розалия указала на книгу «Полевой справочник». - Мне эта нравится... Я не боюсь. Что сегодня произойдет?

Мисс День положила книгу на стол.

- Будь осторожна. Это одна из книг профессора. - Так мисс День говорила каждый раз, но даже когда руки у Розалии были такие же неловкие, как у мисс Вечер, она не порвала ни одной страницы.

Розалия открыла книгу на титуле: «Полевой справочник экспериментальных садовых растений», а под заглавием шрифтом поменьше - имя автора: миссис П.Уорт. Здесь были картинки и описания всех до единого растений в саду профессора Лью, плюс еще много таких, которых Розалия никогда не видела. Розалия встречалась однажды с миссис Уорт, когда та приезжала поговорить с профессором. Она погладила Розалию по голове и улыбнулась, когда мисс День сказала, что Розалии очень нравится сад. Миссис Уорт обсуждала с профессором цветы позднего лета, но смотрела при этом только на Розалию.

В обычные дни мисс День читала вслух из какой-нибудь книги и требовала, чтобы Розалия слушала, пусть даже та уже знала большую часть того, что мисс День старалась ей преподать. Но сегодня мисс День сидела тихонько и молчала. Розалия перелистывала страницы, задержалась подольше на *Lupinus auguria*, *Syringa miraculous* и *Rosa chiromancia* и, делая вид, что изучает каждую картинку, подсматривала за мисс День. Дважды мисс День делала глубокий вдох, точно собиралась заговорить, но когда Розалия вопросительно вздергивала подбородок, только качала головой.

Когда мисс День открыла рот, вздрогнула и закрыла его в третий раз,

Розалия спросила:

- Вам нехорошо?

Губы мисс День задвигались, пальцы начали подергиваться. Розалия ждала.

- Это одна из книг профессора, - сказала мисс День.

Нахмурившись, Розалия перевернула страницу. На следующей был рисунок *Hedera helix potential*, того плюща, который льнул к кирпичной стене и обвивал сучья самых старых дубов в саду. Ветви были совсем тоненькие, но Розалия знала, что они много сильнее, чем кажутся.

- Он тебе нравится? - внезапно спросила мисс День.

Розалия отдернула руку. До нее вдруг дошел смысл слов мисс День: та никогда раньше подобного вопроса не задавала.

- Да, - ответила она. - Очень нравится. Хорошо, когда плющи карабкаются вверх.

- Этот всегда был моим любимым, - сказала мисс День.

Поежившись, Розалия сжала руку в кулак, чтобы мисс День не увидела, как она дрожит. Она даже не знала, что мисс День способна что-то любить.

- И мой тоже, - призналась она.

- Он растет в уголке сада, - продолжала мисс День, но смотрела за окно, ее голубые глаза не отрывались от неба за стеклом. - Он как занавес или пелена.

- За ним есть дверь.

Ранней весной, когда еще не распустились листья, и осенью, когда они уже опали, Розалия могла разглядеть за плетями плюща в углу сада деревянную дверь. Она не знала, куда та ведет, что лежит за высокой кирпичной стеной.

Мисс День погладила рисунок *Hedera helix potential*. Ее пальцы, более уверенные, чем у мисс Утро, и более длинные, чем у Розалии, зашуршали по странице.

- Будь осторожна, - сказала мисс День. - Это одна из книг профессора.

Остаток утра Розалия следила за мисс День, поглядывая то на ее лицо, то на руки, но мисс День ничего больше не сказала.

Когда часы в библиотеке начали бить полдень, мисс День встала.

- Теперь мы навестим профессора Лью.

Розалия опустила глаза, скрывая свое разочарование. Она так надеялась, что мисс День забудет, но та боялась профессора Лью не меньше, чем мисс Утро.

Мисс День собиралась уже вывезти Розалию из библиотеки, но у двери вдруг помедлила.

- Я хочу, чтобы ты кое-что запомнила, Розалия.

Розалия извернулась в кресле, чтобы на нее взглянуть. Мисс День все еще неотрывно глядела за окно.

- Тебе нечего бояться, - сказала мисс День с последним ударом часов.

- Что бы ни делал профессор, тебе нечего бояться.

- Я не понимаю, - сказала Розалия. Ей очень хотелось, чтобы мисс День на нее посмотрела. - Что собирается делать профессор?

Эхо часов смолкло. Мисс День взялась за спинку кресла Розалии и с непривычной силой вытолкнула его из библиотеки. Ее шаги гулко отдавались в длинных коридорах. Она ничего больше не сказала и на вопросы Розалии не обращала внимания.

Дверь в кабинет профессора Лью стояла открытой настежь, и когда они с мисс День вошли, у Розалии защекотало в носу от запахов пыли, чернил и плесени. Профессор сидел в своем кожаном кресле за письменным столом. Позади него прислонилась к окну миссис Уорт. Она была более или менее такой, какой Розалия ее запомнила: лицо не грубое и бурое, как у мисс День, а гладкое и бледное, как у профессора Лью, и волосы не желтые и заплетенные в косы, а русые и собранные в пучок, из которого выскальзывают пряди. Она улыбнулась Розалии, смущенно скривив губы.

Мисс День поставила кресло Розалии перед столом и с тихим пух-тук отошла в сторонку.

- Благодарю вас, мисс День, - сказал профессор Лью. - Можете идти.

Лицо у профессора было худое, волосы седые, и он никогда не улыбался. Розалия на секунду встретилась с ним взглядом, но быстро отвела глаза; ей не нравилось, как он за ней наблюдает. На столе профессора лежала открытая книга, стояли чернильница и небольшой портрет в серебряной рамке: маленькая девочка сидит на качелях в саду. Широкая улыбка, нескольких зубиков не хватает, щеки круглые и розовые, а светлые волосы перевязаны голубыми ленточками. Ногами она не достает до земли, и ее пальцы крепко сжимают веревки качелей. Розалия уставилась на портрет, чтобы не встречать холодный серый взгляд профессора, а на остальное в кабинете лучше вообще не смотреть. Полки заставлены стеклянными ящиками, как в библиотеке, но тут экспонаты слишком уж неприятные: цветы шевелили искривленными лепестками многих оттенков, плющи извивались и напирали на стенки ящиков, жуки из блестящего металла ползали по крошащимся поленьям. Ветки, похожие на руки, и сучки, скрюченные, как пальцы, подергивались в стеклянных клетках, заполняя кабинет неумолчным, беспокойным хрустом.

Розалия знала, что, если присмотрится чересчур внимательно, возможно, найдет здесь собственные руки, те, которые обрезала мисс Утро, когда разорвалось платье: они будут дрожать и подергиваться за грязным стеклом.

- Можете идти, - прервал профессор Лью затянувшееся молчание.

Мисс День перевела взгляд с Розалии на профессора Лью, потом снова на Розалию. На лбу у нее залегла тревожная морщинка, руки она стиснула в кулаки.

- Тебе нечего бояться, - сказала она.

- А что, есть какая-то проблема? - спросила миссис Уорт, поднимая бровь.

- Не глупите, - отозвался профессор Лью. Обмакнув перо в чернильницу, он записал что-то у себя в книге. На мисс День он не смотрел. - Никаких проблем. Ступайте, мисс День.

- Мне не страшно. - Розалия не хотела, чтобы мисс День волновалась. Прежде чем уйти, мисс День коснулась плеча Розалии.

Ритмичный пух-тук ее шагов замер в конце коридора.

- Что вам нужно? - Розалия заставила себя встретить взгляд профессора. - Что вы собираетесь делать?

- Поразительно, - сказала миссис Уорт. - Почти верилось, что она пытается принять участие в разговоре. Что её интересует?

- Объект, возможно, вообще не говорит, - сказал профессор Лью. Он отложил ручку и встал. - Мы не знаем, имеют ли смысл издаваемые им звуки. Возможно, он только воспроизводит услышанное. Как птица пересмешник.

Обойдя стол, он присел возле Розалии, опершись для равновесия одной рукой о колесо кресла. Он заглянул ей в глаза, в уши и в рот, взял одну ее руку и медленно согнул в кисти, постучал через ткань платья по коленкам и нахмурился, когда ноги не среагировали. Руки у него были влажные и теплые, дыхание душное. Розалия не отшатнулась: рутинный порядок осмотра никогда не менялся.

Миссис Уорт тоже обошла стол и нагнулась, чтобы почти нос к носу всмотреться в Розалию, достаточно близко, чтобы Розалия увидела золотые точки в ее карих глазах и уловила цветочный запах духов.

- Ты меня понимаешь? - произнесла она, медленно и четко выговаривая каждый слог.

- Конечно, я вас понимаю. - Секунду спустя Розалия вспомнила, что ей не полагается грубить гостям профессора Лью, поэтому добавила: - Рада снова видеть вас, миссис Уорт.

Миссис Уорт вздрогнула.

- Она произнесла мое имя?

- Вполне возможно, - отозвался профессор Лью. - Как я и говорил, объект очень умело имитирует звуки.

- Поразительно, - повторила миссис Уорт. Склонив голову набок, она посмотрела на профессора. - Такое поведение свойственно этой генерации?

- О чем вы говорите? - спросила Розалия.

- По моим наблюдениям, да, - сказал профессор, не обращая внимания на Розалию. - Оба уцелевших образца предыдущего поколения регулярно пользуются фразами, которым я их обучил, но сами усваивать и употреблять новые слова не способны. - Он нахмурился. - То есть предполагается, что не способны.

Миссис Уорт издала странный горловой звук, почти похожий на смех.

- Лучшие эксперименты всегда нас удивляют, Лью. Вы сами меня этому учили. Вы позволите этой созреть?

Профессор Лью посмотрел на Розалию.

- Не знаю, разумно ли, - сказал он. - Непредсказуемое поведение, которое продемонстрировали вторая и третья генерации, как будто проявляется еще отчетливее. - Он жестом указал на открытую дверь. - Уверен, вы заметили поврежденную нижнюю конечность? Мне не хотелось этого делать, но пришлось импровизировать, чтобы сохранить контроль, иначе неповиновение вошло бы в привычку.

Экспонаты на полках профессора Лью шуршали и царапались. Розалия так вцепилась в подлокотники кресла-каталки, что у нее заболели пальцы. Мисс День никогда не рассказывала, почему у нее не две ноги, как у мисс Утро и мисс Вечер, а Розалия никогда не спрашивала.

- И все равно, - говорила тем временем миссис Уорт, изучая лицо Розалии, - интересно было бы посмотреть, как последние усовершенствования будут развиваться в данном поколении.

Розалия спустила руки с подлокотников на колеса и с такой силой толкнула кресло назад, что миссис Уорт пришлось отпрыгнуть. Она нацелилась на дверь, но просчиталась и налетела одним колесом на косяк, а профессор Лью поймал кресло до того, как она успела сделать новую попытку. Он откатил ее назад к столу: от трения вращающихся колес стало горячо ладоням.

- Понимаю, что вы имели в виду, - сказала миссис Уорт. - Спасаться бегством - самостоятельная или привитая модель поведения?

- Я хочу уйти, - сказала Розалия. Она попробовала снова повернуть колеса, но профессор Лью крепко удерживал кресло. - Где мисс День? Я хочу назад, в библиотеку.

- Вы пытаетесь интерпретировать эксперимент до получения окончательных данных, - упрекнул профессор Лью. - То, что вы видите, просто аберрация, результат мелкого сбоя в эксперименте.

- Вы так в этом уверены? - протянула миссис Уорт. Она больше не улыбалась.

- Я бы не назвал последнее поколение совершенно никчемным, - продолжал профессор Лью. - Я возьму у этого экземпляра пробы тканей на почки для следующего.

Глаза миссис Уорт сузились.

- Когда планируете начать?

- Завтра, - сказал профессор Лью.

Розалии сделалось нехорошо: овсянка кислым комом поднялась из желудка, она не могла унять дрожь в руках.

- То есть после нашего разговора вы передумали? - спросила миссис Уорт. - Даже если вы не собираетесь позволить данной генерации

созреть, возможно, полезно было бы понаблюдать, как она станет взаимодействовать с незнакомой средой.

Профессор Лью посмотрел на Розалию, губы у него сжались в тонкую линию, и он сказал:

- Нет, я не передумал. Если хотите, можем проверить объект сейчас. - Он развернул Розалию лицом к двери. - Или вам сначала необходимо обсудить что-то еще?

- О нет, - сказала миссис Уорт, ее губы дернулись. - Мне бы не хотелось тратить ваше время. Мы пойдем в сад.

- В сад? - переспросила Розалия. - Вы повезете меня в сад?

Они не ответили. Взявшись за ручки кресла, профессор Лью вытолкнул Розалию в коридор. Розалия выпрямлялась все больше и больше, едва сдерживалась, и к тому времени, когда они достигли нужной двери, чуть ли не подпрыгивала на месте.

- Может, мы успеем посмотреть, как малиновки учатся летать, - сказала Розалия.

Миссис Уорт глянула на нее со слабой улыбкой, но промолчала.

- Я хочу увидеть вблизи *Quercus mortem* и *Lupinus auguria*, если он цветет, а еще *Pinus flammia*. Это сосна, которая растет как раз под окном моей комнаты. - Розалия прикусила губу. Миссис Уорт и так знает все эти деревья, они есть в «Полевом справочнике».

Профессор Лью достал из кармана пиджака связку ключей, побренчал ими, пока не нашел нужный: серебряный, с выбитым на нем силуэтом листа.

И распахнул дверь в сад.

- Зима начнется к чаю, - сказал он.

- Не беспокойтесь. - Миссис Уорт взяла у профессора ключи. - Я привезу ее назад до того, как похолодает.

Миссис Уорт толкнула кресло Розалии через порог, и впервые в жизни Розалия очутилась за пределами дома.

Сад буйствовал красками позднего лета. Пели птицы, шуршали листья, и Розалия слышала низкий гул, неровный и странный, а потом вдруг заметила толстого шмеля, который перелетал с цветка на цветок. Розалия глубоко вдохнула. Запахи влажной земли и свежей травы смешивались с ароматом цветов и чего-то более резкого с привкусом пряности, которую Розалия не могла распознать, хотя почти чувствовала на языке. В вышине сад накрывали прозрачные стеклянные панели, и через них Розалия видела облака - белые пятнышки в голубом небе.

- Мне подумалось, что тебе захочется изучить сад, - сказала миссис Уорт. - Это совсем не то, что через окно.

Не в силах говорить, Розалия кивнула. Красная бабочка села на желтый цветок у края дорожки, ее крылья раскрывались и закрывались в ритме настолько медленном и мерном, что Розалия поймала себя на

том, что дышит в такт.

- Расскажи, что ты обо всем этом думаешь.

Миссис Уорт остановилась возле кресла, так что ее тень легла на лицо Розалии, она протянула камешек, совсем маленький, чтобы уместился в ладони Розалии. Розалия сжала на нем пальцы, потеряла большим тусклую серую поверхность.

- Холодный. - Она искала слова, чтобы его описать. - Тяжелый, но маленький. Как он стал таким круглым? Можно пощупать другой?

- Поразительно, - сказала миссис Уорт. Ее карие глаза посверкивали в солнечном свете.

Всю вторую половину дня, пока лето перетекало в осень, миссис Уорт находила разные предметы и, предложив Розалии, спрашивала, что она о них думает, и слушала так, словно понимала каждое слово. Она давала Розалии мягкие зеленые листья и шелковистые цветы, разноцветные камешки и горсти влажной земли. Из каприза Розалия положила один лепесток в рот; вкус у него был острым и горьким, и она рассмеялась от удивления, но тут же выплюнула. Миссис Уорт отламывали кусочки коры с деревьев: грубые и твердые или сухие, как бумага, или колкие и острые, чтобы Розалия вертела их в руках, удивляясь разнице текстур.

- Каково это? - всякий раз спрашивала миссис Уорт. - Тебе нравится?

С ее лица не сходило терпеливое, озадаченное выражение, и Розалии казалось, будто миссис Уорт так же изумляется всякой всячине сада. Она приносила все, на что указывала Розалия, и никогда не отталкивала ее руки.

Розалия делала, что могла, лишь бы ответить. Она знала: ей ни за что не увидеть многоцветия сада за какие-то несколько часов.

Миссис Уорт поймала для Розалии кузнечика. Насекомое отчаянно билось в ее неплотно сжатых пальцах, пока она его не отпустила. Потом миссис Уорт скрылась в тенистом уголке и вернулась, уместив в сложенных лодочкой руках лягушку. Зная земноводных только по рисункам в книгах профессора Лью, Розалия никогда бы не подумала, что лягушка умеет так быстро двигаться: вот она сидит в руках, скользкая и дышащая, а вот с резким кваком прыгает и исчезает в траве. Рассмеявшись от радости, Розалия протянула руки за следующим существом.

Но это оказалась сломанная ветка. Дерево было сухим и твердым, знакомым под пальцами Розалии. Ее пробрала нервная дрожь, когда миссис Уорт взяла ее руку и закатала рукав платья.

- Видишь? - спросила миссис Уорт.

Розалия выдернула руку. Она была морщинистой и с извивами, как на ветке, но ветка была жесткой и неподвижной и того же тусклого бурого цвета, какой сделалась мисс Вечер перед тем, как перестала приходить каждый вечер в комнату Розалии. Ветка была мертвой.

Розалия ее оттолкнула. Подумав, миссис Уорт швырнула ветку в кусты. Взгляд Розалии задержался на дальнем уголке сада, который не был виден из окна ее спальни. Там, в тени толстого дуба, росло маленькое деревцо. Розалия не знала, к какому виду оно относится. Усталый излом его ветвей напомнил ей сгорбленную спину мисс Вечер.

Осень вступила в свои права. Миссис Уорт срывала красные, оранжевые и золотые листья, пока они еще не успели упасть, и не била Розалию по рукам, когда та их ломала. Подступила зима, и в животе у Розалии возникло холодное, неприятное чувство. Она избегала смотреть на дверь дома.

Когда солнце опустилось за стену сада, Розалия поежилась и потеряла локти.

- Замерзла, милая? - спросила миссис Уорт.

Розалия покачала головой. Времена года сменяли друг друга, и каждая минута убегала слишком быстро. Розалия знала, что едва войдет внутрь, она больше не увидит сад.

С легкой улыбкой миссис Уорт сняла жакет и накрыла им колени Розалии.

- Ну вот, - сказала она. - Мы можем остаться еще ненадолго. Но не слишком. Едва солнце сядет, погода станет непредсказуемой. Я никогда не могла разобраться в динамике зимы.

Миссис Уорт снова покатила кресло Розалии по дорожке. От ее жакета пахло бумагой и кожей, чуть похоже на библиотеку, и Розалия ощутила вес связки ключей профессора Лью.

- Подождите! - Розалия вцепилась в колеса своего кресла. Дерево терлось о ее ладони, пока миссис Уорт не остановилась. - Хочу увидеть малиновок. - Розалия посмотрела снизу вверх на миссис Уорт. - Они у черного дуба. *Quercus mortem*. Вот там.

Миссис Уорт посмотрела в том направлении.

- *Quercus mortem*? Ну что ж, столько-то мне понятно, - сказала она. - И я тоже люблю его больше всех.

Прямого пути к черному дубу в углу не было. Им пришлось обогнуть сад и съехать с мощеной дорожки на присыпанный галькой участок, на котором кресло Розалии отчаянно дребезжало. Черный дуб стоял поодаль от остальных деревьев. Плющ обвил его ветки и карабкался по кирпичной стене, пряча за завесой осенних листьев дверку, которая так нравилась мисс День.

- Ближе нам не подобраться, - сказала миссис Уорт.

- Хочу посмотреть гнездо, - не отступала Розалия. И в ответ на вопросительный взгляд миссис Уорт указала: - Оно там, вон на той ветке.

- Не знаю... - засомневалась миссис Уорт. - Но пойду посмотрю.

Она сошла с дорожки, чтобы пробраться к дубу. Едва она повернулась спиной, Розалия нашарила в карманах жакета связку профессора Лью.

Много ключей, но только один серебряный и помеченный листом. Резко повернув, Розалия сняла его с кольца и спрятала под складками платья. Проверив, не следит ли за ней миссис Уорт, она осмотрела остальные. Один, медный и более тусклый, не такой начищенный, как остальные, был помечен отпечатком сплетенного плюща. Розалия сняла и его тоже, а потом вернула связку в карман жакета миссис Уорт. Ее пальцы сжались среди складок на украденных ключах. Те были маленькими, твердыми и теплыми на ощупь.

На дорожку миссис Уорт вернулась со скорлупкой от крошечного голубого яйца малиновки.

- Гнездо уже опустело, - сказала она. Ей как будто было жаль. - Но смотри, что я нашла.

Розалия протянула руку к скорлупке. Половинка с заостренными на вид краями была мягкая-премягкая и невероятно легкая.

- Спасибо.

- Что у тебя там? - спросила миссис Уорт.

- Ничего, - отрезала Розалия.

Миссис Уорт коснулась сжатого кулака Розалии, и Розалия его отдернула, натянув складки платья над спрятанными ключами, и от неожиданности непроизвольно раздавила скорлупку в другой руке. Миссис Уорт с мгновение смотрела на нее пристально.

- Ты действительно удивительная. - Она достала из кармана связку, но ключи не пересчитала, даже не посмотрела на них.

Миссис Уорт повезла ее назад по дорожке, и Розалия бросила обломки скорлупы на землю. Когда они достигли двери, большая часть листвы уже попадала с деревьев.

За порогом их ждали профессор Лью и мисс День.

- Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено? - спросил профессор Лью.

Миссис Уорт коснулась плеча Розалии.

- Мне эти несколько часов многое прояснили. Вы даже не догадываетесь, Лью, какое интересное создание вы сотворили.

- Следующее будет еще лучше, - сказал профессор Лью и повернулся к мисс День: - Можете увезти объект.

Розалия молчала, когда мисс День покатила ее кресло назад в спальню. Она не говорила ни о цветах, ни о листьях, ни об их мягкой, чуть восковой поверхности: такой глянцевой упругости она никак не ожидала. Она не пыталась описать, каков на вкус воздух в саду и как сам сад не похож на дом. Она крепче сжала в кулачке ключи и сглотнула ком в горле, когда мисс День закрыла дверь спальни.

- Длинный выдался денек, - сказала мисс День. Она всегда так говорила, когда привозила Розалию назад. - Я рада, что ты столько узнала сегодня на уроках.

- Я видела красную бабочку, - сказала Розалия. Мисс День поставила

ее кресло у окна. Шел снег, и дневной свет почти совсем угас. - Я не знала, как она называется.

- Для этого и нужны уроки.

- Хотелось бы, чтобы вы пошли со мной.

Мисс День резко отступила на шаг, но Розалия схватила ее за рукав.

- У меня для вас кое-что есть, - сказала, она. Раскрыв ладонь, она показала два ключа.

Повисшие руки мисс День подрагивали. Она даже не шелохнулась, не попыталась забрать ключи.

- Где ты их взяла?

- Один для меня, - сказала Розалия. - Другой для вас. Я сегодня ночью вернусь в сад. - Она сжала кулак.

Настала ночь, в окне Розалия видела отражения, свое и мисс День, - два размытых силуэта на фоне темной садовой стены. Розалия задумалась: а каков снег на вкус, на запах, будет тяжелым или мягким, сырым или колким, издает ли он какой-нибудь звук, когда падает на деревья и дорожки сада?

- Что профессор Лью сделал с мисс Вечер? - спросила она.

Мисс День резко подняла руку, потом уронила снова.

- Долгий выдался денек, - сказала она. - Давай тебя разденем.

Но она не пошла к шкафу за ночной рубашкой и не помогла Розалии пересесть из кресла на кровать. Повернувшись на каблуках, она вышла из комнаты и с громким хлопком закрыла за собой дверь. Щелкнул замок, и пух-тук, пух-тук ее неровной походки эхом раскатился по коридору.

Розалия резко развернула кресло от окна, так что колеса громко скрипнули на деревянных половицах. Подкатив к двери, она подергала ручку, толкала и тянула - и сдалась, лишь когда убедилась, что не может ее открыть. Единственным выходом оставалось окно. Розалия глянула на него, ее сердце тяжело ухало. Взгляд упал на белую лампу на тумбочке у кровати. Снова преодолев комнату, она схватила ее. Лампа оказалась тяжелее, чем она думала, а фарфор - холодным на ощупь.

Розалия не мешкала ни минуты. Установив кресло поближе к окну, она занесла лампу над головой и изо всех сил швырнула в стекло.

Лампа разлетелась. Осколки фарфора посыпались на пол брызгами дождя.

А окно не разбилось.

За призрачным отражением Розалии снег укутывал сад застывшим саваном, смягчавшим каждую грань, льнул к каждому стеблю, к каждой ветке. Зима не согреется в весну еще много часов.

Она не знала, сколько прошло времени, как долго она смотрела на укрывший сад снег. Когда лязгнул замок и дверь отворилась, Розалия ничуть не удивилась: на пороге стояла мисс День.

- Нам нужно в сад, - сказала Розалия.

Мисс День сжала и разжала кулаки, ее пальцы ритмично поскрипывали.

- Нужно, - повторила Розалия. Толкая колеса кресла, она покатила мимо мисс День к двери. - Он заберет вас, как забрал мисс Вечер. Мы должны идти.

В коридорах было пусто, тишину нарушали только стук шагов мисс День и тихий рокот кресла Розалии. Сердце Розалии болезненно ухало, она то и дело оглядывалась. Она не знала, где спальня профессора Лью, не ведала, услышит ли он, но не поворачивала назад, и мисс День не пыталась ее остановить.

Когда они достигли нужной двери, Розалия вставила в замок серебряный ключ. Замок щелкнул, и ручка легко повернулась.

Розалия охнула при первом вдохе томительного зимнего воздуха, но, вращая колеса, перевалила кресло через порог.

- Ну же, мисс День. Я хочу потрогать снег.

Снежинки падали медленными, ленивыми кругами. Розалия протянула руки, снег... он как исчезающие уколы холодными иглами... Она запрокинула голову. Стекло крыша была темнее и более плотной, чем раньше, словно стекло покрывало что-то темное и гладкое. Мисс День спотыкалась и оскальзывалась на дорожке, деревянный ботинок цокал по наледям. Сад зимой был темным, холодным и странным - чужим, пусть даже Розалия знала, что поменялось только время года. Ветки низких кустарников цепляли ее за платье, и колеса скрипели на заиндевелой палой листве. Не оглядываясь, она катила по дорожке.

С плюща в углу сада облетели листья - если не считать нескольких, самых упорных. Мисс День помогла Розалии перебраться с мощеной дорожки на гравий, а после - на ухабистую землю. Когда они достигли двери, мисс День взяла у Розалии медный ключ и, раздвинув плети плюща, отперла замок. Ухнув с натуги, она потянула дверь на себя. По ту сторону дорожка продолжалась. Там не было ни снега, ни палой листвы, ни мертвых цветов или кустарников. Теплым воздухом пахло из открытой двери.

Розалия покатила вперед. Ветерок щекотал ей лицо и играл волосами. Внешнюю стену сада укрывали плющ и ползучие розы. Луна светила серебром, такая яркая, какой никогда не была в окне спальни. Розалия всматривалась в нее, пока у нее не начало резать глаза.

Она оказалась за пределами дома и сада.

Когда она оглянулась, мисс День стояла на пороге, потирая локти, глаза у нее были темные и расширенные.

- Все хорошо, - сказала Розалия. - Тут тепло.

- А я спрашивала себя, решишься ли ты уйти сегодня ночью?

Розалия охнула, когда из теней у стены вышла миссис Уорт.

- Я рада, что ты решилась, - сказала она и огляделась. - И вы тоже, мисс День. Я увезу отсюда вас обеих.

- Долгий выдался... - Мисс День моргнула, пожевала губами. Она все еще держала в руке медный ключ.

Розалия никогда не слышала, чтобы голос у мисс День был таким испуганным, даже когда она рискнула противостоять профессору Лью, даже когда профессор заговорил о том, чтобы создать другую девочку, лучшую, чем Розалия: ее бы учили каждый день в библиотеке. Розалия спросила себя, что сделает мисс Утро, когда ворвется в комнату одевать ту, которой там нет: с рассеянной веселостью она обратится к пустоте, когда будет доставать из шкафа розовое платье и проверять, не порвано ли оно.

- Нет, - твердо сказала Розалия. - Я назад не вернусь.

- Вот и хорошо, - отозвалась миссис Уорт.

Мисс День задрожала.

- Розалия, - позвала она.

- Я хочу увидеть мир снаружи, - сказала Розалия. - И мне очень хочется, чтобы вы пошли со мной. Чтобы вы рассказали мне, как все называется.

Решительно толкая кресло, она покатила прочь от садовой стены. Миссис Уорт пошла с ней рядом, положив руку на спинку кресла. В лунном свете все казалось прохладным и ярким, а воздух был теплым, влажным и полнился стрекотом цикад и шепотом листьев на легком ветерке.

Дверь, закрываясь, скрипнула, но Розалия не оглянулась. Неровный пух-тук шагов мисс День сопровождал ее по дорожке.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

©Kali Wallace. Botanical Exercises for Curious Girls. 2010.

Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy&Science Fiction».

АННА КАНЬТОХ

МИРЫ ДАНТЕ

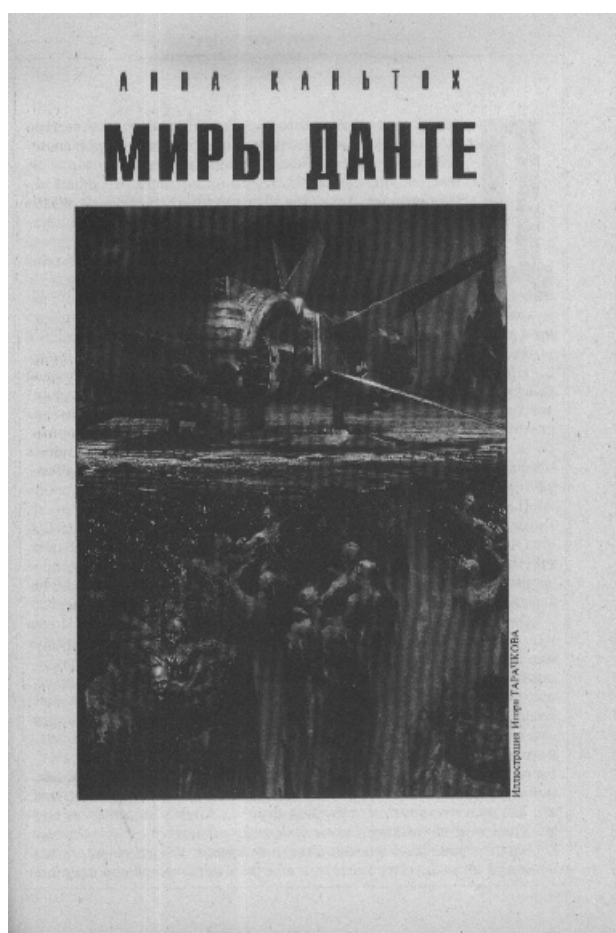

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Данте-3 трансформировался. Красный камень и черный металл непрерывно меняли форму, чудовищным и готескным образом подражая очертаниям животных и людей. Быстрее, медленнее, опять быстрее. Слева от Софии металлический куст с острыми как бритва листьями плавно преобразился в тощее, похожее на волка существо, неуклюже пошатывавшееся на восьми паучьих ногах. Справа возникли похожие на ободранные руки и ноги колонны с пульсирующими красными полосками мышц и черными жилами. София мимоходом взглянула на них, не замедляя шага. Соединятся они, образуя арки, а затем какую-то сложную конструкцию, или, возможно, будут становиться все тоньше и выше, пока не достанут до неба?

При мысли о небе она машинально подняла взгляд. Над головой был темно-синий свод с красными и желтыми полосами, заливавшими трансформирующийся мир неестественным, почти сказочным светом. Но спокойствие его было обманчивым - аура могла смениться за несколько секунд, и тогда небосклон начинал пылать, словно озеро бензина, после чего надвигался огненный шторм или горячие, желтые от серы дожди.

По словам Вергилия, погода сегодня ожидалась хорошая, что на Данте-3 означало температуру в сорок с небольшим градусов, но София на всякий случай облачилась в термоскафандр. На этом ее

благоразумие заканчивалось, поскольку тяжелый, ограничивавший поле зрения шлем с кислородным аппаратом она повесила на пояс, рассчитывая, что в случае чего всегда успеет его надеть. Вероятно, успеет.

Она шла осторожно, стараясь не оглядываться по сторонам. Почва пульсировала под ее ногами, готовая в любой момент взмыть в воздух или провалиться, а София чувствовала себя словно в парке аттракционов, где надо было ходить по движущимся доскам. Два шага вперед, шаг назад, держать равновесие, вбок и снова вперед, визжа и хохоча вместе с остальными ребятами. Те доски перемещались быстрее, чем почва на Данте-3, но и София была тогда моложе. Намного, намного моложе. Еще недавно она считала себя женщиной среднего возраста, и даже - когда особенно хорошо себя чувствовала - женщиной в расцвете лет. Теперь же она начинала привыкать к мысли о том, что она просто старуха, а старухи быстро устают, и у них хрупкие кости. Упав, она, возможно, уже не сумела бы подняться.

Ветер усилился, донося отдаленные крики. Смрад горящих тел, несмотря на маску, пробирался в ноздри и оставлял во рту неприятный липкий привкус. Смыв его глотком теплой воды, София вздохнула и сдвинула очки со лба на глаза. Благодаря им она могла что-то видеть, хотя вокруг потемнело от частиц пепла.

Перед ней возвышалось ажурное сооружение, нечто вроде заброшенного на середине строительства металлического собора. Его изображение на внутренней стороне очков высвечивалось в виде красных пульсирующих линий, но София знала: на самом деле оно черное - словно уголь или адская смола.

София ускорила шаг. Мокрые от пота волосы липли ко лбу, легким не хватало воздуха, болела поврежденная лодыжка. И тем не менее она шла все быстрее, лишь бы двигаться вперед, лишь бы убежать от страха и сомнений, преследовавших ее с тех пор, как она покинула станцию.

Остановилась она лишь на мгновение.

Собор трансформировался в скелет допотопного чудовища, аркады превращались в ребра, колонны - в берцовые кости, а фасад вытягивался в длинный, полный острых зубов череп.

Негромко выругавшись, София вошла внутрь.

Там было прохладнее, а также темнее, поскольку к огненному сиянию добавлялись подвижные тени изменяющегося сооружения.

- Терри? - она снова сдвинула очки на лоб, сняла маску и крикнула, надеясь, что в ее голосе не слышно паники: - Где ты? Ты не должен ходить сюда один! Здесь опасно!

Черно-белый пол под ее ногами выглядел почти как идеальная шахматная доска. Почти - потому что края некоторых плиток уже начали размываться. Когда они всей группой были здесь в последний

раз, на полу виднелось двенадцать концентрических, попеременно черных и белых окружностей, заморозивших Терри.

- Ты здесь?

Она нашла его в месте, которое все еще можно было назвать боковым нефом. Естественно, таковым оно никогда не являлось, но чужие, постоянно трансформирующиеся элементы Данте-3 казались не столь враждебными, когда в них удавалось найти знакомые черты.

Терри сидел к ней спиной, склонившись над чем-то, чего она не могла разглядеть. София с ужасом заметила, что на нем лишь синие брюки и рубашка, которые носили на станции ученые. Он явно над чем-то трудился - рук она не видела, но об этом свидетельствовали движения плеч. Возможно, испортился кислородный аппарат, подумала она, глядя, как по красной от ожога шее перемещается тень трансформирующейся аркады. Возможно, он взял с собой хотя бы аппарат.

Однако ее удивляла окутывавшая его тишина. Ни лязга металла, ни ругательств, которыми обычно сопровождается борьба с упрямой техникой. Руки Терри были чем-то заняты, но, судя по всему, не ремонтом.

- С тобой все в порядке? Нужно уходить, посмотри... - она замолчала. Страх наконец настиг ее и схватил за горло. Черные блестящие металлические кости изгибались, приближаясь к ним с каждым мгновением.

Обернувшись, Терри вытянул к ней руки, потирая их, словно актриса, репетирующая роль леди Макбет.

- На моих руках кровь, - очень спокойно произнес он, словно тщательно все продумал и пришел к выводу, что слова эти окажутся самыми уместными.

- Вижу, - тихо ответила она.

- Здесь еще больше крови.

Действительно, широкие размазанные красные полосы пятнали белизну шахматных квадратов, ведя дальше, в глубокую холодную тень, где лежало тело Моаны. Ноги ее были опутаны металлическими побегими, один из которых, раздирая скафандр, упрямо полз в сторону паха. Это оказалось столь непристойным, что София с трудом заставила себя не отводить взгляд. Вытянув руку, она коснулась холодного лба - под копной спутанных, слипшихся от крови волос череп девушки напоминал раздавленную яичную скорлупу.

- Это я ее там положил, - Терри замолчал, а потом показал на увеличивавшуюся щель, через которую проникало огненное сияние. - В тени, а то свет бил ей в глаза. Я ведь правильно сделал, да?

Станным, почти детским жестом он приложил к губам палец, которым только что показывал на небо. Лицо его тоже сильно покраснело, и София подумала, что ему не помешал бы холодный компресс. А потом

еще и о том, что кроме компресса ему не помешал бы и хороший психиатр. Не сейчас, поскольку было уже слишком поздно, но намного раньше.

- Терри, - прошептала она, закрыв глаза.

Он кивнул, словно послушный ученик, размышляющий над словами учителя. Даже морщины на его лице разгладились, и оно выглядело совсем юным. Взгляд глаз с расширенными зрачками был устремлен куда-то вдаль. Положив руки на колени, он рассматривал их, словно видел впервые в жизни.

- Это должно было случиться, - помолчав, тихо сказал он. - Я давно понял, что у кого-то из нас в конце концов не выдержат нервы.

София молчала, не в силах найти слов.

Терри медленно поднял взгляд.

- Это уже конец, да? - спросил он.

Двумя днями раньше.

«...все хуже, еще немного, и начнем вцепляться друг другу в глотки. С одной стороны, досаждают невозможность побыть наедине, поскольку чаще всего мы находимся все вместе на станции, где слишком мало места; с другой - нам редко хватает смелости, чтобы пойти куда-нибудь в одиночку, даже если расстояние составляет всего полтора десятка шагов. И дело вовсе не в благоразумии или предписаниях Корпорации, которыми мы порой пренебрегаем, но именно в страхе, самом простом и самом примитивном. Когда ветер усиливается, здесь слышны крики из Бездны, а в воздухе носится пепел и смрад горящих тел. Все постоянно изменяется, и уже само это становится пыткой, поскольку наш разум требует опоры на что-то устойчивое, а здесь ничего такого нет. По крайней мере снаружи, ибо, само собой, есть станция, стоящая на амортизированных опорах и оборудованная датчиками, постоянно отслеживающими состояние почвы. Если поверхность, на которой мы стоим, начнет слишком резко трансформироваться, управляемые компьютерами двигатели поднимут нас и перенесут в более спокойное место. На это требуется множество энергии, но, по крайней мере, у нас есть некоторое ощущение безопасности.

Наш энтузиазм быстро сменился психическим истощением. Вначале мы искренне верили, что именно мы спасем человечество и станем героями. Наивно, да? Теперь же мы попросту устали. Все чаще - когда мы не ссоримся - заходит разговор о возвращении домой. Врата откроются через пять дней (на самом деле здесь нет ни дней, ни ночей, но мы продолжаем отсчитывать время по земному исчислению), и это поддерживает в нас надежду. Нас не пугает даже тот факт, что ситуация на Земле ухудшается с каждым мгновением. Уже когда мы прибыли на Данте-3, дела были плохи, а теперь еще хуже. И тем не менее мы хотим вернуться - пусть другие займут наше место, и пусть

они борются за спасение рода человеческого. С нас хватит.

У меня все более или менее прилично. Физически я чувствую себя хорошо, особенно для моего возраста. Мне не советовали отправляться на «тройку», но я настояла, а поскольку мой покойный муж был зачинателем проекта Врат, никто не осмелился мне запретить. Я не жалею о своем решении, несмотря ни на что. Мое душевное состояние куда лучше, чем у остальных, поскольку, будучи лингвистом, я никогда еще не спускалась в Бездну и чаще всех из нашей группы остаюсь одна на станции. Тогда у меня появляется немного времени для себя, и это помогает сохранить равновесие.

Начо Йенг спокоен, что кажется почти неестественным, когда все вокруг кричат. Он постарел в последние дни, а стоит мне заглянуть в его глаза, как я вижу огромную боль и еще большую усталость. Несмотря на это, он все еще в состоянии поделиться с другими своим теплом. Само его присутствие действует на нас успокаивающе. Начо даже не приходится что-либо говорить. И почему я не встретила этого человека тридцать лет назад?

Моана Мерида тоже неплохо держится. Она беспристрастна и безгранично верит в науку...»

София замолчала, не вполне уверенная, стоит ли продолжать. Это был не официальный отчет, лишь личный дневник, но вполне возможно, что когда-нибудь она решится его опубликовать. «Ладно, в крайнем случае сотру неудобные фрагменты», - подумала она.

«Моана Мерида - словно доктор Менгеле в юбке. Господи, как это звучит - все на М... Похоже, я начинаю сходить с ума, если меня забавляют такие вещи. А от этой ассоциации мне никак не избавиться. Ибо какое имя можно присвоить тому, кто называет возгорание в Бездне людей «интересными случаями»?

Что же касается капитана Пеньи, то, честно говоря, до сих пор не знаю, как к нему относиться. Несомненно, он прекрасный солдат, но в его образе «жесткого мужика» есть нечто слегка фальшивое, как будто он носит маску - такую, правда, в которой хорошо себя чувствуешь, но все-таки маску. Я пыталась несколько раз под нее заглянуть, но добиралась лишь до очередных масок - галантного джентльмена, преданно защищающего женщин, любящего мужа, ежедневно посылающего сообщение жене, или богобоязненного христианина, не теряющего веры даже в аду.

Не знаю, скрывается ли где-то под этими масками настоящий Эмилио Пенья, и, честно говоря, меня это перестало волновать. Самое главное, что капитан поддерживает своих подчиненных в хорошей форме (прежде всего имеется в виду душевная кондиция, не физическая). Все они молодые люди - с моей точки зрения, почти дети, которые еще не начали жить, - и никто из них не заслужил того, чтобы оказаться в таком месте. Я мало что о них знаю, поскольку чаще всего

они находятся в своей части станции, в общем зале, где играют в карты или в кости. Они напуганы, но притом безгранично верят своему командиру, которому доверяют словно Богу, и за это, пожалуй, я испытываю к Пенье определенную симпатию. Тот, кто вызывает подобные чувства, наверняка порядочный человек.

И наконец, Терри Кассоу, мой брат.

Его состояние хуже всего. Я жалею, что поддалась на его просьбы и поручилась за него. Господи, только попадись мне тот психолог, что дал ему характеристику «эмоционально устойчив», я бы ему все волосы на голове выдрала!

Лалита умерла пять месяцев назад, а он взял с собой Конструкт индивидуальности Тирла, ту самую игрушку для богатых и несчастных, которую люди называют КИТ. Лалита прошла сканирование, когда ей исполнилось двадцать, и никогда его не обновляла, так что теперь они представляют собой своеобразную пару - молоденькая женщина, почти подросток, и седеющий, сморщенный мужчина, который объясняет, что он ее любимый муж, тот самый, которого она помнит полным сил юношей. У меня складывается впечатление, что по прошествии пяти месяцев Лалита все еще не до конца в это поверила и уж наверняка эту перемену не одобрила. Порой, когда она смотрит на Терри, в ее глазах я читаю неуверенность, страх и даже отвращение. Я помню Лалиту с тех времен, когда ей было двадцать - упрямую, сумасбродную девушку из числа тех, кто искренне верит, что свет принадлежит молодым и лучше умереть до тридцати. КИТ, правда, всего лишь голографический, бестелесный дух, но он обладает ее личностью, а та никогда не приняла бы постаревшего Терри.

Подозреваю, что Терри с самого начала об этом знал и перед запуском программы велел внести в нее ряд модификаций. Потому Лалита столь пассивна, не плачет, не кричит, не скандалит, лишь мягко улыбается, когда Терри с ней заговаривает. А говорит он непрерывно, за исключением тех немногих моментов, когда находится за пределами станции, вверяя жену моей опеке. Я ношу браслет Тирла на руке, но редко его активирую - пусть личность Лалиты остается в спящем состоянии, я сыта по горло ее обществом.

Точно так же я сыта по горло - как и все мы - эмоциональным эксгибиционизмом Терри. Его не заботит, слышит его кто-то или нет, а поскольку станция небольшая, нам негде скрыться от потока слов, которые он извергает. Любимая то, любимая это, мы снова вместе, мое сокровище, и все будет хорошо... как будто, черт побери, может что-то быть хорошо, если Лалита мертва. В иной ситуации, возможно, мы бы ему сочувствовали, но сейчас он нас лишь раздражает, захлестывая своими большими эмоциями и вынуждая участвовать в этой пародии на любовь. А за раздражением приходит злость на него и его чертов Конструкт. Я тоже раздражена, но при этом их жалею.

Лалиту, поскольку она сперва умерла, а затем изувечили ее личность, и Терри, который отчаянно делает вид, будто модифицированный КИТ - его любящая жена...»

София обессиленно замолчала. Она понимала, что в последнем фрагменте позволила себе дать волю чувствам, и решила в будущем держать себя в руках. Ей нравилось считать себя хладнокровной, рассудительной и уравновешенной.

- Вергилий?

ДА, - компьютер обладал мягким, вызывавшим доверие голосом психоаналитика.

- Запиши это, а потом покажи обзор прессы.

Она была единственной на станции, кто еще следил за поступающими с Земли новостями. Остальные слишком боялись того, что услышат.

СВЫШЕ ТРИДЦАТИ ТЫСЯЧ УМЕРШИХ В ТОКИО, ОРЛЕАН - ГОРОД ДУХОВ, ЭПИДЕМИЯ ПЕРЕСЕКАЕТ АТЛАНТИКУ, АРМИЯ УМИРОТВОРЯЕТ НЬЮ-ДЕЛИ, ПРОДОЛЖАЮТСЯ РАБОТЫ НАД ВАКЦИНОЙ.

София горько усмехнулась. Продолжаются работы над вакциной! В точности то же самое она слышала, собирая чемодан перед тем, как войти во Врата. С тех пор прошло три месяца, но вакцина так и не появилась.

ЭНКАРНИТ - КАРА, НИСПОСЛАННАЯ НА ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ЗА ЕГО ГРЕХИ? МАССОВЫЕ САМОУБИЙСТВА В...

- Дальше, - рявкнула она. С нее хватало разговоров о смерти.

УЧЕННЫЕ С МИРА ДАНТЕ-17 СООБЩАЮТ, ЧТО НАШЛИ НЕЧТО, СПОСОБНОЕ СТАТЬ ЛЕКАРСТВОМ ОТ ЭНКАРНИТА.

- Останови.

Что такое Данте-17? Валгалла, вспомнила София. Шестнадцатый - Авалон, а семнадцатый - Валгалла. Что, черт побери, могло найтись там целебного? Золотые диски? Пригвожденные к стене волки? Куча жратвы?

- Дальше.

ОДНАКО ОНИ НЕ УВЕРЕНЫ, УДАСТЯ ЛИ ИМ ПЕРЕНЕСТИ ЛЕКАРСТВО ЧЕРЕЗ ВРАТА.

«Ну да, конечно, главная проблема со всеми мирами Данте, как же иначе? В них можно войти, но нельзя ничего вынести наружу. У нас тут тоже есть кое-что, и это, возможно, помогло бы больным, если бы нам только удалось найти способ переправить его на Землю...»

София потрянула головой. Из-за подобных мыслей она чувствовала себя виноватой, хотя как лингвист не имела с транспортными проблемами ничего общего. В том, что эпидемия кровоточивой оспы, названной энкарнитом, и открытие Врат произошли почти одновременно, многие видели перст Божий. С самого начала люди верили, что на каком-то из миров Данте ученые обнаружат лекарство

от эпидемии, а может, и от всех болезней - кто знает? Самые большие надежды, само собой, связывались с первым из них, но первый эти надежды обманул. Туда отправили три группы: первая состояла из приятных во всех отношениях и, несомненно, богобоязненных священнослужителей; вторая - из не столь приятных и богобоязненных ученых; третья же - из вооруженных до зубов спецназовцев, которые открыто заявляли, что в Бога не верят, а если он все-таки существует, то лучше пусть, черт побери, убирается с дороги. Ни одна из этих групп не вернулась.

В остальных мирах исследователям везло куда больше, а на полутора десятках нашли нечто, что, возможно, могло бы стать лекарством от энкарнита. Могло бы, ибо ни одно из этих веществ так и не удалось переправить через Врата и испытать. Все чаще поговаривали об эвакуации еще здоровых людей на те из миров, которые казались самыми безопасными. Это был гигантский, крайне сложный проект, и София сомневалась, что его удастся полностью реализовать. Скорее всего, нет, решила она. Если кто-нибудь в ближайшее время не найдет способа перенести какое-либо из лекарств через Врата, человечество вымрет, а Земля превратится в планету руин и белеющих на солнце костей.

Она потеряла виски, отгоняя мрачные мысли.

- Пропусти статьи на тему эпидемии и покажи те, что касаются Врат, - приказала она Вергилию.

Компьютер успокаивающим голосом цитировал очередные новости. Рассуждения, касающиеся Врат, - чем они являются и действительно ли они ведут в известные по легендам и религиозным книгам миры или, возможно, лишь в параллельные реальности, где всяческое сходство случайно? Проходили ли люди уже раньше через нестабильные Врата, а если да, то какие? Забавная статейка, автор которой размышлял, не был ли именно таким человеком Данте Алигьери или же он основывался на рассказах других, а может быть, вообще сочинял? Вопросы о последствиях открытия Врат - психологических, онтологических и теологических. Интервью с египетским профессором, протестовавшим против того, чтобы назвать Иару*⁴ миром Данте-34. «Это название происходит из чуждой нам культуры и является очередным доказательством того, что цивилизация Запада до сих пор пытается нас подчинить и навязать свою точку зрения», - заявлял он.

София улыбнулась. Название «миры Данте» слишком крепко вросло в сознание, чтобы его легко было искоренить. Его придумал ее муж, поклонник итальянского поэта. У Софии осталось мало приятных

⁴ * *В египетской мифологии - загробный мир, где пребывают умершие, поля рая. (Прим. перев.)*

воспоминаний о трагически погибшем Хасинто Вильчесе, но именно эту идею она считала вполне удачной.

Она переключила новости в текстовый режим, а затем встала и выполнила несколько простых упражнений, разминая затекшие мышцы. Все это время она смотрела на экран, по которому ползли фрагменты статей:

...ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ ХАСИНТО ВИЛЬЧЕСА - ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ОТКРЫЛ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОРТАЛЫ, НАЗВАННЫЕ ВРАТАМИ, А ПОЗДНЕЕ СТАБИЛИЗИРОВАЛ ИХ, ТАК ЧТО МЫ МОЖЕМ БЕЗОПАСНО ПЕРЕМЕЩАТЬСЯ...

...ПОЛНОЕ ФИАСКО ПОПЫТОК КОНТАКТА С ТУЗЕМЦАМИ НА...

...ОЧЕРЕДНАЯ ГРУППА ВОЗВРАЩАЕТСЯ С ПУСТЫМИ РУКАМИ...

Она пропустила лишь одно сообщение. Пока она тщетно пыталась коснуться пальцами лодыжек, по экрану прошла статья, касавшаяся открытия на Данте-29 мозаики, состоящей из двадцати черно-белых кругов.

Выпрямившись, она перевела дыхание.

...ВЕСЬМА НЕОБЫЧНАЯ НАХОДКА.

Прочитав последние слова, которые ни о чем ей не говорили, она смочила горло несколькими глотками холодной воды.

София любила оставаться на станции одна. Ей нравились царившие вокруг спокойствие и тишина, которую нарушали лишь шум генератора и поскрипывание амортизаторов.

ОДНО СУЩЕСТВО СНАРУЖИ, - вслух сообщил Вергилий.

София замерла. Мгновенно у нее перехватило дыхание, голова закружилась, ноги сделались мягкими, словно студень.

- Человек? - прошептала она, хотя это не имело никакого смысла. Вергилий знал каждого члена их группы и называл их по именам. Никаких других живых людей здесь не было, а мертвые пребывали исключительно в Бездне.

ПОСТОРОННЕЕ СУЩЕСТВО.

«Дьявол, снаружи дьявол», - подумала она. Пододвинув стул, она села и глубоко вздохнула, прижав руку к животу. Ее желудок превратился в маленький шарик; она видела свое отражение в металлическом корпусе резервуара для воды: бледная кожа, морщины вокруг глаз и рта, непричесанные седые волосы.

Просто старуха. Старая перепуганная женщина.

«Возьми себя в руки, - приказала она себе. - Ты ведь не плаксивая старая карга, верно? Ты не затем прошла через Врата, чтобы теперь прятаться по углам».

- Оно... все еще там?

ПОДТВЕРЖДАЮ. ОДНО СУЩЕСТВО ВСЕ ЕЩЕ СНАРУЖИ.

«Ведь ты уже разговаривала с дьяволами, - убеждала себя София, - и ни один из них не пытался на тебя напасть».

«Да, но тогда рядом стояли солдаты», - отозвалась более рассудительная часть ее разума. На случай, если бы подвело обычное оружие, с трансформирующимися созданиями должны были справиться разрывные пули. Капитан Пенья верил, что в случае необходимости они подействуют. София относилась к этому несколько более скептически - ведь дьяволы обладали способностью к регенерации, но...

Но пули могли, по крайней мере, их остановить. Хотя бы ненадолго, на несколько минут. Этого хватило бы, чтобы убежать. Теперь же у нее не будет даже столь ничтожного шанса.

«С другой стороны, если я не открою дверь, то до конца жизни буду себя презирать. Давай, София, шевелись. Помнишь, как студенты за спиной называли тебя вредной сукой и еще хуже? Ты всегда считала себя бой-бабой - докажи, что этого заслуживаешь. Живем ведь только раз, верно? Ибо в данной ситуации загробная жизнь - не то, о чем хотелось бы думать. Так что воспользуйся случаем, пока еще дышишь - пусть знают тебя как женщину, которая в одиночку пошла на встречу с дьяволом... Вставай».

Она встала. У нее закружилась голова, и она оперлась о стол. Что-то упало на пол - обычный стаканчик или какие-то образцы, которые Терри иногда оставлял в общем зале, вместо того чтобы отнести в лабораторию. Неважно. София двинулась к выходу. Она ввела код активации, и люк с тихим шипением открылся. Она остановилась на пороге, убеждая себя, что в случае чего всегда может отступить, но в глубине души зная: это лишь иллюзорное утешение. Дьяволы порой бывали... дьявольски быстры.

Станция возвышалась в полуметре над трансформирующимся грунтом, так что София и могучий, очень высокий пришелец находились примерно на одном уровне.

Она посмотрела на него.

Дьявол трансформировался столь молниеносно, что ее желудок подступил к горлу. Красные, полные острых зубов пасти, отпочковывавшиеся внутри еще больших пастей, когти, рога и усеянные пылающими глазами крылья - все это рождалось, умирало и снова рождалось в беспрестанном акте хаотического творения.

Она выдержала достаточно долго, чтобы доказать пришельцу - а в первую очередь самой себе, - что не боится, затем наклонила голову, демонстрируя уважение, но не покорность. Дьяволы лучше всего реагировали именно на такое отношение, и этот не был исключением. Фрагменты его фигуры менялись медленнее посередине и быстрее по краям - безошибочный признак хорошего настроения, который краем глаза замечала София.

- Я пришел поговорить, - сказал он. Голос у него был почти человеческий, почти... приятный, однако со своеобразным

раздражающим оттенком, наводившим на мысль о звуке царапающего стекло ножа. - О восставшей из мертвых. Увидеться с Лалитой.

София его больше не боялась. Страх вытеснили кружившиеся в ее голове волны адреналина.

- Ты хочешь увидеться с Лалитой?

- Лалита, да. Восставшая из мертвых.

Во время последней встречи она пыталась объяснить дьяволам понятие смерти, а потом технологию создания КИТов. «Возможно, они неверно меня поняли, - подумала она, - возможно, они считают, что люди умирают, а Лалита - единственная, кому удалось этого избежать». Ничто иное не объясняло подобного интереса - впервые кто-то из них просил о свидании с конкретным человеком и к тому же мог назвать его имя. Никто из живых не удостоился подобной чести.

- Конечно.

София потянулась к браслету, который доверил ей Терри. Несколько мгновений онемевшие непослушные пальцы скользили по гладкому металлу, затем нашли кнопку активации. Рядом с Софией появилась Лалита - полупрозрачная фигура симпатичной пухленькой блондинки со вздернутым носом. Как всегда после пребывания в режиме сна, она выглядела слегка ошеломленной, но быстро пришла в себя. Из-за модифицированной программы она не могла испытывать сильных чувств, что, несомненно, помогало именно в таких ситуациях.

- Ты не умерла, - сказал дьявол. - Ты изменилась. Как мы.

У Софии подогнулись ноги, все вокруг закружилось, словно на карусели. Как мы? Как дьяволы? Что это могло значить?

- Я изменилась, - спокойно ответила Лалита. - Теперь у меня нет тела.

- Тебе его не хватает?

А может: доставляет ли тебе проблемы его отсутствие? Выражение было неоднозначным, и если у Софии имелись проблемы с переводом, то Лалита, вероятно, вообще его не поняла.

София, перевела вопрос.

- Да, - ответила Лалита. Ее бесстрастное лицо изменилось; теперь на нем застыло выражение невероятно сильной, почти звериной тоски. Но так продолжалось лишь несколько мгновений, и София сомневалась, не показалось ли ей это.

- Я поговорил, - обратился дьявол к женщине-лингвисту. - Восставшая из мертвых может уйти.

- Ну и ладно, - пробормотала София. У нее не возникало ни малейшего желания размышлять о том, что ему было нужно. По крайней мере не сейчас, когда у нее все еще кружилась голова. - Пока, Лалита.

Она выключила браслет.

- Ты позволила мне увидеть восставшую из мертвых, что я могу для тебя сделать? - спросил дьявол, а она представила себе ученых

членами примитивного племени и Лалиту - их идолом, которого за соответствующую плату показывают другим племенам. Мысль эта была столь абсурдной, что София с трудом сдержала смех. Она понимала, что находится на грани истерики и ей следует как можно скорее прекратить разговор.

И тем не менее она не собиралась упустить такой шанс. Риск был немалый. София не имела понятия, как станет реагировать дьявол - он мог прийти в ярость и причинить ей вред, возможно, даже убить. Но поняла это она уже значительно позже, тогда же пришел и запоздалый страх. А сейчас ее пьянил адреналин, внушая чувство безумной отваги.

- Нам нужен кусочек твоего тела, - сказала она.

- Разговор - одно, тело - другое, - ответил он, ускорив трансформацию. - Разговор за тело - нет. Тело за тело - да.

- Не понимаю...

Из тучи клубящихся фрагментов высунулся черный и острый коготь, коснувшись мизинца ее правой руки.

- Это, - на землю упал кусочек дьявола, продолжавшего менять форму, - за это.

София шептала «Отче наш», но слова не имели значения, они были пусты - Бога не существовало, а она молилась лишь потому, что знакомые с детства слова будто удерживали ее над морем безумия.

«Он хочет, чтобы я отрезала себе палец, - думала она, - и мне придется это сделать».

Дьявол подал ей нож - небольшой, но по крайней мере стабильный; держа его в скользкой от пота руке, София чувствовала лишь легкую дрожь, ничего больше.

Упершись пальцами в порог, она приставила нож к основанию мизинца, туда, где разрез должен был быть самым чистым, быстро рассекая сустав и отделяя кости.

И она это сделала. Не раздумывая, ибо начни она рассуждать, родились бы крик, плач и вой. Резкая боль пронзила ее руку до самого плеча, а затем поплыла выше, и на мгновение Софии показалось, что она в конце концов потеряет сознание. В какой-то степени ей казалось... что так было бы лучше.

Из раны текла кровь, и женщина обмотала руку свободной полой рубашки. Постепенно мрак перед ее глазами рассеялся, и она увидела отрезанный палец, мертвый фрагмент ее собственного тела. София заметила, что коготь чуть длинноват, и вспомнила: сегодня она собиралась его подрезать. На мгновение ее охватила абсурдная, пронзительная жалость к себе.

Она едва заметила, что ее собеседник ушел. Палец остался лежать там, где упал - под станцией, на трансформирующемся грунте. Судя по всему, дьяволу важен был сам акт отъятия, а не его конечный результат.

С трудом преодолевая слабость, она встала, спустилась вниз, подняла кусочек дьявольского тела и вернулась на станцию. Она закрыла люк, а затем нашла в себе еще достаточно сил, чтобы наложить регенерирующую повязку. Содержавшиеся в ней средства притупили боль и в сочетании с принятыми внутрь таблетками погрузили Софию в тяжелый, неестественный сон.

- Господи, какая глупость! Пожалуй, никто из нас еще не совершал подобного безумия. Что с тобой случилось, София? Я всегда считал тебя рассудительной женщиной... Дай посмотрю, - Начо Йенг взял ее руку длинными смуглыми пальцами.

- Ничего мне не сделается, - пробормотала она. Боль пульсировала где-то на дальнем плане, почти безразличная, почти несущественная. Куда больше ей досаждали тяжелая как камень голова и сухость во рту, в котором с трудом помещался распухший язык. - Есть что-нибудь выпить?

- Конечно.

Она с облегчением сделала несколько глотков холодной воды. Упреки Йенга несколько ее не волновали. Она знала, что высокий китаец уважает ее и любит, к тому же в его голосе чувствовалось беспокойство, а не злость.

- В самом деле, полный идиотизм, - бросила Моана, презрительно выпятив губы.

Она же, напротив, несколько Софию не любила. Моана была очень молода, очень красива и очень способна, и благодаря сочетанию этих качеств - весьма самоуверенна. С самого начала она ясно дала понять, что место старух - дома, с внуками у камина, а не на исследовательской станции.

- Но благодаря мне у тебя появился материал для анализа, не так ли? - София одарила ее самой очаровательной улыбкой доброй бабушки. Она знала: девушка терпеть не может подобного. - Вы нашли тот кусочек тела? Я положила его на стол в лаборатории.

- Да, нашли, но на полу, а не на столе. Нужно было поместить его в террариум. Он до сих пор трансформируется, и притом значительно быстрее, чем камень или металл.

- Тебе стоит отдохнуть, прежде чем вернутся остальные, - Йенг мягко уложил Софию и укрыл одеялом. Она не сопротивлялась. Китаец принадлежал к немногочисленной группе мужчин, забота которых не вызывала у нее чувства униженности.

Он задвинул перегородку, отделявшую ее койку от главного помещения. Перегородка была тонкой, и в каюте едва хватало места, чтобы лечь, но Софию радовала эта имитация уединения. По крайней мере, ей не приходилось смотреть на Моану, лицо которой приобрело сосредоточенное и одновременно зловеще-торжествующее

выражение. София предпочитала не думать о том, что это могло означать.

Проснулась она чуть позже, когда все уже вернулись на станцию. Все? Да, кажется, да, полусонно думала она. Она слышала Терри и капитана Пенью, а на их фоне - голоса молодых солдат.

Терри, Эмилио Пенья, а также Начо Йенг спорили по поводу нее, Софии, а вернее, ее психического здоровья.

- Нас ведь о чем-то подобном предупреждали, верно? - капитан, как всегда, говорил сухо и деловито. - На мой взгляд, мы имеем дело с типичным примером психического расстройства. Мы должны заявить о необходимости преждевременного открытия Врат и отправить Софию на Землю. Несчастливая женщина сошла с ума.

- Чушь! - голос Терри опасно срывался. - Я давно ее знаю, и она бы никогда... никогда...

Любимый Терри. Недавно она за него поручилась, и теперь он платил ей той же монетой. По крайней мере, пытался. Ее братец, которого она когда-то учила запускать воздушных змеев. Давным-давно, в другом, лучшем мире. До морщин, до смерти ее мужа и его жены, до энкарнита и до того, как преисподней добавили к названию номер.

- В самом деле? А если бы дьявол проник на станцию, когда она вот так просто взяла и открыла ему дверь? Если бы он уничтожил наш генератор, нашу систему регенерации воды, запасы, компьютер и все наше оборудование, а мы даже не смогли бы послать сообщение на Землю? Ты об этом подумал, идиот? Подумал, что мы можем из-за нее умереть? Не зная даже, что, черт побери, станет с нами после смерти? Может, тебе охота оказаться в Бездне? Если так - пожалуйста, скатертью дорога. Я не намерен...

- Перестаньте, - мягко и вместе с тем решительно сказал Начо Йенг. - Я разговаривал с ней и не заметил никаких признаков расстройства. София не сошла с ума, она просто пыталась кое-что доказать самой себе, а потом действовала под влиянием сильного стресса, не позволявшего четко оценить ситуацию.

- Она отрезала себе палец, - рявкнул Пенья. - О чем это может, свидетельствовать, кроме как о склонностях к членовредительству?

София почти увидела, как китаец качает головой.

- Она боялась, что если этого не сделает, то нарушит уговор и разозлит дьявола, а поскольку она была испугана, ей даже не пришло в голову попытаться с ним торговаться. Никакого членовредительства, всего лишь сильный стресс. Естественно, Софии не следовало разговаривать с дьяволом без соответствующей охраны, это было неразумно, и мы должны ей объяснить, что подобные выходки подвергают опасности нас всех. Но тем не менее как врач я не считаю, что есть необходимость в каких-то... более радикальных средствах. Кроме того, - в голосе Йенга послышались веселые нотки, - не

забывайте, капитан, что включение Врат требует огромных затрат энергии и весьма дорогостояще. Если Корпорация заберет Софию до назначенного срока, а потом окажется, что на самом деле она ничем не больна, то кто знает, не возложат ли на нас расходы на дополнительное открытие портала. Вы об этом подумали?

Капитан молчал, и София прекрасно могла представить себе его лицо - худое, опаленное солнцем и полное едва сдерживаемого гнева.

- Я хочу, чтобы кто-то за ней присматривал, - наконец сказал он. - Постоянно, двадцать четыре часа в сутки. Ты или Кассоу, раз уж вы ее защищаете, или в крайнем случае кто-то из моих людей. Лишь при этом условии я не стану отправлять официальное сообщение о том, что София Вильчес лишилась рассудка.

На мгновение наступила тишина, и София поняла: Терри и Начо Йенг молча кивнули. Капитан никогда не менял однажды принятого решения.

- Должна кое-что вам сказать, - вмешалась Моана, судя по голосу - усталая, но довольная. - Я сравнила образцы дьявольского тела и собранные у людей в Бездне - и знаете что? И те, и другие состоят из крайне нестабильного вещества, которое я назвала меридионом...

- Того самого, которое содержится в металле и камне? - спросил Пенья.

- Здесь нет ничего, кроме камней, металла и вонючей горячей воды. Ну и огня, естественно, - подал голос Терри.

Моана продолжала, не обращая на него внимания:

- В случае металла и камня меридион - лишь добавка. Поэтому ландшафт изменяется относительно медленно. Дьяволы могут трансформироваться молниеносно, поскольку состоят исключительно из этого вещества. А теперь внимание: точно так же устроены тела в Бездне. Именно поэтому они беспрестанно сгорают и непрерывно возрождаются. Огонь сдерживает процесс трансформации, и вся энергия меридиона сосредоточена исключительно на регенерации...

- Минуту, - прервал ее капитан Пенья. - Ты хочешь сказать, что если бы мы вытащили какую-нибудь из этих несчастных душ из пламени, она смогла бы изменяться, словно дьявол?

- Именно. Я подозревала это уже раньше, поскольку образцы, взятые у людей из Бездны, начинали трансформироваться, как только на них переставал воздействовать огонь. Однако я не знала, что дьяволы и души состоят в точности из одной и той же материи.

- Значит, дерьмо это все, а не лекарство от энкарнита! - с отчаянием и злостью крикнул Терри. - Если бы речь шла только о регенерации, то еще было бы хоть что-то, но не можем же мы превратить больных в меняющих форму чудовищ!

- Нет, но, думаю, в соответствующих условиях и при наличии соответствующего оборудования меридион удалось бы

стабилизировать так, чтобы он отвечал только за восстановление тканей.

- Однако для этого мы должны отправить его на Землю, а мы до сих пор понятия не имеем, как перенести что-то из этого мира через Врата, - фыркнул Пенья.

- Мы - нет, но я знаю кое-кого, кто работал над этой проблемой и был близок к ее решению, вот только умер.

София внезапно села на койке.

- Хасинто Вильчес? - голос Терри был высоким, словно у мальчика. - Ты имеешь в виду Вильчеса?

- Именно. Только подумайте - все говорят, что это был еще тот сукин сын, не так ли? Даже собственная жена настолько его ненавидела, что позволила ему истечь кровью. Так где он мог оказаться, как не здесь?

София услышала, как Терри громко сглатывает слюну. Сама она не могла этого сделать, так как горло ее сжимало словно тисками. Хасинто Вильчес, ее муж. Здесь. Человек, которого она когда-то любила, а потом возненавидела. Когда он умирал, она поддалась слабости и сделала нечто такое, за что ей было стыдно до сих пор.

- И ты хочешь его найти? Моана, это безумие, там миллионы душ...

- Я его видела и точно знаю, где он. Мы можем его вытащить.

- После всех этих пыток он наверняка окажется полным безумцем, ни один разум такого бы не выдержал, - вмешался Пенья.

- Может, да, а может, и нет. Если тело регенерирует, то, может быть, и разум тоже? В этом есть смысл, ибо зачем мучить кого-то, кто представляет собой лишь воющий кусок мяса? В любом случае, я считаю, что стоит попробовать. Кто «за»?

«Теперь я понимаю, почему у нее было такое выражение лица», - подумала София.

- Ладно. - Не нужно было быть психологом, чтобы из довольного голоса Моаны сделать вывод, что проект получил поддержку. - Кому-то придется убедить Софию. Желающие есть?

София встала и энергично отодвинула перегородку.

- В чем вы хотите меня убедить? - спросила она. - В том, что нужно вытащить Хасинто из Бездны? Я и так с вами согласна - конечно, мы должны это сделать.

Разочарованная физиономия Моаны почти вознаградила Софию за потрясение, которое она испытала за последние пятнадцать минут.

- Я не боялась Хасинто, когда он был жив, - с улыбкой добавила она, - и тем более не боюсь его теперь, когда он мертв.

В глазах Моаны блеснуло нечто весьма неприятное.

- Вот только есть одна проблема. Ты никогда не была в Бездне и не знаешь, как там все выглядит. Люди горят, регенерируют и снова горят. В течение всего цикла есть лишь одно короткое мгновение, когда можно увидеть черты человека - сразу же после лицо чернеет и плоть

слезает с костей. А я вовсе не уверена, что узнаю Хасинто Вильчеса. Поэтому будет лучше всего, если ты займешь мое место в «Вельзевуле» и спустишься в Бездну. У тебя намного больше шансов опознать Вильчеса. Я дам вам координаты...

- Спокойнее, Моана, ты что, хочешь остаться на станции? - недоверчиво спросил Начо Йенг. - А мы должны взять с собой Софию? Это не имеет смысла, раз ты видела Вильчеса и примерно знаешь, где он...

- Я спущусь в Бездну, - прервала его София. - Впрочем, мне все равно хотелось хотя бы раз там побывать.

- Эта девушка тобой манипулирует, - сказал Начо Йенг в то время суток, которое все на станции, по общему согласию, называли поздним вечером. Они сидели в лаборатории, в приглушенном свете, который вырывал из полумрака очертания аппаратуры и террариум с продолжавшим трансформироваться кусочком дьявола. Из общего зала доносились голоса Терри, Моаны и капитана Пеньи. Они снова ссорились, а Софии даже не хотелось прислушиваться, чтобы понять причину. Самое главное - пока они были заняты препирательствами, она и Йенг могли относительно спокойно поговорить.

- Моана провела тебя, словно ребенка. Я в самом деле не думал, что ты можешь вести себя столь... глупо, по-детски. - Китаец понизил голос до шепота. - А если бы Моана сочла тебя трусихой, ну и что с того? Тебя волнует мнение чокнутой девицы, которая любит смотреть на горящие тела, поскольку ей кажется... ну, не знаю... что отсутствие человеческих чувств делает ее идеальным биологом? Тебе в самом деле нужно ей доказать, что ты не боишься спуститься в Бездну?

- Не ей, - покачала головой София. - Себе. Я все равно собиралась вас просить, чтобы вы хотя бы раз взяли меня с собой.

- Зачем?

- В детстве я была маленькой, худенькой девочкой, которой постоянно приходилось бороться за признание сверстников, а самым лучшим способом я сочла доказательство того, что эта девчушка смелее других. Такой популярный психоанализ тебя убедит? - Йенг не знал, говорит она всерьез или издевается над ним. - А может, я просто такой родилась, с вечным желанием испытать себя? Понятия не имею, Начо, действительно не имею. И не думаю, что это имеет значение. Вряд ли я изменюсь - как говорится, старого воробья новым штучкам не научишь. - Она снова улыбнулась, на этот раз шире. - А может, пса? Неважно...

- И именно поэтому ты предпочла Данте-3 какому-нибудь приятному местечку, где пляшут эльфы при свете луны? Не сомневаюсь, что будучи женой Вильчеса, ты могла выбрать любой из миров.

- Да.

Начо Йенг вздохнул.

- Покажи руку.

- Зачем? Она отлично заживает.

- Мы пришли сюда под предлогом, что я должен осмотреть твою руку, и раз уж мы здесь, то я вполне могу это сделать. Хочешь, чтобы о нас пошли сплетни?

- Что мы запираемся в лаборатории с непристойными целями? - София рассмеялась, и морщины вокруг ее рта стали глубже, а глаза заблестели. Теперь она выглядела одновременно и старше, и соблазнительнее. - Было бы весьма мило, в последний раз обо мне ходили подобные сплетни лет пятнадцать назад. Но раз уж тебе так надо...

Йенг направил свет на нежную розоватую кожу. Еще недавно, подумала София, нужно было натягивать кожу вокруг кости, а потом ее сшивать - теперь же достаточно наложить соответствующую повязку. И несмотря на это, природу не обманешь - женщина до сих пор чувствовала боль в несуществующем пальце.

Фантомная боль - так это называется.

- А ты? - спросила она.

- Что - я?

- Почему ты выбрал такое омерзительное место, как Данте-3? Разве тебе не следовало быть, например, на двадцать девятом? Двадцать девятый - это китайская страна бессмертных, верно?

- Да, но только на третьем нашлось свободное место, а мне не хотелось ждать. А то, что я китаец, не имеет никакого значения. Мои дед и бабка были образцовыми христианами, а родители на волне моды возвращения к истокам почитали богов молнии, судьбы и все такое прочее. Я же всегда был... гм, скажем так... открыт разным возможностям.

- Ну вот и дождался. - София бросила использованную повязку в урну.

- Теперь похоже на то, что все религии одинаково истинны. Или ложны - кому что нравится.

- И нет больше места для Бога...

- Конечно же, есть.

- Мы в аду, София, вместе с компьютером, зондами и оборудованием для анализа. Где тут место для Бога? Это знание, не вера.

София улыбнулась.

- Ты недооцениваешь веру. Вера пережила многое - теорию эволюции, проникновение до ядра Земли, открытие, что мы не одиноки во Вселенной... Все это не исключало Бога, а лишь... отодвигало его чуть дальше. Чем больше мы знаем, тем Бог дальше, но он продолжает существовать, опережая на шаг то, что мы понимаем и в состоянии исследовать.

Начо Йенг с интересом взглянул на собеседницу.

- Не подозревал, что ты...

Он замолчал, поскольку в лабораторию вошла Моана, покрасневшая и красивая, словно ведущая сражение валькирия.

- У нас проблема, - сказала она, откидывая со лба светлые волосы. - Терри настаивает, что мы должны просить у дьяволов разрешения забрать Вильчеса. Для меня и для капитана это полный идиотизм, дьяволов вовсе не интересует то, чем мы занимаемся в Бездне. Кроме того, даже неизвестно, где их искать - они уходят и приходят, когда им нравится, и если мы будем ждать, пока кто-нибудь из них соизволит у нас появиться, то упустим свой шанс. До открытия Врат осталось пять дней, и если мы собираемся что-то делать, нам нужно спешить. Что скажете?

София и Начо Йенг молчали. В главном зале тоже наступила тишина, слышался лишь голос Терри, который говорил Лалите: «Скоро мы вернемся домой, увидишь, любовь моя, поедем вместе на берег океана, будем гулять по пляжу, совсем как когда-то, увидишь, ты будешь счастлива...». И снова то же самое, быстрее и более лихорадочно. С каждым днем в его голосе слышалось все меньше веры и больше чего-то такого, чего София не могла понять, но сердце ее сжималось от предчувствия приближающейся трагедии.

На лице Моаны появилось отвращение, и София с трудом удержалась от желания дать ей пощечину.

- До сих пор из Бездны мы выносили только образцы тел, никогда - человека целиком, - прервал молчание Йенг. - Не знаю, как станут реагировать на такое дьяволы, они могут разозлиться...

- Знаю, но Моана права. - София заставила себя произнести эти несколько слов, ибо они были правдой. - Мы не можем ждать, пока представится случай спросить согласия. Придется рискнуть.

- Три к двум, прекрасно. - Девушка кивнула и вернулась в общий зал.

На мгновение София подумала, что Йенг захочет ее переубедить, но китаец вернулся к прежней теме.

- Ты когда-нибудь думала о том, как все это функционирует? В смысле, существует ли какое-то высшее создание, которое делит человеческие души по принципу: христиан - на третий, второй или первый, китайцев - на тридцатый, мусульман - на девятый и так далее? Если так, то по очевидным причинам подобное существо трудно признать Богом в том смысле, как его понимают христиане. А может, это зависит от психики, от убеждения?

- Если кто-то верит, что он грешник и после смерти попадет в ад, то фактически так и происходит? - София подумала и покачала головой. - Такой вариант мне не нравится, поскольку это означало бы, что там, внизу, жарится на огне множество приличных людей, которые согрешили только в том, что жили вне брака или слишком любили пирожные с кремом.

- Так или иначе, это... наказание, или как его еще назвать, не длится вечно. Я так считаю. И уже это радует. Если бы в Бездне находились все согрешившие христиане, их было бы намного, намного больше. Знаешь... - Он слабо улыбнулся, и София подумала, что ему не помешали бы сон, приличная еда, а не пищевые брикеты, и прежде всего долгий-долгий отпуск. - Я представил себе, будто мы вытаскиваем из Бездны человек сто, чтобы они представляли достоверную статистическую выборку, а потом вручаем каждому из них анкету. Был ли ты воспитан в христианской вере? - зачеркни «да» или «нет»; соблюдал ли ты десять заповедей? - всегда, часто, время от времени, редко, никогда...

Шутка не удалась, так как в конце концов Йенг скривился, словно с трудом сдерживая плач, но София оценила его благие намерения и попыталась ответить улыбкой.

- Сейчас главное - поиск лекарства от энкарнита, но потом - может, кто-то и попытается нечто подобное...

Она знала, что он подумал о том же самом.

Будет ли вообще какое-либо «потом»...

Из зала донеслись крики. София слышала пискливый голос Терри и вопли Моаны. Подобная ссора была далеко не первой, и женщина старалась не обращать на нее внимания.

- Почему ты никогда не спрашивала дьяволов?

- О чем?

- Ты знаешь о чем. - От его мягкого, терпеливого взгляда ей стало не по себе, словно Йенг проник в те области ее души, о существовании которых она предпочитала не вспоминать. - Если это действительно мятежные ангелы, то они должны знать Бога, правда?

- Мне не подобрать подходящих слов...

- Ты сумела бы. Почему ты не спросила?

Доносившиеся из общего зала крики становились все громче и истеричнее. Это была уже не обычная ссора, а дикий скандал. София встала.

- Пойду посмотрю, что там происходит...

- Ответь, пожалуйста.

Она откинула со лба волосы.

- Потому что на самом деле это не имеет значения. Какой бы ответ я ни получила, в любом случае сочла бы его ложью. В конце концов, это ведь дьяволы, разве нет?

Повернувшись, она открыла дверь в общий зал. Скорчившийся на стуле Терри прикрывал собой то, что пыталась отобрать у него Моана. Он даже не пытался сопротивляться.

- Довольно! - орала она. - Меня удар хватит, если ты еще раз эту дрянь включишь... охренеть можно... давай сюда... вышвырну наружу...

Терри стонал, прижимая к животу браслет Тирла. Волосы его были

растрепаны, ногти Моаны оставили на плече длинные кровоточащие царапины.

Подойдя ближе, Начо Йенг схватил Моану, развернул и, не раздумывая, ударил по лицу. Она заморгала и несколько мгновений выглядела почти забавно, словно нарисованный человечек, удивленно вытаращивший глаза.

- Успокойся, - велел он. - Это личная вещь Терри, и он имеет право делать с ней, что захочет. А ты, в свою очередь, - он повернулся к Терри, - должен себя слегка ограничивать. Честно говоря, я тоже устал от твоих душевных излияний.

Моана презрительно фыркнула. Она тяжело дышала, щеки ее покраснелись, но она выглядела уже спокойнее. Терри не отвечал. Он все еще сидел, скорчившись на стуле, так что София не видела его лица.

- Пора спать, завтра нас ждет тяжелый день, - сказала она. - Терри, остаешься на станции?

Он медленно поднял голову. София ожидала, что ее брат будет взволнован, может быть, даже в слезах, но вместо этого увидела бледное сосредоточенное лицо и странно блестящие глаза.

- Я с ней здесь не останусь, - он указал подбородком на Моану. - Лучше уж полечу с вами.

«Не останешься, потому что боишься, что она уничтожит твой браслет или что ты сам с ней что-нибудь сделаешь?» - подумала София и тут же сочла эту мысль абсурдной, даже забавной.

- Пора спать, - повторила она.

Софии снились заголовки прессы.

ОТ ЭНКАРНИТА НЕТ ЛЕКАРСТВА. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО УНИЧТОЖЕНО ЭПИДЕМИЕЙ. ОПУСТОШЕННАЯ ЗЕМЛЯ - ЦЕЛЬ КОЛОНИЗАЦИИ ДЛЯ ИНОПЛАНЕТЯН.

Потом она увидела пустыню. Из песка торчали руины и кости, освещенные красным сиянием старого, угасающего солнца. В его лучах стояла Лалита, полностью обнаженная; ветер трепал ее светлые волосы.

Повернувшись, она посмотрела прямо на Софию.

- Люди умирают, - сказала она. - Я лишь изменяюсь.

София проснулась вся в поту, с колотящимся сердцем. Сон размывался, и вскоре она уже не помнила ничего, кроме того, что ей снился кошмар.

«Вельзевул», серебристо-серый и пузатый, был снабжен четырьмя двигателями - два спереди и два сзади. Сидевшая внутри София вспоминала судьбу его предшественника, «Люцифера», который потерпел аварию и теперь ржавел, опутанный трансформирующей

растительностью.

Воспоминание было не из приятных.

Она поправила слишком сильно затянутый ремень. «Вельзевул» плавно опускался вниз, а женщина чувствовала себя так, будто спускалась в лифте. Очень быстром лифте.

Начо Йенг послал ей с соседнего кресла успокаивающий взгляд.

- Глубина восемьсот пятьдесят метров, температура снаружи тысяча четыреста градусов. Оружие проверено и наготове, термические щиты активны, - сообщил пилот. Он был очень молод - София до сих пор не могла избавиться от впечатления, что парни капитана Пенья еще учатся в школе, - но, похоже, знал, что делает.

- Это можно выдержать, - бормотал Терри неизвестно кому, пальцами левой руки без устали поглаживая браслет. - Всё можно выдержать.

София почувствовала, как знакомо сдавило сердце. «Это плохо кончится, - подумала она, - нам не стоило брать его с собой. На станции он мог бы немного отдохнуть...»

Однако менять решение было уже поздно.

- Мы на месте, - сказал Эмилио Пенья, и «Вельзевул» перестал опускаться.

Пилот включил монитор.

- Можно выдержать, - шептал Терри. - Почти как в кино, правда?

На экране извивались и корчились в муках человеческие фигуры. Их было так много, что они напозлали друг на друга, словно черви, тщетно пытаясь избежать огня. Плоть их чернела и отваливалась, обнажая кости, а потом снова регенерировала, и в течение секунд двух-трех там, на раскаленном камне, лежал не наполовину обугленный труп, но человек.

Сознающий свою судьбу человек.

София поняла это в то мгновение, когда один из несчастных посмотрел вверх. Стоило ей увидеть его глаза, и стало ясно - он знает, что они могут его спасти, если только захотят.

- Всё... можно... выдержать... - голос Терри опасно напоминал рыдания.

- София, видишь тут где-нибудь Вильчеса? - спросил Пенья.

«Не всё», - думала она, блуждая взглядом по экрану.

И тут, когда впервые в жизни готова была сдаться, она заметила покойного мужа.

- Этот, - она ткнула пальцем в экран и закрыла глаза. Темнота была для нее благословением.

- Отлично, - кивнул Пенья. - Хорхе, ты мог бы пометить для нас этого господина?

Открыв глаза, София успела увидеть, как в Вильчеса вонзается маленькая стрела. Она застряла глубоко - в кости, а не в теле.

- Минут пятнадцать должна выдержать. Больше нам и не надо.

Донато - еще один из молоденьких солдатиков - уже надевал тяжелый термоскафандр.

- Внизу ты мало что сможешь увидеть, - проинструктировал его Пеня.
- Руководствуйся не зрением, а радиосигналом. Хватай Вильчеса и надевай на него сбрую, а мы вытащим вас наверх.

Донато выглядел испуганным, но держал себя в руках. Глаза у него были серые и очень красивые, слипшиеся от пота волосы забавными прядями свисали на лоб.

Надев шлем, он неуверенно улыбнулся сквозь стекло, а потом поднял большой палец.

- Порядок, открываем внутренний люк.

В голосе капитана не слышалось никаких особых эмоций - это было всего лишь очередное задание, которое необходимо выполнить как следует.

- Теперь внешний.

Донато выбрался из «Вельзевула», словно тяжелая неуклюжая кукла на веревочке. София смотрела на экран, сосредоточившись на его фигуре и стараясь избегать взгляда на обреченных.

- Донато?

- Пока все нормально, капитан.

Голос молодого солдата звучал приглушенно, на фоне его слышалось нечто, что София сумела опознать лишь несколько мгновений спустя. Гул пламени и крики.

- Беру его. Пытаюсь... поднять... О черт, у него кожа слезает, черт, черт...

- Плевать...

- Он разваливается!

- Достаточно, если ты возьмешь большую его часть. Слышишь, Донато? Не паникуй, повторяю: достаточно, если ты заберешь большую часть.

Терри захлебнулся то ли стоном, то ли хихиканьем. София посмотрела на Йенга.

- Последи за моим братом, пожалуйста. У меня такое чувство, что сейчас у него начнется истерика.

- В случае чего справлюсь, - заверил ее китаец.

- Вытащите нас! - почти в то же самое мгновение крикнул Донато.

- Сейчас, забираем вас.

София смотрела, как вверх поднимается уже не одно тело, но два, сцепившиеся друг с другом, словно своеобразная скульптура Марии с мертвым Иисусом. Тело Хасинто Вильчеса безвольно свисало, голова его была откинута назад, глаза закрыты. София поблагодарила Бога хотя бы за эту милость. Она не была уверена в том, готова ли встретить взгляд мужа.

- Открыть внешний люк... Теперь внутренний...

Несколько секунд спустя тело Хасинто Вильчеса рухнуло на пол «Вельзевула». Он регенерировал в молниеносном темпе, у него даже отрастали волосы. Несмотря на это, он до сих пор оставался без сознания. Он лежал неподвижно, слегка подогнув ноги и прижав руки к лицу, словно пытаясь подавить крик.

Донатто сорвал шлем.

- Он на мне! - бессвязно бормотал солдат, бледный, с вытаращенными глазами. - На мне куски его тела!

Действительно, на скафандре виднелись клочья белой кожи. Хуже того, клочья эти трансформировались, ползая по серебристой поверхности.

- Спокойно, уже всё, - сказал капитан Пенья. - Уже всё.

Софии на мгновение показалось, что парня стошнит или у него начнется истерика, но тот неожиданно ушел в себя, опустив руки, и лишь безвольно стоял, пока Хорхе помогал ему снять скафандр.

- Почему Вильчес не трансформируется окончательно? - раздался у самого уха Софии тихий шепот Терри. - Может, он ждет подходящего случая, чтобы превратиться в чудовище, которое сожрет всех нас?

Женщина содрогнулась.

- Прекрати, Терри, прошу тебя. Видимо, живое существо должно находиться в сознании, чтобы трансформироваться...

- Капитан, у нас проблемы... - в голосе пилота прозвучало нечто столь близкое к панике, что все мгновенно повернулись к нему. - Сюда летят дьяволы. И, похоже, они очень злы на нас.

- Сколько?

Показалось это Софии или Пенья действительно слегка побледнел?

- Шесть! Нет, семь... Восемь!

- Сматываемся отсюда, быстро!

Перегрузка вдавила Софию в кресло. С трудом протянув тяжелую руку, она взяла за руку Терри, чтобы слегка успокоить себя, а в первую очередь - его. Терри словно пребывал в полубессознательном состоянии, под полуопущенными веками блестели белки глаз, приподнятая губа обнажала зубы в странной волчьей гримасе.

- Я должен еще раз это увидеть... - пробормотал он.

- Что?

Ответа она не услышала. Пилот крикнул: «Они нас догоняют!», а мгновение спустя «Вельзевул» покачнулся. И еще раз, одновременно с глухим ударом. И еще.

София и Начо Йенг одновременно вскрикнули.

- Они хотят столкнуть нас в Бездну... - побледнев, прошептал пилот. Руки его столь крепко сжимали рычаги, что под кожей обозначились набухшие вены.

- Держи курс, - рявкнул Пенья. Если он и боялся, то по нему этого не было заметно.

Они начали опускаться. София не знала, насколько быстро, предпочитая не смотреть на высотомер, но они, несомненно, опускались.

- У нас слишком большая нагрузка, - пробормотал пилот. - Если эти ублюдки усядутся нам на крышу, мы ничего не сможем поделаться.

- Значит, будем в них стрелять.

- Это идиотизм! - крикнула София. - Они регенерируют, мы их лишь разозлим еще больше!

Пенья посмотрел на нее и отвернулся - молча, не удостоив ее даже пренебрежительного пожатия плеч. В данный момент она была для него чем-то вроде продолжения пассажирского кресла, не более того.

Залп тяжелых снарядов отбросил дьяволов - ненадолго, может быть, на несколько секунд, но этого хватило, чтобы «Вельзевул» слегка поднялся. Потом они снова облепили его, продолжая сталкивать вниз. Кабина вздрагивала, и Софии казалось, что в любой момент ее желудок выскочит сквозь стиснутые зубы. По экрану перемещались яростно трансформирующиеся крылья, конечности, туловища и пасти. А потом наступила темнота, когда одно из чудовищ заслонило внешние камеры.

- Разрывные снаряды, - хладнокровно скомандовал капитан.

Первый снаряд угодил в самую середину дьявола, заслонявшего камеру. Тело разлетелось на сотни клочьев, и пилот торжествующе вскрикнул, но все было зря - фрагменты быстро соединились в единое целое.

- Это бессмысленно! - кричала София. - Нужно отдать им Вильчеса! Я должна с ними поговорить!

- Дайте ей микрофон! - поддержал ее Йенг.

Очередной дьявол распался и регенерировал еще быстрее, чем его предшественник, за ним - третий и четвертый. Все происходило поразительно молниеносно.

«Это уже не производит на них никакого впечатления», - подумала София. Может, вначале они и были ошеломлены, но быстро привыкли.

Капитан тоже это заметил и протянул ей микрофон - так же молча, с тем же выражением лица, с каким до этого от нее отвернулся. Слово ее не существовало.

Она включила микрофон.

- Прекратите атаку. Мы отдадим вам... - Черт, как назвать Вильчеса? Кем он для них был? Осужденным на вечные муки? Пленником? Неважно, она все равно не знала таких слов. - Мы отдадим то, что у вас забрали! Пожалуйста, позвольте нам совершить посадку. Мы отдадим...

Тяжесть исчезла, кабина перестала содрогаться, и «Вельзевул» поднялся - сперва на метр, потом на два, три... София недоверчиво уставилась на высотомер. Только теперь она осознала, что на самом

деле не верила в силу своих слов.

Закрыв глаза, она откинула голову на спинку кресла, внезапно почувствовав себя очень слабой, незащищенной и счастливой.

«Вельзевул» продолжал подниматься, а дьяволы кружили вокруг него. Ей незачем было смотреть на экран, чтобы понять: они там, словно эскорт, сопровождающий президентский вертолет. Она просто это знала.

Открыв глаза, она встретилась взглядом с Терри.

Глаза его блестели, словно все то время, пока атаковали дьяволы, он размышлял над некоей проблемой и теперь наконец нашел решение.

- Я уже догадываюсь, что это может быть, - хитро и одновременно серьезно сказал он, словно мальчишка, сообщающий страшную тайну. - Пол в Соборе, помнишь? Черно-белый? Кажется, я знаю, что это, мне нужно только еще раз его увидеть...

- Терри... - простионала она. - При чем тут пол?

- Ты заметила, что это единственное место в этом проклятом мире, где наличествует белый цвет? Все остальное черное или красное. Моана утверждает, что это не имеет значения, но я думаю...

- И что же это?

Он покачал головой, снова все с той же своеобразной хитрой детской улыбкой. Где-то на краю сознания Софии возникла мысль, что с Терри творится что-то очень, очень нехорошее, но у нее не хватило сил, чтобы додумать ее до конца.

Не сейчас, когда «Вельзевул» приземлялся...

Они надели легкие скафандры и шлемы с кислородными аппаратами - здесь, возле края, атмосфера была горячей как в печи и наполненной смрадом горящих тел. К счастью, ветер сдувал пепел на противоположную сторону Бездны.

Или к несчастью, поскольку благодаря ему София видела в дрожащем воздухе всех дьяволов.

Их была тысяча, может быть, даже больше. Они усеивали равнину, трансформирующиеся кусты, растения, похожие на животных, здания, похожие на растения, колонны и скелетоподобные создания, не похожие ни на что - и молча ждали, словно гигантская стая стервятников.

И не трансформировались.

Этот факт поразил Софию больше, чем что-либо другое. Она не знала, о чем он свидетельствует, но подозревала - ни о чем хорошем.

Они выстроились рядом с «Вельзевулом» - София, Йенг и Терри посередине, а солдаты по бокам, со снятым с предохранителя оружием. «Словно это может чем-то помочь», - иронически подумала София, но она понимала: солдат так учили, и благодаря этому экипаж по крайней мере не чувствует себя полностью беспомощным.

София шагнула вперед, то же самое сделал один из дьяволов. Затем

он начал трансформироваться, и она встретила это с радостью. Никогда прежде женщина не думала, что будет скучать по виду меняющихся в безумном темпе пастей, крыльев и других частей тела, которые теперь показались ей столь... успокаивающе нормальными. Это было тем важнее, что она вовсе не собиралась отдавать дьяволам Вильчеса. По крайней мере не сразу. Сперва она намеревалась поторговаться.

- Мы совершили ошибку и просим прощения, - с уважением, но несколько не унижаясь, начала она. - Мы хотим заключить сделку...

Главный вопрос состоял в том, тот ли самый это дьявол, с которым она разговаривала в последний раз, а если нет, то, по крайней мере, знает ли он, о чем был тот разговор. Черт побери, она их даже не различала! Вероятно, это не имело значения - София подозревала, что дьяволы обладают чем-то вроде коллективного телепатического разума.

Так или иначе, попытка не повредит.

- Я хочу заключить сделку, - повторила она; голос ее глухо звучал внутри шлема. - То, что мы забрали, то... подобное нам существо - за восставшую из мертвых.

Дьявол начал молниеносно трансформироваться, не в гневе - его она научилась распознавать, - но, скорее, колеблясь.

- Согласен, - ответил он.

Вот так просто, без каких-либо дополнительных условий. Готовая к длительным переговорам София несколько мгновений не знала, что делать. Лишь затем она повернулась к Йенгу и Терри.

- Они отдадут нам Хасинто в обмен на браслет Тирла, - сообщила она.

Китаец медленно кивнул, этим единственным жестом выразив все, что он хотел сказать.

«Я на твоей стороне. Мы сделаем это, даже если придется его заставить. Я тебе помогу».

Рядом пошевелился Эмилио Пенья, и София даже не глядя поняла, что его оружие направлено теперь на Терри. Капитан готов был убить ее брата, если тот откажется отдать браслет.

Она подошла и неуклюже обняла Терри. Даже сквозь два скафандра она чувствовала его дрожь.

- Так надо, Терри, позволь Лалите уйти, примиришься с ее смертью, благодаря этому мы спасем множество людей, подумай...

Мягко, монотонно, слова были не столь важны, как успокаивающий голос. До нее вдруг дошло, что точно таким же тоном она разговаривала с больной собакой. София как можно быстрее отбросила подобные мысли.

- Нет... - стонал Терри. - Нет, нет, нет... Не отбирай ее у меня, пожалуйста...

Одной рукой обнимая его за плечи, она предательски перемещала

другую в сторону браслета, все ближе и ближе. Терри рыдал в ее объятиях.

- У меня ничего больше нет, - сказал он, когда она расстегнула первую застежку.

- Знаю, - ответила она, расстегивая вторую, - но все будет по-другому, увидишь, ты научишься жить без Лалиты, тебе будет только лучше...

Она не знала, говорит правду или лжет, впрочем, в данный момент это не имело значения. Если бы ценой за спасение человечества была жизнь ее брата, София не стала бы колебаться.

Точно так же, как если бы ценой был его здравый рассудок.

Сняв тяжелый широкий браслет с руки Терри, она подошла к дьяволу.

- Если нажать эту кнопку, восставшая из мертвых появится...

- Знаю, - очертания его фигуры начали трансформироваться быстрее, что у дьяволов соответствовало смеху. - Я видел, как ты это делала.

«Она не живая, - убеждала себя София, глядя, как браслет исчезает среди клубящихся фрагментов. - Она - КИТ, и дьявол не может причинить ей вреда. Впрочем, черт возьми, он наверняка сразу сломает эту игрушку, и Лалита вернется туда, где ее место - к мертвым».

И тем не менее ее продолжало мучить чувство вины. По отношению к молодой девушке, а особенно по отношению к Терри.

«Вот она, ирония судьбы, - подумала она. - Я выменяла его любимую мертвую жену на моего ненавистного мертвого мужа. Надеюсь, от него, по крайней мере, будет хоть какая-то польза».

Софию что-то разбудило среди ночи.

Что это было?

Она лежала, еще отчасти пребывая в своем летнем домике с псом Дюком, который умер двадцать лет назад, и размышляя о том, что прервало ее сон.

Какой-то звук, монотонный и весьма раздражающий, который вдруг сорвался в резкий писк и неожиданно смолк...

Она резко села, еще не вполне проснувшись, подождала, когда голова перестанет кружиться и наконец начнет думать.

Датчик движения должен был сообщить о возможном пробуждении Хасинто Вильчеса. Они поставили его вечером и пошли спать. Датчик включился, а потом выключился. Точнее, кто-то его выключил.

Встав, она отодвинула перегородку и вошла в общий зал.

Хасинто Вильчес сидел за компьютером, переведенным из голосового в текстовый режим. На экране высвечивались длинные ряды зеленых букв. Свет их подчеркивал резкие черты лица, делая более выпуклыми лоб и скулы. Хасинто всегда смахивал на безумного поэта - худой, с растрепанными волосами, интеллигентным лицом и блеском в глазах. Теперь к этим чертам добавилось что-то еще, нечто неуловимое. Уже

не поэт, подумала София, а скорее... да, аскет, одержимый факир или дервиш. Впечатление усугубляла странная одежда - подвернутые на щиколотках штаны и слишком большая рубашка со свисающими полами. Хасинто был существенно меньше ростом, чем Йенг, который одолжил ему запасной комплект одежды.

- Я думал, что выключил эту дрянь до того, как кто-то проснется, - сказал он, поворачиваясь к Софии. - И мне почти удалось. Проснулась только ты. Старые женщины спят чутко, а ты старая, София.

Она зачарованно смотрела на него. Под его нижней губой виднелся шрам - она помнила, что он порезался во время бритья, а потом искал пластырь, крича, ругаясь и шаря на ощупь окровавленными руками. Почему у него остался этот шрам, несмотря на то что теперь у него было новое, способное к регенерации тело? Во время нападения дьяволов он беспомощно лежал на полу и, перекатываясь по всей кабине, рассек себе лоб, но от этой раны давно не осталось ни следа.

Почему он был так похож на Хасинто, которого она знала, и вместе с тем так не похож?

«Я больше его не ненавижу, - подумала она, - а тем более не люблю. Я освободилась от него, и он ничем не может мне навредить».

- Но по крайней мере я жива, верно? - небрежно ответила она, мысленно добавив: «И не провела последние два года в аду».

- Я умер и, похоже, обязан этим тебе. Здесь написано, - он кивнул в сторону экрана, - что тебя обвинили в неоказании мне помощи. Якобы ты сама призналась, что смотрела, как я истекаю кровью, и ничего не пыталась сделать. Да, именно так, - добавил он, увидев ее лицо, - я просматриваю заметки из прессы о процессе. Я не помню, как я умер, а человеку хотелось бы кое-что об этом знать, правда?

Он вскочил со стула - молниеносно и вместе с тем плавно, без следа неловкости. Это она тоже помнила - спокойствие и потом внезапное, полное грации движение, поворот головы, стук пальцами по столу, еще что-нибудь. Даже его нервное потирание кончика носа или подергивание левым плечом носили в себе частицу необычной, сконцентрированной энергии.

Он подошел к ней, и она увидела его глаза, на дне которых сверкало нечто далекое и очень злое, словно огонь в Бездне.

- Почему ты это сделала, София? Или, вернее, почему ты этого не сделала? Почему меня не спасла?

- Ты должен сам знать, - ответила она, скрестив руки на груди. «Он не может ничем мне навредить», - повторяла она, словно мантру.

Отойдя от нее, он снова сел за компьютер. На этот раз он смотрел не на экран, но на собственную руку, лежавшую возле клавиатуры, сосредоточенно шевеля пальцами.

- Приближается шторм, - сообщил он.

- Имеешь в виду огненный шторм? Это Вергилий тебе сказал?

- Если компьютер и есть Вергилий, то да. Он утверждает, что шторм будет здесь через несколько минут, - он хихикнул и быстрее зашевелил пальцами, затем, словно недовольный произведенным эффектом, стиснул руку в кулак и снова разжал. - Интересная идея - назвать его Вергилием. На одиннадцатом что, Орфей?

- Кажется, да.

- Приятно знать, что любовь к литературе никуда не делась... - пробормотал он.

София проследила за его взглядом и неожиданно отшатнулась, издав приглушенный возглас.

- Ты меня боишься, - удовлетворенно проговорил он. Пальцы его теперь стали невероятно худыми и очень, очень длинными, словно бледные ноги паука. - И все-таки ты меня боишься.

- Ах ты, чокнутый сукин сын...

Его рука приняла обычный вид. Он встал.

- Я успел прочитать несколько ваших заметок и знаю, зачем вы меня вытащили. Но ничего у вас не выйдет. Меня не волнуют больные энкарнитом, и я не собираюсь их спасать. - Он посмотрел на бывшую жену. - Давай, София, попробуй меня убедить, если хочешь, чтобы я вам помог.

Она снова скрестила руки на груди - жест этот помогал ей и успокаивал, - думая о том, каким чудом глаза Хасинто одновременно горели и оставались холодными.

- А твоя слава? Ты никогда не работал ради людей, только ради славы. Если бы тебе удалось найти способ перенести меридион через Врата, твое имя было бы у всех на устах. Ты стал бы знаменитее, чем Христос...

- Христос, да? Ловко, очень ловко. А ты хорошо помнишь мои чувствительные места. Но это уже в прошлом, София - что мне слава, если я останусь здесь навечно?

- Твое тело тоже состоит из меридиона, - тихо напомнила она. - Ты мог бы пройти через Врата и снова жить.

Он удивленно уставился на нее, а она на мгновение увидела прежнего Хасинто, которому, несмотря на его двуличную и садистскую натуру, порой не были чужды человеческие, чувства.

- Возможно, - он прикрыл глаза, - мне нравится моя новая жизнь.

Снаружи поднимался шторм; на экране Вергилия мигала зеленая надпись: АКТИВИРУЮ ТЕРМИЧЕСКИЕ ЩИТЫ. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВРЕМЯ ДО НАЧАЛА ОСАДКОВ: 75 СЕКУНД.

Хасинто потянулся к ремню брюк и расстегнул его, затем снял рубашку и пошевелил лопатками. На его лице появилось сосредоточенное выражение. Он снял брюки и, увидев лицо Софии, рассмеялся.

- О, моя голубка, моя жена, муза и ламия, за пятнадцать лет нашей не

слишком счастливой супружеской жизни я ни разу не пытался тебя изнасиловать и не собираюсь этого делать сейчас. Особенно когда ты столь малоаппетитно выглядишь.

- Что же ты хочешь сделать?

- Уйти отсюда, естественно. Попробуй меня остановить. Можешь разбудить и позвать на помощь своих друзей.

Она покачала головой, зная, что он именно этого и добивается. Его позабавило бы, если бы он смог доказать им всем, что у них нет над ним никакой власти. Ибо, конечно, ее и не было. Если бы они захотели его заставить или хотя бы упросить, Хасинто Вильчес отказал бы им в помощи просто из духа противоречия. Единственным шансом было позволить ему уйти, а потом рассчитывать, что он вернется по собственной воле.

Он направился к входу.

- Выпусти меня.

Вильчес не знал кода активации. Она открыла люк.

Горячая волна ударила ей в лицо, почти лишив дыхания. Небо пылало глубоким рубиновым сиянием, кое-где переходившим в желтое и оранжевое. Хасинто стоял посреди кровавого блеска, трансформируя себе крылья ценой остального тела, которое внезапно похудело, ноги напоминали сухие палки, живот и грудная клетка ввалились, руки вообще исчезли. А лицо...

- Закрой дверь, - приказал совершенно чужой, страшный человек. - Пока еще есть время.

Он распростер крылья и взмыл в пылающее небо, с которого начали падать первые огненные шары.

Естественно, утром разразился скандал. Моана вопила во все горло, Терри впал в истерику, рыдая, что напрасно отдал Лалиту, а капитан Пенья холодно заявил, что ничего другого от Софии не ожидал. Даже Йенг не выступил в ее защиту.

«Интересно, как бы вы его остановили? - думала она. - Интересно как?»

А потом, когда наступила полная безнадежности тишина, Терри тайком выскользнул со станции.

Они догадывались, куда он пошел, и Моана, надевая скафандр, пообещала, что приведет его обратно через десять минут.

Однако прошло пятнадцать минут, потом полчаса, но никто из них не вернулся. Эмилио Пенья настаивал на том, чтобы ждать, но Софии не хватило терпения, и когда Йенг был в лаборатории, а капитан - в общем зале вместе с солдатами, она, ничего никому не сказав, отправилась на поиски брата.

Ее мучили дурные предчувствия.

Как оказалось, вполне справедливо, поскольку Терри сидел на

корточках в трансформирующемся Соборе, а рядом лежало тело Моаны.

- Это должно было случиться, - сказал он. - Давно было ясно, что у кого-то из нас в конце концов не выдержат нервы. Это уже конец, да?

- Не думаю, что это конец. Взгляни.

Проломленный череп Моаны распрямлялся, рана зарастала кожей. Вскоре девушка открыла глаза и посмотрела на них. Терри тихо вскрикнул. София сжала пальцами его плечо.

- Что случилось? - спросила Моана.

- Ты умерла, - ответила София.

Девушка неуклюже села, затем попыталась встать, но тут же упала: ее удерживали опутавшие ноги побеги. Она дернулась раз, другой. Лицо ее исказила гримаса.

- Ох... - выдохнула она. - Ох, ох...

Это тихое, полное удивления «ох» настолько не походило на обычное поведение Моаны, что София внезапно исполнилась к ней сочувствием.

Девушка снова рванулась, и на этот раз побеги проникли в ее ноги, словно в мягкое масло, выйдя с другой стороны, а на теле не осталось никаких следов. Она встала. Скафандр свисал с нее ключьями, но под ним виднелась здоровая кожа без единой царапины.

- Лалита, - сказала Моана. - Теперь вспоминаю. Здесь была Лалита, и она меня ударила... Сказала - за то, что я хотела уничтожить браслет.

- У Лалиты нет тела, - покачала головой София. - Она не может никому причинить вреда.

- Теперь уже может. - Моана прищурилась и приподняла верхнюю губу в хищной гримасе. - Я доберусь до этой суки и разобью ей башку.

Только теперь София по-настоящему поверила, что Лалита каким-то чудом обрела человеческое тело, а затем ударила Моану. Убила ее, мысленно поправилась она. Моана мертва и принадлежит этому миру.

Терри встал и схватил сестру за локоть.

- Темнеет, - пробормотал он.

«Успокойся», - хотела сказать она, но, он действительно был прав.

На Собор надвигались десятки, может быть, даже сотни дьяволов. Они заслонили сине-красное небо, а потом опустились на трансформирующуюся конструкцию. Тихо, словно подвижные тени, она заполнили пространство между ребрами-аркадами, и в Соборе наступил мрак.

София машинально включила фонарь, свет которого выхватил из темноты искаженное лицо Моаны.

- Они пришли за тобой, - тихо сказала София. - Пришли, чтобы забрать.

Девушка издала короткий, отрывистый крик, звучавший отчасти как зов о помощи, а отчасти как боевой клич, а затем начала

трансформироваться. Остатки скафандра свалились с ее тела, на спине выросли неуклюжие крылья, левое из которых было значительно больше правого. Она снова крикнула, с отчаянием и ужасом. Тело, над которым она теряла контроль, приобретало все более гротескные формы.

Дьяволы устремились вниз.

София дернула брата за руку.

- Мы не можем ей помочь. - Свет фонаря упал на приближающиеся металлические кости. - Еще немного, и мы окажемся в ловушке!

Терри повернулся и побежал столь быстро и ловко, словно ему было двадцать лет. Одета в скафандр пожилая женщина не могла за ним угнаться. Споткнувшись, она выронила фонарь и позвала брата, но тот не остановился. Она с трудом встала. Стены и потолок трансформировались, но, к счастью, пол под ее ногами, тот чертов черно-белый пол, который столь очаровывал Терри, оставался относительно стабильным.

Лишь потому ей удалось добраться до выхода. За спиной кричали. А потом... потом наступила тишина. София закрыла глаза, когда небо в очередной раз усеяли силуэты дьяволов. Она знала, что где-то среди них, схваченная острыми трансформирующимися когтями, теперь находится Моана.

Брат ждал ее снаружи.

- Мы не могли ей помочь, - сказала ему София. - Не вини себя...

- Я вовсе не собирался ей помогать, - ответил он. - Я хочу лишь найти Лалиту. Не понимаешь? - глаза Терри лихорадочно блестели. - У нее теперь есть тело, она снова человек...

- Неправда! - отчаянно крикнула София. - Ты понятия не имеешь, кем она... кем она могла стать!

- Она моя жена, и это все, что мне нужно знать, - мягко улыбнулся он. - Я найду ее и приведу домой.

Домой? Что он, черт побери, имеет в виду? Базу, Землю, что-то еще?

- Терри...

Он поднял руку, словно желая коснуться щеки сестры, но тут же передумал, повернулся и пошел прочь.

- Терри!

Она пыталась его догнать, но когда он ускорил шаг, у нее не осталось никаких шансов. Ему незачем даже было бежать - он был моложе, проворнее и без скафандра. И самое главное, он передвигался по этому миру так, словно именно здесь и родился, словно с детства привык ходить по трансформирующейся почве. Кожа его отсвечивала красным, и Софии показалось, что еще немного - и ее брата хватит удар.

Она схватила коммуникатор.

- База? Говорит София, слышите меня? Говорит София...

- Слышим тебя. Куда ты пропала? - в голосе Йенга звучало беспокойство. - Пенья утверждает, что ты окончательно свихнулась...

- Я возле Собора, и мне нужна помощь. Моана мертва, а Терри куда-то пошел, не знаю куда, без скафандра...

- Спокойно, не кричи. Сейчас там будем и найдем его, у него ведь есть идентификационный чип. А ты отправляйся в какое-нибудь безопасное место и жди нас.

«Безопасное место. Легко сказать, - подумала София. - Здесь любое место может за несколько минут стать чертовски опасным...»

Только теперь она почувствовала, насколько устала. Голова кружилась, перед глазами плясали разноцветные пятна, ноги не хотели ее держать. И было очень, очень жарко.

«Присяду на минутку на корточки, - подумала она, - даже не буду садиться на землю. Просто присяду и немного отдохну. Всего... на... минутку...»

Поверхность вокруг нее трансформировалась в сотни крошечных птичьих черепов, извивавшихся на концах шипастых стеблей. Но этого София уже не видела.

Сознание оставило ее.

- Не двигайся, только сделаешь себе хуже. Выпей.

Застонав, она с облегчением глотнула воды и открыла глаза.

Хасинто Вильчес отрывал стебли, опутавшие ее тело. Птичьи черепа защищались, клюя его руки, но он не обращал на них внимания. Раны на коже мгновенно заживали.

- Вставай.

Он помог ей и повел туда, где почва была почти ровной, лишь слегка волнистой, и выглядела...

«Безопасно, - подумала София. - Я хотела найти безопасное место и, похоже, нашла. Благодаря Хасинто».

- Здесь можешь сесть, этот участок почвы не будет трансформироваться по крайней мере несколько ближайших часов.

- Откуда ты знаешь?

- Я часть этого мира, забыла?

Она села и глотнула еще воды, почувствовав себя намного лучше.

Хасинто был обнажен и выглядел совершенно обычно - никаких крыльев, никакой чрезмерно изможденной фигуры. Просто худощавый подвижный мужчина с растрепанными волосами. Лишь в его глазах по-прежнему горел холодный огонь.

- Ты последний, от кого я могла ждать помощи, - сказала София. - Почему ты это сделал?

- Уж явно не из симпатии, - фыркнул он.

- Тогда почему?

- Потому что я вспомнил, как я умер. - Он расхаживал туда-сюда,

словно пульсировавшая в его теле энергия продолжала искать выход. - Я помню, что ты пыталась остановить кровотечение! Почему, черт возьми, ты не сказала об этом в суде? Почему уничтожила окровавленные бинты, прежде чем приехала «скорая», и сказала, что ничего не пыталась делать? Ты позволила себя обвинить, и тебе едва удалось избежать наказания!

- А ты хочешь знать ответ и потому мне помог?

- Что-то в этом роде, - он посмотрел ей в глаза. Она выдержала его взгляд.

- Ты все равно бы не понял. Продолжай пытаться меня убедить, может, тогда скажу...

Он отступил на шаг и рассмеялся.

- Не надейся. Могу обойтись и без этого. - Руки его трансформировались в крылья, фигура снова внезапно исхудала, и София с трудом могла взглянуть в лицо мужа. - Если вы до сих пор хотите знать, как перенести меридион через Врата, то мне известно, как это сделать.

Слова его прозвучали столь неожиданно, что София в первое мгновение растерялась.

- Что... как? Прошу тебя, скажи, ты должен...

Он снова рассмеялся. Его забавляло замешательство Софии и ее неуклюжие просьбы. Она была уверена, что именно ради того, чтобы увидеть ее такой, он упомянул о своем открытии.

Он распростер крылья и поднялся на несколько метров над землей. Со стороны станции летел «Вельзевул» - его силуэт рос на глазах, а двигатели работали на самых высоких оборотах.

«Он ничего не скажет, - в отчаянии думала София. - Может, если бы у меня было чуть больше времени...»

Но он сказал - за мгновение до того, как приземлился «Вельзевул». А потом поднялся еще выше и улетел.

- Чушь какая-то, - фыркнул Пенья. - Вам это действительно кажется разумным?

- Стоит подумать, - пожал плечами Начо Йенг.

- Сперва нужно найти Терри, - напомнила София, застегивая ремни. В кабине «Вельзевула» было удивительно прохладно и безопасно. - Он не продержится долго без скафандра.

- Найди этого клоуна, - обратился Пенья к пилоту. - Еще один, у которого крыша поехала. А с вами, доктор Йенг, я еще поговорю. Вы должны были следить за этой сумасшедшей, разве мы не так договаривались?

Китаец молчал, и София была ему за это благодарна. Неважно, свидетельствовало его молчание о благоразумии или же врач действительно поверил в ее болезнь, и теперь его мучило чувство

вины. Самое главное, что он не пытался возражать. София очень устала и не вынесла бы очередного скандала.

- Я обнаружил одного человека, направляющегося в сторону Бездны, - сообщил пилот.

Вскоре «Вельзевул» приземлился, и двое солдат втащили Терри в кабину. Он даже не сопротивлялся, лишь тихо стонал.

- Все будет хорошо... - успокаивающе бормотала София, пристегивая его ремнями к креслу. Лицо его было красным, словно спелый помидор, и ей показалось, что если бы не иссушающая жара, оно было бы мокрым от слез.

- Мне кажется, стоит попробовать, - повторил Йенг, когда полчаса спустя они сидели за столом в общем зале, потягивая холодный чай. - В конце концов, нам почти нечего терять.

- Мы рискуем жизнью моей жены! - крикнул Терри. С охлаждающей пеной на лице он выглядел странно, но, по крайней мере, исчез беспокойный блеск в его глазах. «Нет, не исчез, - мысленно поправила София, - просто затаился. Он до сих пор там».

-- София, можешь повторить еще раз, что тебе сказал Вильчес? - обратился к ней Йенг.

- Лалита может пройти через Врата. Она получила от дьяволов тело, которое состоит из меридиона, но одновременно в каком-то смысле остается КИТом. Хасинто утверждает, что она теперь соединяет в себе земную технику и здешнюю магию...

- Магию? Он действительно использовал это слово? - рассмеялся один из солдат.

- Хасинто всегда был слегка эксцентричен, - буркнула она. - Так или иначе, меридион может проникнуть через Врата как составляющая тела Лалиты. Таким образом мы можем переправить его на Землю, а потом спасти жертвы энкарнита. По крайней мере, попытаться спасти...

- Это опасно для нее? - спросил Йенг, и в глазах его София увидела кое-что еще. «Солги, - просили они, - даже если Лалита заплатит за это жизнью, мы должны рискнуть. Мы слишком далеко зашли, чтобы теперь отступить».

- Совершенно безопасно, - сказала она, а потом отвела взгляд и потянулась за чаем, чтобы промочить внезапно пересохшее горло.

- Терри?

- Согласен при условии, что пойду с ней и буду ее опекать.

- Эта женщина - убийца, - тихий голос капитана Пеньи был полон презрения и злости. - Все забыли? Она убила одну из нас! Кто знает, что дьяволы с ней сделали: может, не только дали ей тело из меридиона, но и изменили его? Или ее личность? И даже если они ничего такого не сделали, мы все равно не знаем, как поведет себя меридион в земной атмосфере. Кто-нибудь из вас вообще об этом

подумал?

Все замолчали и опустили головы, словно пойманные за запретной игрой дети. Все, даже Терри.

«Конечно, он прав, - думала София, - но прав и Начо. *Мы слишком далеко зашли, чтобы теперь отступить*».

- Мы обследуем ее в меру наших возможностей здесь, на станции, - сказал Йенг. - А людям из Корпорации объясним ситуацию и предупредим, что когда Лалита пройдет через Врата, потребуются все средства предосторожности. Черт побери, на Земле умирают миллионы, а мы не хотим им помочь из-за того, что женщина, тело которой содержит лекарство, кого-то убила? Я готов рискнуть, а вы?

- Я «за», - поддержала его София.

- Я тоже, если смогу пойти с ней.

Пенья выразил свое согласие кивком. Похоже, их слова не слишком его убедили, но он не собирался протестовать.

София, внезапно охваченная страхом, слегка о том жалела.

Экран компьютера вспыхнул золотистым цветом, что означало включение канала, связывавшего их непосредственно с Корпорацией.

УЧЕНЫМ, НАХОДЯЩИМСЯ НА МИРЕ ДАНТЕ-3: В СВЯЗИ С ОБНАРУЖЕНИЕМ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ЛЕКАРСТВА ДАЕМ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПРОХОД ДВУХ ЧЕЛОВЕК ЧЕРЕЗ ВРАТА ДО НАЗНАЧЕННОГО СРОКА. ОСТАЛЬНЫМ ПРИДЕТСЯ ПОДОЖДАТЬ.

- Все равно повезло, - пробормотал Йенг. - Они могли согласиться только на Лалиту, а тогда Терри бы взбесился.

Раз в три месяца Врата выходили на полную мощность, и их открытие требовало минимальных затрат энергии. Именно тогда происходила смена научных групп. В остальные дни требовались действительно серьезные аргументы, чтобы убедить Корпорацию.

- Знаешь, у меня на самом деле была глупая надежда, что нам всем разрешат вернуться домой... - прошептала София, и Йенг утешающе сжал ее плечо.

- Осталось всего три дня.

За его спиной на экране Вергилия возник текст:

МЫ ПОНИМАЕМ ВОЗМОЖНУЮ ОПАСНОСТЬ. БУДУТ ПРЕДПРИНЯТЫ ВСЕ МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ.

- Ты доверяешь Терри? - спросил Йенг. - Честно говоря, в последнее время его состояние оставляет желать лучшего. Может, лучше будет, если кто-то из нас поговорит с Лалитой и все ей объяснит?

София отрицательно покачала головой.

- Она до сих пор его жена, и независимо от того, чем... кем она стала, он знает ее лучше всех. А помимо этого... - она немного помолчала. - Мне кажется, что если сейчас мы отнесемся к Терри как к сумасшедшему или ребенку, он окончательно сломается. Лучше

разрешить ему сделать хоть что-то, пусть он не думает, что мы списали его со счетов...

- А если он все испортит?

- Не испортит. Он очень хочет вернуться на Землю со своей любимой и верит, что это их шанс. Он ее убедит, вот увидишь.

«А если что-то пойдет не так, или окажется, что Хасинто солгал и тело Лилиты взорвется во Вратах, то пусть простит меня Бог», - мысленно добавила она.

Начо Йенг вздохнул.

- Ладно, я тебя поддержу, если Пенья станет возражать. Но, так или иначе, первым делом нужно ее найти. Черт побери, мы отправили сообщение на Землю и почти поделили медвежью шкуру, а тем временем даже понятия не имеем, где этого медведя искать.

София дремала в прохладном нутре «Вельзевула». Рядом с закрытыми глазами сидел Терри, а у стрелковых постов разговаривали двое солдат. Часть их слов заглушал шум двигателей.

- Это правда, - говорил один, - ...была статья... у немецкого ученого есть теория... Врата, понимаешь? Нестабильные, не только...

- ...между разными мирами Данте?

- Ага. Никому не удалось... Пока.

- ...знают?

- Дикие... узнать по... что-то странное... не подходит к окружающей обстановке, понимаешь? Как будто... Часть другого мира здесь и часть от нас там. Вместе...

- ...одной и другой стороны?

- Именно. В точности то же самое.

София не слышала их разговор. Она пропустила его так же, как до этого некую важную статью и как потом вынуждена была пропустить не менее важные слова брата. Она спала. Проснулась она лишь после, встревоженная и совершенно не отдохнувшая.

Найти Лалиту оказалось значительно труднее, чем Терри, поскольку идентификационного чипа у молодой женщины, естественно, не было. В глубине души София сомневалась, удастся ли это сделать вообще.

Тем не менее им это удалось, причем меньше чем за два часа. «Вельзевул» обнаружил Лалиту на расстоянии около шести километров от Собора. Она ничем особенным не занималась, просто стояла посреди трансформирующегося ландшафта. Красное сияние освещало ее обнаженную кожу, а ветер трепал светлые волосы.

Когда к ней подошел Терри, она обернулась.

София смотрела на них в иллюминатор. Она не могла слышать слов, но все видела - умоляющие жесты Терри и сосредоточенное, полное раздумий лицо женщины. Его нервозность и ее спокойствие.

Все это время София не могла избавиться от предчувствия, что

сейчас случится что-то нехорошее, что Терри все-таки все испортит, а Лалита - если это вообще еще была Лалита - просто повернется и уйдет.

Однако ничего такого не случилось. В какой-то момент мужчина взял женщину за руку, и та послушно пошла за ним. Они вернулись на «Вельзевул», держась за руки, словно пара молодых влюбленных. На фоне адского пейзажа эта картина выглядела столь абсурдно-пасторальной, что София начала смеяться - сперва тихо, а потом все громче, чувствуя, как с каждым приступом безумного смеха уходит напряжение прошедшего дня.

В вещах трагически погибшей и похищенной дьяволами Моаны София нашла простое белое платье, которое отдала Лалите. Девушка без колебаний его надела, хотя Софии показалось, что столь же охотно она согласилась бы и дальше ходить голой. Она если и разговаривала, то в основном с Терри, который прыгал вокруг нее, словно одуревший кролик. Молодые солдаты таращились на Лалиту со смесью страха и нездорового интереса, а капитан Пенья и Начо Йенг обращались к ней лишь тогда, когда это было необходимо, да и то сухим, безразличным тоном, словно говорили с машиной, а не с человеком.

София не могла их в этом упрекнуть, особенно учитывая, что и сама вела себя похожим образом. Ситуация действительно складывалась своеобразная - Моану никто по-настоящему не любил, но она была одной из них, а Лолита хладнокровно ее убила. Теперь никто не знал, как, собственно, следует к ней относиться - как к тому, кто заслуживает наказания, или как к надежде человечества? И оставалась ли Лалита до сих пор человеком, который отдает себе отчет в своих поступках? Ответов на эти вопросы они не знали, а улыбающаяся и удивительно послушная Лалита оставалась загадкой.

В итоге они пришли к молчаливому согласию, что будут ее по мере возможности игнорировать, а потом, когда она пройдет через Врата, пусть о ней беспокоятся люди из Корпорации. Лишь София ненадолго нарушила всеобщий остракизм.

- Почему ты напала на Моану? - спросила она. Она воспользовалась словом «напасть», поскольку, когда смотрела на изящную блондинку, сказать «убить» у нее не поворачивался язык.

Лалита на несколько секунд задумалась.

- Она хотела меня убить.
- Значит, ты сделала это из мести?
- Наверное, да.
- Наверное? Как можно такого не знать?

Лалита пожала плечами.

- Это кажется мне таким далеким, - ответила она.

Она вела себя в точности так, как тогда, когда была еще

модифицированным КИТом - послушная, мягкая и не способная к сильным переживаниям. «Проблема в том, - думала София, - что убийство из мести невозможно без сильных переживаний». Лалита притворялась? Если так, то она делала это превосходно - Софии не удавалось поймать ее ни на одной ошибке.

- Ты помнишь меня, Лалита? - попыталась она еще раз в надежде, что ей все же удастся установить контакт с девушкой. - Ты знаешь, кто я?

- Конечно. Ты София. Ты изменилась. Я тоже изменилась.

София вздрогнула. Как называется подобное чувство?

«Ах да, кажется, будто кто-то только что прошел по моей могиле».

Врата открылись там же, где и всегда, то есть метрах в трехстах от станции. Выглядело это так, будто из черного камня забил источник, несколько мгновений спустя разлившийся между четырьмя маркерами в квадратное озерцо. Блестящая голубая поверхность поглотила трансформирующиеся древо-скелеты, забурлила, а потом разгладилась. Однако до сих пор слышался шум, а по горизонтальной поверхности Врат с треском пробегали розовые искры.

- Пора, - крикнул Начо Йенг, преодолевая шум. - Идите.

Терри подошел к Софии, обнял ее правой рукой, а левой коснулся ее ладони - почти тем же самым жестом, которым она недавно отобрала у него браслет. Разжав пальцы сестры, он вложил в них что-то гладкое и холодное, затем наклонился к ее уху и прошептал несколько слов, потонувших в шуме и треске.

- Что?! - крикнула она.

- Быстрее, Терри! - в то же мгновение поторопил его Йенг.

Терри повернулся, взял за руку жену, и они вместе шагнули на голубую поверхность. Софию всегда забавляла эта картина, тот недолгий момент, когда проходящие через Врата будто шли по воде. Потом оба начали погружаться, сперва по щиколотки, потом по колено и по пояс, пока в конце концов не исчезли полностью.

Врата закрылись, оставив после себя выжженное пятно площадью в несколько десятков квадратных метров.

- Ну что ж, - улыбнулся, несмотря на видимую усталость, Начо Йенг. - Будем держать кулаки за то, чтобы все у них получилось. А если кто верующий, пусть еще и помолится. Возможно, именно в этот момент мы спасли миллионы человеческих жизней!

София улыбнулась ему в ответ, а потом разжала кулак. На ее ладони лежал белый кусочек мозаики.

Кусочек, который наверняка не трансформировался.

Вергилий передал сообщение, что Терри и Лалита Кассоу добрались живыми и невредимыми, а потом замолчал.

Два дня с лишним он показывал один и тот же текст: ОТСУТСТВИЕ

СВЯЗИ С ЗЕМЛЕЙ. До недавнего времени София считала, что ситуация на станции не может быть более напряженной. Теперь же оказалось, что все-таки может. Когда утром третьего дня, за несколько часов до запланированного возвращения, Вергилий продолжал молчать, Йенг расплакался, а капитан Пенья впервые потерял самообладание и разбил кулаком половину аппаратуры для анализов, крича, что еще посчитается с этими ублюдками из Корпорации. Никто не пытался его удержать - солдаты с ужасом взирали на происходящее, словно внезапно рухнула их вера в Бога. Начо Йенг рыдал, а София... София просто стояла, заложив руки за спину, слишком уставшая даже для того, чтобы предаваться отчаянию, лишь время от времени опускала руку в карман и дотрагивалась до белого кусочка мозаики. Она сохранила его, хотя не считала, что он может ей для чего-то пригодиться. Это было нечто вроде сувенира, который она получила от наполовину обезумевшего брата. Сувенира на счастье.

За несколько минут до полудня экран компьютера осветился золотистым сиянием. Все столпились вокруг него, и Начо Йенг попросил передать информацию от Корпорации.

УЧЕНЫМ, НАХОДЯЩИМСЯ НА МИРЕ ДАНТЕ-3: МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ НЕ ПОМОГЛИ, - изрек Вергилий.

Кто-то за спиной Софии застонал, но она не стала оборачиваться, чтобы выяснить кто. Это не имело значения. Китаец ободряюще обнял ее. Она не возражала - это тоже не имело значения.

ВЕЩЕСТВО, НАЗЫВАЕМОЕ МЕРИДИОНОМ, ВЫРВАЛОСЬ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ И РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ С МОЛНИЕНОСНОЙ СКОРОСТЬЮ. В ТЕЧЕНИЕ СОРОКА ВОСЬМИ ЧАСОВ ЗАРАЖЕНИЮ ПОДВЕРГЛАСЬ ПОЧТИ ПОЛОВИНА КОНТИНЕНТА. МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ОСТАНОВИТЬ ЭТОТ ПРОЦЕСС. МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ НИЧЕГО СДЕЛАТЬ.

В ЗЕМНОЙ АТМОСФЕРЕ МЕРИДИОН СОЕДИНЯЕТСЯ СО ВСЕМИ ЭЛЕМЕНТАМИ. ТРАНСФОРМИРУЮТСЯ ЗДАНИЯ, РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ И ЛЮДИ.

ЗАРАЖЕННЫЕ ЭНКАРНИТОМ ПОСТОЯННО УМИРАЮТ, ВОСКРЕСАЮТ, А ПОТОМ СНОВА УМИРАЮТ. МЫ НЕ В СОСТОЯНИИ ПРЕКРАТИТЬ ИХ СТРАДАНИЯ. ИХ ТЫСЯЧИ, И ЧИСЛО ЭТО ПОСТОЯННО РАСТЕТ.

СУДЬБА ЛАЛИТЫ И ТЕРРИ КАССОУ ОСТАЕТСЯ НЕИЗВЕСТНОЙ.

МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ВАС ВЫТАЩИТЬ, НО НА ЭТО ПОТРЕБУЕТСЯ ВРЕМЯ.

НА ЗЕМЛЕ РАЗРАЗИЛСЯ НАСТОЯЩИЙ АД.

Вергилий замолчал, и когда они уже были уверены, что он больше ничего не скажет, он выдал еще одну фразу, а затем смолк окончательно.

Последняя фраза гласила:

ЛУЧШЕ ОСТАВАЙТЕСЬ ТАМ, ГДЕ ВЫ СЕЙЧАС.

Перевел с польского Кирилл ПЛЕШКОВ
© Anna Kantoch. Swiaty Dantego. 2008. Публикуется с разрешения
автора.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

ЗДРАВСТВУЙ, БЕССМЕРТИЕ!

Мефистофель:
Я даром времени не трачу.
А.С.Пушкин, «Сцена из Фауста»

Дьявол был в штатском. Или, как еще принято выражаться, в гражданке. Ни рогов, ни копыт - чиновник чиновником: строгий костюм, темно-красный галстук, даже какой-то значок на лацкане привинчен. Там, где у многих граждан располагается физиономия, имело место нечто утомленно-политкорректное, без каких бы то ни было индивидуальных черт. Чувствовалось, однако, что дьявольское терпение на исходе.

- Имейте совесть! - не выдержал гость из преисподней. - Душу еще не продали, а ведете себя как... Кроме вас, между прочим, тоже люди есть и тоже не прочь договор оформить.

Торговались вот уже пятый час. В окне высотной кухоньки занимался рассвет. Из промозглой заволжской мглы всплывало алое пушистое солнце.

- Подождут, - скрипуче отвечал клиент. Не в пример дьяволу, глаза его были красны. Сказывалась бессонная ночь. - Я свои права знаю. Пока не уточним все до последнего пункта - ничего не подпишу.

Гость исторг негромкий страдальческий рык.

- Как же вы ссуды брали? - подивился он.

- Так и брал! - огрызнулся клиент. - А то подмахнешь не глядя, а потом...

- Хорошо. Что вас конкретно не устраивает в данном пункте?

- Оговорки! Вот: физическое бессмертие. Почему только физическое?

- А какое же еще? Душа-то уже будет принадлежать мне, а не вам!

- Ладно. Допустим. А почему только до конца света? Что за

ограничения? Бессмертие - оно и в Африке бессмертие...

- И Африка не вечна, - напомнил дьявол.

- В смысле?

- В прямом. Рано или поздно Африка перестанет существовать. Как и любой другой материк. Поймите, я просто не имею права сохранять вас в телесном состоянии после конца света!

Клиент колебался. Чиновничий облик гостя не успокаивал его нисколько. Скорее, смущал. Не исключено, что с копытами, рогами и хвостом дьявол внушал бы ему больше доверия.

Князь мира сего вздернул обшлаг рукава и демонстративно взглянул на циферблат наручных часов.

- Опаздываете куда? - желчно осведомился душеобладатель, залпом допивая остывший крепкий кофе.

- Как всегда, - ворчливо отозвался душеприемник. - Но на этот раз, имейте в виду, опоздания мне не простят...

- Ваши проблемы!

Солнце помаленьку вознеслось, обрело четкие очертания, изменило цвет с алого на золотистый. Там, где Волга была свободна ото льда, стлался белый мохнатый туман, из которого вставали прозрачно-косматые дракончики. Все это напоминало вид из самолета, когда поднимаешься выше облаков.

- Ну хватит! - Дьявол щелкнул перстами.

Что-то изменилось. Тени пролетающих ворон мазнули вкось по стене кухоньки - и замерли, не достигнув двери.

- Что это вы сделали? - Клиент поднялся с табурета, встревоженно выглянул в окно. Три растрепанные вороны неподвижно и как попало зависли в воздухе. Остановись, мгновение, ты прекрасно!

- Тайм-аут, - объявил гость. - Вообще-то так не положено, но я из-за вас и впрямь рискую опоздать... Как только договоримся, пушу часы снова. Присаживайтесь, продолжим...

Клиент присел.

- Врете ведь, как всегда! - тоскливо молвил он. - Только вот в чем?..

- Всегда? - переспросил позабавленный дьявол. - Когда это - всегда?

- Начиная с грехопадения! - Хозяин кухоньки решил блеснуть эрудицией. - Когда Адама с Евой искушали... Под видом змея.

- Искушать - искушал... - не стал отпираться нечистый. - А соврал-то где?

- Библию принести? - угрожающе спросил клиент.

- Несите, - сказал дьявол. Время стояло - и он чувствовал себя вполне комфортно.

Хозяин не поленился - сходил в комнату, принес Библию, плюхнул на стол, едва не опрокинув чашку.

- Книга Бытия, - любезно подсказал ему гость. - В самом начале. Глава третья, стих второй.

Клиент бросил на него враждебный взгляд, открыл, листнул.

- И сказала... жена... змею, - прочел он чуть ли не по складам. - Плоды с деревьев... мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая... сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним... чтобы вам не умереть...

- Ну-ну! - подбодрил дьявол. - Дальше.

- И сказал змей жене... нет, не умрете... но знает Бог, что в день, в который вы... вкусите их... откроются глаза ваши, и вы будете... как боги, знающие добро и зло...

Дьявол кивал с ностальгической улыбкой на устах.

- Так, - молвил он, очнувшись от сладких воспоминаний. - А теперь та же глава, стих двадцать второй.

- И сказал Господь Бог... - с запинкой продолжил клиент, отыскав указанный текст, - ...вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло... и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно...

- Почти слово в слово, - бодро заметил гость. - Уж вы поосторожнее давайте: если я соврал, то получается, что и Он соврал...

- Но ведь умерли же в конце концов!

- Кто?

- Адам с Евой!

- Ну-у... - укоризненно протянул дьявол. - Я-то тут при чем? Конечно, если не подпускать к древу жизни, рано или поздно помрешь...

- Вот так вы нас и накалываете! - в сердцах сказал клиент, захлопывая Библию и отправляя на стол, чем уже только не заваленный. Присутствовали тут и удлинявшийся с прибавлением новых пунктов пергамент (пункты возникали сами собой, стоило какой обговорить), и зубочистка (должно быть, взамен стального перышка - где его нынче найдешь?), и закатанная в пластик стерильная железочка для прокалывания пальца. Ватный тампон, пузырек спирта, кофейник, чашка, «Фауст» Гете в переводе Пастернака...

- Ну-с? - благодушно произнес дьявол.

Если раньше время работало на клиента, то теперь оно не работало вообще. Тянуть было нечего. Две с половиной вороны тени, размазанные по кухонной стене, являлись прямым тому подтверждением.

Душепродавец засопел, нахмурился, пододвинул поближе пергамент и принялся, бормоча, елозить пальцем по всем пунктам.

- Так... так... Любую материальную ценность по первому требованию... Так... Женщины - понятно... Здоровье, молодость, силу... Бессмертие... Хм... Бессмертие... - покряхтел, посомневался. - Ладно, допустим... А это что? Душепреемник обязуется приступить к исполнению желаний клиента через пять минут с момента подписания договора... Почему через пять минут? Почему не сразу? Душу-то - сразу...

- Потому что пергамент сперва надлежит завизировать, подшить, присвоить номер... Я - лицо подотчетное. Пока документ не оформлен, поймите, я просто не имею права...

- Подотчетное... - сердито фыркнул души своей погубитель, не зная уже, к чему бы еще прицепиться.

- Время включать? - спросил дьявол. - Мне кажется, чем быстрее начнутся эти пять минут, тем быстрее они кончатся.

- Включайте, - буркнул клиент, освобождая от пластиковой оболочки стерильную медицинскую железочку.

Дьявол щелкнул перстами. Тени ворон метнулись по стене и исчезли. За окном шевельнулись развеваемые ветром прозрачно-косматые дракончики над мохнатой от тумана Волгой. Клиент поднес металлическое жало к подушечке указательного пальца и засомневался вновь.

- Ну вот конец света... - недовольно предположил он, кладя руки на стол. - Страшный суд. То есть получается, нынешний ад - это как бы предварительное заключение, если суда еще не было... Так?

- Вы что, нарочно? - взвыл дьявол. - Время пошло!..

- А раз я живу до конца света, то в ад не попадаю... - не слыша вопля, прикидывал вслух клиент.

- Не попадаете... - еле сдерживаясь, пробурлил дьявол.

- А после конца света?

- Что «после конца света»?!

- Ну вот конец света. Тела исчезли. А что с душами?

- Смотря с какими, - в остервенении отвечал враг рода человеческого.

- Грешные души, в том числе и ваша, просто исчезнут. Истребятся! Если не верите, вот Библия - проверьте... Только время я снова остановлю!

- Ага, - удовлетворенно пробормотал хозяин кухоньки. - То есть потом меня просто не станет...

Болезненно ойкнув, проколол подушечку пальца, выдавил капельку крови и, обмакнув в нее зубочистку, вывел под договором нарочито неразборчивую подпись.

- Знаете... - доверительно молвил он дьяволу, прикладывая к ранке смоченную спиртом ватку. - Не обижайтесь, но, по-моему, я вас все-таки обул. Зря вы так легко на все соглашались...

- Чуть было не обули... - угрюмо подтвердил тот и вновь взглянул на часы.

- Успеваете?

- Да, - сказал дьявол, свертывая драгоценный пергамент в трубку. - Теперь уже точно успеваю.

До конца света оставалось три минуты с четвертью.

Валерий ОКУЛОВ

ТАЙНЫ «БЕЛОГО ПЯТНА»

За долгую литературную жизнь у него не вышло ни одной книги в столичном издательстве, но его произведения были широко известны и любимы. И не только фантастические. Помните песенку про Кольку Снегирёва («Есть по Чуйскому тракту дорога») из классического фильма Василия Шукшина «Живет такой парень»? Мало кто знает, но слова этой песни принадлежат старейшине, родоначальнику сибирской школы НФ Михаилу Михееву, которому в этом месяце исполнилось бы 100 лет.

«Широка страна моя родная...» Прошу прощения за пафос, но слов из песни не выкинешь, а Россия по-прежнему самая большая страна в мире... И жизнь ее простирается далеко за пределы энного уже московского кольца, хотя литературными центрами все равно принято считать столицу и Питер. Впрочем, в советские годы предпринимались попытки создать альтернативные «центры влияния», но только уральскому Свердловску-Екатеринбургу 1980-х годов удалось на какое-то время привлечь к себе внимание поклонников фантастики. Фестивали «Аэлита» во времена, когда редакцией фантастики журнала «Уральский следопыт» заведовал В.И.Бугров, - явление выдающееся и исключительное!

Проведение же фантастических конвентов за Уральским хребтом не принесло впечатляющих результатов, хотя попытки предпринимались не раз. Например, в конце ноября 1994 года в Новосибирске состоялся фестиваль фантастики с примечательным названием «Белое пятно». Можно подумать, что в названии скрыт недвусмысленный намек, дескать, Сибирь - все еще не обжитая фантастами территория. Но это не так. Председатель Оргкомитета Геннадий Прашкевич тогда специально подчеркивал: есть и у сибиряков достойное имя - Михаил

Михеев: «Именно по его роману «Тайна белого пятна» и назван фестиваль». А тремя годами ранее в Москве вышла не совсем обычная книжка - сборник фантастики «Амальтея», на титульном листе которого было написано: «80-летию Михаила Михеева посвящается». Книга редкая, своеобразный парад лучших произведений Мастерской Михеева, как называли клуб «Амальтея», многие годы руководимый писателем. Отмечая литературные достижения сибирского фантаста, Прашкевич писал: «Михеев - фигура, может, и не столь крупная. Но не будучи таким уж заметным писателем на российском фоне - в его время работало очень много крупных литераторов, - он был совершенно замечательным учителем для большого числа пишущих людей».

А вот в Сибири трудно было найти читателя, который не знал бы его книг: в раннем детстве малыши знакомились со стихотворной сказкой «Лесная мастерская», повзрослев - запоем читали его приключенческие и фантастические книжки.

«Был в Новосибирске такой всенародно любимый старик Михаил Петрович Михеев...» - пишет уже в наше время некогда сибирячка, а ныне столичный житель и президент фонда «Нацбест» Татьяна Набатникова. Так то в Новосибирске! И ни одной книги в Москве! Всего полдюжины столичных публикаций...

А вот в журнале «Уральский следопыт» в 1968 году увидел свет рассказ Михеева «В Тихом Парке» с оригинальными рисунками Ю.Григорьева... Как бы далекое будущее: парк из запрограммированной саморастущей пластмассы, за которым присматривают два человекоподобных робота, РТ-120 и ЭФА-3... «Посетителей вполне устраивали искусственные растения», но вот искусственная жизнь - ни в коем случае. Проблемы у «настоящих живых людей», случайно синтезированных из хаоса белковых молекул, все те же: «Ты меня любишь?».

Но до этой публикации автору еще надо было прожить две трети жизни... Биография у Михеева - как раз для писателя канувшей в Лету Страны Советов. Родился Михаил Петрович первого сентября 1911 года в старинном сибирском городке Бийске, что в преддверии Горного Алтая. Хотя родители его получили лишь начальное образование, читать мальчика научили рано. В пять лет Миша прочел «Остров сокровищ» Стивенсона. Через несколько лет были прочитаны все доступные книги Джека Лондона, Фенимора Купера, Конан Дойля, а в 13 лет Михаил и сам начал придумывать и записывать необыкновенные приключения. «Мое детство прошло под кокосовыми пальмами, среди айсбергов Антарктики, в грохоте океанского прибоя и рычании доисторических чудовищ, среди звона шпаг и грохота мушкетных выстрелов», - писал автор «Вируса В-13» в

автобиографических заметках.

Но с середины 1920-х годов в стране началась и другая жизнь - «техника проникала всюду». И Михаил «строил макеты паровых двигателей, летающие модели аэропланов, конструировал неуклюжие кристаллические приемники... Началось увлечение техникой». Вот и истоки другого направления творчества писателя - фантастики, часто связанной с умными машинами. И фантастика эта проникнута чуть ли не влюбленностью к созданиям человеческих рук! Так что детские увлечения во многом предопределили последующие литературные пристрастия.

С четырнадцати лет Михаил стал учиться в Бийской профессионально-технической школе, после окончания в 1930-м получил специальность инструктора-механика автотракторного дела. «По тем временам это звание соответствовало чуть ли не профессорскому», - вспоминал он через тридцать лет. Пришло увлечение электротехникой, Михаил устроился работать электромонтером, дослужившись до бригадира по ремонту автомобильного электрооборудования. На родном заводе ремонтировались машины, курсирующие по знаменитому Чуйскому тракту. Тут-то и были написаны Михеевым слова популярной песенки про шофера Кольку Снегирёва «Есть по Чуйскому тракту...». Песня не просто обрела известность, она стала поистине народной. Но в ту пору поэзией Михеев заняться не решился, он был влюблен в электротехнику! И до 50 лет работал техником-электриком.

Имея хорошую работу, получая дипломы и премии за конструкции электросчетных аппаратов, Михеев в 40 лет написал стихотворную сказку для детей «Лесная мастерская». Успех дебютной публикации определил дальнейшую судьбу: на свет явился писатель Михеев! Опубликовав несколько книг для детей «среднего и старшего возраста», Михеев стал одним из зачинателей современной детской литературы в Сибири. А в середине 1950-х обратился к приключенческой и НФ-прозе. Тут потребовалось умение строить сюжет - стремительный, логичный, удивляющий неожиданными поворотами.

Тему для ставшей классикой отечественной НФ-повести «Вирус В-13» (1955) подсказала обстановка тех лет, когда холодная война была уже в разгаре. В газетах постоянно публиковали сообщения о «происках апологетов загнивающего капитализма, пытающихся отсрочить свою неминуемую гибель», велась шумная кампания «борьбы за мир во всем мире». Пружиной действия стал поединок вокруг изобретений фашистского профессора Морге и советского ученого Русакова. В детективный сюжет гармонично вписались эпизоды фантастические: всесильный препарат профессора Русакова, удивительная мимика артиста Бланка, позволяющая «менять лицо». «Вирус» - редкий

пример настоящей приключенческой НФ: динамичный, но при этом сложный, многоходовый сюжет, полнокровные персонажи. На фоне серого торжества близкоприцельной фантастики «Вирус В-13» был подлинной жемчужиной детективной НФ. Повесть, хотя и была выпущена лишь в Новосибирске, пользовалась широкой всесоюзной известностью и выдержала шесть изданий.

Правда, сам автор больше любил другую свою повесть - «Тайна белого пятна» (1959), основанную не на газетном и книжном материале, а на сибирских реалиях, хорошо ему известных. Тут мотивировка событий вызвала у читателей полное доверие, а психологические характеристики героев были выразительны и глубоки.

За 40 лет активной творческой деятельности Михеев успел поработать в разных жанрах: писал стихотворные сказки, школьную повесть, приключения и детективы, путевые очерки и, разумеется, НФ. В 1963 году был принят в Союз писателей и окончательно перешел на литературные хлеба. В это время - на волне взлета советской НФ - увлекся фантастикой всерьез и надолго. В 1965 году в «Уральском следопыте» появился его первый чисто фантастический рассказ «Пустая комната», а в следующем году вышла и первая книжка фантастики «Которая ждет». Затем увидели свет ставшие классикой книги «Далекая от Солнца» (1969), «Милые роботы» (1972), сборник избранного «Вирус В-13» (1986)...

«Фантастика для автора - это, прежде всего, размышление о будущем», - писал М.П.Михеев. Но ведь все эти мечтания о будущем лишь для того, чтобы найти ответы на вопросы дня сегодняшнего! Поэтому михеевские рассказы нередко откровенно полемичны, как, например, цикл «Милые роботы» - своего рода похвальное слово технике во времена, когда на нее стали поглядывать уже с опаской...

Различными средствами пытался писатель достичь иллюзии достоверности. Психологической убедительностью характеров, умелым применением точно найденной художественной детали, синхронным взглядом романтика и сатирика на одну и ту же проблему. Центральными же темами НФ Михаила Михеева 1960-1970-х годов стали «человек и наука» и «человек и техника».

Особняком стоит написанная семидесятилетним фантастом повесть «Год тысяча шестьсот...», вышедшая в Новосибирске в 1985-м. И дело не в том, что повествует она об эпизодах жизни юных спортсменов - фехтовальщицы Ники из Иркутска и боксера Клима из Москвы, «выпадающих» с Универсиады на Кубе прямоком в XVII век. Михеев, сохранивший на всю жизнь «уважение к приключенческой литературе», и в преклонном возрасте сумел взглянуть на события свежим взглядом юности. В небольшую книжку уместилось огромное количество приключений со стрельбой и фехтованием, кораблекрушением,

пиратами, «тайнами мадридского двора» и чудесным возвращением домой! Нашлось место в повести, эпиграфом к которой автор выбрал слова Марка Твена: «Вы, конечно, слышали о переселении душ?», и тонкой пародии на классические романы приключений.

Это сейчас «попаданцы» в другое время - обычное явление. Но в советской фантастике к этой теме относились настороженно... «Голубой человек» (1966) Лазаря Лагина, «Петля гистерезиса» (1968) Ильи Варшавского, «Зеркало для героя» (1983) Святослава Рыбаса - это почти полный список... И повесть М.П.Михеева - одна из лучших на полке темпоральной НФ советской эпохи.

В 1980-е Михеев все чаще стал обращаться к детективу, его повести тех лет пользовались неизменным успехом, особенно детективная трилогия, составившая содержание авторского сборника «Поиск в темноте» (1990).

Последние 20 лет жизни М.П.Михеев большое внимание уделял «воспитанию» молодого поколения фантастов, организовал и 15 лет руководил легендарным объединением «Амальтея» при Новосибирском отделении СП СССР, в недрах которого вызревала ставшая заметным явлением 1980-х - начала 1990-х сибирская школа фантастики. Среди известных выпускников михеевской «Амальтеи» - Александр Бачило, Игорь Ткаченко, Василий Карпов, Евгений Носов, Виталий Пищенко, Владимир Титов, Александр Шалин...

Десятки книг различных жанров, вышедших общим тиражом более двух миллионов экземпляров, переведенных на десяток языков, популярных и сегодня - серьезное достижение для советского писателя, чей жизненный путь закончился в мае 1993 года.

Чтобы придать «человеческое» измерение тексту, хочется закончить эти заметки фрагментами из очерка сына писателя, написанного к 75-летию отца: «Михаил Михеев не стал знаменитым писателем. Но среди писателей нашего города он находится в ряду тех, кого читают едва ли не больше всего. Не было человека, даже не особо читающего, кто бы в те годы не читал книг отца. Он был истинно народно популярен, отцовские книги были на виду, на них мы все росли... Отец всегда попадал в точку. Написал единственную песню в молодости, она стала народной, написал «Тайну белого пятна» - она стала визитной карточкой поколения... Ограничился славой одного города, но воспитал в Сибири целое поколение на бескорыстных принципах... Он наивен. Размаха ему не хватало всегда. Он не читал Сартра, Канта, Ницше, Фрейда... Любимый писатель его и тот всего-навсего Александр Дюма. Ну еще Джек Лондон и Александр Грин...

Отец всегда одевался в чёрт те во что! И обстановки никакой у него никогда не было. И не стыдно... Маленькие радости: на рыбалку съездить, костер развести, «Москвич» свой починить, тридцать лет уже существовавший драндулет... Честолюбия он не имел. В доме все

было сделано своими руками, и полки книжные, и шкафы... Это донкихотство его, вид всегда затрапезный и пиджак потрепанный, а он в своей наивной романтической позе все пытается истину восстановить...

Михеев - писатель для действительно простых людей, мастеровитых, умных, талантливых, до сих пор наивно верящих в добро, сказку, фантазию и мечту...»

ФИНИШ? НЕТ, СТАРТ!

Грег БИР. ГОРОД В КОНЦЕ ВРЕМЕН. АСТ

Только в прошлом месяце мы отметили юбилей знаменитого американского фантаста - и вот получили новую книгу мэтра в переводе на русский язык. Да какую! По масштабности повествования и богатству идей она ничем не уступает его прежним работам. Действительно, для профессионала не так уж сложно воссоздать гибель цивилизации на отдельно взятой планете. А поди попробуй столь же убедительно описать гибель Галактики или даже Вселенной!

Относительно «всеобщего финала» в НФ сложился негласный канон, заложенный еще О.Стэплдоном: происходящее изображать с «высоты птичьего полета». Но Грег Бир привык двигаться своим путем, заслуженно получая новые статуэтки «Хьюго» и «Небьюла». Золотой дубль достался и «Городу в конце времен», где показана гибель всей совокупности параллельных и альтернативных вселенных.

Несколько сюжетных линий сведены в два основных блока. Один рассказывает о событиях, разворачивающихся в условной современности, другой повествует об отдаленном будущем, расположившемся у самого края времени. Но ситуации странным

образом связаны друг с другом: реальные происшествия в жизни героев первой сюжетной линии воспринимаются как сон героями из другого времени. В итоге персонажам суждено встретиться, чтобы изменить судьбу Реальности.

При эпической масштабности замысла Бир выбрал удивительно камерный способ его воплощения. Сюжетный блок, повествующий о «нашем» времени, складывается из истории трех людей: бродячего актера Джека Ромера, девушки Джинни Кэрол и странного типа по имени Даниэль Патрик Айрмонк. Все они обладают одним невероятным даром - способностью «перепрыгивать» из одной параллельной вселенной в другую.

В мире же конца времен, где уцелевшие остатки человечества укрылись в единственном городе Кальпе, противостоящем наступлению тотального Хаоса, главными героями становится парочка «древних людей» Джебрасси и Тиадба (за прошедшие триллионы лет люди разделились на множество рас, и герои по своей внешности ближе к неандертальцам, чем к современному хомо сапиенс). В поисках помощи они должны выйти за пределы родного города и отправиться в хаотические зоны, населенные злобными псевдосуществами.

Роман не лишен постмодернистских игрищ: здесь полно всевозможных отсылок к классическим и современным произведениям мировой литературы о конце света, а также скрытых цитат. Два таких «линки» заслуживают отдельного внимания: отсылки к идеям великого аргентинца Х.Л.Борхеса и к одной из величайших НФ-книг начала XX века - «Ночной земле» У.Х.Ходжсона. Концепции пластичной реальности, подвергающейся воздействию со стороны наблюдателя, и книги, фиксирующей ее, не просто взяты из творчества Борхеса. Бир настойчиво популяризирует Борхеса, вводит его в качестве эпизодического персонажа - правда, как вымышленного героя, создателя энциклопедии (и в этом опять же отсылка к творчеству Борхеса - рассказу «Тлен, Укбар, Орбис Терциус»).

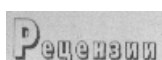
В отличие от аргентинского классика Ходжсон не упоминается напрямую, но ссылки на его творчество и биографию в речи одного из персонажей настолько явственны, что переводчик сделал специальное примечание, расшифровывающее писательский намек. Картины Кальпы как последнего убежища увядающего человечества, а также царства Хаоса вокруг, населенного чудовищными существами, не могут не вызвать воспоминаний о «Ночной земле». Аналогии слишком очевидны: циклоп Свидетель у Вира и гигантские Стражи у Ходжсона, молчаливники у американца и «урочище, где безмолвные убивают», у британца...

Хорошим тоном в современной НФ стало создание не только культурного бэкграунда, но и подложек, вылепленных из мифов и

легенд всего человечества. Не избежал модных веяний и Бир, внедрив в текст персонажей из древнегреческой и древнеиндийской мифологий. Но описанное в романе наступление Хаоса выглядело бы куда более драматично и достоверно, будь оно результатом лишь бездушного и неотвратимого физического процесса, бесконечным торжеством энтропии. Однако, помимо этого, здесь появляется Тифон, творец Хаоса и искажитель Вселенной, умственно неполноценный бог-неудачник, пропитанный ненавистью.

И все-таки «Город в конце времен» - отнюдь не упадническое творение. Гибель вселенных еще не означает конца всего. Система Реальностей оказывается подобна древнему Фениксу. И Бир уверен: из праха конца она выйдет лучшей и обновленной. В этом сила НАУЧНЫХ фантастов: они убедительно оптимистичны.

Глеб ЕЛИСЕЕВ

Рецензии

**Элджернон БЛЭКВУД
КЕНТАВР**

Москва: Энигма, 2011. - 640 с.

Пер. с англ. Л. Михайловой

(Серия «Гримуар»).

3000 экз.

Э.Блэквуд - авторитетнейшее имя в английской мистической прозе начала XX века. Его значение для развития «ужасного» жанра вполне сопоставимо с влиянием Г.Лавкрафта. Потому удивительно, что Блэквуд так долго добирается до России. Данное издание - всего лишь вторая книга этого автора в переводе на русский.

Большая часть рассказов и, повестей сборника может быть отнесена к хоррору. Однако центральное место занимают роман «Кентавр» и тематически близкая ему повесть «Человек, которого любили деревья». В этих текстах наиболее четко раскрывается философия Блэквуда. Разочарованный в цивилизации мистик видел спасение для людей в полном слиянии с природой, с Землей, в растворении самой личности. Однако путь этот оказывается доступен не всем. Большинство «ненастоящих» людей так и обречено на прозябание в ничтожестве, а то и на посмертное страдание в плену собственных заблуждений... Замечает ли Блэквуд, что соглашается с немилыми его

сердцу проповедями о мириадах проклятых? Убежденные в чем-то люди редко замечают, сколь похожи на тех, с кем спорят.

Писатель яростно отстаивает одновременно перед христианами и материалистами свои запутанные оккультные взгляды. Глядя на образы зашоренных «верующих», трудно поверить, что их создавал человек поколения Г.К.Честертон, младший современник Дж.Макдональда и старший - К.С.Льюиса. С такими оппонентами Блэквуд спорить опасается, предпочитая тиражировать карикатурные образы фанатиков-пуритан. Но есть и другой Блэквуд - автор впечатляющей, жуткой и умной повести «Проклятые». Он разный: странный философ и талантливый писатель, скованный собственными догмами, не менее прочными, чем догмы его оппонентов.

Сергей Алексеев

Ф-РЕТРО: Сб. статей о старой фантастике.

Сост. Д.Володихин

Москва: Мануфактура, 2011. - 204 с.

2100 экз.

Еще совсем недавно все это мы захлеб читали, а они уже повесили ярлык «ретро». И притом правы. В этом году исполнилось 20 лет, как исчезла Советская Фантастика. Она имела свою специфику, судить ее с современных позиций нельзя - важно понять, какое значение она имела для развития жанра. Собственно оценке того, какую роль сыграли те или иные авторы в эпоху своего расцвета, и посвящен сборник.

Каждый автор не только выбрал своего писателя, но и свою манеру повествования. Г.Елисеев по возможности беспристрастно анализирует значение Ивана Ефремова. Н.Лазарева эмоционально рассказывает о Севере Гансовском. Г.Прашкевич вспоминает о своих личных встречах с Сергеем Снеговым, приводит отрывки из его писем. А.Гуларян и О.Третьяков дают обзор произведений на тему грядущей войны. Д.Володихин повествует о том, чем занимались АБС в годы перестройки. А.Бор рецензирует книгу Олега Дивова «Выбраковка» - что странно, это-то уж какое ретро?! Жемчужина российского блока сборника - статья С.Волкова «Обреченные на будущее» о «Граде обреченном» Стругацких. Автор, отмечая пророческие черты в романе, предельно убедителен в своих доводах.

В «зарубежном» блоке - С.Алексеев о Толкине и Говарде, Г.Жиляков о романе Урсулы Ле Гуин «Обездоленный», В.Баканов о генезисе американской НФ от 1950-х до наших дней.

Завершает сборник дискуссия Елисеева и Володихина о разных

вариантах «Улитки на склоне» АБС.

Сборник должен занять в умах любителей фантастики место, которое на телевидении занимала передача «Чтобы помнили». Современная российская НФ, как ни крути, выросла из фантастики советской. Этого нельзя забывать. За память - спасибо авторам сборника. Жаль только, что авторский состав ограничен активистами «Басткона», узковатый вышел взгляд.

Андрей Летаев

**Михаил ТЫРИН
ЛЕГИОНЫ ХАОСА**

Москва: Эксмо, 2011. - 384 с.

(Серия «Абсолютное оружие»).

3000 экз.

Новый роман Михаила Тырина представляет собой продолжение его же «Кладбища богов». Группа «попаданцев» из пяти особей перенесена вместе с целым городом из нашей реальности в фэнтезийный мир, где ведется соперничество между адептами «истинного» и «темного» знаний. Главный герой, Влад Самохин, бывший спецназовец, - классика «нашего крепыша в ихней маготени».

«Легионы хаоса» сделаны проще и небрежнее первой книги. «Кладбище богов» - крепкий приключенческий роман со вторичным фэнтезийным миром, сработанным основательно, с большой фантазией и широкими возможностями развития. Добротная работа. «Легионы хаоса» очень мало добавляют к этому миру, разве что предъявляют один из технических центров прежних его хозяев. Все прочее читатель уже видел. Плетение сюжета, диалоги, развитие характеров - все это сделано словно второпях, заметно ниже того уровня, на котором Тырин держался в прежних романах. И не только в звездной «Желтой линии», но и в Незамысловатом «Контрабандисте»... Радуют разве что батальные сцены - разного рода стычки и большие бои, обильно рассыпанные по ходу действия, и особенно штурм столицы мира, контролируемой сторонниками «темного» знания. Тут Тырин по-прежнему на высоте.

В финале группа «попаданцев» разделилась: кто-то перенесся в реальность-1, а кто-то остался в «стране прибытия» на ПМЖ. Отлично видна перспектива продолжить сериал об «украденном городе», но... это будет иметь смысл лишь при соблюдении определенных условий: если автор восстановит прежний литературный уровень и сумеет повернуть ситуацию в нарисованном им мире к чему-то по-настоящему неожиданному. Если же он собирается делать третий роман в духе

«еще немного приключений в том же славном месте», то, пожалуй, не стоит. Совсем не стоит.

Дмитрий Володихин

Эрик НИЛАНД

СЛУГИ СВЕТА, ВОИНЫ ТЬМЫ

Москва - СПб.: Эксмо-Домино, 2011. - 720 с.

Пер. с англ. Н.Сосновской.

(Серия «Книга-фантазия»).

3500 экз.

Эрик Ниланд - признанный мастер киберпанка, а также автор нескольких сделанных для Microsoft новеллизаций компьютерных игр, которыми он у нас в основном и известен. А пару лет назад писатель вдруг начал осваивать поле мистической городской фэнтези. В результате на свет появилась диалогия «Mortal Coils», первый роман которой нам теперь и представлен. В качестве образца для подражания Ниландом были избраны, что неудивительно, авторы давно минувшей «Новой волны», и в первую очередь покойный Р.Желязны. О чем бесхитростно сообщают нам авторы аннотаций и благожелательные критики.

Да, пожалуй, в теме сложной «божественной игры» якобы светлых и якобы темных сил нетрудно разглядеть тень Желязны - да и во многих эпизодах влияние мэтра весьма ощутимо. Но это явно не единственный источник вдохновения. Причем речь не только о классиках «Новой волны» Муркоке и Т.Ли. Образы юных героев, которые с рождения обладают необычным даром и должны исполнить великую миссию, вобрали в себя все предшествующие достижения подростковой фэнтези от Роулинг до Майер. И все это сдобрено обильным цитированием классических голливудских триллеров и ужастиков. Впрочем, заметим, цитирует Ниланд не без иронии и даже сарказма - по отношению, кажется, не столько к оригиналам, сколько к глотающим подобную жвачку читателям и зрителям.

Как бы то ни было, вторичность преподносится как бесспорное достоинство романа. И видимо, желая усилить это ощущение, русскому изданию дали новое название вместо оригинального «Mortal Coils». Вероятно, издатели полагают, что здешний читатель фэнтези ни Шекспиров, ни Хаксли разных не читал, монолог Гамлета дальше «not to be» не помнит, и ему что «бранный шум», что «покров земного чувства», что «тленная суета», что «Слуги света...» - все едино.

Сергей Алексеев

Артур КАНГИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ОДНОКЛАССНИКАМ С ДЖИННОМ ВАНЕЙ

Киев: журнал «Радуга», 2011. - 304 с.

Книга написана в редком для современной литературы направлении - сатирический роман-фантазмагория. С первых страниц текст вводит читателя в недоумение неожиданностью и неумемностью авторской фантазии. Главный герой - Юрий Козлов, «путешественник, вулканолог и плейбой». Он много странствовал и писал об этом книги. Но сейчас он заключает пари с самой «матушкой Смертью». Он обязуется вступить с ней в брак, а на свадьбу в качестве шафера привести одного из своих бывших одноклассников. Тогда костлявая сделает его «бессмертным, словно Горец». А учился Юрий Козлов в «мегасуперэлитной» школе вулканологов, и все его одноклассники стали мегазвездами. В приключениях Юру сопровождают русский джинн Ваня в кирзовых сапогах, телогрейке и с неизменной беломориной в зубах, а также говорящая зебра по имени Горбунок, которая умеет изменять «кармические столбы».

Среди бывших одноклассников Юры - писатели-беллетристы, звезды эстрады и даже магнаты; есть фальшивый граф и художница; есть банковский мошенник и революционер, взрывающий унитазы богачам; есть сатанист, принимающий буддизм, и математик, пытающийся математически вычислить Бога; есть порнозвезда, которая становится депутатом Госдумы, и киноактриса-неудачница; есть олигарх, уходящий в таежную землянку питаться ужами и ежами; и даже инопланетянин, сбжавший со своей планеты...

Автор доводит до гротескового безумия то реальное безумие, в котором живут современные россияне. Местами это смешно, местами - грустно. Как ни пытаются герои исправить жизнь в России - выходит только хуже. Они и коррупционеров отправляют на другую планету, и монархию вводят, и казаков заставляют сменить ориентацию... Не помогает. И лишь прямое вмешательство Бога позволяет вернуть «статус-кво». Но нет истинной веры - ни в положительных героях, ни в отрицательных, ни в ком. Поэтому - только «статус-кво», а не спасение...

Андрей Щербак-Жуков

Дмитрий ВОЛОДИХИН

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗАКОНА

Недавно читатели «Если» ответили на вопрос Алексея Пехова «Превращение мира известного автора в межавторский проект - насколько это интересно читателю?» (см. № 6 за этот год). Откликнулись более 1000 человек. Это свидетельствует о незаурядном интересе к теме межавторских проектов. Сколько вокруг них спорили, сколько их поносили, разносили, чуть ли не мертвыми с поля боя уносили, а читательский интерес к такого рода фантастике растет как на дрожжах. Итоги голосования не оставили равнодушным и постоянного автора журнала - известного московского писателя и критика.

Издатель примеряет на себя роль алхимика, ищущего философский камень в куче навоза. Вот это сделает из навоза золото? Нет. И это - нет. И вот то - нет... О, а здесь почему-то превращение началось... Но почему? Не всегда сам издатель понимает, в чем секрет успеха. Порой он просто пользуется тем, что по невыясненным причинам «выстрелило». А критики пытаются сформулировать, что именно фокусирует на межавторских проектах бешеный интерес читателей.

Между тем вопрос «Почему межавторские проекты получили колоссальную популярность?» на мой взгляд, абсолютно некорректен. Тут в самой формулировке заложена ошибка. Межавторские проекты вообще не более популярны, чем НФ, фэнтези или, скажем, мистика любых сортов и разновидностей. На протяжении последних полутора десятилетий в истории нашей фантастики межавторские проекты плодились, как грибы после дождя. Их были десятки! Некоторые из них заканчивались на второй книге, другие - на третьей, на пятой... Какие-то держались на плаву в течение года или даже более того. Но они не порождали ажиотажа среди читателей, не приносили невиданных прибылей издателю и весьма редко превращали участников проекта в писателей-звезд. Еще раз, на бис: подавляющее большинство межавторских проектов сгинуло без большого шума, оставив о себе очень недолгую память.

Итак, популярны не вообще межавторские проекты, а лишь очень немногие из них. Если не считать сериалов, построенных на англо-американской основе (русские продолжения «конанады», например), то громкую известность снискали всего-то пять-шесть отечественных проектных циклов. Притом те из них, которые выросли из ярких «авторских» миров (и получили комментарий в материале А.Пехова), не обязательно выходят на высший ярус успеха и славы. «Княжий пир», устроенный по мотивам славяно-киевской фэнтези Юрия Никитина, «Мир Волкодава», изготовленный по лекалам Марины Семенович, да «Обитаемый остров», только-только начавший

сгущаться над горами и полями планеты Саракш, по масштабу значительно уступают трем колоссам тиражности - сериалам «Этногенез», «С.Т.А.Л.К.Е.Р» и «Вселенная «Метро-2033». Лишь один из них, а именно последний, имеет литературный фундамент: он вышел из одноименного романа Дмитрия Глуховского.

Именно эта полудюжина (особенно три главных титана бестселлеристики) создает впечатление волшебного успеха межавторских проектов. В основе их продвижения к топу продаж совершенно не обязательно лежит чей-то яркий творческий стиль. Конечно, 27% из тех, кто отвечал на вопрос Алексея Пехова, хотели бы видеть среди сотворцов проектного мира авторов, равных по уровню тому, кто этот мир создал. Но, во-первых, у сталкерианы и «Этногенеза» фактически нет литературной первоосновы (мир черновыльских сталкеров весьма слабо связан с миром хармонтских сталкеров из повести братьев Стругацких «Пикник на обочине»). Тут и говорить не о чем. Во-вторых, весьма значительный процент участников межавторских проектов (в том числе и самых крупных) составляют фантасты, мягко говоря, посредственные. В-третьих, как сам Пехов разумно комментирует, «писатель подобного уровня должен быть другим топовым, известным автором. Который изначально желал и умел создавать собственные миры и «кровью и потом» добился признания. И у этого автора полно своих дел, книг, серий и миров. Ему совершенно, неинтересно влезать в чужой мир, быть на вторых ролях». Следовательно, читательский запрос на то, чтобы в сериалах работали только хорошие и отличные фантасты, был и остается невыполнимым мечтанием.

Важнее понимать другое: проектировщики «попадают» на золотую жилу только в том случае, когда они задевают в массовом сознании нечто очень важное.

Но что именно?

Есть ли какие-то общие черты самых успешных межавторских проектов, открывающие для них маршруты триумфального шествия по книжным прилавкам всей страны? Что их объединяет? Что в них стало той «кнопкой», которая включает читательскую жажду?

Конечно, каждый сериал и тем более каждый раскрытый межавторский проект - это, прежде всего, привлекательный для читателей мир. И одновременно это притягательный способ эскапизма. Уйти из реальности-1 можно и в Гондор, и в Зону отчуждения, и в чудовищное «Метро» Глуховского, и в уютный кабинет доктора Хауса. Основная проблема межавторского проекта состоит в том, чтобы создать мир, который не лишится мощной силы притяжения, даже если работают с ним средние или откровенно слабые авторы. Мир, который по условиям игры, а не по литературному уровню, действует на читателей, как удав Каа на бандерлогов.

Сами-то читатели признаются в этом без охоты. Только 10% от общего числа ответивших на вопрос Пехова нашли в себе мужество сказать правду: «С удовольствием почитаю еще о полюбившемся мире». И читают. Сметая с полок магазинов любые - вне зависимости от качества - тексты «о полюбившемся мире». Не было бы этого мира, и роман не выдержал бы тиража в 4000 экземпляров, а «в общей обойме» он легко дает все 40 тысяч.

На первый взгляд, общий элемент в нескольких мирах, породивших бестселлеры, отыскать нетрудно. У сталкерианы, метро-вселенной и анналов Саракша, в принципе, схожий антураж. Все это - посткатастрофные миры. И катастрофа во всех случаях имеет «рукотворный», техногенный характер.

Кошмары, заколосившиеся на месте прежнего катаклизма, во всех трех случаях имеют «родственный» видеоряд. Брошенная и ржавеющая техника. Руины городов. Подземелья. Радиация. Относительное безлюдье - если сравнивать с «доапокалиптическими временами». Скучный рацион. Мутанты и прочие чудовища, которые одним фактом своего существования вырабатывают у людей навык нажимать на спусковой крючок за мгновение до того, как включаются мозги и формулируется вопрос: «А надо ли?». Разного рода аномалии и ловушки. Тут и там рассыпанные гильзы. Военизированный быт.

Конечно, «Мир Волкодава» и «Княжий пир» основаны на патриотической славянике, да и сильно отставшая от них «Боярская сотня» также построена на древнерусском державном материале. Но это все были межавторские проекты, получившие широкую известность в прошлые годы. Они давным-давно растеряли капитал популярности, и, надо думать, главную роль тут сыграло то, что само время переменялось. Нужны были «славяне в кольце фронтов» - что ж, довольно долго их любили и читали о них с восторгом. Но теперь любят уже не столь пламенно, и восторги поутихли. А вот армейская ржавь, радиация и перестрелки в подземных туннелях стали действовать на массовое сознание возбуждающе.

И можно было бы сделать вывод, что в стране полыхнуло новое направление фантастики, какой-нибудь апокапанк, что поколение юнцов, знающих о войне только понаслышке да из книг, желает погрузиться в стрелковый экстрим на супербасах и чтобы вокруг царил мрак суровой безнадёги, но...

А как же тогда «Этногенез»? Он-то никак в эту картину не вписывается! Нет там никаких постапокалиптических картин, никакой радиации, никаких брошенных грузовиков и бродилова по андерграунду. Авторы «Этногенеза» вообще свободны в выборе места и времени действия. Древний Китай, Вторая мировая, Карибские моря в XVIII веке, современность... Да что угодно, по большому счету, лишь бы в центре повествования оказывались персоны с артефактами,

наделяющими владельца сверхспособностями. Где тут апокапанк? И близко не стояло.

А популярность «Этногенез» удерживает долго.

Видимо, фактор, обеспечивающий межавторскому проекту большой успех, связан не с ржавью и радиацией, а с чем-то, находящимся за пределами декораций.

Если внимательно взглядеться в посткатастрофные миры и миры «Этногенеза», то единственный тонкий мотив, связывающий одно с другим, обнаруживается. Можно его условно назвать «избавлением от Закона». Имеется в виду именно Закон с большой буквы -- установленный в обществе порядок, социальная норма. Это, своего рода необходимый груз. Каждый тащит его на своих плечах, ожидая, что в опасной ситуации Закон даст добропорядочному гражданину защиту и опору, выручит из беды и восстановит справедливость. Человек соблюдает Закон, «играет» в одной огромной «команде» общества и не ищет, где бы ему купить по дешевке «калаш», пока он чувствует, что лояльность приносит какие-то плоды, помогает выжить. Пока...

Когда в «С.Т.А.Л.К.Е.Ре» персонажи проходят за Периметр, в Зону отчуждения, они одновременно покидают места, где Закон действует. Законы самой Зоны - скорее, криминальные «понятия»: сталкерский кодекс плюс стихия бандитского беспредела. Внутри Периметра Закон исчезает. Все зависит от силы и опыта одиночки, да еще, может быть, от умения вписаться в «клан». А у «клана» никакого Закона быть в принципе не может. В лучшем случае - своя, местечковая версия «Бусидо».

Если взять «Вселенную «Метро-2033», то и там Закон сломан. Его обрушила война. Маленькие общины подземных жителей, конечно, сбиваются в стаи - коммунистов, ученых, верующих, анархистов, либералов и т.п. Но за пределами каждой «федерации», состоящей из одной или нескольких станций московского метрополитена, принятый на ее территории Закон не действует. А большого общего Закона нет. И персонажи могут путешествовать, примеряясь к тому, где им психологически вольготнее жить...

В «Обитаемом острове» старый Закон, работавший во времена довоенной монархии, уничтожен до основания. «Неизвестные отцы» пытаются огнем, мечом и башнями ПБЗ утвердить новый Закон, но хорошо вооруженные соседи, подполье и прогрессоры-земляне не очень-то дают выполнить эту задачу. Да и хорош ли этот самый новый Закон? Вот уж сомнительно...

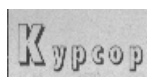
В «Этногенезе» каждая эпоха знает свой Закон. Но для человека, получившего драгоценный артефакт, появляется возможность встать над Законом: обмануть его, разрушить или переменить. А заодно с Законом, порой, перенаправить и весь ход истории. В нашей

реальности одиночке невероятно трудно изменить в мире что-либо серьезное, фундаментальное. А этногенезовский персонаж, зажав в руке очередную волшебную фигурку, может обрушить общественный строй, свергнуть правителя или же подарить победу в большом военном столкновении тому, кто и не мечтал о ней. Иначе говоря, он сам становится живой катастрофой, разрушителем Закона.

Напрашивается вывод: читатель желает погружаться в миры, где у него есть возможность сбросить Закон с плеч. Так было не всегда. Самые известные русские межавторские проекты 1990-х, да и огромное количество англо-американских, ничего подобного в себе не несут...

Популярность «С.Т.А.Л.К.Е.Ра», «Метро» и «Этногенеза» зашкаливает за рамки простого литературного успеха. Вернее всего, они очень хорошо соответствуют нынешнему состоянию умов. Это как раз тот случай, когда фантастика играет роль идеального зеркала для общества: если такое читают с упоением - значит, огромные массы людей подошли к опасной грани. Им уже не кажется, что лояльная позиция по нынешним временам вполне оправданна. Горючего материала скопилось многовато...

Ведь когда человек по несколько раз переводит взгляд от бочки с бензином к огоньку зажигалки, а потом обратно, это диагноз, не так ли?

Курсор

Мультифильм «Последний человек из Атлантиды» снят отечественными компаниями «INLAY Film» и «Ангел Анима» по мотивам произведений Александра Беляева «Последний человек из Атлантиды» и «Человек-амфибия». Давным-давно верховный жрец Адишарна в преддверии гибели цивилизации заковал в мрамор бессмертия нескольких соплеменников, дабы они, спустя время, смогли вновь явить Атлантиду миру. Среди избранных и молодой красавец Ихтиандр. Попав волею случая в наше время, юноша оказывается перед серьезным выбором: оставить людей с их проблемами и спрятаться в мрамор бессмертия до лучших времен или потерять Атлантиду, став смертным, обретая при этом любовь... Сценарий написали Влад Барбэ, ставший режиссером-постановщиком фильма, и Александр Атанесян. Композитор - Сергей Чекрызов из «Несчастливого случая». Роли озвучивают звезды российского кино

Армен Джигарханян, Михаил Ефремов, Виктор Вержбицкий, Алексей Панин, Рината Литвинова. В ленте также прозвучат песни Анжелики Варум, Леонида Агутина и других.

📌 **Объявлены лауреаты** двух престижных наград мемориальных премий - Джона Кэмпбелла (вручается за лучший роман) и Теодора Старджона (за рассказ). Первую получил Ян Макдональд за книгу «Дом дервиша», вторую - новелла Джеффри Лэндиса «Султан облаков».

📌 **Студия Warner Bros.** планирует заняться киноверсией серии комиксов «Красная звезда». Продюсировать кино будут Нил Мориц и Джейсон Неттер. В 1999 году Кристиан Госсетт создал цикл комиксов об альтернативной истории СССР, где технологии будущего успешно сочетались с магией. Главные герои - солдат «Красного флота» Маркус Антарес и его жена Майя - неожиданно оказываются ключевыми фигурами в борьбе против жестокого правителя и его подручных. Маркус в составе флотилии отправляется в Аль'Нистаани (альтернативный Афганистан), однако против вторжения чужого войска протестует древний хранитель Нистаани. Вторжение отбито, и Маркус не погибает - его спасает таинственная Красная Женщина, не позволившая душе солдата попасть в лапы колдуну по имени Тройка. Изначально режиссером проекта планировался Тимур Бекмамбетов, однако в данный момент кандидатура постановщика еще не утверждена.

📌 **Самый известный** в мире англоязычной фантастики критико-публицистический журнал «Локус» назвал лауреатов своей ежегодной премии Locus Awards, присуждаемой по результатам опроса подписчиков журнала. Лучшим НФ-романом 2010 года стала дилогия «Блэкаут» и «Все чисто» Конни Уиллис, уже успевшая получить «Небьюлу». Лучшим фэнтези-романом назван «Кракен» Чайны Мьевилля. В номинации «Дебют» первенствовал роман «Сто тысяч королевств» Н.К.Джемисин. Лучшим произведением для молодых читателей признана книга «Корабельное кладбище» Паоло Бачигалупи. Лучшей повестью названа «Жизненный цикл программных объектов» Тэда Чана.

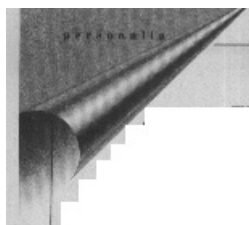
📌 **Очередные две** экранизации классики готовятся за океаном. Киноверсию поэмы Джона Мильтона «Потерянный Рай» планирует снять в 3D с применением модной технологии motion capture знаменитый австралиец Алекс Пройас. Сценарий написал Стюарт Хазелдайн, главная роль досталась Брэдли Куперу. Антиутопия Джорджа Оруэлла «Скотный двор» будет перенесена на экран уже в третий раз, и опять в мультипликационном виде. Режиссером назначен

Руперт Уайатт, продюсирует проект Энди Серкис.

♣ **В Санкт-Петербурге** 21 июня, в день, равноотстоящий от дней рождения братьев Стругацких, состоялась очередная церемония вручения премии им. Аркадия и Бориса Стругацких («АБС-премии»). Семигранные гайки и денежные призы в этот раз достались роману Вячеслава Рыбакова «Се, творю» в категории «Художественное произведение» и книге Геннадия Прашкевича «Герберт Уэллс» в номинации «Критика и публицистика».

♣ **Становится модным** снимать игровые байопики об известных фантастах. Компания Moving Pictures планирует фильм о жизни Рода Серлинга - писателя-фантаста и одного из пионеров телевидения. Его вдова Кэрол Серлинг выступит одним из продюсеров картины. Род Серлинг (1924-1975) знаменит прежде всего тем, что в в конце шестидесятых создал сериал «Сумеречная зона», на многие годы определивший развитие кино- и телефантастики. Сценарий фильма пишет Стенли Уэйзер.

Агентство F-пресс

personalia

БУЛЫГА Сергей Алексеевич

Белорусский писатель-фантаст родился в 1953 году в Минске, где проживает по сей день. Окончил Белорусский политехнический институт и Высшие сценарные курсы при Госкино СССР. По основной профессии - инженер-электрик.

Первое появление в печати - реалистический рассказ «Туман» (1980); спустя пять лет состоялся и жанровый дебют - рассказ «Украденный остров». В течение 1980-1990-х в периодике и в сборниках ВТО МПФ выходили рассказы и повести С.Булыги, а в 1997 году увидело свет первое крупное произведение автора - роман «Железный волк». Перу Сергея Булыги принадлежат также книги «Ведьмино отродье» (2002), «Черная сага» (2002), «Чужая корона» (2004), «Шпоры на босу ногу»

(2006), «Жаркое лето 1762-го» (2009). В 2005-м «Чужая корона» получила премию имени Ивана Ефремова как лучшая НФ-книга 2004 года.

ЗРУБИНА Дарья Николаевна

Родилась в 1982 году в г. Иваново. Высшее образование получила на филологическом факультете Ивановского университета, там же защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Виктора Пелевина. Сменила множество профессий: работала токарем, прорисовщиком мультфильмов, копирайтером, учителем русского языка и литературы, вожатой в летнем лагере, редактором на проводном радио. С 2008 года - преподаватель кафедры русского языка (как иностранного) Ивановской государственной медицинской академии.

В 17 лет выпустила поэтический сборник «Я звонкие крылья расправлю», а в 2003 году обратилась к прозе. Жанровым дебютом стали повесть «Лента Мёбиуса» в сборнике «Время учеников: Важнейшее из искусств» (2011) и рассказ «Мираклин» в сборнике «Антисталкер» (2011).

КАНЬТОХ Анна (KANTON, Anna)

Анна Каньтох родилась в 1976 году в Катовице, Польша. Окончила восточный факультет Ягеллонского университета по специальности арабистика. Позже вернулась в Катовице, где в настоящее время работает в туристической фирме. Член Силезского клуба любителей фантастики.

Дебютировала в 2004 году рассказом «Дьявол на башне», напечатанном в журнале «Science Fiction». Опубликованный в 2008 году рассказ «Миры Данте» был в 2009-м удостоен премии имени Януша Зайделя - самой престижной награды польского фэндома. В 2010 году получила ту же премию за повесть «Предлунные».

Регулярно публикует рецензии на книги и фильмы для интернет-издания «Avatarae», в котором читателям было предложено продолжение «Дьявола на башне» - «Черная Саисса». В настоящее время постоянный автор интернет-журнала «Esensja». В 2005 году в издательстве «Фабрика слов» вышел сборник рассказов «Дьявол на башне», объединенных общим героем Домеником Джорданом.

**КОУДРИ Альберт
(COWDREY, Albert E.)**

Американский писатель и военный историк Альберт Коудри родился в 1933 году. После окончания университета работал чиновником Пентагона (заведовал отделом «специальных исторических исследований» и опубликовал несколько книг по истории военной медицины), но затем оставил службу, чтобы полностью сосредоточиться на литературной работе.

В фантастике Коудри дебютировал рассказом «Счастливые люди» (1968), напечатанным в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», с которым писатель не прекращает творческое содружество: большинство его опубликованных на сей день рассказов вышло в этом издании. Писатель также выпустил роман «Крукс» (2004), основанный на цикле новелл. Рассказ «Королева на день» (2001) принес автору Всемирную премию фэнтези, на эту же премию номинировалась повесть «Сверххусмотрящий» (2008), а повесть «Племена Белы» (2004) - на премию «Небьюла». Творческий конек Коудри - это рассказы на стыке «ненаучной» фантастики и «литературы ужасов», однако ряд произведений выполнен в жанре «твердой» science fiction. В настоящее время живет в Новом Орлеане, выбрав этот город местом действия многих своих произведений.

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 4 за этот год)

О своем вхождении в литературу петербургский фантаст писал в автобиографии: «Меня случайно занесло в Дом писателя на Воинова, 14. И я умудрился попасть прямиком на самое первое заседание семинара Б.Н.Стругацкого. Там мне и объяснили, что я, оказывается, пытаюсь писать, но просто еще не умею. Произошло это событие в марте 1974 года. С этого времени я и отсчитываю свой писательский стаж».

ЛУКИН Евгений Юрьевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 7 за этот год)

«Русская литература по своей природе, исторически всегда была романной. Мастеровитых рассказчиков в нашей истории по пальцам двух рук сосчитать. Рассказ - не роман, форма трудная, капризная, тут особенный талант нужен. Рассказчики - это, если хотите, элита литературы, ВДВ словесности. И министр этого «подразделения», вне

всякого сомнения, Евгений Юрьевич Лукин».

СТОДДАРД Джеймс (STODDARD, James)

Американский писатель и инженер звукозаписи Джеймс Стоддард свой первый фантастический рассказ «Отличный день» напечатал в 1985 году под псевдонимом Джеймс Терпим. С тех пор Стоддард, специализирующийся в жанре фэнтези, выпустил два романа и около десятка рассказов. В настоящее время проживает в штате Техас, где преподает основы звукозаписи.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Русская латвийская писательница родилась в 1951 году в Риге, Латвия. Окончила филологический факультет Латвийского госуниверситета им. П.Стучки. В 1974 году стала сотрудничать с республиканской газетой «Советская молодежь» и с тех пор с журналистикой не расстается. В том же году начала публиковаться как поэт, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», опубликованная в журнале «Даугава» (1981). В 1984-м увидел свет первый авторский сборник детективных произведений Трускиновской, название которому дала повесть-дебют. Иронические детективы рижской писательницы объединены в нескольких сборниках - «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995) и других. Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

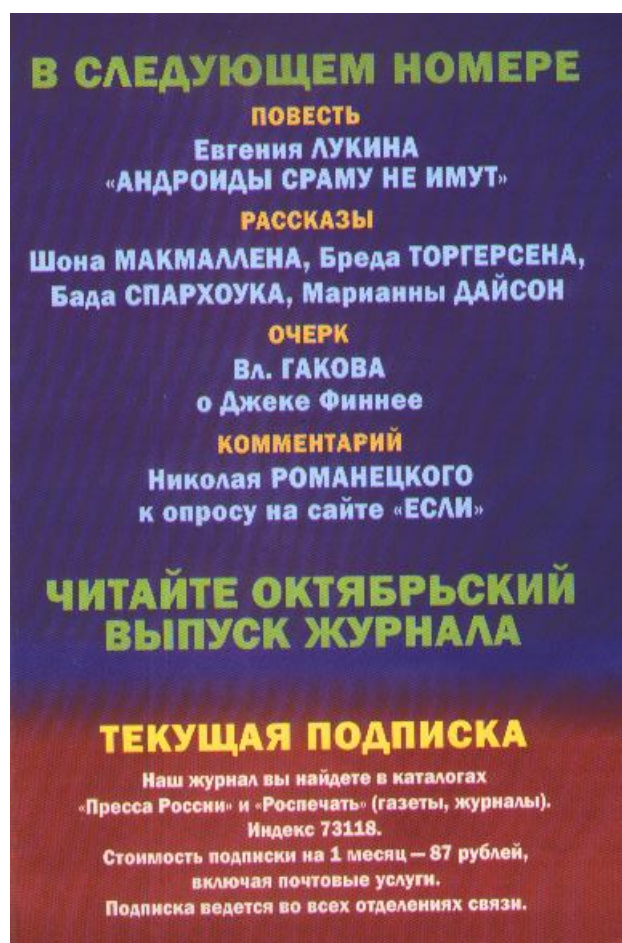
Участница семинаров ВТО МПФ, Далия Трускиновская впервые выступила в фантастике в 1983 году с повестью «Бессмертный Дим», однако широкую известность ей принесла повесть в жанре городской фэнтези - «Дверинда» (1990). Перу рижской писательницы принадлежат книги фантастической и историко-детективно-фантастической прозы: «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Дайте место гневу Божию» (2003), «Окаянная сила» (2005), «Дурни вавилонские» (2010), «Скрипка некроманта» (2010) и другие.

Дважды, в 2001 и 2002 годах, писательница становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». Кроме того, на ее счету премии фестивалей «Фанкон» (1997) и «Зиланткон»(2000).

**УОЛЛЕС Кэли
(WALLACE, Kali)**

Американка Кэли Уоллес делает первые шаги в научной фантастике: Приняв участие в одном из семинаров молодых фантастов Clarion в прошлом году, нынче она дебютировала рассказами «Ботанические упражнения для девочек» (он предлагается вниманию читателей в этом номере «Если») и «Human Skeleton. Irregular».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ
Евгения ЛУКИНА «АНДРОИДЫ СРАМУ НЕ ИМУТ»

РАССКАЗЫ
Шона МАКМАЛЛЕНА, Бреда ТОРГЕРСЕНА, Бада СПАРХОУКА,

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера